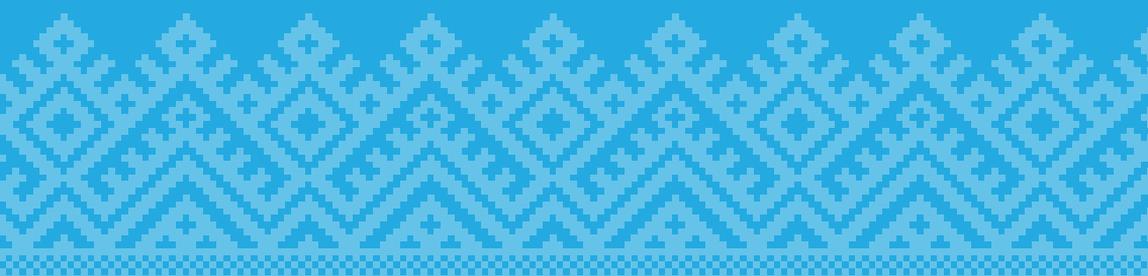

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИВЕТТА МАНУЧАРЯН

ТИПОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И.К. МАНУЧАРЯН

**ТИПОЛОГИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

**ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕГУ
2021**

УДК 811.16'373

ББК 81.41-3

М 240

*ЕРЕВАНСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ УНИВЕРСИТЕТУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

*Печатается по решению Ученого совета
факультета русской филологии ЕГУ.*

Манучарян И.К.

М 240 Типология славянских языков/ И.К. Манучарян. – Ер.,
Изд-во ЕГУ, 2021, 368 с.

В книге дается описание славянского мира: славянских стран, славянских народов, систем славянского письма. Представлено типологическое описание современных славянских языков: рассматриваются их лексические, фонетические, грамматические особенности, в том числе некоторые категории предложения и текста. Исследование проводится в сравнительно-историческом аспекте, позволяющем выявить универсалии и индивидуалии, логику и динамику их появления и сохранения в языковых системах славянского мира.

Книга адресована будущим бакалаврам и магистрам, аспирантам филологических факультетов, лингвистам, а также всем, кого интересуют славянский мир и проблемы славянского языкознания.

УДК 811.16'373

ББК 81.41-3

ISBN 978-5-8084-2491-3

DOI: <https://doi.org/10.46991/YSUPH/9785808424913>

© Издательство ЕГУ, 2021

© Манучарян И.К., 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Славянский мир представляет собой уникальное явление: на обширных территориях Западной и Восточной Европы проживают близкородственные славянские народы в славянских государствах и пользуются своими славянскими языками.

Исторические данные убедительно говорят о том, что все славянские языки восходят к праславянскому языку, который, в свою очередь, выделился из общиндоевропейского языка-основы, и это объясняет поразительные сходства в фонетических, лексических, грамматических системах славянских языков.

Существуют также определенные сходства и параллели в языковых системах славянских и неславянских языков: это объясняется их индоевропейским «общим прошлым», хоть и очень отдаленным. Сам праславянский язык, распространившись на все больших территориях, распался на отдельные славянские языки приблизительно на рубеже IV-III тысячелетий до н.э.

На протяжении веков раздельного существования и развития славянских языков происходили определенные изменения, появлялись новации в их системах. Типологически универсальных явлений в славянских языках много и сегодня, и они являются ядром и генетической сутью рассматриваемых языков. В то же время интересными, как нам представляется, оказываются и индивидуалии, которыми отличаются славянские языки друг от друга. Эти расхождения появились в них в ходе их раздельного исторического развития, и они обусловлены большой и сложной историей народов-носителей славянских языков, которая, как правило, находит отражение в языке.

В настоящем исследовании анализируются славянские языки на разных уровнях: в лексике и фонетике, а также в грамматическом строе. Рассматриваются имя существительное, глагол, местоимение, имя прилагательное в разных славянских языках;

анализируются также некоторые, наиболее интересные проблемы славянского синтаксиса простого предложения.

В исследовании отмечаются и отдельные параллели, сходства, сохранившиеся с древности на разных языковых уровнях между индоевропейскими славянскими языками и индоевропейским армянским языком.

В Приложении №1 приводится один и тот же отрывок из книги Н.А. Островского «Как закалялась сталь» в переводе на разные славянские языки, что позволит читателю обратить внимание на сходства и расхождения даже на материале этого небольшого фрагмента.

В Приложении № 2 приводятся задания и вопросы ко всем четырем разделам книги для обсуждения и самоконтроля.

В процессе работы мы обращались к трудам известных славистов и историков языка, таких как С.Б. Бернштейн, В.И. Борковский, Р. Бошкович, А. Вайан, В.В. Иванов, Н.А. Кондрашов, Ю.С. Маслов, А. Мейе, М.Л. Ремнева, А.Е. Супрун, Б.А. Успенский, Г.А. Хабургаев, К.И. Ходова и др.

Студентам, обучающимся на факультете русской филологии, чрезвычайно полезно, даже необходимо знакомство со славянским миром и славянской культурой, а также со славянскими языками после прохождения курсов «Старославянский язык», «Историческая грамматика русского языка», «История русского литературного языка», «Исторический комментарий к явлениям современного русского языка». Это будет способствовать созданию целостной картины развития не только русского языка, но и других славянских языков, что необходимо для формирования лингвиста-русиста с широким кругозором.

Книга адресована студентам, будущим бакалаврам и в большей степени магистрам, а также всем лингвистам, интересующимся вопросами славяноведения.

С любовью посвящаю книгу Ереванскому государственному университету, в котором я проработала 55 лет.

*Время изменяет все, и нет
никаких оснований считать,
что на язык это универсальное
положение не распространяется.
Фердинанд де Соссюр*

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ СЛАВЯНСКИЙ МИР

ГЛАВА 1.1. СОВРЕМЕННЫЕ СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

Славянский мир представлен многочисленной группой народов, занимающих обширную территорию Европы. Славян объединяет общность происхождения и близость их языков. Ученые полагают, что истоки славянской истории лежат в конце III и во II тысячелетии до нашей эры. В славистике считается, что у славян в древности было единое племя или группа племен, положивших начало близкородственным славянским народностям. Впоследствии в результате интенсивных миграционных процессов славяне распространились на обширных землях Западной и Восточной Европы, откуда и произошли многочисленные древнеславянские племена, из которых позднее сформировались славянские народы. Вот почему сами славяне характеризуются не только большим сходством во всех смыслах, а также немалыми различиями во многих сферах жизни, в том числе и в языке, что вызвано разными причинами – территориальной разобщенностью, образом жизни, конфессиональной принадлежностью и рядом других причин.

В названии «славяне» выделяется корень *слав-*, *слов-*, который встречается в наименованиях различных славянских народов: *словаки*, *словенцы*, *словинцы*, а также в родовом названии *славяне*. Многие ученые задавались вопросом, какова этимология

этого корня. Высказывались разные точки зрения на этот счет, одна из которых, например, такова: в Смоленской области в России протекает река Служа (отметим, что в славянских языках и сегодня существует чередование *y//ov* – например, *кую//ковать*), назовем названия рек в Польше *Slawa, Slawica*, также сербское название *Славница* и др., по мнению ученых такова этимология слова *славяне*. Этой точки зрения придерживался, например, польский академик Т. Лер-Сплавинский [Лер-Сплавинский 1954: 70]. По мнению других ученых, рассматриваемый этноним происходит от индоевропейского **slauos* в значении «народ» с *ц*-неслоговым [Бернштейн 1974: 57]. Есть еще одна точка зрения, которую высказывали и другие исследователи, согласно которой корень *слав* этимологически восходит к лексеме *слово*. Как бы то ни было, данный корень во всех славянских языках встречается во многих лексемах и отличается особой распространенностью.

Современные славянские народы по территориям их расселения и по общим чертам, вызванным в немалой степени географическим фактором их компактного проживания, максимально близки друг другу и объединяются в восточнославянскую, западнославянскую и южнославянскую группы. Славянские народы, входящие в указанные группы по компактности расселения, характеризуются максимально сходными чертами.

Восточнославянская группа представлена русскими, украинцами, белорусами и занимает самую большую территорию в славянском мире.

Древнерусская народность населяла Киевскую Русь, древнерусским языком пользовались предки русских, украинцев и белорусов. В XIV-XV вв. вследствие переноса центра восточного славянства из Киевской Руси в Московскую Русь произошел распад древнерусского языка на три отдельных восточнославянских языка – на русский, украинский, белорусский языки. Самым многочисленным из всех славянских народов является русский народ, который компактно проживает не только на территории

Восточной Европы, но и в Азии, вплоть до Тихого океана. Отметим, что сегодня русские живут во многих странах мира.

Западнославянская группа представлена поляками, чехами, словаками, а также лужицкими сербами. В группу западных славян некогда входили также кашубы, словинцы и полабы, которые со временем ассимилировались. Кашубы стали частью польского этноса, примерно та же ситуация сложилась и с другим древним западнославянским этносом – словинцами. Они проживали в Паннонии, на территории современной Венгрии, и в настоящее время не составляют отдельного славянского народа: в X в. из Предуралья в Паннонию мигрировали племена угров и заняли эту территорию. О былом проживании словинцев, т.е. славян, на территории современной Венгрии свидетельствуют, например, старые славянские топонимы и гидронимы: так, название самого большого по величине озера Балатон в современной Венгрии восходит к тому же корню, что и *болото* (русское), *блато* (южнослав.), *bláto – bloto* (чешск. и польск. соответственно). Что касается полабов (полабян), то они, как известно, проживали на территории между реками Лаба и Одра (германские названия – Эльба и Одер соответственно). Это и предопределило их дальнейшую судьбу: живя в германском окружении, полабы постепенно теряли самостоятельность и этническую идентичность. В конечном итоге, они ассимилировались германцами. От полабов отделилась лишь одна часть – лужицкие сербы, которым удалось сохранить самостоятельность, этническое самосознание и язык до сегодняшнего дня.

Южнославянская группа представлена болгарами, македонцами, сербами, хорватами, черногорцами, боснийцами, герцеговинцами, словенцами. Южнославянские народы по своим особенностям подразделяются на две группы – восточную, куда входят болгары и македонцы, и западную, включающую словенский, сербский и хорватский народы. Из южных славян компактным проживанием характеризуются более всего болгары и

словенцы. Такое отсутствие компактности в расселении южных славян было вызвано тем, что они проживали в древности на такой огромной территории, как Балканы, по соседству с не-славянскими народами, влияние которых было немалым, а это создавало достаточно пеструю картину.

Современные славянские народы различаются и своей конфессиональной принадлежностью. В подавляющей части славянство придерживается христианства в его разновидностях, что обусловлено историческими причинами. Восточные славяне, в основном, исповедуют православную ветвь христианства, это было связано с православием Византии, откуда и пришло христианство в Киевскую Русь. Однако в Украине достаточное распространение имеет и католичество, особенно в тех ее регионах, которые исторически были связаны с Польшей и Литвой. В Украине действует и униатская церковь, которую можно назвать также греко-католической: в этом случае признается католическая церковь, но в ней исполняются православные обряды. Эти разновидности христианства установились в Восточной Европе в результате долгой борьбы между ветвями христианства за господство над ее обширной территорией.

Западные славяне являются преимущественно католиками, а также в меньшей степени протестантами, поэтому в западно-славянских костелах обряды проводятся на латинском языке. Среди западных славян в силу исторических связей с католическим миром православие прижилось в меньшей степени, чем среди восточных и южных славян. В Польше, Чехии и Словакии подавляющая часть населения придерживается католичества. Лужицкие сербы, живущие на территории Германии, исповедуют в большей степени протестантизм (лютеранство), но и католичество. Отметим, что католичество оказало сильное воздействие на культуру и язык западного славянства.

Интересная и достаточно пестрая картина складывается у южных славян: во многих южнославянских странах они испо-

ведуют христианство, преимущественно православие и католичество, а также ислам. Так, в Болгарии, Македонии, Сербии, Черногории славянское население придерживается большей частью христианства по православной обрядности. В Хорватии и Словении основная часть славянского населения – католики, причем особую приверженность католичеству проявляют хорваты. Боснийцы и герцеговинцы исповедуют в большей степени мусульманство, в то же время меньшая часть славянского населения Боснии и Герцеговины исповедует христианство в его разновидностях – в первую очередь, православие, а также католичество и протестантизм. Такая картина вызвана тем, что южные славяне, с одной стороны, испытывали большое влияние Византии, а с другой стороны, продолжительное время находились под властью Порты Оттоманской. Так, подавляющая часть боснийцев – мусульмане, это потомки тех славян, которые во времена турецкого господства приняли ислам.

Конфессиональные различия, наблюдаемые у разных славянских народов, представителей славянского мира, оказали большое воздействие на все стороны их жизни как материальной, так и духовной.

ГЛАВА 1.2.

СЛАВЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Славянские государства имеют длительную и сложную историю существования. Первым зафиксированным в истории славянским государством было Болгарское царство, существовавшее в VII-VIII вв. Оно было создано пришедшей с востока болгарской (тюркской) ордой: как известно, племена болгар проживали в Предуралье. Болгарская орда, пришедшая на Балканы, сформировала Болгарское царство, население которого, однако, было славянским, автохтонным. Уже через 2-3 столетия это царство

прекратило свое существование, и от этого периода осталось лишь название, которое и стало этнонимом для местной славянской народности.

У западных славян древнейшим государственным образованием было раннефеодальное государство, возглавляемое князем Сáмо. Оно объединяло западных и отчасти южных славян и просуществовало с 623 г. по 658 г., его население составляли чехи, мораване, серболужичане и словенцы, однако после смерти князя Сáмо, правившего на протяжении 35 лет, это государство распалось. На смену ему в 830 г. на карте Европы появилось Велико-моравское княжество, одно из крупнейших государств Западной Европы, располагавшееся на территории современной Чехии и частично Венгрии. Оно включало в свой состав земли чехов, словаков, серболужичан, в некоторой степени поляков и хорватов, а также словинцев. Великая Моравия, сыгравшая большую роль в жизни славян, просуществовала до 906 г. и распалась из-за пришедших с востока угров, занявших территорию Паннонии (современная Венгрия). Великая Моравия, перестав существовать как независимое государство уже в начале X в., оказалась под сильным влиянием германского государства.

Истории известно также еще одно государство западных славян – это Польское государство, возникшее в IX в. и достигшее в начале XII в. большой мощи. Но примерно к середине XII в. произошло ослабление Польского государства: шел ярко выраженный процесс германской колонизации и наблюдался переход польских земель под власть германского государства.

Первые сообщения о государстве восточных славян относятся к VII в. Уже с IX в. Киевская Русь – территория восточных славян – стала крупнейшим государством в Европе. В IX-X вв. в составе Киевской Руси находилось уже 24 города, что свидетельствует о ее значительности. В пределах Киевской Руси формируется древнерусская народность, которая позднее дала начало трем восточнославянским народам.

Таким образом, после распада праславянского языка у славян уже сложились известные истории государственных образования.

В настоящее время страны славянского мира представлены целым рядом государств, занимающих разные по величине территории, имеющих соответственно разное в количественном отношении народонаселение и обладающих неодинаковым политическим, экономическим и культурным весом в мире.

Восточные славяне занимают территорию Восточной Европы и проживают компактно на территориях, относящихся сегодня к России, Украине и Беларуси.

Как уже отмечалось, самым старым государственным образованием восточных славян была Киевская Русь, центр политической, экономической, культурной жизни древних восточных славян. В XIII в. на арену государственной жизни выдвигается Москва и формируется Московская Русь (т.н. Московия), которая принимает на себя все основные сферы государственной жизни. Таким образом, Московская Русь становится центром государства великорусов: это обстоятельство сыграло исключительную роль в жизни восточных славян и положило начало образованию и формированию трех восточнославянских народов – русских, украинцев и белорусов, раздельная история которых начинается уже с XIV в.

Российская Федерация (РФ) – самое большое современное славянское государство, которое занимает обширную территорию в пределах Восточной Европы и Сибири вплоть до Тихого океана. Титульная нация представлена русскими, число которых составляет более 142 млн. человек, однако в РФ издавна проживают представители разных народов¹. Кроме того, компактно проживающее нерусское, автохтонное население разных регионов традиционно объединено в автономные образования – Татарстан, Мордовия, Башкирия, Чувашия, Марий Эл, Ингушетия и др.

---

¹ Здесь приводятся данные последней Всероссийской переписи, проводившейся в 2010 году.

Центром административно-государственной, политической, экономической, культурной жизни РФ является Москва – одна из великих столиц мира, издавна занимавшая ключевые позиции во многих сторонах европейской жизни. Значимость Москвы отражает старинная поговорка, родившаяся в XV в., в период второго южнославянского влияния: «Москва – третий Рим, четвертому не бывать».

Украина – второе по величине восточнославянское государство, колыбель государственности восточных славян. Киевская Русь была одним из древнейших славянских государственных образований, обладающих немалым весом в ряду европейских государств. Киев – столица Украины, древний город, построенный, согласно легенде, братьями Кием, Щеком и Хоривом и названный по имени старшего брата Кия (этимологически слово *Киев* представляет собой притяжательное прилагательное, имевшее значение *принадлежащий Киею*). Об этом нам рассказывает легенда, помещенная в текст летописи «Повесть временных лет», написанной летописцем Нестором в 1113 г.: «...быша три брата, единому имя Кьи, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. <...> И створиша градъ во имя брата своего старейшаго и нарекоша имя ему Кыевъ. – И было три брата, одного звали Кий, другого – Щек, а третьего – Хорив, и была у них сестра Лыбедь. И построили город и в честь брата своего старшего назвали его Киевом». Поскольку Киев был стольным градом Киевской Руси, он многократно упоминается во многих памятниках, литературных и деловых. В древности Киевская Русь привлекала к себе пристальное внимание иноземцев и неоднократно была объектом их захватнических устремлений и действий, особенно правителей Византийской империи. Сегодня Киев является крупным центром политической, экономической, культурной жизни Украины. Титульное население, украинцы, по данным последней, т.н. «электронной», переписи на январь 2020 г., составляет 37, 289 млн. человек.

Беларусь – третье восточнославянское государство, столицей его является город Минск. Беларусь занимает большую территорию в 208 тыс. кв.км. Титульное население – белорусы, численность которых по данным переписи на 1 января 2018 г. составляет 9 млн. 491 тыс. человек. Так же, как русские и украинцы, белорусы выделились из древнерусской народности. Первыми государственными образованиями на территории Беларуси были Полоцкое, Туровское, Смоленское княжества. Еще в период Полоцкого и Туровского княжеств (X в.-первая половина XIII в.) появились предпосылки отделения населения нынешней Беларуси от населения остальной части Киевской Руси.

Несмотря на общность происхождения, культурных обычаев и традиций, а также языка, Беларусь стремилась обособиться от Киевской Руси. В XIV в. Туровское княжество было присоединено в Литовскому княжеству. Все эти исторические события отразились и в языке. Поэтому, несмотря на длительное совместное проживание восточнославянских народов, имеющих много общих национальных черт, в достаточной степени их языки различаются и ярко выраженными особенностями.

Западные славяне живут на территориях, которые граничат на западе с Германией, а на юге – с Австрией и Венгрией. На севере естественной границей западнославянских территорий служит Балтийское море. С востока земли западных славян граничат с восточнославянскими странами – с Беларусью и Украиной.

Польша является самым крупным государством западных славян, в котором титульной нацией являются поляки, самый многочисленный западнославянский народ, составляющий сегодня 38,6 млн. человек (данные конца 2018 г.). Столица – город Варшава. В Польше проживают также кашубы, которые сегодня считаются частью польского этноса и составляют немногочисленное по количеству население, всего около 500 тыс. человек.

Чехия – второе по величине территории после Польши западнославянское государство, титульное население которого че-

хи, по данным переписи 2017 г., составляет 10,5 млн. человек. Чехия расположена на важном перекрестке путей в самом центре Европы. Столицей Чехии является древний город Прага, который благодаря своей красоте по праву называется Злата Прага (Zlatá Praha).

Словакия – западнославянское государство, столицей которого является город Братислава. Титульное население Словакии составляют словаки, представляющие основное население государства, которое, согласно данным 2018 г., составляет 5,435 млн. человек. С 1945 г. по 1991 г. существовало федеративное государство Чехословакия со столицей Прага, объединявшее чехов и словаков. Два славянских народа в настоящее время проживают на своих территориях в отдельных суверенных государствах – в Чехии и Словакии в результате т.н. «бархатной» революции и согласно волеизъявлению чешского и словацкого народов.

Лужицкие сербы (верхние и нижние) проживают на территории Германии, это самый малочисленный славянский народ. По последним данным считается, что численность лужичан в Германии составляет около 60 тыс. человек. Этноним *сербы* представляет собой самоназвание, немецкое же название их *сорбы*. Название *лужичане* восходит к топониму Лужица, месту их проживания (слово *Лужица* образовано от слова *лужа*, территория эта болотистая, чем и объясняется топоним). Лужицких сербов принято называть также серболужичанами, чтобы отграничить от южнославянских сербов. Лужичане в свое время отделились от полабов, которые полностью ассимилировались, и сохранили свою этническую самостоятельность: им предоставлена культурная автономия (центр – город Будишин, германское название – Баутцен). Это дает возможность серболужичанам получать образование на родном языке, печатать газеты и книги, иметь национальные театры и культурные центры. Лужичане обладают уникальной культурой, историей, серболужицким языком с его особенностями. В Германии они официально считаются национальным меньшинством.

Южнославянские государства расположены на Балканском полуострове. Среди южнославянских государств отметим, в первую очередь, **Болгарию**, которая представляет собой самое большое по занимаемой территории южнославянское государство: его территория составляет 111 тыс. кв. км. Население Болгарии, по данным переписи 2017 г., составляет более 7 млн. человек, титульная нация – болгары. Столица Болгарии – город София. Болгария относится к числу самых древних славянских государственных образований, ей принадлежит значительная роль в укреплении и распространении старославянского языка как литературного языка славян, основанного на древнеболгарском языке. Именно на территории Болгарии протекала плодотворная деятельность учеников солунских братьев Кирилла и Мефодия после их изгнания в IX в. из Великой Моравии.

Образованное в 1945 г. федеративное государство **Югославия** на Балканах просуществовало до начала 1990-ых гг. Распад Югославии ознаменовался появлением ряда суверенных славянских государств.

Одним из этих южнославянских государств является **Сербия** со столицей Белград с территорией свыше 88 тыс. кв. км. и с населением по данным переписи 2017 г. более 7 млн. человек. Вплоть до 2006 г. Сербия вместе с Черногорией составляла федеративное государство, равноправное сообщество двух государств, единый субъект международного права, она является правопреемником союзного государства Югославия. В 2006 г. Сербия и Черногория также распались на суверенные государства, со своими отдельными государственными атрибутами. Таким образом, сегодня на карте Европы существует также государство **Черногория (Монтенегро)** со столицей Подгорица, в котором государственным языком является сербский язык. Это южнославянское государство занимает территорию около 14 тыс. кв. км. с населением по данным переписи 2017 г. более 622 тыс. человек.

К южнославянским государствам, образовавшимся в результате распада Югославии, относится также **Хорватия**, занимающая территорию в 56,6 тыс. кв. км. Столица Хорватии – город Загреб. Население Хорватии по данным переписи 2017 г. насчитывает немногим более 4 млн. человек. Отметим исключительную близость сербов и хорватов, которая в большой степени отражается и в языке, что позволило в данной работе не рассматривать их по отдельности.

Из южнославянских государств отметим также **Боснию и Герцеговину**, территория этого государства составляет 51 тыс. кв. км. Численность населения (по данным переписи 2017 г.) составляет 3,507 млн. человек. Государство Босния и Герцеговина заселено южными славянами, титульной нацией в нем являются боснийцы и герцеговинцы. Столица государства – город Сараево.

Македония – одно из южнославянских государств, занимающее территорию в 26 тыс. кв. км. Столицей Македонии является город Скопье. Население Македонии по данным переписи 2002 г. составляет немногим более 2 млн. человек.

Словения – южнославянское государство, выделившееся из Югославии после ее распада. Сравнительно с другими южнославянскими государствами ее территория намного меньше и составляет 20 тыс. кв. км. Столицей Словении является город Любляна. Титульная нация – словенцы, численность которых по данным переписи 1991 г. составляет около 2 млн. человек.

Таким образом, на месте распавшейся Югославии сформировался ряд суверенных южнославянских государств. Следует отметить при этом свободное расселение южных славян (речь не идет о болгарях) не по признаку титульной нации. Так, сербы и хорваты проживают не только в Сербии и Хорватии, но и в других южнославянских странах. Это обусловлено тем, что до недавнего прошлого южные славяне (за исключением болгар) проживали в едином федеративном государстве Югославия.

ГЛАВА 1.3.

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Славянские языки традиционно классифицируются в три группы. Это деление обусловлено, в первую очередь, территориальным распространением славянских языков, т.е. проводится на основе географического принципа: языки каждой из трех групп распространены на сопредельных территориях с компактным проживанием соответствующих славянских народов, что способствовало сохранению и последующему развитию в них общих языковых черт.

Кроме литературного языка, в национальный язык входят и диалекты, такая картина характерна для всех славянских языков. Так, интересные данные для сравнительного анализа славянских языков предоставляет, например, русский диалектный язык, имеющий только устную форму, как и любой территориальный диалект, тогда как высшая форма национального языка – литературный язык – имеет как письменную, так и устную формы.

Восточнославянская группа

В эту группу славянских языков входят русский (великорусский), украинский, белорусский языки. В середине первого тысячелетия нашей эры восточные славяне распространились на большой территории Восточной Европы, и таким образом на основе восточнославянских диалектов сформировался древнерусский язык. Принятие христианства в X в. способствовало, в свою очередь, тому, что древнерусский язык олитературивался. В то же время в восточнославянском языке-основе широко проявлялись черты живого языка. До XIV в. это был восточнославянский язык со своими диалектами, и только после того, как центр восточного славянства переместился в Москву, древнерусский язык распался на отдельные самостоятельные языки. Таким образом, древнерусский язык послужил основой для появления трех восточнославян-

ских языков – русского (великорусского), украинского, белорусского.

Русский (великорусский) язык. В основу русского литературного языка лег московский диалект, поскольку Москва, столица Московской Руси, к этому периоду становится центром ее государственной, экономической, культурной жизни. С этого периода начинается раздельная история старорусского, староукраинского, старобелорусского языков. В настоящее время на русском языке говорит большая часть славянства. Именно это обстоятельство и стало причиной того, что русский язык получил большое распространение в мире и является одним из шести рабочих языков ООН (Организации Объединенных Наций), т.е. выступает в функции одного из международных языков.

Роль русского языка особенно велика еще и потому, что он традиционно является также средством межнационального общения неславянских народов на всем постсоветском пространстве и дает возможность общаться друг с другом представителям разных народностей. Кроме того, для многих нерусских и неславян он является средством приобщения к мировой науке и культуре. Таким образом, русский язык в настоящее время является необходимым языком межнационального и международного общения, и сегодня во всем мире наблюдается повышение интереса к русскому языку.

Украинский язык является национальным языком титульной нации Украины. Уже с XIV-XV вв. украинцы представляют собой самостоятельную этническую общность со своими национальными особенностями. Само название «Украина» с XVI в. стало употребляться в официальных документах для обозначения всей территории, занимаемой украинским народом. Между тем первоначально оно обозначало юго-западную окраину Руси, в древнерусских памятниках XVI в. даже встречается такое словосочетание, как «украинья земли». Отметим, что в украинском языке в силу исторических причин в большей степени сохрани-

лись древнерусские языковые явления на всех уровнях: так, в нем нет аканья (аканье – это тип предударного вокализма, при котором **о** и **а** в безударной позиции не различаются, т.е. на месте обоих звуков произносится [а]). Аканье появилось в русском языке с XIII в., когда развилась тенденция к образованию трех восточнославянских языков. В украинском языке сохраняется древнее окающее произношение. Сохранение древнерусских языковых особенностей в украинском языке было вызвано тем, что Киевская Русь исторически с XIV в. стала провинцией Московской Руси и в ней в большей степени сохранились древнерусские языковые черты.

Белорусский язык – один из трех восточнославянских языков – распространен на большой территории к западу от РФ и является государственным языком Беларуси. Отделение от Московской Руси в свое время привело к усилению диалектных черт, характерных для языка жителей белорусских земель. Отметим, что белорусские земли в XIII-XIV вв. вошли в Великое княжество Литовское. И уже в этот период на базе древнерусского книжного языка вырабатывается западнорусский письменный язык, в памятниках которого четко проявляются собственно белорусские языковые черты. Интересно отражается в белорусском языке такая особенность произношения, как аканье и яканье² в качестве его варианта, что нашло отражение даже в орфографии (ср., белорусск. *адзежа* – русск. *одежда*). Отметим, что в литературном русском языке аканье утвердилось только как орфоэпическая норма. И таким образом, аканье как тип предударного вокализма, наряду с яканьем, установилось в белорусском литературном языке и как орфоэпическая, и как орфографическая норма.

---

² Яканьем в русском диалектном языке называют тип предударного вокализма, при котором в первом предударном слове после мягких согласных **а** и **о** звучат как [‘а], в записях диалектных материалов в этих случаях частотна буква **я**.

Западнославянская группа

Эту группу славянских языков составляют польский, чешский, словацкий, серболужицкий язык (верхний и нижний) и мертвый полабский язык, последний рассматриваться не будет.

Западнославянские языки характеризуются общими чертами, например, ударение в них постоянное, фиксированное: в чешском, словацком, в серболужицких языках оно падает на первый слог, в польском – на второй от конца слог. В западнославянских языках есть и такие особенности, которые характерны только для этих языков и появились в силу их конфессиональной принадлежности, а также вследствие длительного влияния немецкого языка: так, исповедуя католичество и находясь под его влиянием, западные славяне восприняли в своих языках целый ряд германизмов.

Польский язык является государственным языком Польши. Число его носителей в самой Польше составляет 38,6 млн. человек, кроме того поляки проживают в разных странах мира, начиная с Российской Федерации, и сохраняют при этом свой родной язык. Польскому языку присущи общие для всех западнославянских языков особенности, в то же время можно отметить и особенности, отличающие его от других западнославянских языков: например, сохранение только в польском языке такой архаичной и специфической фонетической черты, как носовые гласные, сохранившиеся с древности, постоянное ударение на втором от конца слоге и ряд других особенностей.

Чешский язык – государственный язык Чехии, который пережил сложную историческую судьбу. Чехия с начала XVII в. находилась под гнетом Австро-Венгрии, проводившей политику ярко выраженной германизации, в результате чего чешский язык оказался на грани вырождения. Лишь в конце XVIII в. начался период культурного возрождения чешского языка, отмеченный ростом национального самосознания. Этот процесс был длительным и плодотворным. Однако в современном литературном чеш-

ском языке сохраняется много старых разноуровневых явлений, что делает его, по словам В. Матезиуса, самым архаичным членом славянского языкового мира [Mathesius 1947: 442]. Так, в чешском языке с древнейших времен сохраняются оба слогообразующих плавных согласных, рефлексы палатализации заднеязычных согласных в процессе формообразования, дифтонги, появившиеся позднее, и другие, не только фонетические, особенности.

Словацкий язык является государственным языком Словакии, имеет много сходств с чешским языком и наиболее близок ему. Однако словацкий язык пережил особые исторические процессы: в XI в. Словакия вошла в состав Венгрии и это предопределило появление целого ряда особенностей, которые отличают словацкий язык от наиболее близкого ему чешского языка. Так, в словацком языке, как и в чешском, гласные могут быть долгими и краткими, но в то же время, в отличие от чешского языка, долгой/краткостью в словацком языке характеризуются даже плавные согласные **р** и **л**, которые, как и в чешском языке, могут быть слогообразующими, т.е. выступать в функции гласных звуков. Можно привести еще ряд особенностей, отличающих словацкий язык от других западнославянских языков, в первую очередь, от чешского языка: в системе гласных фонем присутствует напряженная фонема **ä**, средняя между **а** и **е**, функционирует фонема **ö**, которая произносится как дифтонг **uo**. Интересно отметить тот факт, что две последние гласные фонемы являются принадлежностью фонетической системы и некоторых северновеликорусских диалектов, представляя собой реликт в звуковой системе русского диалектного языка.

Кашубский язык в настоящее время настолько сходен с польским языком, что стал его диалектной разновидностью, а сами кашубы считают себя частью польского этноса. Во всяком случае, в настоящее время уже нельзя говорить о западнославянском кашубском языке. Что касается **полабского языка**, то последние остатки языка полабян фиксируются в

немецких документах начала XVIII в., причем в основном это топонимы. Язык полабских славян восстанавливается на основе отдельных слов и топонимов, которые встречаются в латинских и немецких документах, а также в записях живой речи полаблян (XVII-XVIII вв.). Носители полабского языка, жившие на западном берегу реки Лаба (нем. Эльба), пользовались своим языком до начала XVIII в. Полабский язык в настоящее время уже не используется в речи. В письменной фиксации от полабского языка сохранились словарь, составленный пастором Хеннигом (1649-1719 гг.), богатый словарными материалами, а также несколько небольших словариков с полабскими словами и небольшое число текстов. Но и этот небогатый материал представляет немалый интерес для славяноведения. В целом, полабский язык постепенно вытеснялся немецким языком, собственно полабской письменности все же не существовало, и сегодня полабский язык считается мертвым славянским языком.

Серболужицкий язык используется лужичанами, которые в XVI в., несмотря на трудности, находясь под национальным гнетом, создали свою письменность, благодаря чему был переведен и издан Новый Завет (часть Библии), во все времена игравший важную роль в жизни христиан. Отметим, что у лужицких сербов образовалось два литературных языка – верхнелужицкий и нижнелужицкий. Основная причина существования двух разновидностей лужицких языков заключается в том, что верхние лужичане оказались в составе Саксонии, а нижние лужичане – в составе Пруссии. В связи с этим верхние лужичане исповедуют католичество, нижние лужичане – протестантство, а различие в конфессиональной принадлежности наложило свой отпечаток и на язык. Так, в верхнелужицком языке согласный **г (g)** имеет придыхательную артикуляцию (**h**), как в чешском языке, а в нижнелужицком языке ему соответствует **г взрывной (g)**, как в польском языке. И это всего лишь одно из различий, наблюдаемых в обоих лужицких языках.

Книгопечатание у лужичан в XVII-XVIII вв. расширяется и развивается: издаются грамматики и словари. Произведения художественной литературы издаются позднее, во второй половине XVIII в., и уже в XIX в. отмечается национальное возрождение. В XX в. была создана и опубликована основная грамматика и трехтомный словарь нижнелужицкого языка. Отметим также, что выдающийся русский лингвист Л.В. Щерба основательно изучал серболужицкие языки и опубликовал свои наблюдения в монографии «Востоchnолужицкое наречие», изданной в 1915 г. Исследованием серболужицких языков занимались позже и другие русские ученые: так, львовский лингвист К.К. Трофимович является автором ряда монографий, в частности, по истории языка лужичан, а также двуязычного «Верхнелужицко-русского словаря» (Баутцен, 1974 г.).

Южнославянская группа

В эту группу славянских языков входят болгарский, македонский, словенский, сербский и хорватский языки. К южнославянской языковой группе относится и старославянский язык – книжно-письменный язык, дошедший до нас в памятниках письменности X-XI вв. Он аккумулировал в себе древний болгарско-македонский диалект, на основе которого и был создан, и черты некоторых славянских языков, которые переживали в IX в. ранние стадии своей самостоятельной истории. Южнославянские языки в силу исторических причин были в определенном смысле отрезаны от остального славянского языкового мира, так как непосредственными соседями южных славян оказались неславяне: на северо-востоке румыны, на севере венгры и австрийцы, на западе итальянцы, а на юге – албанцы, греки и турки. Это обстоятельство способствовало развитию в них особенностей, которые отличают их и от восточнославянских, и от западнославянских языков. Южнославянские языки по своим сходным особенностям делятся на две группы – восточную, в нее входят болгар-

ский и македонский языки, и западную, в которую входят словенский, сербский и хорватский языки.

Каждая группа славянских языков имеет черты, общие с другими группами славянских языков. Восточнославянские языки по некоторым признакам в целом более близки к южнославянским, чем к западнославянским языкам. Причина этого заключается в том, что старославянский язык, созданный на южнославянской языковой основе, с принятием христианства вошел в Киевскую Русь и стал там книжно-литературным языком. Этот период истории русского литературного языка так и называется – период первого южнославянского влияния. Не случайно в современном русском языке наблюдается немалое количество славянизмов, ставших фактом системы русского языка. Однако на основе некоторых языковых явлений восточнославянские языки в определенной степени также сближаются и с западнославянскими языками и соответственно отличаются от южнославянских языков.

Многовековая совместная жизнь на территории Балканского полуострова разных народов, не только славянских, привела к возникновению т.н. Балканского языкового союза. Этот союз включает генетически разнородные языки, среди которых назовем неславянские языки – румынский, греческий, албанский и славянские языки – болгарский, македонский, а также в некоторой степени сербский и хорватский. Языки, входящие в Балканский языковой союз, характеризуются общебалканскими чертами, т.н. балканизмами, но в неодинаковой мере. Наличие балканизмов в этих языках является следствием длительного совместного проживания и соответственно взаимовлияния указанных выше таких разнородных языков. Анализ балканизмов в южнославянских языках показывает, что в болгарском и соответственно в македонском языках они сравнительно позднего происхождения, а в более старые времена во всех южнославянских языках, судя по письменным памятникам, отражаются фонетические закономерности, характерные для всех

близкородственных славянских языков. Сильное взаимодействие, которое балканские языки оказывали друг на друга, расшатывало их структурную основу и давало возможность для такого взаимовлияния. Так, румынский язык, относящийся к романской группе индоевропейских языков, испытал сильное влияние славянских языков. В свою очередь, и славянские языки испытали немалое воздействие балканских языков. Поэтому и говорится о Балканском языковом союзе, который возник на основе общности исторических, экономических и культурных судеб балканских народов. Можно по этой причине говорить об общности не только обычаев, культурных традиций, фольклора и других черт, но и языковых особенностей. Так, для славянских языков Балканского языкового союза характерны следующие особенности, которых нет в других славянских языках, даже южных: 1) общие лексические единицы; 2) утрата системы склонения, вследствие чего отношения между словами выражаются с помощью предлогов; 3) утрата инфинитива; 4) развитие из указательного местоимения постпозитивного члена в функции определенного артикля; 5) сохранение в южнославянском языковом ареале древних форм глагольного времени; 6) употребление сохранившихся энклитических форм личных и возвратного местоимений (хотя последние существуют и в некоторых западнославянских языках). Таким образом, можно убедиться, что на состояние языка сильное воздействие оказывают и экстралингвистические факторы.

Болгарский язык. Как известно, именно на основе древнеболгарского языка в IX в. и возник старославянский язык: ученики Кирилла и Мефодия после их изгнания из Моравии стали в Болгарии продолжать свою деятельность по распространению славянской письменности. Отметим также, что многие явления старославянского языка отразились и в русском языке как результат первого и второго южнославянского влияний. Поэтому в рус-

ском и болгарском языках и обнаруживается целый ряд параллелей.

Болгарский язык пережил разные периоды своего существования и развития: так, в X-XIV вв. литературным языком в Болгарии был старославянский язык, на котором проводилось славянское богослужение. Однако уже в XI-XII вв. в живой болгарской речи появляются многие отличия от норм старославянского языка. В итоге, литературный язык, отличавшийся архаичностью, и народная речь резко противопоставлялись. Также на культуру и язык оказала влияние и историческая судьба болгарского народа, испытавшего многовековое турецкое иго.

Со второй половины XVI в. в Болгарии происходит новый подъем развития славянской письменности, в результате чего новоболгарская письменность, отражавшая не книжный язык, получила широкое распространение во всей Болгарии уже в XVII-XVIII вв. Формирование литературного болгарского языка, установление его норм происходило на основе северо-восточных говоров и этот процесс проходил уже в XIX в.

Македонский язык. Из всех южнославянских языков наибольшей близостью характеризуются болгарский и македонский языки вследствие, во-первых, компактности их территориального распространения, а во-вторых, по той причине, что македонский язык до недавнего времени был диалектом болгарского языка. Отметим также, что македонский язык, как и болгарский, содержит в себе общебалканские особенности: утрату инфинитива, отсутствие падежного склонения имен существительных, постпозитивный член в артиклевой функции и др.

Македонский язык называют самым молодым языком в южнославянском ареале: только в 1943 г. он получил статус государственного языка Македонии. С этого периода и начинается интенсивное развитие македонского языка. В 1945 г. была разработана и принята единая македонская орфография, а в 1946 г. была опубликована первая школьная грамматика на македонском

языке. Кодифицированный в 1945 г. македонский литературный язык очень близок к народно-разговорному, в нем практически нет архаических книжных элементов [Усикова 2005: 174].

Болгаро-македонская группа характеризуется: 1) силовым ударением и отсутствием количественных различий в гласных; 2) различными рефлексамии редуцированных; 3) изменением ё в широкий гласный 'а. Отметим, что грамматический строй македонского литературного языка во многом совпадает с болгарским: 1) аналитический способ выражения падежных отношений; 2) сохранение звательной формы: *Петре! Жено!*; 3) употребление членных форм и др.

Сербский/хорватский языки. Сербию можно считать своеобразным «перекрестком» Европы. Носителями сербско-хорватского языков являются славянские народности – сербы, хорваты, черногорцы, боснийцы, а также герцеговинцы. По причине исключительной близости этих языков ранее использовался термин сербскохорватский язык. В 1954 г. началось движение хорватов за обособление своего языка. После распада Югославии сербскохорватский язык разделился на сербский и хорватский языки, и активно стали разрабатываться собственные языковые нормы в каждом из них. Различия между обоими языками небольшие. Сербский и хорватский языки очень схожи между собой на всех языковых уровнях. Отметим, что в этих языках используются различные системы письма: в сербском языке – кириллица, а в хорватском языке – латиница.

Словенский язык. Словенский язык распространен в западной части территории, занимаемой южнославянскими языками. Он является государственным языком Словении и относится к западной ветви южнославянских языков.

Словенский язык пользуется хорватской графикой на латинской основе. Таким образом, в южнославянском языковом ареале хорваты и словенцы (также боснийцы и герцеговинцы) используют в письме латинскую графику.

Отметим, что сербский/хорватский и словенский языки объединяют и некоторые общие особенности: 1) сохранение тонического ударения, связанного с различием долгих и кратких гласных; 2) тождественное изменение редуцированных гласных; 3) изменение старого *ě* в узкие гласные *e*, *i*, дифтонги *je* и др., даже в трифтонг *ije*; 4) развитие в 1 лице единственного и множественного чисел настоящего времени глаголов окончаний **-m**, **-mo**; 5) окончание **-ga** в родительном падеже единственного числа местоименного склонения и др. [Кондрашов 1986: 191].

Как можно заметить, существуют определенные соотносительные особенности в болгаро-македонской, сербской/хорватской, словенской группах наряду с одинаковыми явлениями, характерными для всех южнославянских языков. К числу различий в этих группах назовем и различия в системах письма, о которых говорилось выше.

Можно констатировать, что языки восточных славян, образующие компактную группу с общими признаками, имеют разные точки соприкосновения как с южнославянскими, так и с западнославянскими языками.

ГЛАВА 1.4.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ

В каждом языке зафиксирована ментальность народа-носителя данного языка. Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле складывается в целом из многих факторов – из нравственности, законов, обычаев, знаний, верований, искусства и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества [Тэйлор 1989: 18]. По В.А. Масловой, «язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [Маслова 2004: 9]. Поэтому культура этноса живет в его языке, который и сам является

продуктом своей культуры. В единицах любого языка на всех уровнях и в разной степени содержится культурная информация, при этом аксиоматично, что ее максимальное количество аккумуляровано именно в слове. Эта мысль хорошо иллюстрируется в следующем высказывании А.Ф. Лосева: «В слове, в особенности, в имени – все наше культурное богатство, накопленное в течение веков» [цит. по Гудков 2003: 142].

Существует тесная связь между жизнью общества и языком, конечно, в первую очередь, его лексическим составом, лексикой языка, на котором общество говорит. Слова указывают на род занятий, обычаи и традиции, т.е. являются обозначением и материальной, и духовной жизни народа. Лексика, как никакой другой уровень языка, быстро реагирует на изменения окружающей жизни. Новые слова, если им суждено войти в лексическую систему принимающего языка, усваиваются им и употребляются носителями этого языка: таковы, например, старые, полностью освоенные заимствованные слова *тарелка* (из средне-верхне-германского *talier*), *тетрадь* (из среднегреческ. – четвертая часть листа) и др., которые вошли в ряд славянских языков, а также новые заимствования, усвоенные за последние три десятилетия (*офис, интернет, файл* и др.).

Славянские народы, как уже говорилось выше, характеризуются близостью своих языков, что обусловлено общим происхождением. Именно поэтому у близкородственных славянских народов существуют общие концепты культуры – это мифы, обычаи, обряды, символы культуры, словом, все то, что находит выражение в славянских языках и является предметом изучения лингвокультурологии и славяноведения. Понятие *концепт* в специальной литературе определяется как константа культуры [Степанов 1980: 24]. Давая определение концепту, Ю.С. Степанов отмечает, что процесс концептуализации в языке не может не быть мотивированным, т.е. он не является случайным [Степанов

1997: 67]. Тем более такое утверждение является обоснованным и приемлемым для славянского языкового мира.

При всей близости славянских языков в одних из них может присутствовать определенная языковая реалья и полностью отсутствовать в других славянских языках. Это отражается в конкретном славянском языке в виде наличия или отсутствия соответствующего слова. Такие примеры могут быть вызваны также конфессиональными различиями, которые существуют в духовном мире славян: в разных славянских странах, как уже отмечалось, можно обнаружить и православие, и католичество, и ислам.

Одни и те же реалии в разных славянских языках в старых словах могут обозначаться разными словами по различным причинам: так, в основу номинации могут быть положены разные характерные признаки. Например, в русском слове *окунь* и в чешском слове *okoun* корень представляет старое славянское (точнее, древнее индоевропейское) слово *oko*, так как характерным признаком этой рыбы являются большие глаза, в то же время в болгарском языке эта рыба именуется словом *костур*, здесь в основе наименования этой рыбы лежит другой ее характерный признак – костистость. Кроме того, в одних славянских языках одна и та же реалья ввиду долгих контактов с другими языками может обозначаться заимствованием, а его старое славянское обозначение может стать архаичным, приобрести иное, в отличие от других славянских языков, значение или вовсе утратиться. Так, в болгарском и македонском языках активно используется слово *куче* (среднего рода) в значении *собака*, и в то же время словарный фонд этих языков сохраняет старое славянское слово *пес*. Слово *куче* в этих языках, судя по всему, является тюркизмом. Интересно, что в диалекте гюмрийских армян бытует то же слово *кучик* (*քուչիկ*) в значении *собака*, или точнее, *собачка*, т.е. тюркизм, попавший в этот диалект армянского языка в силу тех же исторических причин. А русское слово *собака*, представляющее собой заимствование из среднеиранского языка, бытует в

восточнославянских языках (наряду со словом *нес*). И тут интересно отметить, что оно употребляется в западнославянском ареале у кашубов лишь в качестве бранного слова.

В языке каждого славянского народа отражается как ранняя, так и более поздняя культура славян, которая, сохранившись в веках, проявляется не только в лексических единицах, но и в сравнениях, метафорах, во фразеологизмах, пословицах и поговорках, в фольклорных произведениях – былинах, сказках, песнях и др. В самых древних слоях национальных культур славянского мира четко обнаруживаются типологические сходства, которые находят отражение в языке. Ведь недаром язык считают культурным достоянием, «средством открытия до сих пор еще не познанного» [Гумбольдт 1985: 21]. Тесное взаимодействие языка и культуры демонстрирует не только то общее, что есть между славянскими народами и славянскими языками, но и различия, развившиеся в них на протяжении веков раздельного проживания славянских народов в своих географических ареалах.

Фразеологический фонд языка максимально отражает особенности мировосприятия его носителей, обусловленные национальной культурой. Фразеологизмы четко отражают национальный образ мира социума, его культурный потенциал, нравственные установки [Гудков 2003: 193]. Фразеологические единицы, отражающие различные этапы жизни языка, насыщены в очень большой степени культурной информацией. В языковой картине славянских народов можно выделить значительную часть общего фразеологического фонда, ведущую начало из глубокой праславянской древности как дохристианского, языческого, так и христианского периодов. Ключевыми словами в этих фразеологических единицах являются слова, относящиеся к быту и жизни древних славян, к древнему славянскому лексическому фонду, к разным верованиям, традициям и т.д. Фразеологические единицы несут в себе очень сильный заряд культурной информации. Как отмечает В.А. Маслова, любой фразеологизм является храните-

лем культурной информации [Маслова 2004: 87]. И эта информация совпадает во многих славянских языках, что и объясняет однотипность семантики и структуры этих единиц.

Во всех славянских языках существуют фразеологизмы с соматизмами в качестве ключевого слова, относящиеся к самому древнему слою фразеологии. Во многих случаях такие фразеологизмы совпадают как по значению, так и по опорному имени: ср. *светлая голова* (русск.) – *chytrá hlava* (чешск.); *mezi čtyřma očima* (чешск.) – *medzi štyrmi očami* (словацк.) – *между четыри очи* (болг.) в значении *с глазу на глаз*; *сидеть сложа руки* (русск.) – *sedět s rukama v klíně* (чешск.); *положить ногу на ногу* (русск.) – *přeložit nohu přes nohu* (чешск.); *златне ръце* (болг.) – *золотые руки* (русск.) – *золоті руки* (укр.); *жить на широкую ногу* (русск.) – *живея на широка нога* (болг., диалектн.) – *žít na velké noze* (чешск.). Древность приведенных фразеологизмов подтверждается тем, что в некоторых славянских языках в качестве ключевого слова во фразеологизмах может использоваться давно забытое, утраченное в активном употреблении старое славянское слово. Например, в русской фразеологии сохранились единицы с компонентом *око* в значении *глаз*: это фразеологизм *око за око, зуб за зуб* периода язычества, который встречаем в тексте «Русской Правды» Ярослава Мудрого. Между тем слово *око* было вытеснено существительным *глаз* и перестало употребляться в русской нейтральной лексике примерно в XIII в. Отметим праславянское, ранее индоевропейское происхождение слова *око*, которое присутствовало в лексических системах индоевропейских языков (в греческом, армянском, древнеиндийском, латинском, готском и других языках) и сохранилось сегодня в лексике западнославянских и южнославянских языков.

Во фразеологии разных славянских языков весомое место занимают одинаковые концепты, показывающие общность в ментальном мире славян и имеющие общее происхождение. Так, частотно старое славянское слово *сердце* в составе фразеологи-

ческих единиц не только в рамках славянской фразеологии, но и во фразеологии индоевропейских языков. П. Флоренский объясняет это тем, что слово *сердце* выражает понятие центральности. В целом, в славянской языковой картине мира слово *сердце* аккумулирует в себе различные эмоции, оно как бы является центром жизни вообще: физической, психической, духовной и душевной [цит. по Маслова 2004: 138]. Не случайно в этом русском, а точнее, славянском слове запечатлен корень *середина* в соответствующем звуковом оформлении в каждом из славянских языков. Фразеологизмы со словом *сердце* имеют параллели во многих славянских языках, приведем примеры из русско-чешской фразеологии: *zlaté srdce* – *золотое сердце*, *z celého srdce* – *от всего сердца*, *s těžkým srdcem* – *скрепя сердце*, *nosit koho v srdci* – *любить кого* и др. Ряд фразеологических единиц с ключевым компонентом *сердце* можно обнаружить и в других восточнославянских языках – украинском, белорусском. Украинским фразеологизмам *серце не камінь* – *серце не на місці* – *серце замирає* соответствуют очень сходные русские эквиваленты: *сердце не камень* – *сердце не на месте* – *сердце замирает*.

В то же время в ряде случаев фразеологические единицы в разных славянских языках, выражая одно и то же значение, могут различаться своим составом и соответственно формой. Так, в чешском языке старое славянское слово *mladenec* обозначает *молодой человек*, *дружка*, но в составе фразеологизма *starý mladenec* передает значение *старый холостяк*. В приведенном выше чешском фразеологизме сочетаются слова, которые с точки зрения русской языковой картины мира несовместимы, так как старое славянское существительное *mladenec* в русском языке указывает на незрелость как возрастной признак, в то время как в чешском фразеологизме существительное *mladenec* дает указание не на возраст, а на социальное положение, т.е. на отсутствие семьи. Поэтому несоотносительны по форме русский фразеологизм

старый холостяк и чешский фразеологизм *starý mladenec*, хотя они вполне эквивалентны по выражаемому ими значению.

Рассмотрение фразеологических единиц в разных славянских языках показывает, как сильна их культурная коннотация, благодаря чему они воспринимаются как знаки языка культуры.

Коды культуры содержатся также в семантике сравнения и в большой степени в семантике метафоры. В сравнениях отражается менталитет народа и духовная культура, иными словами – национальное видение мира. Важность сравнения заключается в том, что культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры. Именно сравнение лежит в основе метафоры, которая представляет собой универсальное для всех языков явление. Так как метафора содержит в себе большую культурную коннотацию, культурные ценности и отражает их, ее называют также средством познания мира. В специальной литературе отмечается, что метафора пронизывает язык, культуру, науку, жизнь, весь мир [Маслова 2004: 88]. И фразеологизмы, и сравнения, и метафоры в разных славянских языках во многих случаях содержат одни и те же ключевые слова типа *голова, глаза, сердце, солнце*, которые чаще всего несут в себе положительную культурную информацию.

Пословицы и поговорки, крылатые слова и выражения, составляющие афористику любого языка, отражают национальные обычаи, нравственные установки народа, систему эстетических ценностей. Они представляют собой устные меткие краткие изречения фольклорного происхождения и аккумулируют в себе народную мудрость. Многие славянские концепты, играя важную роль в национальной культуре, входят в пословицы и поговорки, которые возникли в глубокой древности, и отражают в себе народную оценку жизни, окружающей среды, особенностей характера этноса, взаимоотношений между людьми. Сравним пословицы *Друзья познаются в беде* (русск.) – *V nouzi poznáš přítele* (чешск.) – *Друзі пізнаються в біді* (укр.), они эквивалентны как

по выражаемому ими значению и структуре, так и по лексическому составу. И это далеко не единичные примеры сходных народных изречений в разных славянских языках. Пословицы и поговорки в славянских языках ведут начало с древнейших времен потому, что за ними стоит авторитет поколений, создавших их, и многие единицы малого жанра, оказавшись востребованными, переходят из поколения в поколение. По этой причине во многих единицах малого жанра сохраняются языковые архаизмы на всех уровнях, что, в свою очередь, делает их очень ценными при изучении истории языка.

В применении к славянскому языковому миру интересным представляется то обстоятельство, что типология универсалий наблюдается в разных славянских языках в отношении пословиц и поговорок, многие из которых, являясь очень древними по происхождению, совпадают как по семантике, так и по составу компонентов.

Таким образом, славянский языковой мир аккумулирует в себе национально-культурное богатство, подчеркивающее генетическое и культурное родство славянских народов. И основным средством передачи культурной информации выступает язык, который, являясь духовным богатством нации, формирует картину мира каждого славянского народа. Типология универсалий наблюдается и в духовном мире славянских народов с универсальными во многом концептами культуры, что делает их родство еще более зримым.

ГЛАВА 1.5. ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Большая близость современных славянских языков обусловлена, как известно, их общим происхождением. Язык, к которому восходят родственные языки, называется обычно праязыком.

Считается, что славянские языки восходят к общему источнику, праславянскому языку, который называют также общеславянским. Оба названия – праславянский и общеславянский – достаточно прозрачны, однако мы будем пользоваться первым по следующим причинам: во-первых, префикс *пра-* показывает, что это древний язык, а во-вторых, благодаря корню становится ясно, что он имеет отношение ко всем славянам. Термин «праславянский язык» содержит в себе то же значение, что и словосочетание «славянский праязык». А второй термин «общеславянский язык» не указывает на древность этого языка, являвшегося праязыком всех славян.

Праславянский язык выделился из общеиндоевропейского языка-основы задолго до нашей эры, приблизительно на рубеже III-II тысячелетий, и пережил длительную историю своего существования и развития. Древние индоевропейцы занимались скотоводством и охотой, что и было, по всей видимости, причиной перемещений и миграций. А это, в конечном счете, и привело к распаду индоевропейских племен и их языков в результате меняющегося расселения.

Период распада индоевропейских племен и соответственно индоевропейского праязыка исследователи относят к концу IV – началу III тысячелетия до нашей эры. Конечно, время распада индоевропейской общности устанавливается приблизительно. Однако о ее распаде неоспоримо свидетельствуют сами индоевропейские народы и их языки, в которых и сегодня обнаруживаются интересные параллели, говорящие об их общем прошлом. Так, общая индоевропейская лексика содержит большое количество слов, общих для многих индоевропейских языков и обозначающих соматическую, родственную и ремесленную терминологию, названия жилищ, животных, производные продукты и др., одним словом, древнюю лексику, имеющую самое непосредственное отношение к жизни и быту древних славян. Информацию о праславянском языке поставляют как современные славян-

ские языки в их сравнении, так и неславянские, дальнеродственные индоевропейские языки. Так, современное русское слово *гусь* имеет параллели в других языках, как в славянских, например, *husa* (чешск.), так и в неславянских языках (ср. древн.-верх.-герм. *gans*, лат. *anser*).

Параллели можно обнаружить также между славянскими языками и, например, дальнеродственным в их отношении индоевропейским армянским языком: так, ср. *мать* (русск.), *майка* (болг.), *matka* (чешск., словац.) и *մայր* (*majr*, арм.); ср. также *дочь* (русск.), *дъщеря* (болг.), *dcera* (чешск.) и *դուստր* (*dustr*, арм.). Примеры многократны и их можно продолжить.

Праславянский язык просуществовал, как полагают ученые, более двух с половиной тысячелетий и пережил сложную историю. В славяноведении, по Ф.П. Филину, выделяются следующие периоды жизни праславянского языка [Филин 1962: 95].

1. Ранний период – начало образования праславянского языка – I в. до нашей эры. В этот период происходит процесс формирования праславянской звуковой системы, особо следует отметить возникновение редуцированных гласных. В индоевропейском языке-основе были долгие и краткие гласные, и эта особенность системы гласных перешла и в праславянский язык. Так, были долгие и краткие гласные *ā/ǣ*, *ē/ĕ*, *ī/ĭ*, *ō/ǒ*, *ū/ǔ*. Из этих пар гласных уже на славянской почве краткие *ĭ* и *ĭ* трансформировались в редуцированные, т.е. ослабленные гласные фонемы, которые, однако, имели слоговую функцию. Позже в самой ранней славянской письменности, т.е. в старославянских текстах, они стали обозначаться буквами **ь** (<*ǔ*), **ѣ** (<*ĭ*) соответственно.

2. Средний период продлился с I в. до нашей эры и завершился к III-V вв. нашей эры. В этот период появляются шипящие согласные, происходит монофтонгизация дифтонгов и дифтонгических сочетаний (дифтонгоидов), в результате появились, например, носовые гласные **ѣ/ѣ**. Все эти явления были вызваны

началом действия фонетических законов, которые играли важную роль в строении слога и слова в праславянском языке. Эти фонетические законы определяли открытость слога (закон открытого слога), расположение звуков в пределах слога по принципу от менее звучных к более звучным (закон, или принцип, возрастающей звучности), а также сочетаемость гласных и согласных в пределах слога, их гармонию с точки зрения мягкости/твердости согласных и переднего/непереднего ряда гласных (закон слогового сингармонизма). Действие последнего закона привело к возникновению шипящих согласных и аффрикат. Легко можно заметить, что эти фонетические законы тесно связаны друг с другом. Действие указанных фонетических законов было жестким и последовательным.

3. Поздний период занимает промежуток времени в границах III-V вв. нашей эры. Этот этап существования праславянского языка продлился до его распада и характеризуется развитием отдельных особенностей в разных славянских диалектах, что привело в конечном счете к диалектному членению праславянского языка. К VI-VII вв. уже возникли предпосылки для образования трех групп славянских языков, характеризующихся общими чертами, характерными для каждой группы – это восточнославянские, западнославянские и южнославянские языки. Интенсивные миграционные процессы среди славян привели, в конечном счете, к распаду праславянского языка, так как он распространился уже на слишком большой территории. Этот распад ученые датируют серединой первого тысячелетия, т.е. примерно 500 г. нашей эры. Именно в этот поздний период существования праславянского языка наметилось образование трех славянских языковых групп в результате его диалектного членения и сформировались основные особенности отдельных славянских языков – лексические, фонетические, грамматические.

Многие процессы, начавшиеся в праславянский период, завершились в рамках отдельных групп славянских языков. Фак-

тически стимул для их появления и дальнейшего развития возник именно в праславянский период. И эти языковые явления, продолжавшиеся в разных славянских языках после распада славянского праязыка, развивались по-разному, со своей спецификой, создавая и углубляя различия на всех уровнях. Ярким примером может послужить образование полногласных сочетаний (в восточнославянских диалектах) и неполногласных сочетаний (в западнославянских и южнославянских диалектах), образовавшихся под воздействием закона открытого слога: ср. слово *голова* с полногласным сочетанием **-оло-** в русском языке и *głowa* – *hlava* – *glava* с неполногласными сочетаниями **lo, la, ла** в польском, чешском и болгарском языках соответственно. Эти сочетания появились из закрытого прежде слога ***ol** в праславянском слове **gōlvā*.

Праславянский язык был бесписьменным языком. В памятниках первого письменного славянского языка – старославянского языка – отразились многие черты звукового и грамматического строя праславянского языка позднего периода его существования, так как хронологически именно старославянский язык был в определенной мере близок праславянскому языку. Но в то же время надо отметить, что многие явления в старославянском языке полностью не совпадают с соответствующими явлениями праславянского языка, что и естественно: период от распада праславянского языка (середина первого тысячелетия нашей эры) до возникновения старославянского языка (II половина IX в.) представляет собой все же немалый промежуток времени.

Древние славяне составляли определенную историческую общность, но эта общность была относительной: отдельные группы славян были территориально разобщены, что неминуемо приводило к диалектному членению праславянского языка. И различия, которые уже позже проявились в разных группах славянских языков, возникли и получили свое развитие еще в недрах праславянского языка. Так, одним из древнейших диалектных

различий в праславянском языке является качество согласного г, который был взрывным [g] в одних диалектах и придыхательным [h] в других. Это различие сохранилось до наших дней, и сегодня в русском языке (в том числе, и в северновеликорусском наречии), польском, кашубском (последний сегодня уже диалект польского языка), нижнелужицком, в южнославянских языках сохраняется взрывной характер согласного [g]. В других славянских языках этот согласный произносят как придыхательный [h], и к числу этих языков относятся украинский, чешский, словацкий, верхнелужицкий. Особо следует отметить литературный белорусский язык, а также южновеликорусское наречие, в которых [г] артикулируется как фрикативный согласный: он представляет собой промежуточный этап в процессе артикуляции от взрывного [г] до придыхательного [h]. Индоевропейские языки, в которых наблюдается три типа [г] по звучанию, встречаются достаточно редко: тип *взрывной* – тип *фрикативный* (как результат ослабления взрыва и появления фрикации) – тип *придыхательный*. К таким языкам относится, например, армянский язык, в котором сохраняются все три типа артикуляции [г]: взрывная артикуляция (*gluh – ցլուհ*) – фрикативная (*oyak – օղակ*)³ – придыхательная (*heros – հերոս*).

С течением времени в результате того, что славяне расселялись на все больших территориях, возникали новые диалектные черты, которые способствовали все большей обособленности праславянских диалектов.

Информацию о праславянском языке мы черпаем из разных живых славянских языков путем их сравнения, а также посредством сравнения с дальнеродственными индоевропейскими языками. В некоторых случаях факты, почерпнутые из близкородственных славянских языков, содержат древние славянские явления, которые подтверждаются данными и из других индо-

---

³ Буквой ւ в фонологии принято обозначать г фрикативное.

европейских языков. Ярким примером могут послужить носовые гласные *ǫ* и *ę*, для которых в старославянской графике использовались специальные буквы *ж* (юс-большой) и *л* (юс-малый) соответственно. Из современных славянских языков только польский язык сохранил носовые гласные. О существовании в древности в славянских языках носовых гласных свидетельствуют факты старославянских текстов, это подтверждают и данные индоевропейских языков, в которых на месте носовых гласных выступают сочетания гласного и носового согласного: так, русскому слову *мята* соответствует *menta* в латинском языке. Эти сочетания, согласно многим исследователям, были и в праславянском языке еще до того, как стали действовать фонетические законы, в данном случае, закон открытого слога, перестроивший слог. Сравним также современное польское слово с носовым гласным *zajac* и старославянское *zajъcъ* в значении *заяц*.

В славяноведении традиционно используется система транскрипционных знаков для обозначения слов и форм бесписьменного праславянского языка. Те единицы праславянского языка, которые исследователи восстанавливают теоретическим путем в процессе внутренней реконструкции, опираясь на данные старославянского языка, современных славянских языков и диалектов, а также на данные разных индоевропейских языков, в славяноведении принято изображать на письме латинскими буквами и снабжать знаком * (т.н. астериск). Астериск призван показать, что восстанавливаемые звуки или грамматические формы носят гипотетический характер, т.е. не зафиксированы в письменности, а получены теоретическим путем. Эта транскрипция фактически представляет собой индоевропейскую транскрипцию, в которой знаки обычно используются в том же значении, что и в праславянской транскрипции. Однако в праславянскую транскрипцию были введены и дополнительные обозначения, что было вызвано спецификой славянских и ранее праславянских звуков. Вот почему в транскрипции праславянского языка латинские

буквы снабжены дополнительными знаками для передачи специфических славянских звуков: эти знаки называются диакритическими знаками, или диакритиками. Как правило, диакритиками называют специальные знаки, чаще надстрочные, обозначающие разные особенности звуков: долготу/краткость гласных, слоговой характер плавных согласных, носовой призвук у гласного, его неслоговой характер и др. Так, долгота гласных обозначается черточкой над буквой (например, ā), а краткость гласного – дужкой над ней (например, ǎ). Дужка под буквой обозначает неслоговой характер гласного, обозначаемого ею, и др. Диакритики имеют и другие названия – надстрочные знаки (находятся над буквой, т.е. над строкой), а также называются выносными знаками, так как выносятся за пределы буквы.

Основным приемом восстановления праславянских звуков, грамматических форм является выявление и анализ регулярных соответствий в близкородственных и дальнеродственных языках. Так, доказано, что ударение в праславянском языке было тоническим, т.е. все гласные в слове произносились с одинаковой силой. Из современных славянских языков такую же акцентологическую систему сохранили некоторые южнославянские языки – словенский, сербский и хорватский. Гласные праславянского языка противопоставлялись друг другу не только по качеству звучания, но и по длительности, эта особенность сохранилась, например, в чешском и словацком (западнославянских) языках. Наряду с гласными-монофтонгами были также дифтонги и дифтонгические сочетания, которые в современных славянских языках в основном не сохранились в связи с тем, что в праславянском языке перед его распадом уже начал действовать закон открытого слога. Однако в современном чешском языке и сегодня существуют три дифтонга – **au**, **eu**, **ou**, из которых именно последний является собственно чешским по происхождению (*nesou*, *koupit* и др.), а два других дифтонга наблюдаются в заимствованных словах (*auto*, *eukalypt*).

Лексический фонд праславянского языка также устанавливается на основе сравнительно-исторического изучения славянских и индоевропейских языков. Праславянский язык содержал, как полагают исследователи, большой пласт индоевропейской лексики, связанный с обозначением родства, предметов быта, природы, материального мира древних славян. Анализ этой лексики позволяет судить о жизни славян в древности. Эти исследования дают представление не только о фонетической и лексической системах праславянского языка, но и о его грамматических особенностях.

Морфология праславянского языка характеризовалась особенностями, отличающими ее от индоевропейской морфологии. Так, у имен после процессов, связанных с установлением открытых слогов, решающим фактором отнесенности к тому или иному типу склонения стал грамматический род, тогда как в предыдущий период отнесенность к типу склонения зависела от древней основы, во многом уже видоизменившейся в связи с действием фонетических законов. Отсюда и унификация типов склонения, которая имела место во всех славянских языках, при этом в некоторых из них (в болгарском и македонском языках) система склонения утратилась под влиянием соседствующих балканских языков, в которых она отсутствовала, и эта особенность считается балканизмом. Фактически перестройка в системе склонения была вызвана изменениями в звуковой системе. Этот процесс протекал параллельно с процессом формирования трехродовой системы имен: каждое имя существительное в праславянском языке относилось к одному из трех грамматических родов – мужскому, женскому, среднему. Каждое имя имело три числа (единственное, двойственное и множественное); было семь падежных форм (включая звательную) для единственного, шесть форм для множественного и три формы для двойственного числа [Кондрашов 1986: 19].

Уже в рамках праславянского языка произошло разделение имен на такие части речи, как существительные и прилагательные, заметную роль в этом сыграло развитие местоименных (полных) форм у прилагательных. Преобразования произошли в системе праславянского глагола и в связи с формированием категории глагольного вида, которая в праславянском языке была слабо развита, но значительное развитие получили формы времени [Кондрашов 1986: 21]. Так, в праславянском языке существовало четыре формы прошедшего времени (аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект), с помощью которых выражались различные оттенки значений прошедшего времени в связи с перестройкой системы форм времени, а также развитием залоговых отношений. Закладывались основы для формирования особой части речи – числительного. Расширялась такая часть речи, как наречие. Происходили преобразования и в сфере местоимения.

Развивались также синтаксические явления, в частности, устанавливались основные модели простого предложения, создавались предпосылки для развития сложного предложения [Супрун 2013: 37]. Исследования разных вопросов праславянского языка проводились в славяноведении постоянно, и это закономерно: ведь одной из центральных задач сравнительной грамматики славянских языков является восстановление праславянского языка. Этими проблемами занимались все слависты, начиная с А.Х. Востокова и до наших дней. Круг ученых, занимавшихся вопросами праславянского языка, включает много известных имен – Ф. Миклошич, Ф.Ф. Фортунатов, В. Поржезинский, Э. Бернекер, М. Фасмер и др. Обобщающие труды по исследованию праславянского языка были созданы А. Мейе, Р. Нахтигалом, Н. Ван-Вейком, Р. Якобсоном, Т. Лер-Сплавинским, Л.А. Булаховским, В. Вондраком, А. Вайаном, С.Б. Бернштейном, К. Горалеком, В. Георгиевым и др.

Формы праязыка, в данном случае, праславянского языка, реконструируются сравнительным методом [Аверина 2008: 68].

Особенностью праславянского языка является то обстоятельство, что нет ни одного текста, написанного на этом языке. Фактически формы этого бесписьменного праязыка ученые реконструируют, применяя сравнительно-исторический метод, благодаря которому устанавливается генетическое тождество языков и языковых явлений. Поскольку сравниваемые родственные языки претерпевают изменения и начинают расходиться друг с другом, установление генетического тождества предполагает реконструкцию древнейших звуков и грамматических явлений этих языков. Сравнение славянских языков проливает свет на состояние праславянского языка в период перед его распадом на отдельные славянские языки. Так, известный славист Р. Бошкович в отдельных современных славянских языках видит рефлексы праславянского языка [Бошкович 1984: 9]. А сравнение с индоевропейскими неславянскими языками и внутренняя реконструкция помогают восстанавливать состояние праславянского языка на более ранних этапах его существования. Многие терминологические системы славянских языков достаточно выразительно показывают сохранившиеся сходства славянских языков с неславянскими индоевропейскими языками на разных уровнях.

Фонетическая система праславянского языка подверглась существенным изменениям в результате начавшего действовать закона открытого слога, который не поддается точной датировке [Кондрашов 1986: 11]. Закрытый прежде слог стал открываться разными способами. Уже действовала тенденция к восходящей звучности элементов слога, что привело, в свою очередь, к многочисленным изменениям в словах. Отметим, что действовали три фонетических закона – закон открытого слога, закон (принцип) восходящей звучности и закон слогового сингармонизма. Эти законы действовали на протяжении столетий и привели к развитию многих важнейших звуковых явлений: к монофтонгизации дифтонгов, появлению слоговых плавных согласных, а также к возникновению носовых гласных, к утрате конечных

согласных, к развитию трех палатализаций исконно твердых согласных, в результате чего устанавливалась совместимость, гармония между элементами слога – гласными и согласными.

В специальной литературе формы бесписьменного праславянского языка даются в латинских знаках фонетической транскрипции, которую приводим в таблице 1.

Таблица 1. Фонетическая транскрипция праславянского языка

Знак	Обозначение	Примеры
* (астериск)	реконструируемая форма	*gǫlvā (голова), *bĕrgōs (берег – брег)
[ ]	звук	[a] – звук А, [p] – звук П
//	фонема	/a/ – фонема А; /k/ – фонема К
ˉ над буквой	долгий гласный	*ō – инд./евр. долгий О
˘ над буквой	краткий гласный	*ǫ – инд./евр. краткий гласный О
˘ под буквой	неслоговой гласный	*i̇, *u̇ инд./евр. неслог. И и У
˘ снизу букв О, Е	носовые гласные О, Е	[ɔ̇], [ė] – прасл. носов. гласн. (ст/сл. буквы ѡ, ѣ)
˘ под буквами Р, Л	слоговые плавные Р, Л	(ст./сл.) СКРЬБЬ (скорбь), ВЛКЬ (волк)
// между буквами	чередующиеся звуки	o/a – О чередуется с А
’ за буквой для согласного	мягкость согласного	с’, з’ – мягкие с, з
˘ за буквой для согласного	полумягкость согласного перед гласным переднего ряда	б˘, п˘, д˘, т˘, м˘, в˘
^ над сочетанием букв	слитное произношение	[дз] – аффриката [дз]
_ под буквами Ъ, Ь	сильная позиция редуц.	СЪНЪ (сон), ОТЬЦЪ (отец)
_ под буквами Ъ, Ь	слабая позиция редуцированных	СЪНА (сна), ОТЬЦА (отца)
>, < между буквами	направление звуковых изменений	/ā /, /ō/ > a; o < /ǣ /, /ǫ/

ГЛАВА 1.6. СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Появление и развитие старославянского языка было связано с созданием славянской письменности. Славянская письменность имеет давние традиции, ее возникновение относится к 60-ым гг. IX в., и она связана с именами братьев Константином (Кириллом) и Мефодием.

Княжество Великая Моравия, одно из древнейших славянских государств, появилось на карте Европы в 830 г., столицей его был город Велеград. В Великой Моравии, как и в соседней славянской Паннонии (территория современной Венгрии), уже было принято христианство по римскому образцу, который предписывал проведение церковных служб на латинском языке, не понятном местным славянам. В 60-ые гг. IX в. князем Великой Моравии был Ростислав, который, будучи умным и дальновидным политиком, стремился укрепить страну, ее независимость и понимал, как важно проводить службу в церквях Моравии на понятном для народа славянском языке. И у него назрела мысль о необходимости создания славянской письменности. Ростислав желал освободиться от германского засилья, и поэтому в 863 г. он обратился к византийскому императору Михаилу III с просьбой прислать в Великую Моравию епископа и учителей, которые бы вели литургию и объясняли славянам христианское вероучение на родном и понятном для них славянском языке. Здесь необходимо отметить, что византийская церковь в определенном смысле была более либеральной: она признавала и одобряла проведение церковных служб на родном языке верующих и этим притягивала их. А римская католическая церковь допускала проведение богослужения только на латинском и греческом языках, так как именно на этих языках была вырезана надпись на кресте распятого Иисуса Христа.

Михаил III, охотно откликнувшись на просьбу Ростислава, поручил эту важную миссию братьям Константину (позднее – Кириллу) и Мефодию. Они должны были создать славянский алфавит и затем перевести богослужебные книги с греческого на славянский язык. Призвав обоих братьев, Михаил III (согласно «Житию Константина») сказал им: *«Вы бо еста солунянина, да солуняне вьси чисто словѣньскы бестѣдоужть»*. В переводе со старославянского языка обращение византийского императора к братьям означало следующее: «...ибо вы оба солуняне, а все солуняне свободно говорят по-славянски». Константин и Мефодий прекрасно знали славянский язык, потому что родились и выросли в городе Солунь (современный город Салоники в Греции). Солунь находилась на территории греческой Македонии, где была большая колония славян. Поэтому многие жители города, солуняне, не будучи славянами, так же, как и братья Константин и Мефодий, хорошо знали местный славянский язык.

Константин и Мефодий получили блестящее образование в самом престижном для того времени Магнаврском университете Константинополя, находившемся при императорском дворце. Младший брат Константин, особо одаренный и способный к языкам, был полиглотом: он знал греческий, латинский, славянский, древнееврейский языки, а также был знаком (по свидетельству «Житий» Константина и Мефодия) с армянским, сирийским, готским, самаритянским и другими языками. Именно из-за исключительной учености его прозвали Константином Философом.

Братья и их сподвижники, как отмечается в житиях, примерно в 864 г. отправились в Великую Моравию с созданной ими азбукой и переведенными с древнегреческого языка на славянский богослужебными книгами. Вместе с ними прибыли в Великую Моравию и их ученики, которым предстояло проводить там богослужение на славянском языке по славянским богослужебным книгам. Здесь они завершили перевод собрания основ-

ных книг христианской канонической литературы на славянский язык. Необходимо отметить одно важное обстоятельство: в IX в. славянский язык мораван (западных славян) мало отличался от речи южных славян, так как в этот период славянские языки, выделившиеся из праславянского языка-основы, были ближе друг к другу. Таким образом, Константин и Мефодий ввели в Моравии в церковное богослужение славянский язык и славянскую письменность. Однако братьям и их сподвижникам пришлось преодолевать сопротивление немецкого духовенства, которое теряло сферы влияния и потому всячески мешало введению славянского языка в церковное богослужение. Уже в 885 г., после смерти братьев, славянский язык и славянская письменность были окончательно изгнаны из Великой Моравии. Центр славянской письменности переместился в Болгарию, где были созданы все условия для развития славянской письменности. Здесь создавались славянские школы, скриптории, в которых переписывались кирилло-мефодиевские оригиналы богослужебных книг, делались новые переводы с греческого языка, создавались оригинальные произведения на старославянском языке, например, трактат «О письменѣхъ» черноризца Храбра⁴ и др.

В развитии старославянской письменности выделяются два периода. Первый период называют **кирилло-мефодиевским**, он характеризуется как начальный период возникновения славянской письменности, основателями которой по праву считаются солунские братья Кирилл и Мефодий. Этот период называется также **мораво-паннонским**, так как начало возникновения и развития славянской письменности происходило в Моравии и Паннонии при непосредственном участии самих солунских братьев.

Второй период развития старославянской письменности называют **болгарским** периодом, так как именно в Болгарию пе-

---

⁴ Черноризец Храбр – болгарский писатель X в., монах, в своем трактате рассказывает о совершенстве славянской азбуки, созданной Константином Философом.

ребрались изгнанные из Моравии и Паннонии ученики Кирилла и Мефодия.

В этот период царь Болгарии Борис принял христианство и обратился к греческой православной церкви. Хорошо осознавая роль письменности, царь Борис в Болгарии ничего не жалел для того, чтобы были созданы все условия для ее развития. Славянская письменность в Болгарии в этот период переживала подлинный расцвет: повсеместно создавались скриптории, обучались грамоте переписчики. Школы по созданию старославянских памятников возникают и в Киевской Руси. И как пишет летописец Нестор в древнерусской «Повести временных лет», «...*так*о *разы*десея словеньскый язык, *так*о и *грамота* прозвася словеньская...».

Итак, в IX в. возникли славянская письменность и старославянский язык как язык богослужения, церковных книг. Старославянский язык становится для всех славян языком культуры, науки, литературы. А в самом названии славянской азбуки *кириллица* увековечилось имя великого славянского просветителя. Имена Кирилла и Мефодия, славянских первоучителей, сегодня с благодарностью чтит все современное славянство и весь культурный мир. Они навечно вошли в историю славянского мира как создатели славянской письменности.

Первые старославянские памятники были написаны глаголицей, которая считается первой славянской азбукой. Глаголическими памятниками являются самые древние Киевские листки, Зографское евангелие, Ассеманиево евангелие, Мариинское евангелие, Клоцов сборник, Синайская псалтырь, Синайский требник и др. Кириллица же, как полагают исследователи, имеет более позднее происхождение. Кириллическими памятниками являются Надпись царя Самуила (993 г.), Саввина книга, Супрасльская рукопись, Остромирово евангелие, Енинский апостол, Хиландарские листки и др.

Таким образом, в IX в. был создан старославянский язык, который, по сути, представляет собой язык древнейших переводов богослужебных текстов с древнегреческого языка на славянский язык. Он возник на основе македонского диалекта славянского языка, т.е. у него южнославянская языковая основа. Старославянский язык стал древнейшим литературным языком славян и сыграл большую роль в истории славянских литературных языков. Многие черты старославянского языка – фонетические, лексические, грамматические – сохраняют особенности, которые были присущи праславянскому языку. Старославянский язык стал первым закрепленным в письменности славянским языком. Для сравнения отметим, что самые ранние древнерусские памятники датированы XI в., древнесербские – XII в., древнечешские – XIII в., древнепольские – XIV в., т.е. старославянский язык представляет собой уникальное явление при изучении любого современного славянского языка как в синхронии, так и в диахронии. Вот что писал по этому поводу выдающийся французский лингвист XX в. А. Мейе: «...одно счастливое обстоятельство ставит лингвиста, изучающего общеславянский язык (т.е. праславянский язык – И.М.) в более благоприятные условия, чем, например, германиста или кельтолога. В IX в. было сделано несколько переводов текстов... Они написаны особым языком, принадлежащим к южнославянскому типу. Мы будем называть этот язык старославянским» [Мейе 1951: 7].

Изучение старославянского языка имеет особое значение и при изучении бесписьменного праславянского языка: именно так можно восстановить облик праславянского языка последних веков его существования, охарактеризовать те процессы, которые привели к сложившимся фонетическим и грамматическим системам древних славянских языков. Все это делает старославянский язык необходимым при изучении любого славянского языка. Именно поэтому изучение старославянского языка имеет исключительное значение для сравнительно-исторического и типологи-

ческого исследования славянских языков и поэтому старославянский язык является обязательной дисциплиной при формировании филолога-слависта. Особенно важна роль старославянского языка для изучения истории русской письменной культуры, литературы, для понимания специфики культурно-письменной ситуации на разных этапах русской истории, поскольку историческим продолжением старославянского языка был **церковнославянский язык** восточнославянской редакции, являвшийся на Руси литературным языком до конца XVII в. Еще в XVII в. церковнославянский язык был широко распространен на Руси, и его знание было свидетельством образованности [Ремнева 2004: 16]. Элементарной грамотности обучали по Псалтыри и богослужебным книгам. Именно это имел в виду англичанин Генрих Лудольф, живший определенное время на Руси (XVII в.) и издавший в Оксфорде в Англии в 1696 г. русскую грамматику, вот что он писал: «Для русских же знание славянского языка необходимо потому, что не только св. Библия и остальные книги существуют только на славянском языке, но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки или образования, не пользуясь славянским языком»⁵.

О достоинствах церковнославянского языка писал и М.В. Ломоносов в своем сочинении «Предисловие о пользе книг церковных» (1758 г.): «Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги были переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова, коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. <...> Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке...»⁶. Изучение древнерусских и старорусских текстов, истории русско-

---

⁵ Цит. по Ларин Б.А. Грамматика Генриха Лудольфа. М.; Л., 1937, с. 7.

⁶ Ломоносов М.В. Соч., М., 1758, с. 248.

го литературного языка, проблем становления современного русского литературного языка невозможно без знания старославянского языка. Старославянский язык помогает понять также структурные особенности других славянских языков в более ранний период, так как писцы и переводчики из разных славянских земель в процессе работы неосознанно вносили в текст черты своего живого славянского языка, носителями которого они являлись.

С XVIII в. церковнославянский язык в России утрачивает функции литературного языка и становится языком только христианского культа.

ГЛАВА 1.7.

СИСТЕМЫ ПИСЬМА В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ. БУКВЫ И ЗВУКИ

Славянский мир, как неоднократно отмечалось, распространен на очень больших территориях Западной и Восточной Европы и состоит из целого ряда славянских народов, говорящих на разных славянских языках.

Историческая судьба славянских народов не была одинаковой, а разные факторы, в том числе и экстралингвистические, безусловно, влияли и на язык, и на системы письма.

В настоящее время славянство пользуется двумя системами письма – кириллицей и латиницей.

1. Кириллическая азбука у славян

Большая часть славянства использует кириллическую азбуку. Все восточнославянские народы (русские, украинцы, белорусы) пользуются кириллической азбукой, в которой за многие века произошли немалые изменения.

Русская кириллица подверглась изменениям в Петровскую эпоху. Петр Первый, будучи реформатором во всех областях

жизни, обратил внимание и на необходимость реформы алфавита, а также на важность ее созвучности современной ему жизни. Реформа русской кириллицы свелась к следующим изменениям: были изъяты лишние буквы, которые не обозначали звуков – **Ѣ, Ѥ, Ѧ, Ѣ, Ѧ**. Изменения в русской кириллице производились и позже, после Петра Первого: в частности, в 1735 г. Академией наук были введены буквы **й, э**, а позже также буква **ё**, которую ввел в употребление Н.М. Карамзин.

В настоящее время **русский алфавит** состоит из следующих букв: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Ёё, Жж, Зз, Ии, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щщ, Ъь, Ыы, Ьь, Ээ, Юю, Яя.

Украинский алфавит также основан на кириллице, но имеет и свои особенности в сравнении с русским алфавитом. Он включает следующие буквы – Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Єе, Жж, Зз, Ии, Іі, Її, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щщ, Юю, Яя, Ьь. Буква **є** обозначает йотованное [je], например, *єдиний*. Используются в украинской графике и буквы **и, і, ї, й**: *ліс* (русск. *лес*), *Київ, його*. Мягкость согласного перед гласным обозначается буквой **ь** – *у нього*. Согласный **ј** передается диакритическим знаком – *з'їзд*. В украинском алфавите отсутствуют буквы **э, ы, ъ, ё**.

Белорусский алфавит, хотя и очень близок русскому, однако также имеет свои особенности. Он включает в свой состав следующие буквы: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, (ДЖ), (ДЗ), Ее, Ёё, Жж, Зз, Іі, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Ўў, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Ыы, Ьь, Ээ, Юю, Яя. В отличие от русского алфавита в белорусском алфавите нет букв **и, щ, ъ**.

Особенностью белорусского алфавита является специфичная буква **ў**, передающая у-неслоговой, этому звуку в русском языке несколько соответствует звук **в** и соответственно используется буква **в** на письме: *даўно* (белор.) и *давно* (русск.). Сочетание **дз** употребляется в соответствии с русским **д** мягким (*дзед* – *дед*

русс.). Буква **ц** соответствует русскому **т** мягкому – ср. *цишина* (белор.) и *тишина* (русс.). Сложная буква **дж** употребляется только в иностранных словах, например, *джер*. В белорусской графике очень последовательно употребляется буква **ё**. Русской букве **щ** в белорусской графике соответствует сочетание букв **шч**, например, *шчасце*.

Южнославянские народы большей частью также используют кириллицу. Например, болгары до XII в. пользовались обеими славянскими азбуками – не только кириллицей, но и глаголицей. Глаголица распространена была в западной части Болгарии, где в свое время осели изгнанные из Великой Моравии ученики солунских братьев. Однако с XII-XIII вв. глаголица в Болгарии окончательно вышла из употребления.

Болгарский алфавит основан на кириллице. Поэтому более поздние памятники – среднеболгарские и новоболгарские – уже написаны только кириллицей. Были попытки внедрить греческое, латинское, немецкое письмо, но они не имели успеха. В 1945 г. в Болгарии была проведена реформа графики, в результате которой из алфавита были выведены некоторые старые буквы **ѣ**, **ж**, **ь** и **ѡ** в конце слова. Вместо **ѣ** было введено написание букв **е** и **я** в соответствии с произношением (*млѣчен*, но *мяко*), а вместо **ж** стали писать **ѣ** (*ръка*) в значении *рука*.

Группы согласных с непроизносимым согласным стали писаться упрощенно: *сърце*, *празник*, т.е. без непроизносимого согласного. Болгарский алфавит, хоть и основан на кириллице, отличается и от русской кириллицы. Он состоит из следующих букв: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щщ, ъ, ь, Юю, Яя. В болгарском алфавите 30 букв, отсутствуют русские буквы **э**, **ы**, **ё**. Достаточно часто употребляется буква **ѣ**, которая обозначает гласный звук среднего подъема среднего ряда. Этот звук произносится на месте редуцированного гласного [**ѣ**], который был в древности во всех славянских языках, однако в болгарском языке

в ряде слов он восходит также к **o**: так, *сън* и *дъб*, ср., старославянские *сънь* (в значении *сон*) и *дѣбъ* (русск. *дуб*). Буква **ь** употребляется ограниченно, только при обозначении мягкости согласного перед гласным **o** – *Кольо*. В болгарской кириллице аффрикаты передаются буквами **дз** и **дж**: *дзон-дзон* (день-день) и *джеб* (карман). Буква **щ** обозначает сочетание твердых звуков **шт**: ср., *щаб* [штаб], *щавел* [штавел].

Македонский алфавит, основанный на кириллице, включает 31 букву: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ѓѓ, Ее, Жж, Зз, Ss, Ии, Јј, Кк, Лл, Љљ, Мм, Нн, Њњ, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Ќќ, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Џџ, Шш. В македонской разновидности кириллицы отсутствуют буквы русской кириллицы **ѐ**, **й**, **щ**, **ъ**, **ь**, **ы**, **э**, **ю**, **я**, но есть и специфичные буквы. Такова буква **ѓ**, которая обозначает очень мягкую фонему **д'**, мягче очень смягченной русской [д'] с шепелявым призвуком, она звучит скорее как мягкая аффриката [дж]. Есть также буква **ќ**, обозначающая очень мягкую фонему [г'] (*свеќа* в значении *свеча*) с шепелявым призвуком, так же звучит, как мягкая аффриката [ч]. Буква **љ** обозначает мягкую фонему [л'] (*љубав*), а **њ** – мягкую фонему [н'] (*коњ*). Буквы **ѕ** и **џ** обозначают аффрикаты [дз] и [дж], произносящиеся слитно (*ѕвезда* и *џеб*) и представляющие собой звонкие варианты звуков **ц** и **ч**. В македонском алфавите используется также буква **ј**, которая по своему звучанию соответствует русской **й**. В соответствии с русским **щ** употребляется сочетание **шт**, которое произносится твердо (*штука* в значении *щучка*). Нет в македонской кириллице букв **ъ** и **ь**, но вместо них используются **o** (*сон*) и **e** (*ден*), как и в русском языке. В соответствии с историческими носовыми гласными **o** и **e** в македонских словах используются буквы **a** и **e**: *рака* (*рука* – ст./сл. *рѣка*) и *месо* (*мясо* – ст./сл. *масо*). В македонской графике используется апостроф для обозначения краткого **ы**, близкого к болгарскому **ь**. Употребляются также знаки **è** и **ô** для различения омонимов, но отдельными буквами алфавита они не считаются.

Сербский алфавит также основан на кириллице, эта ее разновидность называется вуковицей по имени создателя этой разновидности кириллической азбуки Вука Караджича, который сыграл большую роль в развитии сербского языка и сербской графики. Вук Караджич в начале XIX в. осуществил реформу сербской орфографии и сербской графики, именно поэтому сербский алфавит называют как сербской кириллицей, так и вуковицей. В сербской кириллице каждая буква, по крайней мере, фонематически, обозначает только один звук, т.е. Караджич установил фонетическое правописание. В сравнении с русской кириллицей в вуковице нет букв Ёё, Йй, Щщ, Ъъ, Ьь, Ыы, Ээ, Юю, Яя, но используются шесть других букв, которых нет в русской кириллице – Јј, Ћћ, Ђђ, Њњ, Љљ, Џц. Таким образом, вуковица как система письма состоит из следующих букв: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ђђ, Ее, Жж, Зз, Ии, Јј, Кк, Лл, Љљ, Мм, Нн, Њњ, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Ћћ, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Џц, Шш.

II. Латинский алфавит у славян

Западнославянские народы пользуются латинской графикой. Это объясняется многими неязыковыми факторами, в первую очередь, конфессиональной принадлежностью западных славян. В западнославянских странах исповедуется католическая ветвь христианства, а в католической церкви, как известно, языком богослужения является латинский и соответственно богослужебные книги также написаны на латинском языке. Таким образом, письмо у западных славян зиждется на латинской основе с некоторыми необходимыми дополнениями и изменениями, что связано с фонетическими особенностями конкретных языков западных славян. Латинским алфавитом пользуются не только западнославянские народы, но также из южнославянских народов словенцы и хорваты.

Польский алфавит. Польская письменность создавалась и развивалась на латинской основе с целым рядом дополнений, а также с закреплением за некоторыми сочетаниями букв специаль-

ных звуковых значений. Польский алфавит состоит из следующих букв: Aa, ą, Bb, Cc, Cz cz, Ćć, Dd, Dź dź, Dż dż, Ee, ę, Ff, Gg, Hh, Ch ch, Ii, Jj, Kk, Ll, Łł, Mm, Nn, Ńń, Oo, Óó, Pp, Rr, Rz rz, Ss, Sz sz, Śś, Tt, Uu, Ww, Yy, Zz, Źź, Żż. Ряд звуков обозначается на письме диграфами **ch, cz, dz, dź, dż, rz, sz**. Буквы для согласных **b, d, f, k, m, n, p, r, s, t** выражают именно те звуки, которые они обозначают. Буквы **a, e, o, u** полностью соответствуют русским буквам **а, э, о, у**. В польском алфавите употребляется буква **i**, которая передает звук, близкий к русскому [**и**], однако перед гласными она обозначает мягкость предшествующего согласного: например, *bia* произносится как русское *бя*. Буква **y** передает звук, близкий к русскому [**ы**], и в начале слова она не употребляется. В польском алфавите употребляется также буква **ó**, которая обозначает тот же звук, что и буква **u**. Она соответствует русскому [**'у**], но в том случае, если восходит к старому **o**. В польской графике две буквы обозначают носовые гласные звуки, утраченные сегодня остальными славянскими языками: **ę** передает носовой звук э, а буква **ą** – носовой гласный о, эти буквы в начале слова не употребляются. Буква **j** в польском алфавите соответствует русской букве **й**. Отметим, что в польской графике звук **в** обозначается буквой **w**, а буквы **v, x, q** можно встретить только в заимствованных именах собственных. Употребляются также буквы **l** и **ł**, представляющие собой пару **л'** – **л**. Буква **g** обозначает взрывной по способу артикуляции согласный (как в русском языке). Буква **h** употребляется лишь в некоторых случаях, обозначает согласный **х**, однако для этого чаще употребляется диграф **ch**.

В польской графике широко употребляются диакритические знаки. Для обозначения мягкого **н** используется буква **ń**, косая черточка над буквой (т.н. *kreska*) указывает на мягкость согласного. Специфически польские согласные – мягкие, немного шепелявые [**с**], [**з**], [**ц**] – передаются буквами **ś, ź, ć**. Сочетания букв **sz, cz** передают на письме шипящие [**ш**] и [**ч**- твердое **тш**]. Звук

[ж], выступающий на месте бывшего мягкого [p'], передается диграфом **rz** – *rzeka* (русс. *река*). Аффрикатy передаются буквами **dz, dž, dž**.

Чешский алфавит. Письменность чехов зиждется на латинской основе и ведет свое начало с XIII в. В состав чешского алфавита входят следующие буквы: Aa, (Áá), Bb, Cc, Čč, Dd, Ďď, Ee, (Éé), ě, Ff, Gg, Hh, Ch ch, Ii (Íí), Jj, Kk, Ll, Mm, Nn, Ňň, Oo (Óó), Pp, Qq, Rr, Řř, Ss, Šš, Tt, Ěě, Uu (Úú), Vv, Ww, Xx, y (ý), Zz, Žž. В связи со спецификой чешской фонетической системы в латинский алфавит добавлен ряд букв и надстрочные знаки. Система надстрочных (диакритических) знаков чешского алфавита ведет свое начало со времен Яна Гуса (XV в.) и ее называют остроумной. Так, долгота гласных обозначается с помощью т.н. чарки (*čárka*) – á, é, í, ó, ú, ý. Если долгое **u** в начале слова обозначается с помощью чарки – *úroda* (русс. *урожай*), то в позиции не начала слова обозначается с помощью другого диакритика в виде кружочка (т.н. *kroužek*) над буквой **ů** – *dům*. Из всех гласных такой диакритик для обозначения долготы имеет только буква **u**. Для обозначения шипящих используется диакритик – вилочка (т.н. *haček*): **č, š, ž**. Эти буквы эквивалентны русским буквам **ч, ш, ж** соответственно. Таким же образом **r'** (русское **р** мягкое), которое сегодня в чешском языке представляет собой уже совсем по-другому звучащую фонему [рж] или [рш], обозначается буквой **ř**. Этим же диакритиком оформляется и такая гласная фонема, как **ě**, которая употребляется после мягких согласных, так, *dělo* (русс. *пушка*). Диакритические знаки используются и при обозначении мягких согласных **ň, ě, ě**. По традиции употребляется буква **y** – **ý**, хотя звуковое различие **i** – **y** (ср. с русск. **и** – **ы**) реально уже утрачено. Буква **h** обозначает русский согласный **г** (**g**), который является в чешской фонетике придыхательным согласным, а буква **g** обозначает взрывной согласный, который также используется, но реже, только в заимствованных словах – ср. *hlava*, но *gram*. В чешском алфавите, в отличие от польского,

звук **v** обозначается в собственно чешских словах буквой **v**, а буква **w** пишется только в заимствованиях. Буквы **q**, **x** также используются только в заимствованных словах.

Словацкий алфавит. Графика словаков создавалась на основе чешской графики, но, естественно, с некоторыми изменениями. В состав словацкого алфавита входят следующие буквы: Aa, (Áá), ä, Bb, Cc, Čč, Dd, Ďď, Dz dz, Dž dž, Ee, Éé, Ff, Gg, Hh, Ch ch, Ii, Íí, Jj, Kk, Ll, (Ll'), Í, Mm, Nn, Ňň, Oo, (Óó), Ôô, Pp, Qq, Rr, (ř), Ss, Šš, Tt, Ěě, Uu, (Úú), Vv, Ww, Xx, Yy, (Ýý), Zz, Žž. В словацком алфавите представлены долгие гласные **Áá, Éé, Íí, Óó, Úú, Ýý**, а также долгие слогообразующие плавные. Отметим, что в словацком языке, как и в чешском, плавные согласные могут быть слогообразующими, но в отличие от чешского языка при этом они, как и все гласные, могут быть как краткими, так и долгими **Íí, Řř**. В словацком алфавите для обозначения шипящих употребляются те же диакритические знаки, что и в чешском алфавите: **č, š, ž**. То же следует отметить и в отношении указания мягкости согласных **Ďď, Ňň, Ěě**. В словацком алфавите, как и в чешском, присутствуют две буквы, обозначающие звук **г** как придыхательный, так и взрывной: **Hh, Gg**. Свообразны две буквы, которых нет в других славянских алфавитах – это буквы **Ôô, ä** (последняя не встречается в начале слова). Буква **Ôô** обозначает дифтонг **uo**, который исторически восходит к славянскому гласному переднего ряда верхне-среднего подъема **ô**. Буква **ä** обозначает звук, восходящий к напряженному **ě**, который в некоторых славянских говорах был гласным переднего ряда верхне-среднего подъема, в древности он обозначался буквой **ѣ**. Этот звук и соответственно буква **ä** наблюдается в словацком языке только после губных согласных **p, b, m, v**. Отметим, что оба этих звука, обозначаемых в словацком языке буквами **ä** и **ô**, наблюдаются сегодня в некоторых северовеликорусских говорах как реликт существовавших в древности гласных переднего и непе-

реднего ряда верхне-среднего подъема: в этих говорах произносятся *л'иес/лѣс* и *деуор/двѣр*.

Серболужицкий алфавит. Оба серболужицких языка пользуются алфавитами на латинской основе с добавлением ряда дополнительных знаков. В частности, для передачи старого «ять» (Ѣ) служит буква *é* – *chléb*; буква *ó* обозначает *о* напряженное, верхне-среднего подъема – *módry* (голубой). Буквы *é* и *ó* обозначают закрытые *е* и *о*. Буква *l* обозначает твердое *л*, а также неслоговой звук типа белорусского *ѣ*. Звук *г* (русс.) обозначается буквой *h*. Для обозначения звука типа русского *х* используется сочетание букв *ch* (как в чешской и словацкой графике). В серболужицком алфавите присутствует буква *ř* (как в чешской графике), которая наряду с *rj* передает мягкое русское [р] в разных ситуациях. Мягкость согласных передается посредством сочетания соответствующей буквы с *j*, но в конце слова мягкие *нь* и *рь* передаются посредством знаков *ń*, *ř*. Между обоими лужицкими языками есть некоторые различия, в том числе и фонетического порядка. Соответственно эти различия отражаются и в алфавите, поэтому для наглядности приводится алфавит обоих лужицких языков в отдельности.

Верхнелужицкий алфавит содержит следующие буквы: Aa, Bb, Cc, Čč, Ćć, Dd, Dž dž, Ee, ě, Ff, Gg, Hh, Ch ch, Ii, Jj, Kk, Łł, Ll, Mm, Nn, ń, Oo, ó, Pp, (Q q), Rr, ř, Ss, Šš, Tt, Uu, (Vv), Ww, (Xx), (Y)y, Zz, Žž.

Нижнелужицкий алфавит включает в свой состав в основном те же буквы, что и верхнелужицкий алфавит: Aa, Bb, Cc, Čč, Ćć, Dd, Dž dž, Ee, Ěě, Ff, Gg, Hh, Ch ch, Ii, Jj, Kk, Łł, Ll, Mm, Nn, Ńń, Oo, Pp, Rr, Řř, Ss, Šš, Śś, Tt, Uu, Ww, Yy, Zz, Žž.

Как можно заметить, в алфавитах верхнелужицкого и нижнелужицкого языков фиксируются и некоторые различия, что сигнализирует и о некоторых звуковых различиях в обеих разновидностях серболужицкого языка.

Хорватский алфавит. Как говорилось выше, глаголица сохранялась дольше всего у хорватов (южных славян) в официальной и деловой переписке. Уже с XV века, наряду с глаголицей, хорваты начинают пользоваться латинским алфавитом, который постепенно вытеснил глаголицу. Еще в XX в. глаголица использовалась при печатании богослужбных книг у хорватов, которые жили на островах Адриатического моря. В настоящее время хорваты используют латинский алфавит, приспособленный для обозначения звуков литературного хорватского языка. Этот алфавит называется **гаевицей** по имени одного из деятелей национального и культурного движения XIX в. Людевита Гая (1800-1872 гг.). В научной литературе гаевицу называют также латинским аналогом сербского алфавита – вуковицы. Хорватский алфавит – гаевица – содержит 27 букв и три диграфа: Aa, Bb, Cc, Čč, Ćć, Dd, Dž dž, Đđ, Ee, Ff, Gg, Hh, Ii, Jj, Kk, Ll, Lj lj, Mm, Nn, Nj nj, Oo, Pp, Rr, Ss, Šš, Tt, Uu, Vv, Zz, Žž.

Словенский алфавит. Словенцы (южные славяне) также пользуются латинским алфавитом с некоторыми добавлениями и изменениями, в частности, с тремя дополнительными диграфами Nj nj, Lj lj, Dž dž. В словенском алфавите 25 букв: Aa, Bb, Cc, Čč, Dd, Ee, Ff, Gg, Hh, Ii, Jj, Kk, Ll, Mm, Nn, Oo, Pp, Rr, Ss, Šš, Tt, Uu, Vv, Zz, Žž. Широко используются диакритические знаки, с помощью которых латинские буквы приспособлены для выражения своих, славянских звуков: так, знак ´ (в чешской графике называем *чаркой*) указывает на долготу гласных – **á, í, ú**. В отличие от чешской графики, обозначается не только долгота, но и краткость гласных специальным диакритическим знаком, например, **ě** и др. Специальным диакритическим знаком **^** обозначаются открытые долгие **ê, ô**. Буква **h** передает звук, которому в русской графике соответствует звук **х** (*hiter – хитрый*). Буквы **v, l** в определенных ситуациях обозначают звук типа неслогового **ў**, как в фонетической системе белорусского языка и некоторых велико-

русских говоров: ср. *volk* (слов.) – *воўк* (белорус.) – *волк* (русск.). Буквами **č**, **š**, **ž** передаются шипящие, как в чешском языке. В словенской графике присутствуют также сочетания букв **dz**, **dž**, обозначающие звонкие аффрикаты. Буквы **w**, **x**, **y**, **q** используются только при написании иноязычных собственных имен.

Таким образом, в славянском языковом мире, представленном целым рядом славянских языков, принадлежащих к восточнославянской, западнославянской, южнославянской группам, можно увидеть две графические системы – кириллицу и латиницу. В то же время бросаются в глаза различные варианты одного алфавита, что обусловлено фонетическими особенностями каждого славянского языка, появившимися в результате их многовекового раздельного развития.

ВЫВОДЫ

Рассмотрение, приведенное выше, представляет богатый славянский мир с тремя группами славянских народов и соответственно с тремя группами славянских языков.

История славянских народов привела к образованию славянских государств со своими национальными языками. Современные славянские языки, выделившиеся из праславянского языка, отличаются ощутимой близостью: зная один славянский язык, возможно хоть в какой-то мере понять слова или предложения любого незнакомого славянского языка.

Старославянский язык, появившийся благодаря переводам евангельских текстов на славянский, в частности, на древнеболгарский язык, стал позднее общим литературным языком всех славян, что также способствовало сохранению общих традиций и общих языковых черт в славянских языках. Созданный в IX в., старославянский язык, в свою очередь, обогатил живые славян-

ские языки, особенно в тех славянских странах, в которых было распространено православие.

Несмотря на тесное родство славянских языков, отдельные различия отразились даже в системах письма: в славянских странах системы письма, включающие как кириллицу, так и латиницу, представляют собой культурологический фактор. В зависимости от того, какая ветвь христианства распространена в той или иной славянской стране, православие или католичество, используется соответственно кириллица либо латиница, в итоге одни и те же славянские слова приобретают неодинаковый облик, несмотря на одинаковое звучание многих слов и выражений.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Как было показано выше, славянский языковой мир распространен на огромной территории Европы – восточной, западной, южной. Существование целого ряда отдельных славянских государств с титульными нациями, говорящими на близкородственных славянских языках, представляет собой уникальное явление в индоевропейском языковом мире. Несмотря на распад праславянского языка в глубокой древности на три группы славянских языков, последние сохраняют сходства в своем фонетическом строе, лексических и грамматических системах. Иными словами, ядро всех славянских языков остается стабильным, хотя со временем в них развились и немалые различия. Многие грамматические категории – род, глагольный вид и другие особенности – характерны для всех славянских языков. Но многовековое раздельное существование и развитие славянских языков привело к появлению в них также специфических особенностей, которые объединяют их в группы – восточнославянскую, западнославянскую, южнославянскую. В более тесном родстве групп славянских языков большую роль сыграл и географический фактор, компактность расселения славянских народов.

ГЛАВА 2.1.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Лексика является наиболее динамичным уровнем языка и в полной мере отражает состояние и характер исторического развития народов и их культур. При этом, в отличие от других уровней языка, лексика быстро реагирует на все изменения окружающей

жизни. В отличие от фонетики и грамматики, лексика представляет собой «более слабую и нечеткую систему, менее структурированную» [Мечковская 2001: 94]. А. Мейе писал по этому поводу: «Словарный состав – самый неустойчивый в языке. Слова могут исчезать по разнообразным причинам и заменяться новыми. В словарный состав могут включаться новые слова, превышающие числом старые» [Мейе 1951: 34].

Современные славянские языки достаточно близки по своему словарному составу, так как их древнейший словарный фонд в значительном объеме сохранился: от эпохи праславянской языковой общности в каждом из современных славянских языков функционируют древние лексические единицы. В лексических единицах славянских языков содержится культурная информация, которая в большой степени аккумулирована в слове. В кодах культуры отражаются все стороны окружающей действительности – природа и явления природы, наименования жилищ, родственная и ремесленная терминология, календарная лексика и др. К кодам культуры относятся все творения человека и человеческого духа. Их подавляющая часть отражается в лексике славянских языков. Вот что писал по этому поводу А.Ф. Лосев: «В слове, в особенности, в имени – все наше культурное богатство, накопленное в течение веков» [Лосев, цит. по Гудков 2003: 142].

В разных славянских языках наблюдается много общих слов из самых разных лексико-семантических разрядов. Например, такое важное древнее понятие, как *род*, в разных славянских языках передается одинаково, в ряде случаев с небольшими различиями: *rod* (русск., белор., болг.), *pid* (укр.), *pòd* (сербск.), *rod* (чешск., словацк., н/луж.), *ród* (польск., кашубск., в./луж.) [Фасмер 1987 т. 3: 490].

По мнению болгарского ученого И. Лекова, к общему словарному фонду славянских языков можно отнести около 1120 слов и только в 320 случаях можно заметить нарушение этого

единства по отдельным языкам или их группам [Леков, цит. по Ходова, 1960: 27].

Известный польский языковед, академик Т. Лер-Сплавинский на основе данных этимологических словарей произвел подсчет тех элементов лексики, которые сохранились в современном польском языке с праславянского периода [Лер-Сплавинский 1954: 12]. Оказалось, что общее число слов, которые сохранились в польском языке с праславянского периода без существенных изменений, превышает 1700 единиц. Подсчеты ученого показали, что, хотя со времени распада славянской языковой общности прошло более 15 веков, праславянское лексическое наследие в речи образованного поляка-носителя современного славянского языка – составляет около 1/4 всего словарного состава польского языка. Из этих примерно 1700 слов – более 1000 составляют существительные, 460 – глаголы, 170 – имена прилагательные и 80 слов других частей речи. Из указанного количества лексических единиц – свыше 8/10, т.е. 1450 слов, касаются внешнего физического мира, природы, материальной жизни человека, а 1/10 (примерно 178 слов) по выражаемому значению относятся к духовной жизни человека. Остальные 100 слов из 1700 единиц служат для выражения грамматических отношений – это местоимения, числительные, союзы, предлоги и др. Подсчеты Т. Лер-Сплавинского убедительно свидетельствуют о том, что и в других славянских языках существует аналогичная ситуация. Поэтому в научном мире считается, что данные Т. Лер-Сплавинского представляют собой типологические универсалии, приложимые к любому славянскому языку [Кондрашов 1986: 24].

Данные, полученные Т. Лер-Сплавинским, не являются раз и навсегда неоспоримыми. Существуют и другие точки зрения на этот счет. Так, по мнению других ученых, праславянских слов в лексических системах славянских языков все же больше. Например, по высказанному позднее мнению О.Н. Трубачева, а он также опирается на данные этимологических словарей, число

праславянских слов в славянских языках составляет около 10000 единиц [Трубачев 1957: 67]. Исключительная близость лексики славянских языков – интересное и феноменальное явление для всего славянского языкового мира, который распространен на огромной территории Западной и Восточной Европы. Именно потому, что лексика всех славянских языков в определенных границах восходит к исконной лексике праславянского языка, любой носитель одного славянского языка хотя бы в какой-то мере в состоянии понять речь носителя другого славянского языка. Как отмечает славист Р.М. Цейтлин, сравнительная лексикология славянских языков имеет чрезвычайно важное значение не только в теоретическом, но и в прикладном значении, в частности, «...в практике преподавания современных славянских языков славянам, например, русского языка – полякам, чешского – болгарам и наоборот» [Цейтлин, 1990: 369].

Праславянские лексемы, по наблюдениям И.А. Меркуловой, в разных славянских языках сохраняются в неодинаковой степени. Так, в русском, сербском/хорватском, чешском и украинском языках удельный вес праславянского словаря оценивается в 50% и более, не доходит до 50% – в словенском, польском, белорусском, болгарском, словацком языках, менее 30% праславянской лексики сохранилось в македонском, кашубском, лужицких языках [Меркулова 2014: 103]. Можно зафиксировать прямо пропорциональную зависимость между состоянием языка и исторической судьбой народа-носителя языка. В качестве примера сошлемся на македонский литературный язык, формирование которого стало интенсивным после распада СФРЮ (Социалистической Федеративной Республики Югославия) в 1991 г. Македонский язык становится государственным языком республики Македония в составе федерации, возникла типологически новая языковая ситуация: лексика македонского литературного языка в своей основе исконно славянская и не содержит традиционных книжных элементов, кроме отдельных слов [Усикова 2005: 179].

В славянских языках наблюдается много общих слов из самых разных лексических разрядов, при этом особенно выделяются слова, характеризующиеся чертами особой устойчивости. Это родственная терминология, соматическая лексика, названия предметов и явлений природы, сельскохозяйственных культур, зоонимическая лексика, названия хозяйственных занятий, календарная лексика и др. Остановимся на некоторых из них.

Зоонимическая лексика. В славянских языках широко представлена лексика, обозначающая представителей животного мира. Отметим названия птиц: например, существительное *соловей* (русск.), *соловий* (укр.), *салавей* (белор.), *славей* (болг.), *славуј* (сербск., хорв.), *slavec* (словенск.), *slavik* (чешск.), *slavik* (словацк.), *slowik* (польск.), *sylobik* (в/луж.), *sylojok* (н/луж.). Такие же сходства и соотносительность наблюдаются в наименованиях и других представителей пернатых – *воробей*, *орел* и др.

Названия насекомых также во многом соотносительны в разных славянских языках и восходят к праславянскому периоду: ср. восточнославянские названия *оса* (русск., укр.), *осва* (белор.), в западнославянских языках им соответствуют *vosa* (чешск.), *osa* (словацк., польск.), *wosa* (в/луж.) и др. Ср. это слово также с их южнославянскими соответствиями *osa* (макед., болг.), *òsa* (сербск.) [Фасмер 1987 т.3:156].

Интересен соотносительный ряд существительных, обозначающих четвероногих представителей животного мира: ср. древнее славянское слово *нес* (русск., белор., укр., макед.), *pies* (польск.), *pes* (чешск., словац., словенск.), *pos* (в/луж.), *pias* (н/луж.). Так, в современном русском языке сохранилось праславянское слово *нес*, между тем в качестве частотного общеупотребительного слова функционирует нейтральное существительное *собака*, представляющее собой заимствование из среднеиранского языка [Фасмер 1986 т.3: 702]. Отметим, что слово *собака* существует в лексических системах только восточнославянских языков, и это обусловлено историческими причи-

нами и языковыми контактами, которые, как правило, оставляют немало следов в контактирующих языках. Интересно отметить, что слово *собака* в славянском языковом мире за пределами восточнославянских языков встречается только в польском языке и шире в кашубском, представляющем собой сегодня диалект польского языка. По мнению ученых, это слово в них представляет собой заимствование из русского языка. Попав в кашубский язык, слово *собака* пережило при заимствовании существенный семантический сдвиг и употребляется в нем в качестве бранного слова. А общеупотребительным остается в нем слово *pies*. Интересна также судьба старого славянского слова *конь*, которое существует во всех славянских языках: ср. *конь* (русс., белор.), *кiнь* (укр.), *кон* (болг.), *коњ* (сербск.), *konj* (словенск.), *kij* (чешск.), *koń* (польск., в/луж.), *kôň* (словацк.), *kón* (н/луж., кашубск.). Однако в русском языке это слово, как и слово *пес*, сохранилось в качестве книжного, а наряду с ним используется нейтральное существительное *лошадь*, представляющее собой старое лексическое заимствование из тюркских языков [Фасмер 1986 т. 2: 525]. Отметим также, что существительное *конь* несет в себе и семантико-стилистическое содержание: *конь*, как правило, сильное красивое животное на фоне нейтрального слова *лошадь*.

Термины родства были важны в жизни древних народов. Эти термины представляли собой систему лексических единиц, указывающих место каждого члена большой семьи в иерархии семейных отношений. Культурологический фактор был здесь достаточно действенным. Так, в «Повести временных лет» в составе Лаврентьевской летописи (1377 г.) при описании жизни восточных славян летописец употребляет целый набор терминов не только кровного родства (*брат, сестра, отец, родители* и др.), но и свойственного родства – *свекровь, деверь, сноха* и др.

Многие слова в славянских языках, относящиеся к родственной терминологии, имеют очень древние истоки: они индоевро-

пейского происхождения, через праславянский язык перешли в славянские языки и сохранились в них после распада славянского праязыка. Эти слова соотносительны не только с соответствующими славянскими словами, но и со многими словарными единицами из других неславянских индоевропейских языков. Сравним следующие ряды существительных, обозначающих родство: *брат* (русск., укр., белор.) – *bratr* (чешск., в/луж.) – *brat* (польск., словацк., кашубск., н/луж.) – *брат* (болг.), и наряду с этими словами, *brother* (англ.) – *fratello* (итальянск.) – *bruder* (нем.); *дочь* (русск.) – *доч* (укр.) – *дъщеря* (болг.) – *dcera* (чешск., словацк.) и с приведенными славянскими терминами родства сравнимы соответствующие слова неславянской родственной терминологии *daughter* (англ.) – *դուստր* [dustr] (арм.), – *duktē* (лит.).

В славянских языках активно функционирует слово *отец*, обозначающее главу семьи, кормильца, термин однотипный почти во всех славянских языках: *отец* (русск., укр.), *оцец* (белор.), *отац* (срб/хрв.), *otec* (чешск., словацк.), *ojciec* (польск.). Слово *мать* с точки зрения звукового состава совпадает с соответствующим словом почти всех индоевропейских и тем более славянских языков. Известный этимолог М. Фасмер отмечает, что исходная форма этого слова во всех славянских языках начинается со звукосочетания **mā*, в основе которого «лежит слово **mā* из детской речи» [Фасмер т.2: 583]. Приведем этот термин, обозначающий данное понятие в разных славянских языках: *мать* (русск.) – *мати* (укр., болг.) – *маць* (белор.) – *matka* (чешск., словацк.) – *mać* (в/луж.) и др. Можно привести целый ряд слов из индоевропейских неславянских языков, обозначающих это же понятие, эти слова также начинаются со звука [m]: *māter* (лат.) – *mother* (англ.) – *māthir* (ирл.) – *Mutter* (нем.) – *մայր* [majr] (арм.). Отметим, что термин *мать* в сравнении с термином *отец* более однороден и по форме, и по звучанию.

Некоторые термины кровного родства утратились в ходе исторического развития славянских языков, сохранившись лишь в некоторых из них. Так, композит *братучадо* прозрачен по своему морфемному составу, из чего и вытекает его семантика. В русском языке он не употребляется сегодня, а в древнерусских памятниках, в частности, в «Русской Правде» (1282 г.), он встречается в значении *племянник*. В некоторых современных южнославянских языках – болгарском, сербском/хорватском – можно встретить и сегодня такие термины родства, как композиты *братучад/братовчед* в значении *двоюродный брат*.

Интересная картина в славянских языках обнаруживается при рассмотрении таких терминов кровного родства по боковой линии, как *дядя* и *тетя*. *Брат отца* в древнерусском языке обозначался старым славянским словом *стрый/строй*, а брат матери обозначался термином *уй*. И если в русском языке оба этих термина со временем утратились (примерно к XIV в.), то в ряде современных славянских языков они еще употребляются. Так, в современном словацком языке (западнославянском) этот термин существует в виде *ијо*, а в чешских диалектах еще существует слово *ијес* в значении *дядя по матери*. Этот термин видим сегодня и в болгарском языке (*вуйчо*), и в македонском языке (*вуйко*).

Термин *тетя (тетка)* – сестра отца или матери – бытует во многих славянских языках с незначительными фонетическими расхождениями: ср. *тітка* (укр.) – *цетка* (белор.) – *тета, тетка* (болг.) – *teta, tetka* (словенск.) – *teta* (чешск., словацк.) – *ciotka* (польск.). В древнерусском памятниках даже более позднего периода встречается и термин *леля (лелья)* в значении *сестра отца* [Срезневский т.3: 17-18]. В современном болгарском языке и сегодня употребляется термин *леля* в значении *тетя*.

Параллели с индоевропейскими терминами наблюдаются не только в отношении терминов кровного родства, о которых говорилось выше, но и терминов свойственного родства. К той же индоевропейской родственной терминологии относится ряд имен,

среди которых назовем существительное *свекор* (русск.) в значении *отец мужа*. Соответствия к этому слову также можно увидеть как в славянских, так и в неславянских языках: *свекор* (укр.) – *свекър* (болг.) – *svekr* (чешск.) – *svokor* (словацк.) – *świekieŕ* (польск.) и также *çvâçurax* (др/инд.) – *socer* (лат.) – *սկերսր* [skesarar] (арм.), а также *svekuros (индоевроп.) [Фасмер 1986: 371]. Термины родства индоевропейского происхождения, как можно было заметить по приведенным примерам, существуют во многих славянских языках.

В то же время определенная часть родственной терминологии, которая была очень важна в жизни древних славян, живших большими семьями, именно праславянского происхождения и ее соответствия особенно последовательно встречаются в разных славянских языках: ср., *муж* (русск., укр.) – *mqż* (польск.) – *muž*, также *manžel* (чешск.) – *muž* (словацк., в/луж., н/луж.) – *мъж* (болг.) – *муж* (сербск.) – *môž* (словенск.) и др.

Соматическая лексика. Много интересного с точки зрения типологических универсалий в лексике славянских языков отражается и в соматизмах. Именно соматическая лексика как один из наиболее древних лексических пластов в разных славянских языках дает наглядное представление о ее праславянских истоках: так, *рука* (русск., укр., белор.), *ръка* (болг.), *roka* (словенск.), *ruka* (чешск., словацк., в/луж., н/луж.), *ręka* (польск.); *ухо* (русск., болг.) – *вухо* (укр.) – *вуха* (белор.) – *uho* (словенск.) – *ucho* (польск., чешск., словацк.) – *wucho* (в/луж.) – *hucho* (н/луж.) и др. К соматизмам, соотносительным в разных славянских языках, относится ряд существительных: *голова* (вост/слав.) – *glowa* (польск.), *hlava* (чешск., словацк.) – *глава* (болг., макед.) и др. Соматическая лексика наиболее однотипна в разных славянских языках в силу выражаемого ею значения, однако и здесь видим определенные расхождения, чаще всего фонетического порядка.

Календарная лексика. Интересную картину можно увидеть при рассмотрении славянской календарной лексики. Так, исконно

славянские лексические единицы, обозначающие месяцы, своими наименованиями указывали на состояние природы и на погодные условия, на сельскохозяйственные работы и на цикл работ, производимых в определенный промежуток времени года. Древние славянские наименования месяцев праславянского происхождения сохранились не во всех славянских языках. С принятием христианства во многих из них исконно славянские наименования месяцев, в частности, в русском, болгарском, сербском, словацком и некоторых других славянских языках, были вытеснены их европейскими соответствиями, которые для славян не имели той же понятной семантики. Сравним слово *январь*, наименование бога Януария, и его славянский эквивалент *leden* в чешском языке, однозначно указывающий на холод, характерный для этого месяца года. Старые славянские названия остальных месяцев, хорошо сохранившиеся, например, в чешском языке, достаточно прозрачны и во многих из них узнаваемы старые славянские корни, связанные с состоянием природы (*květen* – русск. *май*, *listopad* – русск. *ноябрь*), с циклом сельскохозяйственных работ (*srpen* – русск. *август*, в этом слове выступает корень *serp*). Интересен и такой факт: в некоторых славянских языках сохранившиеся старые славянские названия месяцев представляют собой разные названия, образованные от синонимичных корней, достаточно прозрачных и легко понимаемых. Так, сравним слово *август* (русск.) и слова с обозначением этого же месяца из других славянских языков: *серпень* (украинск.) – *жнівень* (белорусск.) – *орач* (болг.) – *житар* (македонск.) – *гумник* (сербск.). Как можно заметить по приведенным разным славянским наименованиям одного и того же восьмого месяца года, в их семантике отражается цикл сельскохозяйственных работ с неоднородной детализацией. Кроме того, одно и то же славянское наименование может функционировать в славянских языках для обозначения разных, но смежных месяцев: ср. славянское название весеннего месяца *май* в польской и чешской календарной

лексике *kwiecień* и *květen* соответственно и его эквивалент в украинском языке *квітень*, обозначающий *апрель*.

Одним из древних кодов культуры, отраженных в лексике, является также недельный календарь как часть календарной лексики – обозначение дней недели и общее наименование последней. В обозначении понятия «семидневка» сегодня в разных славянских языках нет полного единства, о чем свидетельствуют данные в ее обозначении. Сравним *неделя* в значении ‘семидневка’ и *воскресенье* в значении ‘выходной день’ в русском языке с соответствующими словами других славянских языков: *тиждень* и *неділя* (укр.) – *тыдзень* и *нядзеля* (белор.) – *tydzień* и *niedziela* (польск.) – *týden* и *neděle* (чешск.) – *tyždeň* и *nedel'a* (словацк.) – *tjedan* и *nedjelja* (хорв.) – *седмица* и *неделя* (болг.). Как можно увидеть, в славянских языках обозначение семидневки стало различаться, но показательно, что при этом все обозначения также представлены славянскими корнями. Примечательно, что слово *неделя* как единственное обозначение семидневки используется только в русском языке, и оно представляет собой типологическую особенность русского языка. Заметим, что в болгарском языке наряду с *седмица* в более периферийном статусе в обозначении семидневки также употребляется и слово *неделя*, но основная нагрузка в этой номинации падает на слово *седмица*. То, что слово *неделя* прежде в русском языке обозначало и сегодня в других славянских языках обозначает выходной, нерабочий день, отражается в его морфемном составе: *не-дельный*, *не-делающий*, т.е. *праздный*. Слово *неделя* этимологически представляет собой кальку с греческого слова *απρακτός*, имеющего то же значение. Старое значение слова *неделя* как название дня отдыха сохранилось лишь в церковной терминологии в устойчивом словосочетании *Фомина неделя* в значении ‘седьмой день послепасхальной семидневки’. Наименования дней недели в других славянских языках представлены славянскими же словами за исключением слова *суббота* из греческого языка, которое на

заре славянской письменности проникло во все славянские языки. Последний день недели, как было отмечено выше, реализуется неодинаково в русском языке, в котором он обозначается словом *воскресенье*, и в остальных славянских языках, сохранивших старое обозначение *неделя* с некоторыми фонетическими огласовками, в значении дня отдыха.

Только в русском языке употребляется наименование дня отдыха *воскресенье*, и это уникальная особенность русского языка среди других славянских языков. Русское обозначение дня отдыха *воскресенье* появилось в недельном календаре после принятия христианства на Руси и представляет собой интересный случай переноса наименования с события на время, когда оно имело место: наименование дня церковного праздника пасха, свободного от работы, перешло на день отдыха в рамках семидневки, день, вообще свободный от работы в течение всего года. Этому переносу способствовало и использование слова *неделя* в русском языке для обозначения семидневки, так как возникшая омонимия в обозначении свободного от работы дня недели и одновременно семидневки была нежелательна и должна была быть устранена. Присмотримся к этимологии слова *понедельник*, морфемный состав которого указывает на старое обозначение дня отдыха в недельном календаре: префикс *по-* вносит значение *после*, сегодня для него малоупотребительное, а корень представляет старое слово *неделя* – день отдыха в семидневке.

Сельскохозяйственная лексика. Слова, обозначающие основные виды сельскохозяйственных работ, во всех славянских языках являются общими, так как это наиболее древняя часть лексики, тесно связанная с материальной жизнью древних славян: *сеять* (русск.) – *сіяти* (укр.) – *сеяць* (белор.) – *сея* (болг.) – *sejati* (сербск.) – *sejati* (словенск., хорв.) – *siać* (польск.) – *síti* (чешск.) – *siať* (словацк.) и др. Можно отметить, что в цепочке таких общих слов некоторые из них в отдельных славянских языках не сохранились по разным причинам, например, устарели или

выпали из лексической системы. Так, древнерусское *орати* в русском языке перестало употребляться, сменившись глаголом *пахать*. В то же время это слово в своем старом значении сохранилось в других славянских языках: ср. *орати* (укр.) – *араць* (белор.) – *ора* (болг.) – *орати* (сербск.) – *orati* (словенск.) – *orat* (чешск.) – *orať* (словацк.) – *orać* (польск.). Отметим, что этот глагол имеет параллели в некоторых индоевропейских неславянских языках: *ár̥ti* (лит.) – *agāre* (лат.) – *arjan* (готск.) и все эти глаголы выражают значение *пахать*. Заметим, что наличие начального **о** или **а** в этих приведенных из разных славянских языков словах не случайно, так как эти гласные восходят генетически к одному звуку: ***ā** – ***ǣ** или ***ō** – ***ǫ**.

В лексических системах славянских языков во многом одинаковы названия сельскохозяйственных культур: ср. *пшеница* – *ячмень* – *просо* (русск.), *пшениця* – *ячмінь* – *просо* (укр.), *пшаница* – *ячмень* – *проса* (белор.), *пшеница* – *ечемик* – *просо* (болг.), *пченица* – *јачмен* – *просо* (макед.), *pšenice* – *ječmen* – *proso* (чешск.), *pszenica* – *jęczmień* – *proso* (польск.).

Отвлеченная лексика. Очень распространены в славянских языках лексемы, представляющие собой отвлеченные слова и названия психических (ментальных) процессов. Отметим лексические единицы в разных славянских языках, эквивалентные русскому слову *вера*: *віра* (укр.), *въра* (болг.), *вера* (сербск.), *víra* (чешск.), *wiara* (польск.), *wjera* (в/луж, н/луж.). Во всех славянских языках есть существительные, соотносительные с русским словом *память*. Приведем эквиваленты этого слова из разных славянских языков: ср., *пáмяць* (белор.) – *пáмет* (болг., сербск.) – *pámet* (словенск.) – *patěť* (чешск.) – *patät'* (словацк.) и т.д. Другие примеры соотносительности отвлеченных слов и названий ментальных процессов в разных славянских языках также многочисленны.

Таким образом, сравнительный анализ слов из разных лексико-семантических групп современных славянских языков

дает возможность увидеть общность многих лексических единиц, история которых восходит к праславянскому, а в ряде случаев и к более раннему, индоевропейскому периоду. При этом следует обратить внимание на общность в большинстве случаев и значения, и формы выражения лексических единиц.

В целом ряде случаев наблюдается и такое явление: форма выражения лексической единицы в разных славянских языках совершенно одинакова, но это неодинаковые по значению слова, например, русское *стул* и чешское *stůl* в значении *стол*. Интересны также случаи существования одних и тех же слов в разных славянских языках, значения которых не только не эквивалентны, но и вовсе не соотносительны по значению: так, русское слово *наглый*, которое в современном языке имеет значение *крайне нахальный, дерзко-бесстыдный* [Ожегов 1978: 341]. Однако в современном чешском языке *'nahlý'* обозначает *внезапный, быстрый*. То же значение этого слова выступает и в других языках западнославянского ареала. В южнославянских языках фиксируется такая картина: в сербском/хорватском языках это слово выражает значение *'попешный'*, в словенском языке означает *'внезапный'*. В македонском (южнославянском) языке и сегодня существует наречие *нагло*, имеющее отадъективное происхождение, в значении *'быстро, резко'*. В то же время отметим, что и в древнерусском языке функционировало прилагательное *наглый* в значении *быстрый* и это слово именно в этом значении встречается в древнерусских памятниках, в частности, в «Слове о полку Игореве». В этом слове в разных славянских языках возможно выделить (иногда с натяжкой) общую сему *'быстрый'*, которая и создает нечто общее в значении: наглость, как правило, проявляется с быстротой. Поэтому неудивительно, что и в других славянских языках отмечается сегодня функционирование этого слова в его старом значении: ср. *наглий* в значении *внезапный, скоропостижный* в украинском языке, а также в чешском, словацком, польском, в обоих лужицких языках, в которых оно

сохраняет свое старое значение *внезапный, быстрый*. У М.В. Ломоносова в оде «На день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны» (XVIII в.) встречаем это слово в его старом значении: «*Вы, наглы вихри, не держайте...*». Оно отмечается и в повести А.П. Чехова «Степь» в словах старого крестьянина: «*Нет ничего хуже, чем наглая смерть*». В ряде русских говоров и сегодня сохраняется старое значение этого слова.

В словарях разных современных славянских языков наблюдаются также слова, которые звучат одинаково или почти одинаково, но при этом имеют разные, а в ряде случаев даже полностью противоположные значения. Особенно показательны примеры из чешского языка: приведем такой хрестоматийный пример, как *черствый хлеб* (русск.) в значении *хлеб несвежий, высохший* и *čerstvý chléb* (чешск.) в противоположном значении – *свежий хлеб*. Подобные слова с одинаковой формой, но с разными или противоположными значениями в близкородственных языках, в данном случае, славянских, создают трудности в процессе межъязыкового перевода. Наблюдения над случаями ложной эквивалентности привели к созданию словарей т.н. «ложных друзей переводчика», что особенно актуально для близкородственных языков. В настоящее время существуют «Русско-словацкий словарь ложных друзей переводчика» Г. Урядова (2012 г.), небольшой «Сербский/хорватский – русский словарь» Д. Лытова (2015 г.), также «Учебный болгарско-русский словарь ложных лексических параллелей», автор А.В. Зинкевич, Минск (2001 г.) и др. Отдельные проблемы данной темы рассматривались во многих статьях и сборниках. К этой теме в свое время обращался Р.А. Будагов в работах «Ложные друзья переводчика // Человек и его язык». М., 1974, также «Сходства и несходства между родственными языками», М., 1985. Приведем пары омонимов из разных славянских языков, представляющих трудности в процессе перевода: ср. чешск. *žádný* – *никакой* (русск. *жадный – скупой*); чешск. *pozor* – *внимание* (русск. *позор – срам*), *vor*

(чешск. *плот*) и *вор* (русс.); *вред* (болг. наречие *везде*) – *вред* (русс. существительное), *гуляй* (болг. *кутеж*) – *гуляй* (русс. глагол *гулять* в императиве), *стул* (сербск. *столица*) – *стул* (русс. *предмет мебели*); *трус* (белор. и русск. диал. *кролик*) – *трус* (русс. *боязливый человек*), *люстра* (белор. *зеркало*) – *люстра* (русс. *светильник*).

В разных славянских языках русскому слову *фрукты* эквивалентны существительные *ovocie* (словацк.), *ovose* (чешск.), *owoc* (польск.), *ovôčje* (словенск.), *овоциѧ* (болг.), *овоѧје* (макед.). Что касается слова *фрукты* в русском языке, имеющего сегодня значение *сладкие плоды*, то оно представляет собой заимствование Петровского времени из латинского *fructus* через польское посредство. В памятниках даже зафиксирована точная дата этого заимствования – 1705 г. Если русское слово *овоци* обозначает сегодня *несладкие плоды*, то это же слово в разных славянских языках, в отличие от русского, обозначает *фрукты*, т.е. сладкие плоды, например, в чешском языке существительное *ovose* употребляется именно в этом значении. Интересно заметить, что в украинской лексике представлено слово *овоч-овочі*, обозначающее не только *овоци* как несладкие плоды, но и плоды вообще, в том числе и *фрукты*. В указанных выше славянских языках для обозначения понятия *несладкие плоды*, соответствующего современному русскому слову *овоци*, используются старые славянские слова с одним и тем же корнем, но в ряде случаев с разными словообразовательными аффиксами: ср. *zelenina* (в западной группе в чешском языке) и *зеленчук* (в южной группе в болгарском языке). Сказанное позволяет сделать вывод о том, что некоторые праславянские слова в разных славянских языках сохранили лишь форму, а семантический сдвиг сделал их во многом разными словами, несмотря на одинаковую форму. Как отмечается в литературе, «в отличие от веками меняющейся грамматики и фонетики, лексическая семантика меняется очень быстро: на памяти одного поколения носителей языка слова

появляются и исчезают, теряют свои значения и приобретают новые» [Рахилина, Резникова 2011: 8].

Общность многих лексических единиц в славянских языках становится более зримой при обращении к русской диалектной лексике. Так, в северновеликорусских диалектах наблюдается много слов, которых нет в лексике современного русского литературного языка, но эти лексические единицы можно обнаружить в словарях тех или иных славянских литературных языков. В русском диалектном языке – в архангельском, олонецком и других говорах – сохранилось старое славянское слово *лони*, имеющее значение *в прошлом году*. Это слово сопоставимо с чешским, польским, также верхнелужицким и нижнелужицким *loni*, словенским *lani*, болгарским, македонским, сербским *лани*. Показательно, что во всех славянских языках это слово имеет одно и то же значение. Сравним также такие слова, как чешское *houba*, словацкое *huba*, болгарское *гъба*, словенское *goba* в значении *гриб*, с соответствующим русским диалектным словом *губа* с тем же значением в архангельских, пермских, костромских, ярославских говорах.

Интересно также болгарское слово *гуня*, *гуна*, обозначающее род верхней крестьянской одежды, обычно белого цвета. Это слово сохранилось в диалектном сербском языке (*гуња*) уже в значении *мужская одежда*, подбитая кожей или сшитая из овчины, в лексике македонского языка также сохранилось существительное *гуња* в значении *крестьянская куртка* (из грубого сукна). Интересно отметить, что это слово при его отсутствии в русском литературном языке функционирует в разных русских диалектах, причем сохраняется форма слова при выражении разных значений или оттенков значений: так, *гунька* (тульское и орловское) в значении *женская рубашка*, *гуня* (заонежское) в значении *чистая одежда* и даже *гунье* (архангельское) – *старая рухлядь, тряпки, обноски*. Это последнее значение имеет и слово *гунька* (*кабацкая*) в произведении XVII в. «Повесть о Горе-Злочастии»,

представляющем собой запись фольклорного произведения, поэтому и характеризующемся близостью к народному языку. К слову сказать, эти соответствия очень определенно подтверждают старое положение, выдвинутое в свое время Р.И. Аванесовым: диалектология как наука помогает понять устройство национального языка [Аванесов 1947: 226].

Лексические соответствия в словарях разных славянских языков, восходящие к праславянскому лексическому фонду, обнаруживаются среди слов разных частей речи. Приведенные выше лексические соответствия были представлены, в основном, именами существительными. Не меньше лексических соответствий праславянского происхождения обнаруживается и в кругу имен прилагательных. Так, русское прилагательное *красивый* соотносится со словом *красив* с тем же значением в болгарском языке, а в южнославянском македонском языке, наиболее близком болгарскому, ему соответствует прилагательное *красен*. Здесь уже последнее соотносится с чешским (западнославянским) словом *krásný*. В древности понятие «красивый» передавалось прилагательным *красный* и в русском языке, недаром оно фигурирует в народных сказках, фразеологизмах, пословицах и поговорках – *красна девица, красный угол; красна изба не углами, а пирогами* и т.д. И старинная главная площадь в Москве потому и называется *Красная площадь*.

Богатый лексический материал в славянских народных пословицах в краткой и сжатой форме отражает итоги наблюдений народа над жизнью. В славистике употребляются разные термины для обозначения этого вида фольклора: *пословицы* (у русских, болгар и сербов), *прислів'я* (у украинцев), *прыказкі* (у белорусов), *příslovní* (у чехов), *prislovia* (у словаков), *pregovori* (у словенцев). Приведем несколько пословиц из разных славянских языков. Так, *Kota w worku kupować* (польск.) – Покупать kota в мешке; *Každý pták své hnízdo chválí* (чешск.) – Каждая птица свое гнездо хвалит; *Лето за сиромаси, а зимо за богати* (болг.) – Лето

для бедных, а зима для богатых; *Мудрој глави једно око доста* (сербск.) – Умной голове одного глаза достаточно; *Čini dobro, ne kaj se, čini zlo, nadaј se* (хорв.) – Делаешь добро – не кайся, делаешь зло – надейся!

Таким образом, генетически родственными и в определенной мере совпадающими в разных славянских языках, причем в ряде случаев не во всех из них, являются слова всех знаменательных частей речи, родство которых не всегда просматривается из-за многовековых исторических изменений. Однако вполне сопоставимы и слова служебные, например, предлоги и приставки (ср. русск., болг. и макед. *pod*, чешск. *pod*), союзы (ср. русский союз *если* и чешский *jestli*). Отметим, что условный союз *если*, полностью эквивалентный по значению и по форме соответствующему современному чешскому союзу *jestli*, встречается еще в русских памятниках первой четверти XVIII в., например, в «Письмах и бумагах Петра Великого». Типологически сопоставимы в кругу служебных слов и частицы: ср. русск. *уже*, болг. *уж*, чешск. *už*. Однако наряду с универсальными признаками здесь можно увидеть и индивидуалии: ср. русскую модальную частицу *же* и это же слово в чешском языке *že*, выступающее в качестве подчинительного союза в изъяснительном придаточном предложении.

Интересное явление представляет типология междометий в разных славянских языках: эквивалентность наблюдается и в кругу междометий, но в меньшей степени, что связано с ментальностью народа-носителя языка, с эмоциональной стороной его жизни, которая проявляется даже у близкородственных народов по-разному. Приведем соотносительные как по выражаемому значению, так и по форме междометия из разных славянских языков: таковы междометия *ах* (русск., макед.), *ach* (чешск.) и др. Однако также немало случаев несоотносительности по форме междометий из разных славянских языков, выражающих одно и то же значение: например, русское междометие *эй* соотносится

по значению и вовсе несоотносимо по форме с междометиями *бре* (болг., макед.) и *hola* (чешск.). Типология, наблюдаемая в богатой славянской антропонимике, имеющей многовековую историю, также представляет немалый интерес. С IX в. восточные славяне приняли христианство и к ним проникли христианские имена, подавляющее число которых прочно вошло в антропонимическую лексику. При этом славянские языки эти канонические имена принимали не механически, а приспособляли их, что и естественно, к своим фонетическим и грамматическим системам. Так, греческое мужское имя *Георгий* в разных славянских языках приобрело следующий вид: *Георги* (болг.) – *Джорджи*, *Чорчи* (сербск., макед.) – *Jiří* (чешск.) – *Ежи* (польск.) – *Георгий*, *Юрий*, *Егор* (три разных имени в русской антропонимике!).

В настоящее время, начиная с конца XX и начала XXI в., складывается новая ситуация в лексических системах разных славянских языков в связи с широким вхождением в жизнь общества новых реалий, в частности, компьютера и компьютерных технологий, Интернета, новых средств связи, например, мобильной, новых средств массовой информации. Все это приводит к инновациям в славянских языках, которые отражаются, в первую очередь, в лексике. В лексику славянских языков входят иностранные слова, преимущественно англицизмы, а точнее, американизмы, которые обнаруживают тенденцию к их сохранению в этих языках. В этом смысле возникают уже новые тесные параллели в лексических системах разных славянских языков, поскольку источник заимствования чаще всего один и тот же. Так, сравним болгарский и македонский глагол *алармира* (бить тревогу) и чешский глагол *alarmovat* с тем же значением. Эти слова заимствованы из английского (точнее, из американского) *alarm*, при этом возникают между ними и некоторые фонетические расхождения в связи с адаптацией этих слов в принимающих славянских языках. Подобные заимствования

являются результатом действия культурологического фактора. Чаще всего это имена существительные (примерно 84%), которые, войдя в новую для себя языковую систему, осваиваются фонетически, приобретают статус семантически самостоятельных слов и становятся основой для образования новых слов. Такие дериваты (русизмы, богемизмы, болгаризмы и др.) становятся уже фактом лексики конкретного славянского языка, обогащая ее новыми словами. Так, в болгарском языке последних лет появились новые слова, являющиеся уже в определенной степени болгаризмами, т.к. они возникли на болгарской почве и по грамматическим нормам болгарского языка, например, *моби́фон* из *mobile phone*. К числу таких новых слов относится и вошедшее в чешскую лексику существительное *mobil* в значении *мобильный телефон*. Такого же порядка явления отражены в любом славянском языке.

ВЫВОДЫ

В близкородственных славянских языках много общих лексических единиц, представленных в целом ряде лексико-семантических групп, таких как соматическая и родственная лексика, сельскохозяйственная и календарная терминология и др. Сходства между славянскими языками на лексическом уровне представляют собой феноменальное явление: лица, знающие хотя бы один славянский язык, в какой-то мере могут понять те или иные славянские слова.

В ходе исторического, уже отдельного развития славянских языков, в них появились и лексические различия, связанные с их разной исторической судьбой: принятие христианства в его разновидностях (православие и католичество), татаро-монгольское нашествие в восточнославянском ареале, тюрские элементы

в языках южных славян в результате завоевания Балкан турками, а также исламизации местного населения и др.

В настоящее время в лексических системах современных славянских языков появились и новейшие неологизмы, заимствованные из неславянских европейских языков практически из одних и тех же источников в связи с развитием науки и техники. Таким образом, в лексических системах современных славянских языков содержатся как универсалии, так и индивидуалии.

Отметим, что XXI в. – это век новых технологий и систем связи, научных открытий и инноваций в разных областях жизни, и время покажет новые универсалии и индивидуалии в лексических системах славянских языков, появившиеся в результате интернационализации. Большую роль в сравнительно-исторических исследованиях славянских языков и установлении их родства играют сходства в их словарном составе, что само по себе является феноменальным явлением.

ГЛАВА 2.2.

ТИПОЛОГИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Фонетические особенности играют очень важную роль в исследованиях славянских языков: эти особенности являются самыми древними по происхождению и наиболее устойчивыми. Как уже отмечалось выше, современные славянские языки являются близкородственными языками, и это родство проявляется на всех уровнях – в лексике, фонетике, грамматическом строе. Именно на основе черт сходства в славянских языках устанавливается их родство, т.е. выявляется, что разные славянские языки являются результатом нескольких различных путей развития одного языка-основы, праславянского языка, существо-

вавшего ранее. Иными словами, факт сходства славянских языков указывает на то, что в прошлом существовал общий язык-источник, из которого вычленились и развивались сложными и своеобразными путями отдельные славянские языки и группы славянских языков, куда они входили и входят. Данные славянских языков и их сравнительно-исторические исследования позволяют видеть, что в древности между ними было больше сходства и близости на всех уровнях – в словаре, звуковом составе и грамматике. При установлении родства языков, в данном случае славянских, особое внимание уделяется также звуковой системе и грамматическому строю: это объясняется тем, что данные уровни языка относительно устойчивы и динамика их развития отличается достаточно медленными темпами.

В каждом из славянских языков от праславянской эпохи сохранились общие для всех славянских языков фонетические элементы и закономерности. В одних случаях они сближают восточнославянские и южнославянские языки, в других случаях – южнославянские и западнославянские языки, в третьих случаях – восточнославянские и западнославянские языки. Именно черты сходства и делают возможным знающим один славянский язык хоть в какой-то мере понять сказанное на другом, незнакомом славянском языке.

Общие элементы в фонетических системах славянских языков свидетельствуют об их общем происхождении из одного праязыка – праславянского языка. Напомним, что, в свою очередь, праславянский язык выделился из индоевропейского праязыка и по этой причине в славянских языках отмечаются и общеиндоевропейские фонетические элементы.

ГЛАВА 2.3.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ХАРАКТЕРНЫЕ ДЛЯ РАЗНЫХ ГРУПП СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Индоевропейские гласные и согласные получили своеобразное выражение в праславянском языке и позднее во всех славянских языках. Так, долгие и краткие индоевропейские гласные в разных славянских языках, образовавшихся после распада праславянского языка, трансформировались в одни и те же звуки. Это ведет свое начало с древности: ***ū** перешло в **ы**, ***ī** > **и**, ***ē** > **ѣ**-напряженное (в древности этот звук со старославянского периода обозначался буквой **ѣ**), ***ā** и ***ō** > **а**, ***ǣ** и ***ō** > **о**, ***ě** > **е**. Во всех славянских языках появились редуцированные гласные как результат изменения индоевропейских кратких гласных: ***ũ** > **ь**, ***ĩ** > **ь**.

К распаду праславянского языка уже сформировались три группы славянских языков, имеющих свои специфические особенности на фонетическом уровне. Следует отметить, что фонетические особенности выделяются особенно четко и являются достаточно устойчивыми. Приведем некоторые, наиболее интересные и убедительные фонетические особенности, характерные для каждой из групп славянских языков.

1. В современных восточнославянских языках наблюдаются полногласные сочетания *-оро-*, *-оло-*, *-ере-*, *-ело-* в корнях слов между согласными, в соответствии с которыми в южнославянских языках выступают в тех же словах неполногласные сочетания *-ра-*, *-ла-*, *-ре-*, *-ле-*. Во всех западнославянских языках им соответствуют также неполногласные формы, но с вариантами *-ро-*, *-ло-* (в польском языке) и *-ра-*, *-ла-* (в чешском, словацком языках). Неполногласие свойственно также лужицким языкам. Приведем соответствующие примеры: *голова* (русск.) – *gláva*

(болг.), *hlava* (чешск. и словацк.) – *głowa* (польск.). В старославянских памятниках также отмечаются слова с неполногласными сочетаниями *-pa-*, *-la-*, поскольку, как было уже отмечено, старославянский язык был создан на южнославянской языковой основе.

2. Начальные *po-*, *lo-* характерны для восточнославянских и западнославянских языков, в то время как в южнославянских языках им соответствуют начальные *pa-*, *la-*: ср., *ровный*, *лодка* (русск.) – *rovný*, *lodí* (чешск.), но *равен*, *ладия* (болг.). Отметим, что и в древнерусских текстах в ряде случаев наблюдаются начальные сочетания *pa-*, *la-*, и в современном русском языке присутствуют, помимо слов с *po-* и *lo-* (исконно восточнославянских), также параллельно исторически южнославянские единицы с *pa-* и *la-*, например, *работа*, *равный*. Это следует объяснить их заимствованием из церковнославянского языка, влияние которого в древнерусском языке после принятия христианства было ощутимым.

3. В ряде слов восточнославянских языков звукам **ж**, **ч** соответствуют южнославянские сложные согласные **жд**, **шт** (**щ**), а в западнославянских эквивалентах – **z** и **dz** (русское **з** и **дз**) и звук **с** (русск. **ц**): ср. *межа*, *свеча* (русск.) – *межда*, *свещ* (болг.) – *meze*, *svíce* (чешск.) – *miedza*, *swieca* (польск.). Эти мягкие согласные, развившиеся в разных группах славянских языков, являются результатом смягчения согласных под воздействием последующего **j** в праславянских сочетаниях ***dj**, ***tj** (***medja**, ***světja** – праславянская форма приведенных выше слов из трех групп славянских языков). Отметим, что в соответствующих словах старославянского языка также выступают звуки **жд** и **шт**, как и во всех современных южнославянских языках.

4. Древние праславянские сочетания ***dl**, ***tl** под воздействием фонетических законов упростились, т.е. переднеязычные согласные **d** и **t** в них выпали, но опять-таки заметна неодинаковая картина в разных группах славянских языков. В восточ-

нославянских и южнославянских языках **d** и **t** в указанных сочетаниях выпали, а в западнославянских языках эти сочетания согласных остались без изменения: ср., *salo* (русс., укр., болг.), но *sádlo* (чешск.). Выпадение в этих сочетаниях праславянских согласных **d** и **t** отражается и в старославянском языке с его южнославянской основой.

5. В восточнославянских и южнославянских языках на месте древних сочетаний губных согласных с **j** (**bj*, **vj*, **mj*, **pj*) не в начале слова возникли сочетания, в которых на месте **j** выступает мягкое л, его называют л-эпентетиком (т.е. л-вставочное): это сочетания **бл**, **вл**, **мл**, **пл**. Появление после губных согласных мягкого л-вставочного на месте **j** представляет собой более позднее явление, возникшее под воздействием фонетических законов, по которым строился слог. В западнославянских языках л-эпентетиком не в начале слова не фиксируется. Из южнославянских языков л-эпентетиком в настоящее время не наблюдается только в болгарском языке, однако в древнеболгарском языке он существовал и об этом свидетельствуют письменные памятники: выпадение мягкого л после губных согласных в болгарском языке представляет собой позднейшее явление. Приведем соответствующие примеры: *земля* (русс.) – *зямя* (белор.) – *земља* (сербск.) – *zemlja* (словенск.), но *земя* (болг.) – *zetrě* (чешск.) – *ziemia* (польск.). И в старославянском языке, как и в словах из остальных южнославянских языков, в указанных словах наблюдается л-эпентетиком не в начале слова.

6. Начальному **o** в восточнославянских языках соответствует в южнославянских и западнославянских языках гласный **e** с предшествующим **j**. Это соответствие является очень последовательным и реализуется также в старославянском языке с его южнославянской основой. Приведем соответствующие примеры: *один* (русс.), но *един* (болг.), *један* (сербск.) – *jeden* (чешск., польск., словацк.); *осень* (русс.), но *есен* (болг.). В свете сказан-

ного становится ясной южнославянская, а точнее – церковнославянская этимология фамилии поэта Сергея Есенина.

7. Перед древнеславянским гласным звуком переднего образования дифтонгического происхождения, который обозначался в старославянских памятниках буквой **Ѣ**, действовала дистантная палатализация: в сочетаниях *kvě-*, *gvě-* твердые заднеязычные **k** и **g** смягчались перед гласным **ě**, хотя непосредственно перед ним не находились. Здесь необходимо отметить, что во многих древнеславянских диалектах согласный **в** был билабиальным по звучанию, т.е. был близок к гласному. Вследствие этого и была возможна дистантная палатализация **к** (**k**) и **г** (**g – h**), не находящихся непосредственно перед дифтонгическим **ě**. Такое чередование можно увидеть в восточнославянских и южнославянских языках, в то время как эти древние сочетания в западнославянских языках сохранились в первоизданном виде: ср. *цвет* (русск.) – *цвіт* (укр.) – *цвет* (болг., сербск.), но *květ* (чешск.) – *kwiat* (польск.); *звезда* (русск.) – *звезда* (белор.) – *звездá* (болг.) – *zvézda* (сербск.), но *hvězda* (чешск.) – *gwiazda* (польск.).

Таким образом, некоторые фонетические особенности сближают восточнославянские и южнославянские языки в отличие от западнославянских: это наличие в них л-эпентетикума (вставочного), упрощение древних сочетаний ***tl**, ***dl** за счет утраты переднеязычных зубных согласных **t** и **d**, рефлексы дистантной второй палатализации в южнославянских и восточнославянских языках при их отсутствии в западнославянских языках. В то же время проявляются черты сходства и между западнославянскими и южнославянскими языками, но в меньшей степени: это наличие начального **е** в соответствии с восточнославянским **о**, неполногласие со своей спецификой. Бросается в глаза и бóльшая архаичность западных славянских языков в сопоставлении с восточнославянскими и южнославянскими языками: отсутствие л-эпентетикума, сохранение носовых гласных (только в польском языке), а также зубных согласных в сочетаниях ***tl**, ***dl**, сохранение со-

четаний согласных **kv** и **gv** перед гласным **ѣ** дифтонгического происхождения, не претерпевших дистантной второй палатализации. Эта архаичность в фонетических системах западнославянских языков лишний раз подчеркивает связь между историей языка и историей народа-носителя языка: как известно, западнославянские языки оказались в сфере влияния католичества, тогда как восточнославянские и южнославянские языки – в сфере влияния православия. И это обстоятельство также оставило свой след в фонетических системах славянских языков.

Типологические сходства, обнаруживаемые между тремя группами славянских языков на фонетическом уровне, являются в них праславянским наследием. Различия же между ними показывают неодинаковость исторических судеб славянских языков, своеобразие путей их развития. Таким образом, вполне определенно вырисовывается картина звуковых соответствий, из которой явствует, что, несмотря на наличие многих сходств в звуковых системах отдельных групп славянских языков, а это свидетельствует об их генетически общем источнике, существует и целый набор специфических звуковых особенностей, характерных для каждой из этих групп. Можно с достаточной уверенностью сказать, что важную роль в этом сыграл и географический фактор, предопределивший компактность распространения групп славянских языков и специфические черты, характерные для всех славянских языков, входящих в эти группы. В то же время отметим, что появлению и развитию особенностей в каждой группе славянских языков способствовало многовековое раздельное их существование.

ГЛАВА 2.4.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В современных славянских языках, наряду с генетически общими чертами в их фонетических системах, которые и делают возможной их классификацию в три группы, наблюдаются и различия не только в пределах группы, но и внутри ее. Рассмотрим фонетические особенности каждого из восточнославянских языков.

Фонетические особенности русского (великорусского) языка

В современном русском литературном языке система гласных включает 5 фонем (согласно Московской фонологической школе, которая считает звук **ы** аллофоном фонемы **и**). Историческая фонология русского языка выявляет в системе гласных древнерусского языка 11 фонем: **и – ы – у – ё (ѣ) – ѓ – е – о – ь – ѣ – а**. Эти фонемы распределялись по 4 подъемам (верхнему, верхне-среднему, среднему, нижнему) и по 2 рядам (переднему и переднему). Уже после падения редуцированных гласных **ѣ** и **ь** фонологическая система русского языка от вокалистического типа перешла к консонантному, при котором уже гласный в слогe зависел от согласного, а не наоборот, как прежде. В процессе исторического развития русского языка перестали действовать фонетические законы, скывавшие слог, и в системе гласных произошел целый ряд изменений, в результате которых **ы** стало аллофоном, вариантом фонемы **и** в определенных фонетических позициях.

Гласные фонемы верхне-среднего подъема **ё – ѓ**, потеряв напряженность, слились с гласными среднего подъема **е – о** соответственно; редуцированные **ѣ** и **ь** в слабой позиции перестали

звучать, а в сильной позиции совпали с исконными гласными **е** и **о** соответственно. В связи с прекращением действия фонетических законов, в частности, закона слогового сингармонизма, потеряла актуальность оппозиция **я̋**-переднего ряда / **а**-непереднего ряда, вследствие чего **я̋** стало фонетическим вариантом, т.е. аллофоном фонемы **а** в позиции после мягкого согласного.

Как полагают исследователи, еще в дописьменный период носовые гласные **о** и **е**, существовавшие во всех славянских языках, утратили в древнерусском языке назальность и соответственно трансформировались в чистые гласные **у** и **‘а** (**а** после мягкого согласного). Следы былой назальности в произношении этих гласных отражаются в чередованиях звуков в таких словах, как *звук – звонок*, в видовых парах глаголов типа *занять – занимать*, примеры можно продолжить. Таким образом, пятифонемная система гласных в современном русском языке оформилась в результате развития древнерусского вокализма, включавшего, как было отмечено выше, 11 фонем. Отметим, что в некоторых архаичных говорах, распространенных на северо-западе РФ, еще в XX в. диалектологи отмечали сохранение обоих или одного гласного верхне-среднего подъема переднего ряда (последнее наблюдалось чаще), т.е. в этих говорах фиксировалась семифонемная (реже) или шестифонемная (чаще) система гласных. Отметим, что из гласных верхне-среднего подъема более устойчивой оказалась фонема **ѣ**, которая появилась на месте утратившейся в XVI в. гласной фонемы, обозначавшейся буквой **ѣ** (ять). В современном русском литературном языке функционируют всего четыре слова, в которых на месте старого **ѣ** (**ѣ**) выступает не **е**, а звук **и**: *дитя* (др./рус. *дѣтя*), *мизинец* (др./рус. *мѣзинець*), *свидетель* (др./рус. *сѣвѣдѣтель*), *сиди* (др./русс. *сѣди*).

В результате падения редуцированных гласных **ѣ** и **ь** в русском языке появилось такое явление, как беглость гласных **о** и **е** в связи с сильной/слабой позицией редуцированных в парадигмах слов при их словоизменении: ср. *мох – мха* (др./русс. *мѣхъ –*

мъха), *платок* – *платка*, *день* – *дня*, *кусочек* – *кусочка*. Как известно, редуцированные гласные **ъ** и **ь** были в древности во всех славянских языках, их утрата в относительно поздний период (в древнерусском языке начиная с XII в.) привела к появлению беглых гласных и в ряде других славянских языков. Но и здесь складывается неодинаковая картина: так, в чешском языке в сравнении с русским языком появляется на месте обоих редуцированных гласных только один беглый гласный **е**: ср. *tesch* (ст./сл. *мъхъ*, русск. *мох*) и *den* (ст./сл. *дънь*) [Манучарян 2006: 31].

Одной из особенностей фонетической системы русского языка являются чередования корневых гласных, которые являются распространенным явлением. Эти чередования гласных, по сути, представляют собой пережиточные явления прежних состояний. Так, в русском языке существует целый ряд глаголов с чередованием корневых гласных **е/о** (*унести* – *уносить*, *привести* – *приводить* и др.), вызванным старыми видовыми различиями, существовавшими еще в праславянском языке. Отметим, что исторически фонема **е** была краткой и по этой причине она выступает в формах совершенного вида приведенных выше глаголов.

Чередования **е/ем**, **ен**, **им**, **ин**, а также **о/ам**, **ан**, **ом**, **он** и др., наблюдаемые в целом ряде русских слов, являются отголоском глубокой старины. Дело в том, что в древнерусском языке носовые гласные **о** и **е**, которые утратились еще в дописьменный период (как полагают исследователи, примерно в X в.), произошли из сочетаний *гласный + носовой согласный*. Если эти сочетания оказывались в положении перед согласным, они в связи с действием закона открытого слога перестраивались: носовой согласный переходил в статус носового призвука при гласном и слог таким способом открывался. Если указанное сочетание оказывалось перед гласным, то носовой согласный отходил к последующему слогу и слог становился открытым. Так, сравним глаголы *понять* – *понимать*, в которых чередуются **'а/им** (**'а**

исторически восходит именно к носовому гласному переднего ряда **е**, а гласный **у** восходит к носовому гласному **о** непереднего ряда, ср., *звук – звонок*). Так возникали и возникли в славянских языках носовые гласные. В современном русском языке указанные чередования проявляются при образовании видов и резко отличаются от остальных способов образования видовых пар.

В современном русском языке проявляется и такое очень своеобразное чередование гласных, как переход **е** в **о** в определенных условиях в качестве лишь орфоэпической нормы. Это собственно русская фонетическая особенность, возникшая в XIII в. и не имеющая аналога в других славянских языках. Так, произношение [о] в слове *нес* [н'ос] в положении под ударением перед твердым согласным привело к расхождению между орфографией и орфоэпией, так как это всего лишь современная норма произношения, а орфографическая норма *нес* неизменна. Рассматриваемое чередование **е//о** распространяется не на все случаи положения под ударением перед твердым согласным: так, перехода как такового не было в старославянских словах при наличии всех необходимых условий, поэтому в словах церковнославянского происхождения в русском языке, а их немало в силу исторических причин, перехода **е** в **о** в произношении нет: ср. слова *нес* [н'ос], но *крест* [кр'ест] и др.

Существование в древности фонемы верхне-среднего подъема **ѣ**-напряженной (орфографически **ѣ**), слившейся с **е** среднего подъема после утраты напряженности, проявляется сегодня в отсутствии перехода **е** в **о** в целом ряде слов при наличии условий для этого перехода: так, ср. произношение слов *лес* [л'ес] и *лен* [л'он]. В первом слове нет перехода **е** > **о**, так как **е** в нем восходит к отдельному гласному звуку **ѣ** (графически **ѣ**). Отметим, что когда переход **е** > **о** был живой нормой в древнерусском языке, фонема **ѣ** была еще самостоятельной фонемой и этот процесс ее не коснулся. А когда эта фонема в древнерусском языке перестала существовать и слилась с **е** среднего подъема, переход

е > о уже не действовал в языке как живая норма. Чередувание гласных **е//о** на орфоэпическом уровне является собственно русским явлением и с некоторыми ограничениями наблюдается и в украинском языке. Этот процесс, имевший место в русском языке в XIII в., привел к еще большему расхождению между орфографией и орфоэпией в русском языке. Именно благодаря переходу **е > о** и была востребована буква **ё**, введенная уже в XVIII в. Отметим, что это явление в белорусском языке отражается, в отличие от русского и украинского языков, и орфографически, т.е. в подобных словах пишется **ё**.

Как известно, влияние старославянского языка на древнерусский было достаточно сильным. Поскольку перехода **е//о**, как было отмечено выше, не было в старославянском языке, то соответственно этого перехода нет и в заимствованных старославянизмах при наличии всех необходимых условий. Интересны пары слов в русском языке, представляющие собой старые славянские слова, из которых одно этимологически древнерусское с переходом **е > о**, а другое старославянское без перехода **е > о**: ср. *крестный* [*кр'остныи*], но *крест* [*кр'ест*]. Переход **е//о** не наблюдается и в других случаях, в частности, в заимствованных словах *аптека*, *конфета*, *метр*, *профессор* и др.: они появились в русском языке, когда переход **е в о** уже не был живой нормой.

Сопоставимым явлением в разных славянских языках является беглость гласных, которая характерна для разных славянских языков и представляет собой очень распространенное явление в русском языке. В XII в. в древнерусском языке начинается процесс падения редуцированных, в рамках которого слабые редуцированные, сокращаясь в своей артикуляции до нуля, выпадали, в сильной же позиции **ъ** и **ь** прояснялись в звуки **о** и **е** соответственно: сравним, *мох* (др./рус. *мъхъ*) – *мха* – *мху* и *день* (др./рус. *дънь*) – *дня* – *дню*. В рамках словоизменительной парадигмы редуцированные гласные, в отличие от гласных полного образования, оказывались то в сильной позиции, то в слабой.

Аналогичные примеры можно привести и из других славянских языков в несколько неодинаковом виде: так, в чешском (западно-славянском) языке также можно увидеть ряд слов с различающейся вследствие чередования гласных звуковой формой в парадигме склонения имен существительных, но только с гласным *e* (*lev – lva, nehet – nehtu*). Ту же картину можно увидеть, например, в македонском (южнославянском) языке в родовой парадигме прилагательных *силен-силна* и др.

Появление беглых гласных в русском языке привело к образованию нового типа чередований – чередованию гласных *o* или *e* с нулем звука (примеры приведены выше).

Характерной чертой фонетической системы русского языка, как, впрочем, и других славянских языков, являются чередования гласных, которые представляют собой пережиточные явления прежних состояний. Так, в видовых парах глаголов *привезти – привозить* чередования гласных в корнях глаголов являются реликтами проявления старых славянских видовых различий. Эти чередования гласных, возникшие в древности по фонетическим причинам, приобрели характер морфологических чередований и являются регулярными при словообразовании и словоизменении.

Чередования согласных в историческое время происходили во всех славянских языках в связи с действием закона слогового сингармонизма. Особо отметим исконную (т.е. постоянную) твердость заднеязычных согласных *г – к – х*, которые не могли сочетаться в пределах слога с гласными переднего ряда, так как не способны были смягчаться. Отсюда многочисленные сохранившиеся примеры палатализаций этих согласных, т.е. их замены мягкими шипящими согласными: ср. *луг – лужок, крик – кричать, сухой – сушить*. Однако примеры палатализаций при словоизменении в парадигмах склонения и спряжения в русском языке не сохранились, так как со временем стала действовать центростремительная тенденция, в результате которой в парадигмах формы становились единообразными. Таким образом, в со-

временном русском языке сохранились рефлексы только первой палатализации – шипящие согласные, возникшие в результате процессов словообразования: *круз* – *кружиться*, *цвток* – *цвточек*, *сухой* – *сущить* и др. А результаты второй палатализации, переход заднеязычных согласных **г-к-х** при словоизменении в мягкие свистящие согласные, утратились и привели парадигмы к полному единообразию (ср. совр. *враг* – *врагу* – *враги* – *о враге* и др./рус. *врагъ* – *врагу* – *врази* – *о вразъ*).

Русское ударение является экспираторным, выдыхательным. Это означает, что ударные и безударные слоги в русском языке артикулируются с разной силой: ударенные гласные произносятся с большей силой и несколько дольше, чем гласные в безударных слогах, при этом безударные гласные подвергаются редукации.

С XIII в., после падения редуцированных, когда уже перестали действовать фонетические законы, в данном случае, закон открытого слога, при котором гласные во всех слогах четко артикулировались, в русском языке установился тип предударного вокализма, который называют аканьем. Аканье – это такой тип предударного вокализма, при котором в первом предударном слоге после твердых согласных гласные **о** и **а** в произношении сливаются в один звук **а**. Происхождение аканья связывается с воздействием силового ударения, которое привело к ослаблению, т.е. к редукации в произношении гласных в безударных слогах. Этот тип предударного вокализма является в современном русском литературном языке произносительной (орфоэпической) нормой. Прежнее окающее произношение сохранилось в северновеликорусском наречии как классификационная особенность, тогда как в южновеликорусском наречии, и в частности, в московском диалекте, который лег в основу русского литературного языка, в свое время установилось аканье. С установления аканья орфография и орфоэпия в русском языке разошлись: так, пишем *гора*, а произносим [*гарá*]. Хотя аканье представляет собой всего

лишь орфоэпическую норму, в целом ряде слов оно просочилось и в орфографическую форму слова, представляя собой в определенном смысле исключение. Так, и пишем, и произносим *калач*, тогда как корнем этого слова было *коло*, что означало колесо. И до XIII в. в древнерусском языке фигурировало слово *колач*. Интересно отметить, что в современном чешском языке функционирует существительное *kolač* (сдобная булка), которое сохранило свою прежнюю произносительную форму: ей была идентична и древнерусская форма до появления аканья. В чешском языке и по сей день функционирует старое праславянское существительное *kolo* в значении колесо.

В современном русском языке ударение является разноместным и подвижным: в пределах грамматической парадигмы слова оно может перемещаться с одного слога на другой, например, *рукá* – *ру́ку*. Ударные и безударные слоги в русском языке артикулируются по-разному: гласные в ударном слоге произносятся с большей силой и несколько дольше, чем в безударных слогах.

Фонетические особенности украинского языка

Несмотря на целый ряд совпадающих фонетических черт, вызванных максимально тесным генетическим родством восточнославянских языков, в украинском языке развились и такие особенности фонетической системы, которые не свойственны, например, русскому языку. Отметим, что ареал распространения украинского языка – это древняя Киевская Русь, а великорусский язык формировался позднее, уже в пределах Московской Руси с XIV в., с периода т.н. второго южнославянского влияния.

Украинский язык сохранил с прежних времен оканье как тип предупредного вокализма, в отличие и от русского, и от белорусского языков. В отличие от русского вокализма, безударные гласные в украинском языке не подвергаются редукции и отчетливо произносятся. Эта особенность была присуща древнерусскому

языку до его распада на русский, украинский и белорусский языки, в украинском языке она сохранилась с древнейших времен. Отметим, что именно ослабление артикуляции безударных гласных, в первую очередь, в первом предударном слоге, чего не произошло в украинском языке, и явилось причиной появления аканья в русском языке. Таким образом, становится понятным сохранение окающего произношения в украинском языке.

Вокализм включает те же гласные фонемы, что и в русском языке, но содержит и фонему [ы], обозначаемую буквой **и** (гласная переднего ряда, соответствующая фонеме **и** в русском языке, обозначается в украинском языке буквой **і**). Перед начальным **о** или **у** часто наблюдается протетическое (вставное) **в** или придыхательное **г** [**h**]: *вулиця, вухо, Ганна (Анна)* и др. Эта особенность сохранилась с древнейших времен, когда еще действовали фонетические законы: таким путем формировалось повышение звучности слога – от согласного к гласному (закон или принцип возрастания звучности).

Если в русском языке гласная фонема **ѣ**, обозначаемая буквой **ѣ**, перешла в **е**, то в украинской фонетической системе она трансформировалась в гласный переднего ряда **і** верхнего подъема: *сніг, тіло, хлів, сіно, тісто* и др. Дело в том, что фонема **ѣ** была двоякого происхождения – из **ѣ** в одних словах и из дифтонгов ***oi**, ***ai** в других словах. Гласная **ѣ** (буква **ѣ**) в украинском языке трансформировалась в звук **і**, т.е. во второй компонент приведенных выше дифтонгов: в украинском языке такой результат перехода носит широкий характер. Нужно отметить, что такой же трансформации подверглась данная фонема и в русских новгородских говорах, в которых эту гласную произносят так же, как и в украинском языке: *тіло, хлів, тісто* (русск. литерат. *тело, хлев, тесто* – др./русск. *тѣло, хлѣвъ, тѣсто*) и др. И как всегда, языковые преобразования сопровождаются в ряде случаев исключениями: так, в современном

русском литературном языке всего в четырех словах на месте старого ё (ѣ) выступает не е, а звук и (см. об этом на с. 94).

Переход е > о, который характерен для русского языка, состоялся частично и в украинском языке, однако графически он выражается иначе, посредством сочетания согласного с ъ: отметим, что в украинской графике нет буквы ё, отсюда такие формы, как *льон, льоду, у нього* и др.

Важную роль играет чередование гласных о/i, е/i, которое значимо не только для фонетического строя украинского языка, но и для его морфологических форм [Кондрашов 1986: 84]. Дело в том, что о и е исконные в закрытых слогах перед согласными становятся долгими, приобретают напряженность и, поднимаясь в верхний подъем, переходят в і (гласный верхнего подъема). Отсюда такие формы с чередованием в падежной парадигме, как *віз, кінь, стіг, стіл* в закрытых слогах в именительном падеже, но *воза, коня, стога, стола* в косвенных падежах тех же слов в открытых слогах. Иными словами, эти гласные о и е утрачивают напряженность в своей артикуляции в косвенных падежах и переходят в свойственный для них средний подъем.

Характерной особенностью украинского консонантизма является г придыхательный [h], который произносится в собственно украинских словах ([h]удзик – пуговица), а г взрывной встречается в заимствованных словах (ганок в значении крыльцо, польск.). Интересной особенностью украинского консонантизма является наличие пар звонких/глухих согласных дз//ц и дж//ч (Дзвіниця – колокольня, бджола – пчела). Согласный ц, который в древности был исконно мягким согласным и отвердел в русском языке в XVI в., в украинском языке продолжает оставаться мягким, это отражается и в орфографии: *палець, кінець*.

Глухие согласные перед звонкими в украинском языке озвончаются, но звонкие перед глухими согласными и на конце слова не подвергаются оглушению, сохраняя свою звонкость: ср. *гвіздь* [hвіздь], *плід* [плід] и *плім* [плім], последнее в значении

плеть, а также *суміж* [суміж] в значении *рядом*. Как можно заметить по транскрипциям приведенных слов, звонкие согласные, в данном случае *д* и *ж*, в конце слова сохраняют звонкость, не оглушаются: *ніж* – *ножа* и др.

Характерной особенностью украинского консонантизма является сохранение твердости согласных перед гласными переднего ряда *е, і*, т.е. согласные в этой позиции не смягчаются, а в позиции перед *і* могут быть как твердыми, так и мягкими: ср. *ніс* в значении *нос*, согласный *н* здесь всего лишь слегка смягченный, не мягкий. Если проведем сравнение с русским языком, в котором твердые согласные *д, т, в* и др. в положении перед гласными переднего ряда *е, и* смягчаются (*д'ерево, т'ень, в'есело* и др.), то обнаружим, что в этих же словах в украинском языке согласные *д, т, в* сохраняют твердость в звучании [*дэрево*]. Сохранение твердости согласных перед теми же гласными *е, і* в украинском языке представляет собой характерную особенность украинского вокализма, которой нет в близкородственных русском и белорусском языках.

Губные согласные в украинском языке в конце слова звучат твердо (ср. *голу*д), а мягкие губные в положении перед *а* выступают всегда в сочетании с последующим *ј*: *п'ять* [*пјат*']. Отметим также, что в украинском фонетическом строе невозможно сочетание переднеязычных согласных с последующим *ј*. В этом случае *ј* полностью ассимилируется предшествующим согласным и смягчает его: отсюда *плаття* (русс. *платье*), *суддя* (русс. *судья*), *весілля* (русс. *свадьба*) и др. Такими удвоенными мягкими согласными могут быть все согласные, кроме губных согласных и *р*: ср. *сім'я, бур'ян* [Кондрашов 1986: 85].

Интересной фонетической особенностью украинского языка является переход согласного *в* в позиции оглушения в звук *ў*-неслоговой: например, [*коруў*] в соответствии с русским *коров* [*кароф*]. Появление *ў*-неслогового было особенностью древнерусского языка до его распада на три восточнославянских языка,

когда в его консонантизме не было фонемы **ф**. Интересно, что такой же переход в **й**-неслоговой происходит и с твердым **л**, закрывающим собой слог или находящимся перед согласным, например, *воўк* (русск. *волк*), *жоўтий* (русск. *желтый*). Отметим, что в этих словах **л** в древности был слогообразующим согласным, ср. др./рус. *влкъ, жлтѣи*.

В украинском языке в грамматических формах сохранились рефлексы второй палатализации, которые отмечаются в словоизменительных парадигмах в чередованиях заднеязычных согласных с переднеязычными свистящими согласными: *г//з, к//ц, х//с*. Это не что иное, как древняя славянская вторая палатализация исконно твердых согласных **г – к – х** перед гласными переднего ряда. Такие чередования имеют место в дательном и местном падежах: ср. *старуха – к старусі, нога – на нозі, лавка – на лавці*. Заднеязычные согласные в грамматических формах чередуются и с шипящими согласными: *могти – могу, пекти – печу* и др.

Фонетические особенности белорусского языка

С точки зрения фонетических особенностей в белорусском языке обнаруживается большое сходство с украинским, а также с польским языками в силу исторических экстралингвистических причин.

Ударение в белорусском языке разноместное, как и в русском языке, оно может падать на любой слог: *яна́* (русск. *она*), *зба́жжа* (русск. *товар*), *навыдава́ць*. При словоизменении и словообразовании наблюдается изменение места ударения: *хачу́ – хоча́ш, бор – бары*. Иногда даже в одних и тех же старых словах, совпадающих с русскими словами, место ударения может различаться: *вярба́* (белор.) и *ве́рба* (русск.). Ударение также в ряде случаев, как и в русском языке, является средством различения морфологических форм: ср. *зу́бы* (им. пад. мн. число) – *зубы́* (род. пад. ед. число). Ударение является и одним из средств видообразования: *склікаць* (*созвать*, русск.) – *скліка́ць* (*созывать*).

В белорусском вокализме, как и в украинском, представлено шесть гласных фонем: **і – ы – у – э – о – а**.

Гласный **і** выступает в позиции после мягких согласных и в начале слова: *сіні, ісці* (в значении *есть, кушать*). А гласный **ы** употребляется после твердых согласных – *быць* (русск. *быть*), *большы*.

Характерной особенностью белорусского фонетического строя является наличие фонемы **ў**-неслоговой. Согласные в белорусском языке оглушаются и озвончаются, как и в русском языке, за исключением звонкого губного **в**, глухой парой которого выступает не **ф**, как в современном русском языке, а **ў**: ср. *кароўка* – русск. *карофка*. Это сохранившееся со старых времен явление отмечалось выше и в украинском языке. Твердое **л**, как и в украинском языке, в позиции перед согласным, т.е. в закрытом слоге, часто в формах прошедшего времени мужского рода, также чередуется с **ў**-неслововым: ср. *піў* (русск. *пил*), *воўк* (русск. *волк*), *поўны* (русск. *полный*).

Перед начальными ударенными **о** и **у** в исконно белорусских словах развивается вторичный губной согласный **в**: *возеро* (русск. *озеро*), *вокны* (русск. *окна*), *восень* (русск. *осень*), *вузел* (русск. *узел*), *вус* (русск. *ус*). Это явление возникло в старые времена, в период действия фонетических законов, в частности, закона (принципа) возрастающей звучности: появление губного согласного перед начальными лабиализованными гласными **о** и **у** (от менее звучного, т.е. от согласного, к гласному) создавало возрастание звучности в этих слогах. Это явление отражается и в современном русском языке, например, в слове *восемь* – ср. чешск. *osm* и русск. *осьминог*. И совсем другая картина в заимствованных словах, в этом случае вторичный согласный **в** перед начальными ударенными **о** и **у** не возникает: *ордэн, унія*.

Большая часть гласных в белорусском языке является твердыми и мягкими. Только твердыми – все шипящие и **ц** (не из **г'**), а также **р**: *шыць, цыбуля, рабіна*. Отметим, что губные со-

гласные **б, п, м** отвердели в позиции конца слова и перед **ј**: *голуб, восем*. В белорусском языке, как и в украинском, твердые согласные не смягчаются перед гласным переднего ряда **е**, сохраняя свою твердость: так, произносится [*сэ*]/*рца*, [*уз*]/*дэ*/чка и др.

В системе согласных в литературном белорусском языке **г** по способу образования является фрикативным [*γ*], а **г** взрывное встречается только в иностранных словах, в частности, в заимствованиях из польского языка, так, *мазгі, гудзік* (русск. пуговица) [Кондрашов 1986: 97]. Практически из трех восточнославянских языков только в литературном русском языке как в собственно славянских, так и в заимствованных словах, т.е. во всех позициях, произносится только взрывной по способу образования согласный **г**.

Характерной чертой в системе согласных белорусского языка является т.н. цеканье и дзеканье, т.е. отсутствие мягких **т** и **д**, они заменяются еще более мягкими аффрикатами **ц'** и **дз'** соответственно: *цень* (русск. *тень*), *ціхі* (русск. *тихий*), *сядзець* (русск. *сидеть*), *адзін* (русск. *один*).

Отметим также, что в фонетическом строе белорусского языка невозможно сочетание переднеязычных согласных с последующим **ј**. В этом случае **ј** полностью ассимилируется предшествующим согласным, смягчая его: *плаття* (русск. *платье*), *жыццё*, *вяселле* (русск. *свадьба*), *пытанне* (русск. *вопрос*), *збожжа* (русск. *товар*) и др. Это явление, как можно было заметить, характерно также для украинского языка, в котором в этом случае также появляется сдвоенный мягкий переднеязычный согласный.

Еще одна фонетическая особенность, сохранившаяся с древнейших времен в белорусском языке, сближает его с украинским языком. Это чередования заднеязычных **г-к-х** со свистящими **з-ц-с** в формах словоизменения: *на парозе* (русск. *на пороге*), *на назе* (русск. *на ноге*), *ў руце* (русск. *в руке*). Это сохранившиеся с

древнейших времен рефлексы второй палатализации, возникшие в пору действия фонетического закона слогового сингармонизма.

В древнерусском языке, как известно, в XIII в. (практически после падения редуцированных), после раскрепощения слогов установился новый тип предударного вокализма – аканье. Старое оканье из трех восточнославянских языков сохранил только украинский язык, оно является также классификационной особенностью северновеликорусского наречия (это было отмечено выше). Остальной ареал распространения восточнославянских языков воспринял новый тип предударного вокализма – аканье. Если сравнить русское аканье и его белорусский тип, то можно увидеть, что и они в достаточной степени разнятся. В русском языке это только орфоэпическая норма, т.е. произносится **а**, но в безударном слогe сохраняется традиционное написание **о**. В белорусском же языке аканье распространилось и в орфографии (*адзін* – русск. *один*), т.е. в основу правописания в белорусском языке положен фонетический принцип. Кроме того, в белорусском языке установилось сильное аканье и яканье (т.е. аканье после мягких согласных), например, *вясна́*, *Нява́*.

ГЛАВА 2.5. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Западнославянские языки также характеризуются общими фонетическими чертами, являющимися проявлением их генетического родства. Вместе с тем вследствие раздельного проживания западославянских народов на своих территориях развились и индивидуализации в рамках отдельных западославянских языков.

Фонетические особенности польского языка

Ударение в польском языке динамическое, в сравнении с русским ударением более слабое, преимущественно постоянное:

оно падает в большинстве случаев на второй от конца слог. Отметим, что в некоторых грамматических формах, а также в заимствованных словах определенных словообразовательных моделей ударение может падать на третий или четвертый от конца слова слог: так, в слове *chódziłabym* (русск. *я бы ходила*), представляющем собой форму сослагательного наклонения, ударение падает на четвертый от конца слог.

Вокализм представлен восемью гласными фонемами: **i – y – u – e – o – a – ą – ę**. Звук **i** близок к русскому **и**, однако в позиции перед гласными он обозначает мягкость предшествующего согласного: так, сочетание *bia* произносится как русское *бя*. Гласная **y** соответствует русскому гласному звуку **ы** и обозначает звук, по ряду и подъему промежуточный между гласными [i] и [e], т.е. это фактически гласный переднего ряда средне-верхнего подъема, нелабиализованный, неносовой, от русского **ы** он отличается более передним и более низким образованием [Тихомирова 1978: 11]. Фонема **y** в определенном смысле представляет собой вариант фонемы **i**, который выступает после твердых согласных. Отметим, что в начале слова **y** не употребляется.

В польском языке, единственном в славянском языковом мире, сохранились носовые гласные, которые были в древности в вокализме всех славянских языков. Наличие носовых гласных в славянских языках в древности подтверждается данными старославянских текстов, в последних они представлены буквами **ж-юс** большой, обозначавшей **о-носовой**, и **л-юс** малый, обозначавшей **е-носовой**. Носовые гласные фонемы польского вокализма обозначаются посредством следующих буквенных знаков: буква **ą** передает **о** с носовым призвуком, т.е. гласный непереднего ряда (*trąba – тпруба*, русск.), а носовой гласный переднего образования обозначается буквой **ę** (*język – язык*, русск.). Следует отметить, что артикуляция **ę** (**е-носового**), в отличие от **ą** (**о-носового**), происходит с ослабленной назальностью. Поэтому польские лингвисты называют **ą** самостоятельной фонемой, а **ę** – фонемой

потенциальной [Тихомирова 1978: 13]. Польские гласные **i – e – a – u – o** являются самостоятельными фонемами.

Лабиялизованный гласный **u** заднего ряда верхнего подъема обозначается как буквой **u**, так и буквой **ó** (т.н. *o-kreskowane*): так, *tutaj* [tutaj] – русск. *тут, здесь* и *góra* [gura] – русск. *гора*.

Как обычно бывает в языках с фиксированным ударением, безударные гласные польского языка четко артикулируются, иными словами, не подвергаются редукции.

В кругу согласных отметим фонему **g**, которая по способу образования является взрывной, как и в русском языке: например, *głowa* (русск. *голова*), *noga* (русск. *нога*). Для фонетической системы польского языка характерен целый ряд шипящих и свистящих согласных: **sz** [š], **ż/rz** [ž], **cz** [č], **ś** [ś], **ź** [ź], **ć** [ć], **dź[dz]**, **dź** [dž].

Следует также отметить, что польские слова в целом имеют консонантный характер: текст характеризуется большой частотностью присутствия в нем согласных.

В польском языке многие мягкие согласные переходят в другие звуки, это т.н. «переходная мягкость». Так, мягкое **t** переходит в **ć** (*писаć*), мягкое **d** – в **dź** (*dzień*), мягкое **g** в **rz** (*rzeka*), однако согласный **cz** (русск. **ч**) произносится твердо как **тш**, в отличие от русского всегда мягкого **ч** [Кондрашов 1986: 109].

В фонетической системе польского языка при формообразовании реализуются регулярные ряды чередований гласных и согласных как в корнях, так и в основах. Такие чередования фактически носят словоизменительный характер: так, *w lesie – las* (*в лесу – лес*, русск.). Реже такие чередования возникают при словообразовании (*ręka – rączka, рука – ручка*, русск.).

Польскому языку присуща такая особенность, как неполногласие: в исконно славянских словах наблюдаются неполногласные сочетания, в отличие от русского полногласия. Это фонетическая закономерность, отраженная в польском языке: *strona – głowa – złoto* – (русск. *сторона – голова – золото*).

Отметим наличие в польском языке беглости гласных, которая сопоставима с беглостью гласных в русском языке. Причины этого явления одинаковы во всех славянских языках, в которых редуцированные гласные в слабой позиции выпадали, сокращаясь до нуля: так, *pies* – *psy* (русск. *пес* – *псы*). А в сильной позиции редуцированные прояснялись в гласные полного образования. В этой ситуации и возникало такое явление, как беглость гласных.

В польском языке, как и в русском, различаются твердые и мягкие согласные. Твердые согласные **sz** и **ź/rz**, **cz** и **dź** образуют пары по глухости/звонкости. Отметим также, что они всегда твердые и у них нет фонологически мягких соответствий.

Следует отметить также чередования разных типов в кругу согласных, так **d//dz**, **ch//sz** и др. В польском языке сохранились и рефлексы второй палатализации в словоизменительных процессах, которые проявляются в чередованиях **k – c**, **g – dz**, **ch – sz**: *matka – matce*, *droga – drodze*, *mucha – musze*.

Фонетические особенности чешского языка

В чешском языке, как и в русском, ударение является экспираторным, выдыхательным, но сила экспирации ударного слога слабее. Между ударными и безударными гласными нет заметных качественных различий, какие наблюдаются в звуковой системе русского языка с аканьем и редукцией безударных гласных. Можно констатировать, что интенсивность чешского ударения невелика в сравнении с интенсивностью ударения в русском языке. Ударные и безударные слоги в русском языке артикулируются с разной силой: ударные гласные произносятся несколько дольше, чем безударные гласные, которые при этом подвергаются редукции. В чешском же языке ударные и безударные слоги по экспираторной силе отличаются друг от друга в меньшей степени, чем в русском языке. Иными словами, поскольку в чешском языке гласные в безударных слогах артикулируются почти так же

отчетливо и с той же длительностью, что и ударные гласные, в чешских словах не наблюдается редукции безударных гласных, как в русском языке. Такое произношение в чешских словах освобождает их от орфоэпических и орфографических трудностей, которых в русском языке достаточно много. Отметим также, что некоторые чешские слова являются энклитиками, т.е. в предложении не несут на себе ударения: к ним относятся краткие формы личных местоимений *mi, ti, mě, ho*, возвратные компоненты *se, si* при глаголах и др.

Как известно, в русском языке ударение является разноместным и подвижным, в пределах грамматической парадигмы слова ударение может перемещаться с одного слога на другой: ср. *рука́* и *ру́ку*. В этом вопросе чешский язык кардинально отличается от русского языка, так как ударение в нем всегда фиксированное и падает на первый слог: так, в словах *popel (nenel)* и *popelník (nenelnice – однокорневое образование)* ударение стабильно и падает на первый слог. Если слово многосложно, то основное ударение падает на первый слог, но далее примерно на третьем, пятом слоге, т.е. на нечетном слоге, появляется дополнительное ударение, примером может послужить существительное *zemědělství* в значении *сельское хозяйство*, дополнительное ударение в нем падает на третий слог.

Следует отметить, что при стабильности, неподвижности чешского ударения существует только одна позиция, при которой оно перемещается: если при слове имеется односложный предлог, завершающийся гласным звуком, предлог приобретает статус первого слога в словоформе и перетягивает на себя ударение: ср. *nádraží – na nádraží* (русс. *вокзал – на вокзале*), в этих чешских словоформах подчеркнуты ударенные гласные. Если же предлог неодносложен (таковы, как правило, производные предлоги), то он не несет на себе ударения и примыкает к последующему слову: *vedle divadla* (русс. *около театра*). Причины стабилизации чешского ударения лежат, как полагают исследо-

ватели, в процессах развития чешского языка и завершились к концу XIII в. [Широкова 1961: 57].

Система гласных чешского языка достаточно интересна и своеобразна. Чешский вокализм представлен пятью гласными фонемами, теми же, что и в системе гласных современного русского языка. Но в чешском вокализме гласные фонемы представляют собой пары долгих/кратких гласных, одинаковых по качеству звучания и различающихся только количественно: **á** – **a**, **é** – **e**, **ó** – **o**, **í** – **i**, **ú** – **u**. Из всех долгих гласных **ó** встречается только в заимствованных словах – *móda*, *balkón* и др. Остальные долгие гласные встречаются в собственно чешских словах. Следует отметить, что в одном слове в чешском языке могут находиться два долгих гласных, даже в соседних слогах, например, *krásný* (*красивый*, русск.). Интересным здесь является то, что ударение не имеет отношения к долготе/краткости гласных, так как это качество является их фонематической особенностью. Отметим, что долгие гласные могут быть как под ударением, так и в безударной позиции. Долгота/краткость гласных в ряде случаев имеет значение смыслоразличительное: так, слово *pas* обозначает *паспорт* (заимствованное из французского языка слово *passport* в сокращенном виде), а *pás* (собственно чешское слово) – *пояс*. Интересна этимология этого чешского слова: из формы славянского слова *pojas* в результате утраты интервокального **j** гласные **o** и **a**, оказавшись рядом, слились в один долгий звук **á** [Манучарян 2006: 26]. Отметим, что этимологически гласные **o** и **a** в славянских языках восходят к одному источнику, а именно к **ǫ/ǎ** и **ǫ/ǎ** соответственно.

Характерной особенностью системы гласных в чешском языке является чередование гласных, особенно чередование долгих/кратких гласных, различающихся только долготой или краткостью: *nést* – *nesu*, *chléb* – *chleba*. Чередования гласных могут быть не только чисто количественными, но и качественно-количественными: чередующиеся гласные могут различаться как

звучанием, его качеством, так и долготой/краткостью, например, *víra – věřit* (русск. *вера – верить*).

Интересной фонетической особенностью чешского языка является наличие дифтонгов в качестве слогообразующего элемента. Как известно, дифтонг представляет собой сочетание в пределах одной морфемы двух гласных, второй из которых является неслоговым. Из трех дифтонгов чешского языка **ou**, **au**, **'eu** только дифтонг **ou** является собственно чешским, поэтому он встречается только в славянских словах: *soud* (русск. *суд*), *nesou* (русск. *несут*) и др. Этот дифтонг встречается только в середине и в конце слова, так как он возник в результате определенных фонетических процессов – из **o**-носового (*soud*, ср. ст./сл *сждь*) или в результате перехода **ú** в дифтонг **ou**. Два остальных дифтонга **au**, **'eu** наблюдаются в заимствованных словах, в них второй компонент, **u**-неслоговой, в других славянских языках передается в виде согласного **в**: ср. *aurora*, *Europa* (чешск.) и *аврора*, *Европа* (русск.) [Манучарян 2006: 28].

Фонетической особенностью чешского языка является сохранение слоговых плавных **р** и **л**, способных выступать в качестве гласных. Это древняя особенность славянских языков, которая сохранилась сегодня только в некоторых славянских языках: *vlna* (русск. *волна*), *hltať* (русск. *глотать*), *krm* (русск. *корм*), *trh* (русск. *рынок*). Отметим, что слоговые плавные существовали в фонетических системах всех славянских языков и прекратили существование во многих из них уже после падения редуцированных гласных, когда перестали действовать фонетические законы.

Можно отметить и другие особенности в системе согласных. Так, **г** (**g**) по способу образования в чешском языке является гортанным придыхательным согласным, что было отмечено выше в связи с украинским языком: ср. *hlava* (русск. *голова*), *soudruh* (русск. *друг*), *hlavní* (русск. *главный*). Взрывной **g** употребляется реже, только в заимствованных словах: ср. *gram* (русск. *грамм*), *gauč* (русск. *диван*).

Как известно, в древности во всех славянских языках было 5 пар согласных, имеющих одинаковое звучание и различающихся только твердостью/мягкостью. Одну из таких пар составляли согласные **l-l'**. В процессе исторического развития чешского консонантизма **l**-твердый несколько смягчился, а **l'**-мягкий несколько отвердел. В итоге, в настоящее время этот согласный, уже беспарный, является в чешском языке не твердым и не мягким согласным, а средним по признаку твердости/мягкости, т.н. средневропейским.

Очень своеобразной особенностью чешского консонантизма является наличие особой согласной фонемы **ř**, которая артикулируется как звонкая [rž] или глухая [rš], причем оба компонента фонемы произносятся одновременно как один звук: *přítel* (русск. *приятель*). Отметим, что произношение чешского согласного **ř**, как правило, является одной из самых распространенных фонетических трудностей в речи иностранцев, изучающих чешский язык. Исторически фонема **ř** восходит к славянскому мягкому **r'**. Сегодня фонема **ř** сочетается с гласными переднего ряда, что доказывает ее происхождение из **r'** мягкого. Окончательное оформление фонемы **ř** в чешском языке произошло примерно к XIII в.: это подтверждает частое написание в памятниках этого периода сочетаний **rz** и **rs**, указывающее на то, что произносился уже не старый мягкий согласный **r'**, а **ř**. Что касается специальной буквы для обозначения на письме этой весьма своеобразной согласной фонемы, то она появилась в чешских памятниках позже, а именно в XV-XVI вв.

Отметим также, что в чешском языке твердые согласные перед гласными переднего ряда **e**, **i** не смягчаются, произносятся твердо. Такая особенность в консонантизме отмечалась в связи с украинским и белорусским языками.

В чешском языке сохранились рефлексы палатализаций твердых согласных в словоизменительных процессах, которые проявляются в виде чередований согласных **k//c**, **h(g)//z**, **ch//š**,

r//ř, t//c, d//z, s//š, z//ž и групп согласных **ck//čt, sk//št, sl//šl**: *ruka – ruce, kniha – knize, hoch – hoši, bratr – bratři, vrátit – vracet* и др., а также *německý– němečtí, ruský – ruští, myslit – myšlenka*.

Фонетические особенности словацкого языка

Словацкий язык из западнославянских языков наиболее близок чешскому языку многими своими не только фонетическими особенностями. Ударение в словацком языке также экспираторное, придыхательное, фиксированное на первом слоге слова.

Система гласных словацкого языка, как и в чешском, состоит из парных долгих и кратких гласных: **á – a, é – e, ó– o, í – i, ú – u**.

В словацком языке действует т.н. ритмический закон, который регулирует структуру слова: в отличие от чешского языка, в словацком языке в одном слове рядом не могут находиться два слога с долгим гласным. Если гласный корня долгий, то в суффиксе или окончании гласный должен сократиться, хотя в окончаниях прилагательных в словацком языке гласный, как и в чешском языке, всегда долгий. Отметим, что в чешском языке с его долгой/краткостью гласных, в отличие от словацкого языка, ограничивающий долготу гласного ритмический закон не действует и в одном слове в соседних слогах может быть более одного долгих гласных: так, ср. *krásný* (чешск.) и *krásny* (словацк.).

В словацком вокализме сохранилась с древнейших времен фонема **ä**-переднего образования, которая встречается только после губных согласных **p, b, m, v** в таких словах, как *pät'* (русск. *пять*), *patät'* (русск. *память*), *žriebä(tko)* (русск. *жеребенок*). Исторический комментарий объясняет, что **ä** восходит в этих словах к носовому **e**, утраченному всеми современными славянскими языками, за исключением польского языка.

В вокализме словацкого языка функционирует и дифтонг **uo**, который обозначается буквой **ô**: *ôstny* (русск. *восьмой*), *dôjst'* (русск. *дойти*), *kôň* (русск. *конь*). Отметим, что эта фонема верхне-среднего подъема была в системе гласных фонем древне-

русского языка и еще в прошлом столетии встречалась в некоторых наиболее архаичных северновеликорусских говорах на крайнем северо-западе РФ.

В фонетической системе словацкого языка роль слогообразующих элементов играют также дифтонги *ia, ie, iu*: так, *najviac* (русск. *более всего*), *našiel* (русск. *нашел*). Они не совпадают с дифтонгами чешского языка, также выполняющими слогообразующую функцию. Кроме того, в словацкой фонетической системе в произношении (но не на письме!) отмечаются даже трифтонги: так, слово *dievča* (русск. *девушка*) произносится с трифтонгом **ieu** [*dieuča*], в котором **v**, губной согласный, артикулируется как лабиализованный гласный **u** в составе трифтонга. Отметим также, что согласный **v** в словацком языке в закрытом слоге произносится как **u**-неслоговой: ср. *ovca* [*ouca*] – русск. *овца*.

Роль слогообразующих элементов в словацком языке играют также плавные согласные в положении перед согласными, как и в чешском языке: *krt* (русск. *крот*), *mlčat'* (русск. *молчать*). В то же время следует отметить интересный факт: в отличие от чешских слогообразующих плавных, в словацком языке слоговые согласные **r** и **l** могут быть долгими и краткими, как и собственно гласные звуки.

Согласный **h** (**g**) в словацком языке является по способу образования придыхательным согласным, употребляясь в таком качестве в собственно славянских словах: ср. *hruška* (русск. *груша*), *hlúpost'* (русск. *глупость*). Отметим в то же время, что в словацком консонантизме функционирует и взрывной по способу образования согласный **g**, который употребляется, как и в чешском языке, лишь в заимствованных словах: ср. *gigant* (русск. *гигант*), *gaštan* (русск. *каштан*).

Перед гласными переднего ряда **e, i** согласные **n, t, d, l** всегда мягкие так же, как и всегда мягкими являются шипящие **č, š, ž** и **j**. Остальные же согласные являются твердыми. Широко распространено в словацком языке озвончение глухих согласных на

стыке слов не только перед звонкими согласными, но и перед плавными согласными и гласными: так, *g otcovi* из *k otcovi* (ср. русск. *к отцу*).

В словацком языке рефлексы древней второй палатализации **г, к, х** в словоизменительных парадигмах, в отличие от чешского языка, сохранились частично: это явление наблюдается у слов мужского рода только в именительном падеже множественного числа: *robotník – robotníci*, а в формах дательного и местного падежей единственного числа рефлексы палатализации со временем устранились: *na ruke, na nohe*, сравним с чешскими *na ruce, na noze*, в которых рефлексы палатализаций в словоизменении распространены шире.

Фонетические особенности серболужицкого языка

Несмотря на малочисленность носителей серболужицкого языка, на малую его распространенность, он интересен своими особенностями на всех уровнях, в данном случае, на фонетическом уровне. Одними своими особенностями серболужицкий язык примыкает к чешскому и словацкому языкам, другими особенностями – к польскому языку, что объясняется многовековой историей лужичан, носителей серболужицкого языка. Поэтому в связи со своими особенностями, не только фонетическими, он распадается на два подязыка – верхнелужицкий и нижнелужицкий. Многие явления верхнелужицкого языка указывают на его давние тесные связи с чешским и словацким языковым ареалом, а нижнелужицкий язык отражает былые связи с польской языковой областью.

Ударение в серболужицком языке фиксированное, силовое, в целом оно закрепилось за первым слогом слова, как в чешском и словацком языках. Но в некоторых говорах, в частности, в нижнелужицких, ударение может падать на предпоследний слог, как и в польском языке.

В серболужицком языке отсутствует долгота/краткость гласных, т.е. количественные различия в системе гласных утратились, как и в польском языке.

В верхнелужицком языке система гласных состоит из фонем **а, е, о, и, і, у, ё, ѓ**.

Фонема **а** соответствует русскому **а**, фонема **е** представляет собой чаще всего открытый гласный э. Фонема **и** соответствует русской гласной **у**, в первом слоге она может быть долгой. Фонема **і** полностью соответствует русской фонеме **и**. Фонема **у** верхнего подъема занимает среднее положение между русскими **и** – **ы**. Фонема **ё** по своему звучанию является краткой и занимает среднее положение между **е** и **і**, т.е. ее можно отнести скорее к верхне-среднему подъему. Буква **ё**, обозначающая напряженный гласный звук, используется, как и в чешском языке, на месте старого **ѣ**, например, *chlěb*. В ударенном слоге фонема **ё** звучит напряженно, как дифтонг **іе** (например, *město* – русск. *город*), а в безударном слоге, теряя напряженность, этот гласный верхне-среднего подъема фактически спускается в средний подъем и **ё** сливается в произношении с гласным **е** среднего подъема (напр., *njedźela* – русск. *воскресенье*).

Носовые гласные в серболужицком языке не сохранились: **о**-носовой перешел в гласный **и** (верхнего подъема). Носовой **е** в верхнелужицком языке перешел в **а** перед твердым согласным (*jazyk*) и в **е** перед мягким согласным (*dzewjęc*). В нижнелужицком языке носовой **е** перешел в **іе** под ударением, а в безударной позиции в **е**.

В серболужицком языке перед твердым согласным и на конце слова наблюдается переход **е** в **о**: *žona* – русск. *жена*, *torjo* – русск. *море*. Этот переход мы наблюдали только в русском языке среди рассмотренных восточнославянских языков, но если там переход осуществляется лишь в позиции ударенного **е**, то в серболужицких языках он проявляется и в безударной позиции, что и отражается в приведенных выше словах.

Между верхнелужицким и нижнелужицким подъязыками наиболее характерные различия фонетического характера таковы: 1) взрывное **g** в нижнелужицком и придыхательное **h** в верхнелужицком языках; 2) различна вокализация **ь** – в верхнелужицком языке наблюдается **o** перед твердыми и **e** перед мягкими согласными, а в нижнелужицком языке во всех позициях выступает **e**; 3) утрата носового гласного **ę** привела к неодинаковым результатам: если в верхнелужицком языке он перешел в **a** перед твердыми согласными, а перед мягкими согласными – в **e**, то в нижнелужицком языке **ę** носовой перешел под ударением в **ie**, а в безударной позиции в **e**. Как можно заметить, в обоих лужицких подъязыках при утрате носовых гласных отражается неодинаковый переход носовых гласных в другие чистые гласные звуки.

Ряд явлений верхнелужицкого языка свидетельствует о его былых тесных связях с чешским и словацким ареалом, тогда как явления нижнелужицкого языка подчеркивают его близость к польской языковой области.

ГЛАВА 2.6.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Генетическое родство южнославянских языков проявляется в типологических универсалиях, как и у других славянских языков, входящих в восточнославянскую и западнославянскую группы. Однако в рамках южнославянской языковой области между языками наблюдается меньше единства, чем в других группах славянских языков. По своим фонетическим особенностям южнославянские языки условно делятся на две группы – восточную группу (болгарский и македонский языки) и западную группу (сербский, хорватский, словенский языки). Болгарский и маке-

донский языки достаточно ощутимо отличаются от других южно-славянских языков, так как они находились в течение веков в контактах с балканскими (неславянскими) языками: дело в том, что соседями болгар и македонцев являются балканские неславянские народы – румыны, албанцы, греки. И соответственно в болгарском и македонском языках под их влиянием присутствуют и т.н. балканизмы. Кроме того, появление турок на Балканах привело и к проникновению тюркских элементов в эти славянские языки на всех уровнях.

Болгарский и македонский языки ближе друг к другу по своим фонетическим особенностям, тем более что македонский язык до недавнего времени был диалектом болгарского языка. А сербский и хорватский языки – очень близкие друг другу – сближаются со словенским языком, однако в отдельных случаях балканизмы проникли и в их фонетические системы.

Фонетические особенности сербского/хорватского языков

Принцип правописания сербского/хорватского языков – фонетический. Это отличает их правописание от правописания других славянских литературных языков за исключением белорусского языка, правописание которого также является фонетическим. На письме отражаются все фонетические изменения в слове при его произношении: так, пишется *србин* (русск. *серб*), но графически отражается и процесс оглушения согласного **б** в другой позиции: *српски* (русск. *сербский*). Таким же образом отражается и процесс выпадения согласного в слове, оказавшемся в другой фонетической позиции: ср. *отац* (русск. *отец*), но *оца* (русск. *отца*) [Кондрашов 1986: 192].

Ударение в сербском/хорватском языках является разноместным, но располагается, как правило, ближе к началу слова. При этом ударение в сербском/хорватском языках тоническое, связанное с различием долгих / кратких гласных, которое в них сохранилось. При тоническом ударении слог выделяется не

только бóльшей напряженностью, но и повышением или понижением тона голоса. Нисходящее ударение сохраняется как на долгих слогах (*gráđ*), так и на кратких (*ndǎje*), при этом отметим, что и ударные, и безударные слоги могут быть как долгими, так и краткими. Кроме того, сохраняются и старые интонационные различия [Кондрашов 1986: 193]. В сербских и хорватских словах представлена целая система ударений – музыкальное, силовое, длительное, краткое. Музыкальное ударение и долгота могут играть также смыслоразличительную роль: ср. *gráđ* (русск. *город*) с неполногласным сочетанием и *grad* как атмосферное явление.

Система гласных включает следующие фонемы **и – е – а – о – у**, в которых сохранились количественные различия, т.е. они могут быть в произношении как краткими, так и долгими. Краткие и долгие гласные под ударением различаются также тоном и могут произноситься как при восходящей, так и при нисходящей интонации. В безударных слогах отсутствует редукция гласных, и они отчетливо произносятся и под ударением, и в безударной позиции. Старый гласный **ě** (графически старое **Ѣ**) перешел в узкий гласный **i**, дифтонг **je**, а также в трифтонг **ije**.

Из обоих плавных **р** и **л** слогообразующую функцию сохранил только плавный согласный **р**: *срб* (русск. *серб*), *хрват* (русск. *хорват*). Слоговой **р** ведет себя как гласный звук, т.е. может быть и долгим, и кратким, на него может падать ударение: *прст*, *зрно*, *врх*. А в словах, в которых был старый слоговой **л** (в сочетании с редуцированным гласным), на его месте выступает гласный **у**: *сѹза* – русск. *слеза*, *жѹт* – *желтый*, *вѹк* – *волк* (ср. со ст./сл. *слза*, *жлтый*, *влкъ*). Согласный **л** в сербском/хорватском языках в закрытых слогах и на конце слова заменяется гласным **о**: ср. *хвáлио* в значении *хвалил* [Кондрашов 1986: 193].

В сербских и хорватских словах конечный звонкий согласный сохраняет свою звонкость, не оглушается – *лѣд* [-д], *ндж* [-ж], *срб* [-б], *рѣг* [-г]. Таким образом, существующее семантическое различие проявляется как в произношении, так и в на-

писании слов: ср. *râd* (русск. *труд*) и *rât* (русск. *война*), *sâd* (русск. также *сад*) и *sât* (русск. *час*). Отметим также, что звонкий **в** также не оглушается в позиции перед глухим согласным и на конце слова.

В сербском и хорватском языках согласные перед гласными переднего ряда **е, и** не смягчаются, такую картину мы наблюдали, например, в чешском языке. Мягкими согласными в них являются **ж, ш, ч, j, љ, њ, ħ, ħ̣**.

Фонетические особенности словенского языка

Ударение в словенском языке экспираторное, разноместное и подвижное. В словенском языке сохранились древние акцентные различия, тоническое ударение, т.е. ударение может быть восходящим (обозначается знаком ' – *sánja* – *мечта*) и нисходящим (обозначается знаком ^ – *dân* – *день*).

В словенском литературном языке пять гласных звуков – **а, е, і, о, у**. Гласные звуки в словенском языке могут быть долгими и краткими. Количественные различия гласных сохранились, но не в полной мере: долготы/краткости гласных как характерный признак их артикуляции, в отличие от сербского/хорватского языков, проявляется только в ударенной позиции. В безударном же положении гласные произносятся открыто и кратко. Фактически ударение влияет на длительность гласных звуков и их произношение.

Гласные в безударных слогах подвергаются редукции, в результате чего **а, е, о, і, у** могут настолько сильно редуцироваться, что вообще не произносятся: так, произносится *gъspod*, а не *gospod* (русск. *господин*). В словенском языке графически обозначается не только гласный под восходящим ударением (*sánja* – *мечта*), но и гласный под нисходящим ударением (*dân* – *день*). Долгие ударенные гласные получают закрытое, узкое произношение, поэтому **о** часто произносится как **uo, ou**, а гласный **е** как **ei**, графически же это передается с помощью диакритиков и

выглядит как **ô**, **ê** напряженные. В словах, в которых нет долгого гласного, ударение падает на последний слог. Некоторые сложные слова имеют несколько ударений. Отметим, что перед согласным **r** (русск. **р**) гласный **e** звучит как **i**: так, **Presern**, фамилия выдающегося словенского поэта XIX в., произносится как [*Presirn*]. В результате, словенская графика не отражает в полной мере произношения гласных, что создает определенные трудности при чтении текста иностранцами [Кондрашов 1986: 213].

Из особенностей системы согласных словенского языка отметим сохранение только слогового плавного **r**: ср. слово *srcê* (русск. *сердце*), *trg* (русск. *базар, рынок*). А слоговой плавный **l** утратил свою слогообразующую функцию и преобразовался в сочетание **ol**, которое произносится как дифтонг **ou**: *vôlk* [*vouk*], *sôlnce*[*sounce*], *dôlg* [*doug*]. Такое явление, как можно было заметить, с некоторыми различиями, наблюдается также в сербском и хорватском языках. Согласный **g** по способу произношения в словенском языке является взрывным: *poglavitno* (русск. *главное*), *dôlg*.

Согласные в словенском языке перед гласными переднего ряда утрачивают свою мягкость и не противопоставляются по твердости/мягкости, как, например, в русском языке. А мягкие **n** и **l** восходят к сочетаниям этих согласных с **j**: так, *krâlj* в значении *король*, *ljubâv* в значении *любовь* [Кондрашов 1986: 213]. Отметим и такое интересное явление: сочетание **že** после гласных изменяется в **re**: *takore* < *takože*, *morem* < *možem*. Такое же явление наблюдается и в сербском/хорватском языках, т.е. в рассматриваемых языках прослеживается внутренняя связь между этими мягкими согласными.

Сербский/хорватский и словенский языки объединяются в отдельную группу в связи с наличием некоторых общих фонетических особенностей, а именно: 1) это сохранение тонического ударения, которое связано с различием долгих и кратких гласных; 2) одинаковое изменение редуцированных; 3) изменение

старого ѣ (ѣ) в узкие гласные, дифтонги и даже в трифтонг е, і, је, іје.

Фонетические особенности болгарского языка

Восточную группу южнославянских языков, характеризующуюся своими интересными особенностями, составляют, как было отмечено ранее, болгарский и македонский языки. Вследствие своего географического положения они являются частью Балканского языкового союза. Особенности, которыми болгарский и македонский языки характеризуются на всех языковых уровнях, отличают их от других славянских языков даже в пределах южнославянской языковой группы. Однако в значительной мере они являются носителями и общих славянских языковых особенностей ввиду генетического родства славянских языков.

Ударение в болгарском языке экспираторное, придыхательное, какое мы видим в русском языке. Ударенный слог артикулируется с большей силой выдоха по сравнению с остальными слогами слова. Ударение в болгарском языке разноместное и отличается этим от ударения даже в македонском языке, хотя у болгарского языка с македонским максимальное число общих черт. Усвоение болгарского ударения представляет определенные трудности, т.к. надо усвоить место ударения и в основной форме, и в членной форме, и во множественном числе, и в различных производных словах: ср. *глас* – *гласът* (членная форма) – *гласовѣ* (множественное число) – *гласѣж* (русск. *звучание*) – *гласуване* (русск. *голосование*). В ряде случаев различия в месте ударения являются средством лексической и грамматической дифференциации: ср. *чета* (русск. *отряд*) – *четá* (русск. *читаю*). Ударение в болгарском языке различается в словах в основной, исходной форме и производных формах: ср. *рóден* – прилагательное *родной* и *родѣн* – существительное *рождение*; *вълна* – *шерсть* и *вълна́* – русск. *волна*. Отметим, что и в чешском языке, и в русском диалектном языке, в отличие от русского литературного языка,

слово *волна* имеет оба приведенных значения соответствующего болгарского слова, но с постоянным ударением на первом слоге в чешском слове и на последнем слоге в русском слове. В болгарском же языке, как было отмечено выше, в этом слове разные значения обусловлены разным ударением.

Вокализм современного болгарского языка состоит из следующих гласных фонем: **а – е – о – и – у – ъ**. Фонема **ъ** артикулируется как русское **а** во втором предударном слоге, в котором степень редукции гласного больше, чем в первом предударном слоге: ср. *говорить* [*гъварит*']. Эта славянская гласная фонема, сохранившаяся с древнейших времен только в болгарском языке, может быть сопоставима с армянской гласной фонемой **ը**, также неполной, редуцированной, обычно, если можно так выразиться, незаметной, по крайней мере, в написании (ср. арм. *գրգեր* [*grqer*]). Фонема **ъ** в болгарской фонетической системе восходит в одних словах к редуцированному гласному, который присутствовал в вокализме всех славянских языков, в частности, в древнерусском языке до XII в. (ср. болг. *сън* – ст./сл. *сънь*, др./русс. *сънь* и совр. русское *сон*). Указанная фонема в болгарском языке восходит в других словах также к носовому гласному **о** (ср. совр. болг. *съсед* и ст./сл. *сждѣ* с **о**-носовым в первом слоге).

Количественные различия гласных фонем, существовавшие в вокализме всех славянских языков в древности и утраченные многими из них, отсутствуют и в современном болгарском языке.

В литературном болгарском языке многочисленны случаи чередований гласных **е** и **'а** в пределах одной морфемы. Под ударением перед слогом с твердым согласным и гласными **а, о, у, ъ** произносится **'а**, в безударной же позиции перед следующим мягким слогом и гласными **е, и, 'а, 'у** произносится **е**: ср. *мляко* и *млечен*, *бял* и *бели*. Эти чередования считаются историческими, так как связаны с изменением старого гласного переднего образования **ѣ** (**Ъ**) в различных фонетических условиях.

Все согласные могут быть и твердыми, и мягкими, за исключением полумягких согласных **ж, ш, дж, ч**. Перед гласными переднего ряда **е, и** согласные не смягчаются. Можно отметить, что эта особенность характерна и для других языков южнославянской группы, в то время как такое смягчение является характерной чертой русского произношения. Некогда мягкие согласные в конце слова и перед последующим согласным утратили свою былую мягкость: ср. *ден* и русск. *день*, *пет* и русск. *пять*, *борба*, *писто* и русск. *борьба*, *письмо* и др.

В системе согласных функционируют аффрикаты **дз** и **дж**: ср. *дзон-дзон* (русск. *динь-динь*), *джеб* (русск. *карман*).

Процесс оглушения и озвончения согласных в болгарском языке носит такой же характер, что и в русском языке, и не отражается на письме.

В болгарском языке можно увидеть разные сочетания плавных согласных **р** и **л** с гласным **ъ**. Последний может находиться в одном и том же корне как перед плавным, так и после него, что зависит от фонетических условий. Так, если за сочетанием *плавный согласный + ъ* следует один согласный, то **ъ** находится перед плавным (ср. *сърбин* – русск. *серб*). Если же после сочетания плавного согласного с **ъ** находятся два согласных, то **ъ** располагается после плавного (ср. *сръбкиня* – русск. *сербка*). Такое местоположение гласного является остаточным явлением действовавших в древности фонетических законов. Эти сочетания плавных согласных с **ъ** в односложных словах наблюдаются обычно в виде **ръ** и **лъ**: например, *кръв* (русск. *кровь*) и др. Таковы основные фонетические особенности болгарского языка.

Фонетические особенности македонского языка

Как уже было отмечено, македонский литературный язык в сравнении с другими славянскими языками относительно молод, история его развития вполне обозрима. Он оформился из македонского диалекта болгарского языка в середине XX столетия,

когда на карте Европы появилось федеративное государство Югославия, и македонский язык стал государственным языком Македонии, одной из республик в составе федерации.

Македонский язык наиболее близок болгарскому языку, в обоих южнославянских языках наблюдается много общих черт. Однако македонский язык характеризуется чертами отличия и от болгарского языка. Отметим эти отличия. Так, македонская орфография по сути фонемная, она близка к принципу: одна графема – одна фонема.

В македонском языке ударение экспираторное, выдыхательное, и в отличие от наиболее близкого к нему болгарского языка, оно фиксировано на третьем от конца слоге, за исключением заимствований и деепричастий, в которых ударение ставится на предпоследнем слоге. Если же слово двусложно, то, естественно, ударение падает на первый слог. В болгарском же языке, как мы уже отмечали, ударение является разноместным. В македонском языке редукция гласных в безударных слогах отсутствует, т.е. в безударном положении гласные не меняют своего качества.

Система гласных состоит из пяти фонем: **а – е – и – о – у**. В вокализме многих македонских диалектов присутствует также гласная фонема среднего ряда среднего подъема [э], которая представляет собой рефлекс древнего носового гласного переднего ряда: ср. *пѣт* (*путь*, ст/сл. *пѣть*). Этот гласный звук наблюдается в звукоподражательных словах, тюркизмах, диалектных топонимах, именах собственных, выполняя лишь стилистическую и экспрессивную функцию, иными словами, является единицей разговорного языка и просторечия: *к'смет* [кэсмет] – лит. *касмет* 'удача, счастье' [Усикова 2005: 108]. Отметим также, что данное слово существует и в армянском диалектном языке – *լիւիթ* – в том же значении 'счастье, везение, удача' со звуком **л**, реализующимся в произношении. И в армянском языке это слово является тюркизмом, проникшим в его лексическую систему в силу исторических причин.

На смену старым редуцированным гласным ъ и ѣ в современном македонском языке выступают о и е соответственно: ср. *сон* (русск. *сон*, ст./сл. *сънь*) и *пес* (русск. *пес*, ст./сл. *пьсь*). А древние носовые гласные о и е трансформировались в чистые гласные а (*рака*, русск. *рука*, ст./сл. *ржка*) и е (*месо*, русск. *мясо*, ст./сл. *масо*) соответственно. Количественные различия гласных в македонском языке отсутствуют.

Из обоих слоговых плавных в системе согласных македонского языка сохранился только слоговой р: так, в слове *црвен* в значении *красный*, а также *рыжий* первый слог состоит из двух элементов, из которых согласный р в первом слоге выполняет слоговую функцию, выступая в качестве гласного. Если слоговой р находится в начале слова или в начале основы после приставки на гласный, он сохраняет свою слоговость и обозначается в виде 'р, произносимый как [эр] (ср. 'рж – русск. *рожь*).

Процессы оглушения и озвончения согласных протекают в целом так же, как и в русском языке, т.е. звонкие согласные в конце слова и перед глухими согласными оглушаются, а глухие согласные перед звонкими озвончаются. Регрессивная ассимиляция согласных по глухости/звонкости отражается в орфографии, кроме позиции конца слова и некоторых частных случаев: так, *потпира* (русск. *подбирать*)

В начале слова согласный х перед согласными выпадает (ср. *леб*, *ладно* и их русские соответствия *хлеб*, *холодно*). Отметим, что в македонском слове *ладно* в начальном ла отражается неполногласие, характерное для всех южнославянских языков. Кроме того, в македонском языке в начале слова согласный х встречается только перед гласными и р, но таких слов в македонском языке немного, в основном это заимствования. В остальных позициях согласный х заменяется звуком в: например, *уво* < *ухо*, *страв* < *страх*. Таким образом, в современном македонском языке согласный х употребляется нечасто, лишь в книжных

словах и заимствованиях: *храна* (*пицца*), *хемија*, *доход*, *хеликоптер* (в значении *вертолет*) и др.

Твердые согласные в македонском языке – **б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, с, т, ф, х, ц** – перед гласными переднего ряда **е, и** не смягчаются полностью, а становятся всего лишь полумягкими, за исключением **л**, этот согласный становится полностью мягким. Аффрикатy **ц** и **ч** имеют звонкую пару – **с** [дз] и **ц** [дж], произносимые как один звук: *свезда* (русск. *звезда*), *цеб* (русск. *карман*). Согласные **ж** и **ш** в македонском языке произносятся несколько мягче, чем соответствующие русские согласные, т.е. они сохранили в некоторой степени былую мягкость, которая была характерна в древности для шипящих во всех славянских языках.

В македонском языке наблюдается также упрощение групп согласных, состоящих из трех звуков, так **стј** > **сј** (*местен* – *месна* в значении *местный* – *местная*), **стл** > **сл** (*постеле* – *послан* в значении *постелить* – *посланный*), **здј** > **зј** (*грозд* – русск. *гроздь*, но *грозје* в значении *виноград*), **стт** > **ст** (*радост* + *та* > *радоста*). Аналогично наблюдается упрощение и других групп согласных **штн** > **шн**, **ждн** > **жн**: *училиште* (школа) – *училишна* (школьная) – *училишен* (школьный) [Усикова 2005: 111]. Как можно заметить, это упрощение касается именно сочетаний с переднеязычными согласными **т** и **д**.

В македонском языке начальное **ј** соответствует русскому **й** в начале слова как первому элементу в нем: ср. *јаболко* – русск. *яблоко*. Согласные **л-мягкий** и **н-мягкий** звучат, как и мягкие **л** и **н** в русском языке. Отметим, что они в македонском языке имеют специальное буквенное обозначение **љ** и **њ**: ср. *љубов* и *бања*.

ВЫВОДЫ

Анализ фонетических особенностей славянских языков всех трех групп – восточнославянской, западнославянской, южнославянской – показал, что в рамках каждой из трех групп славянские языки обладают максимально сходными чертами, чему способствовали их происхождение, территориальная компактность проживания народа, идентичность многих языковых черт вследствие однотипных исторических процессов развития. Фонетические особенности славянских языков характеризуются общими чертами генетического родства, так как эти языки выделились из одного источника – праславянского языка-основы.

При установлении родства языков, в данном случае, славянских, особое внимание уделяется звуковой системе, так как динамика ее развития происходит очень медленными темпами и поэтому она отличается особой устойчивостью. Типологические сходства фонетических систем славянских языков являются проявлением их тесного генетического родства. К ним относятся некоторые фонетические закономерности, присущие всем трем группам славянских языков (см. таблицу 2).

Таблица 2. Фонетические закономерности, наблюдаемые в славянских языках

	<u>Вост./сл.</u>	<u>Зап./сл.</u>	<u>Южн./сл.</u>
1.	Полногласие -оро-, -оло-, -ере-, -ело-: <i>сторона, золото,</i> <i>дерево</i> (русск., укр.)	Неполногласие -га-, -ла-; -ре-, -ле-; -го-, -ло-: <i>drevo</i> (словацк.), <i>strona, mleko</i> (польск.); <i>strana, zlato</i> (чешск.).	Неполногласие -ра-, -ла-; -ре-, -ле-: <i>злато, страна</i> (болг.); <i>брег, млеко</i> (макед.)
2.	начальные ро-, ло-: <i>лодка, ровный</i> (русск.)	начальные го-, ло-: <i>lodí, rovný</i> (чешск.)	начальные ра-, ла-: <i>ладия, равен</i> (болг.)

3.	*tj > ч, *dj > ж: <i>ночь, межа</i>	*tj > с, *dj > z (dz): <i>noc, meze</i> (чешск.), <i>miedza</i> (польск.)	*tj > щ, *dj > жд: <i>нощ, межда</i> (болг.)
4.	*tl > л, *dl > л: <i>сало, вел</i>	*tl, *dl сохраняются: <i>sádlo, vedl</i> (чешск.)	*tl > л, *dl > л: <i>сало, вел</i> (болг., макед.)
5.	наличие л-эпент. не в начале слова: <i>земля, купля</i> (русск.)	отсутствие л-эпент. не в начале слова: <i>země</i> (чешск.), <i>ziemia</i> (польск.)	наличие л-эпент. не в начале слова: <i>земља, купља</i> (сербск.), но <i>земя</i> (болг. – исключ.)
6.	начального о: <i>озеро</i> (русск., укр.)	начального je: <i>jezero</i> (чешск.), <i>jezioro</i> (польск.)	начального je: <i>ézero</i> (болг.), <i>jezêro</i> (словенск.)
7.	начальные <i>зве-, цве-</i> : <i>звезда, цвет</i> (русск.) <i>звізда, цвіт</i> (укр.)	начальные <i>kvě-, hvě-</i> : <i>květ, hvězda</i> (чешск.); нач. <i>kwia, gwia: kwiat,</i> <i>gwiazda</i> (польск.)	начальная <i>зве-, цве-</i> : <i>звезда, цвет</i> (болг.); <i>zvězda, cvět</i> (словенск.)

Приведенные фонетические закономерности проявляются очень четко. Одни из них сближают восточнославянские языки с западнославянскими, другие – западнославянские языки – с южнославянскими, третьи – восточнославянские языки – с южнославянскими.

В целом, можно заметить бóльшую архаичность западнославянских фонетических систем в сравнении с восточнославянскими и южнославянскими фонетическими системами: отсутствие л-эпентетического не в начале слова, сохранение зубных согласных в сочетаниях *tl, *dl, сохранение древних сочетаний согласных kv, gv перед гласным [ě] дифтонгического происхождения, не претерпевших дистантной второй палатализации. Древние особенности сохранились не в одинаковой степени даже в пределах одной группы. Такая картина лишней раз подчеркивает связь между историей языка и историей народа-носителя языка.

Отметим влияние старославянского языка на славянские языки, в частности, на древнерусский язык в период первого и второго южнославянских влияний.

Типологические сходства, обнаруживаемые между тремя группами славянских языков на фонетическом уровне, являются в них проявлением праславянского наследия. Различия же между ними показывают неодинаковость исторических судеб славянских языков, своеобразие путей их развития. Таким образом, вполне определенно вырисовывается картина звуковых соответствий, из которой явствует, что, несмотря на наличие типологических сходств в звуковых системах отдельных групп славянских языков, а это свидетельствует об их генетически общем источнике, существует и целый набор специфических звуковых особенностей, характерных для языков каждой из этих групп. Можно с достаточной уверенностью сказать, что немалую роль в этом сыграл и географический фактор, предопределивший компактность распространения групп славянских языков и специфические черты, характерные для славянских языков, входящих в эти группы. Появлению и развитию индивидуальных особенностей в каждой группе славянских языков способствовало и многовековое раздельное их существование. В то же время отметим, что древние фонетические особенности славянских языков сохранились в них в неодинаковой степени даже в пределах одной группы. Рассмотрим эти особенности.

1. Ударение разноместное (подвижное), силовое (динамическое) действует во всех восточнославянских языках (русском, украинском, белорусском), болгарском языке (южнославянском), кашубском (единственном из западнославянских языков, ныне диалекте польского языка). В македонском языке (южнославянском) ударение экспираторное, но в некоторой степени фиксированное, ударение падает на третий от конца слог, а в двусложных словах падает на первый слог.

В западнославянских языках повсеместно распространено фиксированное ударение, которое выражается неодинаково, по-разному: в чешском, словацком и серболужицких языках оно падает на первый слог, в польском языке – на предпоследний слог. Отметим долготу/краткость гласных в произношении в западнославянском чешском языке: эта фонетическая особенность проявляется безотносительно к тому, находится гласный под ударением или нет.

Только в южнославянских языках – сербском/хорватском и словенском – наблюдается сохранение старого тонического (музыкального) ударения с различием долготы/краткости гласных. Но есть различия и фонетического порядка между этими южнославянскими языками: так, в сербском и хорватском языках сохраняется восходящее ударение на слогах с долгим гласным и нисходящее ударение – на слогах с кратким гласным. В словенском же языке долгота гласных проявляется только в ударенной позиции, а в безударном положении гласные произносятся открыто и кратко. Фактически ударение в словенском языке влияет на долготу/краткость гласных.

Интересная особенность отмечается в западнославянском словацком языке: в нем также сохраняется долготы/краткости гласных, при этом данная особенность наблюдается не только у гласных, но и у слогообразующих плавных **р** и **л**, выступающих в функции гласных. Только словацкому языку присущ т.н. ритмический закон, который регулирует структуру слова. Согласно этому закону в смежных слогах не могут находиться два долгих гласных, поэтому при долгом гласном звуке корня долгий гласный суффикса или окончания сокращается.

2. Аканье как тип предупредительного вокализма после твердых согласных стало орфоэпической нормой русского языка уже с XIII в. В белорусском языке также установилось аканье и даже яканье, причем, в отличие от русского языка, оно стало не только орфоэпической, но и орфографической нормой (ср. белор.

харашо – русск. *хорошо*). Аканье не получило распространения ни в одном из славянских языков, кроме восточнославянских русского и белорусского языков.

3. Система гласных фонем в славянских языках неодинакова по составу. Так, только в польском языке сохранились оба носовых гласных **ą** и **ę**, которые в древности были во всех славянских языках. В словацком языке функционируют гласные **ä** (< **ę**) и **ô**, который произносится как [uo]. Отметим, что **ô** сохранился и в некоторых наиболее архаичных северновеликорусских говорах, в которых в закрытом слогe произносятся слова *год*, *двор* как [гуот], [двуор]. Только в болгарском языке функционирует в системе гласных фонема **ъ**.

Стоит отметить также присутствие дифтонгов, выполняющих слоговую функцию в чешском языке: это дифтонги **ou**, **au**, **'eu**. Исконно славянским из них является только дифтонг **ou**, восходящий к носовому **o** в одних словах и к **ú**-долгому в других словах. Два других дифтонга наблюдаются только в заимствованных словах.

Интересное чередование гласных происходит в украинском языке: гласные среднего подъема **o** и **e** исконные, не из редуцированных, в закрытом слогe становятся напряженными и переходят в верхний подъем, сменяясь гласным **i** верхнего подъема: ср. *коня*, *меда* (род. п.), но *кiнь*, *мiд* (им. пад.).

В некоторых славянских языках отсутствует редукция безударных гласных. Это имеет место, как правило, в языках с фиксированным ударением.

4. В ряде славянских языков, в отличие от русского языка, твердые согласные перед гласными переднего ряда **e** и **i** не смягчаются, артикулируются твердо: такая картина наблюдается в украинском, белорусском, чешском, болгарском, словенском языках. В то же время этот процесс протекает достаточно своеобразно в македонском языке: твердые согласные перед **e** и **i** ста-

новятся всего лишь полумягкими, за исключением согласного **л**, который смягчается полностью.

5. Различна артикуляция согласного **г** (**g**) в разных славянских языках даже в пределах одной группы. Так, в литературном русском языке произносится **г** взрывной, но в белорусском литературном языке и в южновеликорусском наречии в диалектном языке фиксируется также **г** фрикативный (**ɣ**) как промежуточный этап в артикуляции между **g** взрывным и **g** (**h**) придыхательным. В чешском языке нормой является произношение придыхательного **g** (**h**) в собственно чешских словах, а **g** взрывной произносится только в заимствованных словах. В польском языке, распространенном на сопредельной с чешским языком территории, нормой является произношение **g** взрывного. Разнятся в этом вопросе даже серболужицкие языки: в верхнелужицком языке произносят **h** (придыхательный **g**), а в нижнелужицком языке – **g** взрывной. Что касается южнославянских языков, то в них функционирует **g** взрывной по своей артикуляции.

6. В некоторых современных славянских языках, в частности, в чешском, утратилась существовавшая в древности оппозиция **l** – **l'**, в результате чего твердый **l** несколько смягчился, а мягкий **l** немного отвердел. Как результат, установился **l** не твердый и не мягкий, т.н. среднеевропейский.

Исторически исконно мягкий согласный **r'** (русск. **p'**), составлявший пару с твердым **r**, только в чешском языке перешел в очень специфичную фонему, которая произносится как звонкий [**rž**] или глухой [**rš**], произносимый как один сложный звук, графически передается буквой **ř**. В польском же языке мягкий согласный **r** трансформировался в мягкий согласный **ż**, который графически имеет вид **rz**.

7. Слоговые плавные **p** и **l**, которые возникли в глубокой древности во всех славянских языках в связи с действием закона открытого слога, сегодня сохранились в чешском и словацком языках, в последнем плавные согласные **r** и **l** не только сохранили

слогообразующую функцию, но и в позиции после губных согласных могут становиться долгими, как и собственно гласные звуки. В некоторых южнославянских языках – словенском, сербском/хорватском, македонском – сохраняется только слоговой **г** (**р**). Таким образом, наиболее устойчивым из двух слоговых плавных оказался согласный **г** (**р**).

8. В фонетических системах славянских языков фиксируется и явление т.н. переходной мягкости: отдельные мягкие согласные сменяются другими, еще более мягкими согласными. Так, в польском языке согласные **ć** из **t'**, **dz'** из **d'**, **s'** и **z'** в качестве очень мягких согласных произносятся шепеляво. Такое же явление своеобразно проявляется в виде т.н. дзеканья и цеканья в украинском и белорусском языках, в которых **т'** и **д'** мягкие плавно переходят в мягкие **ц'** и **дз'** соответственно: *цень* (русск. *тень*), *ціхі* (русск. *тихий*), *сядзець* (русск. *сидеть*). В то же время в ряде славянских языков твердые согласные не смягчаются перед гласными переднего ряда **е** и **и**. Такая картина наблюдается в чешском, украинском и в ряде южнославянских языков – в болгарском, словенском, в сербском/хорватском языках. В этой позиции в македонском языке твердые согласные перед гласными переднего ряда **е**, **и** становятся лишь полумягкими, не смягчаясь полностью, а шипящие **ж**, **ш** сохраняют былую мягкость.

9. В некоторых славянских языках при словоизменении в рамках парадигмы сохраняются следы второй палатализации, проходившей в древности под воздействием закона слогового сингармонизма: это чередования **г//з** (**g//z**), **к//ц** (**k//c**), **х//с** (**ch//s**). Такая картина широко наблюдается в белорусском, украинском, чешском, более ограничено в словацком, болгарском языках в виде чередований согласных: так, укр. *старуха* – к *старусі*, чешск. *ruka* – *ruce* и др.

10. В ряде славянских языков наблюдается оглушение звонкого согласного **в** не в глухой **ф**, как ожидалось бы, а его переход в **й**. Это пережиток старого состояния, когда в славянских языках

звонкий согласный **в** не имел глухой пары в виде **ф**. В словацком языке **v** в закрытом слоге переходит в **u** (*ouca* – русск. *овца*), в **ў** в украинском (*ў коня*) и белорусском языках (*кароўка*). Напомним, что появление фонемы **ф** в славянских языках было обусловлено прекращением действия закона открытого слога (XII-XIII вв.), в результате чего появились закрытые слоги и позиции оглушения и озвончения согласных. В данном случае оглушение звонкого **в** и привело к возникновению собственно славянского глухого **ф**.

11. Большие изменения произошли также в праславянском языке в сфере ударения. В ранний период истории праславянского языка доминировало тоническое ударение, т.е. ударные и безударные слоги различались высотой тона, вначале это различие было связано с долготой/краткостью гласных. Позже произошла передвижка ударения, и оно стало играть важную роль в грамматическом строе славянского праязыка. Тоническое ударение сохранилось в сербском/хорватском и словенском южнославянских языках, а в других славянских языках его следы отмечаются в виде долготы/краткости гласных, в передвижке места ударения в разных грамматических формах одного слова и др.

Таким образом, анализ фонетических систем всех славянских языков в пределах трех групп показал, что в каждом из них во многом сохранились фонетические особенности праславянского языка, т.е. универсалии, благодаря чему они и близки. Становится очевидным то утверждение, что наиболее устойчивыми являются именно фонетические особенности.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ТИПОЛОГИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Грамматические системы славянских языков, в свою очередь, обнаруживают убедительные сходства, существование которых обусловлено генетическим родством этих языков. Эти сходства объясняются посредством исторического комментирования грамматических фактов славянских языков. Надежным критерием родственной близости славянских языков, по утверждению слависта К.И. Ходовой, считается близость грамматического строя, так как он, как и фонетическая система, характеризуется очень медленными, постепенными темпами развития и является наиболее устойчивым [Ходова 1960: 8].

ГЛАВА 3.1.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В славянских языках существуют одни и те же части речи, которые делятся на две неравные группы – знаменательные и служебные части речи.

Основными частями речи в них являются имя существительное и глагол, на координации которых строится предложение и шире – текст.

Славянское существительное характеризуется такой важной морфологической категорией, как род: имена существительные относятся к одному из трех родов – мужскому, женскому, среднему. Эта особенность является очень устойчивой универсалией в славянском языковом мире. Родовая принадлежность имени существительного во всех славянских языках играет большую

роль в синтаксических построениях, так как она последовательно проявляется в подчинительной связи согласования в словосочетаниях и предложениях. Именно категория рода имени существительного является одной из главных трудностей при изучении любого славянского языка.

Славянские языки за некоторым исключением являются языками флективного строя. Они унаследовали с праславянского периода падежное склонение: все имена существительные распределяются по типам склонения. Древнее именное склонение включало шесть типов, что красноречиво подтверждается данными старославянского языка – первого книжно-письменного языка славян, а также иллюстративного материала из древних старославянских текстов.

Группировка существительных по типам склонения в древности проходила по древним основам в связи с действием фонетических законов. Так, существительные мужского рода в связи с качеством конечного согласного входили в разные типы склонения: существительные *врачь* и *тьсть* относились ко 2 и 4 типам падежного склонения в старославянском языке, так как в исходе этих слов звук **ч** был исконно мягким, а **т** – полумягким. Поэтому они отличались разными падежными парадигмами (ср. *врачь* – *врача* – *врачю*, но *тьсть* – *тьсти* – *тьсти* и др.). Уже позднее, когда перестали действовать фонетические законы и произошло падение редуцированных гласных, при распределении имен по типам склонения решающую роль стала играть родовая принадлежность. В этот период и появляются расхождения в системе склонения имен существительных в славянских языках, от сохранения семипадежной праславянской системы склонения вплоть до утраты самого склонения: так, отметим сохранение звательного падежа, например, в чешском языке (западнославянском) и утрату падежного склонения в болгарском и македонском языках (южнославянских), что будет рассмотрено ниже.

Важной морфологической категорией имени существительного в славянских языках также является **категория числа**, которая в древности была трехчленной: она состояла из единственного, множественного, двойственного чисел. Категория числа в славянских языках прошла длительный путь развития. Двойственное число имели все изменяющиеся части речи, но его парадигма было достаточно однообразной и бедной. Так, существительные в двойственном числе при всем богатстве флексий падежного склонения в славянских языках имели всего три окончания при семи падежных формах – именительный, винительный, звательный падежи имели одну общую флексию, родительный и местный падежи – вторую, дательный и творительный падежи – третью флексию. Двойственное число употреблялось в более редких случаях при обозначении двух или парных предметов. Поэтому самым слабым звеном категории числа считается именно двойственное число, которое было утрачено почти всеми славянскими языками. Отметим, что трехчленную систему числа имели языки многих народов в древности. Существует также точка зрения, объясняющая логику появления и существования двойственного числа: наличие в древних языках двойственного числа исследователи объясняли отсутствием абстрактного мышления у древнего человека, умевшего считать конкретно следующим образом: *один – два – много*. С развитием умения мыслить абстрагированно, по мнению одних ученых, отпала необходимость в специальных формах двойственного числа. Эта общепринятая точка зрения лингвистов (А. Мейе, А. Леви-Брюля, Гр. Ачаряна и др.) аргументируется прогрессом в мышлении и языке, развитием способности человека мыслить, а значит, и считать абстрактно. Существует и иная точка зрения, объясняющая логику появления и существования двойственного числа другими причинами. Особенно интересна точка зрения Вильгельма фон Гумбольдта, изложенная в его последней работе «О двойственном числе». По мнению В. фон Гумбольдта, двойствен-

ное число совмещает в себе природу множественного и единственного чисел и выражает идею «единства во множестве». Гумбольдт утверждал, что «двойственное число нельзя считать роскошью или устаревшим наростом на теле языка», что двойственное число служит не только для выражения понятия «два» и не является показателем примитивности мышления. Вот что писал Гумбольдт: «Двойственное число хорошо вписывается в общую соразмерность речеобразования, умножая возможные взаимосвязи слов, увеличивая масштабы воздействия языка и способствуя философским основам остроты и краткости взаимопонимания» [Гумбольдт 1985: 382]. К точке зрения В. фон Гумбольдта примыкает и точка зрения армянского исследователя В.С. Баграмяна, обнаружившего формы двойственного числа в современном амшенском (хемшинском) диалекте армянского языка. Он даже выделяет морфему двойственного числа, восходящую к старому индоевропейскому слову **ubhe* в значении *оба, вдвоем* (как известно, двойственное число существовало и в древнеармянском языке, но утратилось рано, не оставив следов) [Баграмян 1960: 195]. И самое интересное заключается в том, что в современном амшенском диалекте армянского языка оно сохранилось как живая грамматическая категория и способно функционировать даже в условиях цивилизации вопреки общепринятой точке зрения известных лингвистов. Его можно считать прямым наследием индоевропейского дописьменного армянского языка.

По мысли современного исследователя В.А. Плуногяна, «основная семантическая сфера, «питающая» двойственное число, – это парные объекты (*берега, родители, близнецы* и т.п.), и прежде всего объекты, расположенные по обеим сторонам оси симметрии, которая характерна для строения живых существ (ср. *глаза, уши, руки, бока, колени* и др.)» [Плуногян 2011: 277]. Двойственное число в древности было принадлежностью грамматической системы всех славянских языков. При этом трехчленная система

числа была не только у имен существительных, но и у прилагательных, местоимений, глаголов и причастий, т.е. реализовывалась в предложении у всех изменяющихся, согласующихся слов. Многочисленные примеры из письменных памятников славянских языков подтверждают существование в древний период двойственного числа, входящего в трехчленную числовую парадигму. Двойственное число очень последовательно эксплицируется в старославянских текстах. Вот пример из «Притчи о блудном сыне» (Ассеманиево евангелие): «*члвкъ етеръ имъ дъва сына <...> и раздѣли има имъниѣ*» – У одного человека было два сына <...> и он разделил между ними имущество. В приведенном старославянском предложении двойственное число вербализуется дважды: в словосочетании *дъва сына* (в винительном падеже) и в местоимении *има* (в дательном падеже).

Древняя система счета отражает мышление древнего славянина, считавшего конкретно: это один, это два, а все остальное – много. Более поздняя утрата двойственного числа свидетельствует о развитии уже абстрактного мышления, в рамках которого восприятие числа происходит по системе *один – много, а не один – два – много*. Почти все славянские народы сегодня пользуются двучленной системой числа, т.е. единственным и множественным числами. Однако не обходится без исключений: двойственное число сохранилось сегодня в серболужицком языке (западнославянском), в котором оно присуще всем изменяющимся частям речи в предложении. Серболужицкий язык замкнут в своем ареале, по этой причине в нем и сохраняется двойственное число, как и другие архаизмы. Отметим также, что двойственное число функционирует сегодня и в словенском языке (южнославянском), но уже с некоторыми утратами в падежной парадигме: в формах родительного и местного падежей употребляются вместо форм двойственного числа формы множественного числа.

Категория падежа в славянских языках в древности включала в себя семь падежных форм: *именительный – родительный – дательный – винительный – звательный – творительный – местный* падежи. В ходе исторического развития славянских языков во многих из них утратился звательный падеж (звательная форма), вытесненный формой именительного падежа.

Падежная система также относится к числу универсалий в грамматическом строе современных славянских языков, она в целом сохранилась почти во всех славянских языках, за исключением болгарского и македонского языков. Одинаковые парадигмы склонения одного и того же слова женского рода на **-а** в форме единственного числа в трех группах славянских языков, приводимые ниже в таблице 3, убедительно демонстрируют универсалии в этом фрагменте грамматической системы.

Таблица 3. Падежная система славянских языков

Падежи	Русск.	Чешск.	Сербск.
Им.	сестра	sestra	сестра
Род.	сестры	sestry	сестрê
Дат.	сестре	sestře	сестри
Вин.	сестру	sestru	сестру
Твор.	сестрой	sestrou	сестрôм
Предл.	(о) сестре	(o) sestře	(o) сестри
Зват.	-	sestro	сестро

Как можно заметить по приведенным парадигмам, они максимально идентичны и дают возможность в определенной степени восстановить древние праславянские парадигмы склонения имен существительных.

Категория одушевленности. В числе категорий имени существительного следует назвать и категорию одушевленности, которая получила развитие относительно поздно. Одушевленность имен существительных находит выражение при обозначении живых существ в совпадении форм винительного падежа не с именительным, а с родительным падежом.

Категория одушевленности фактически развилась в славянских языках после распада праславянского языка и прекращения действия фонетических законов, после утраты редуцированных гласных. Однако отдельные случаи употребления новой формы винительного падежа у одушевленных существительных sporadически фиксируются уже в старославянских текстах, самых древних текстах на славянском языке. И таким образом, становится ясно, что отдельные случаи оформленности категории одушевленности относятся к довольно раннему периоду существования славянских языков. Так, в разных списках Мариинского евангелия наблюдаются предложения и с новой формой одушевленного имени в винительном падеже, равной форме родительного падежа, и со старой формой, равной форме именительного падежа: ср. предложения *посла сына своего* и *посла сынъ свой*. В переводе эти формы выглядят следующим образом: *Он послал свой сын* (буквально) и *Он послал своего сына*. Таким образом, характерной особенностью славянского склонения имен является употребление формы родительного падежа вместо винительного у одушевленных существительных. К этому привело совпадение по форме падежей подлежащего и прямого объекта [Кондрашов 1986: 31]. Говоря о данной категории, имеем в виду имена мужского рода с согласным на конце. Отметим, что позднее особую форму винительного падежа прямого объекта получили в ряде славянских языков и одушевленные существительные женского рода на **-а** во множественном числе (ср. русск. *'вижу сестер'*, а не *'вижу сестры'*, как в древности). Выражение же одушевленности для имен женского рода на **-а** в единственном числе не было актуальным, так как в винительном падеже все эти существительные имели и имеют в разных славянских языках специализированную флексию **-у (-ю)**, отличающуюся от флексии именительного падежа: ср. *сестра – сестру* (русск.), *sestra – sestru* (чешск.), *сестра – сестру* (сербск.) и др.

ГЛАВА 3.2.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Имя существительное в русском (великорусском) языке

В первую очередь, отметим полное сохранение **категории рода** имен существительных, которая проявляется в согласовании с изменяющимися классами слов. Можно говорить лишь об отнесенности некоторых имен в прошлом к другому роду. Так, еще в 30-ые гг. XX в. существительные *рояль*, *лебедь* были именами женского рода, что зафиксировано в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова (1935-1940 гг.), также читаем в стихотворении В. Брюсова: «...лебедь белая плывет». Сегодня оба этих существительных – *рояль*, *лебедь* – современного русского языка являются словами мужского рода.

Категория падежа в современном русском языке включает 6 падежных форм: *именительный* – *родительный* – *дательный* – *винительный* – *творительный* – *предложный* падежи. В древнерусском языке, как и во всех славянских языках в древности, существовала и специализированная падежная форма, используемая для обращения – *звательный падеж*. Эта падежная форма в русском языке стала утрачиваться с XIII в. и к ее остаткам относятся такие формы уже междометного значения, как *боже*, *господи*, а также *старче* (см. у А.С. Пушкина в «Сказке о рыбаке и рыбке»), можно назвать еще целый ряд таких же застывших форм.

Система склонения в современном русском языке в результате исторических процессов трансформировалась из шести типов склонения в три типа, причем это деление основано уже на родовой принадлежности существительных, а не на древних праславянских основах. К первому склонению, как известно, относятся имена существительные женского рода на **-а (-я)** – *стра-*

на, земля, а также существительные мужского рода с тем же исходом – старшина, дядя и др. Ко второму склонению относятся существительные мужского рода как с твердой, так и мягкой основой (дом, волк, день, ключ), а также слова среднего рода с исходом на -о, -е, -ие (село, поле, выступление). К третьему склонению относятся слова женского рода с мягким согласным на конце (тень, роль, дверь и др.).

Унификация типов склонения протекала во всех славянских языках в связи с переходом от деления по древним основам, многие из которых материально уже не существовали в результате фонетических изменений, к делению по родовой принадлежности. При этом далеко не все имена вошли в эти три типа склонения, перейдя в разряд исключений. К ним в русском языке и относятся слова на -мя: конечное -'а в них восходит к е-носовому (см. ст./сл. сема – русск. семя), других слов среднего рода с исходом на -'а (орфографически я) в русском языке вообще нет, к тому же они сохранили свою парадигму древнего V склонения с неравносложностью форм в падежной парадигме. Другим примером исключений может послужить существительное мужского рода *путь*, которое склоняется не так, как другие имена мужского рода второго склонения с исходом на мягкий согласный в современном языке (ср. *зять* – *зятя* – *зятю* – *зятя* – *зятем* – (о) *зятя*), а как существительные женского рода третьего склонения: *путь* – *пути* – *пути* – *путь* – *путем* – (на) *пути*. При этом в творительном падеже у слова *путь* окончание -ем, характерное для слов мужского рода, сохраняется с древности, когда слова и женского, и мужского рода входили в это (четвертое!) склонение с древней основой на *ī.

Еще одна особенность, характерная для имен в славянских языках, – это **категория одушевленности**, которая в русском языке оформляется с XIII в. Категория одушевленности касается, в первую очередь, имен мужского рода, у которых форма винительного падежа была омонимична форме именительного падежа.

У всех слов женского рода на **-а (-я)** как одушевленных, так и неодушевленных, в винительном падеже выступает особое окончание **-у (-ю)** и поэтому нет омонимии между винительным и именительным падежами. В современном русском языке сохранились следы былого отсутствия категории одушевленности у слов мужского рода в таких клишированных конструкциях, как *выбрать в депутаты* (ср. современное *увидеть депутатов*), *выйти в люди* (ср. современное *он поверил в людей*) и др. В приведенной старой конструкции с невыраженной одушевленностью за существительными закрепилось сегодня специфическое значение 'переход в новое состояние'. В итоге развития категории одушевленности в русском языке она распространяется в единственном числе только на имена мужского рода, а во множественном числе на все одушевленные существительные как мужского, так и женского рода: ср. *Она увидела и мальчиков, и девочек*.

В склонении имен существительных в современном русском языке утрачены твердые и мягкие парадигмы первого и второго склонений, что связано с фонетическими причинами: все конечные согласные, за исключением всегда мягких **ч** и **щ**, в зависимости от позиции могут быть как твердыми, так и мягкими.

В парадигмах склонения утратились рефлексy второй палатализации (ср. др./русск. *рука – по руцѣ* и др.), т.е. произошла унификация членов падежной парадигмы и сегодня существуют формы *рука – по руке* и под.

Появилось такое специфически русское окончание для существительных мужского рода в именительном падеже во множественном числе, как **-á /-я́** ударяемые: *домá, учителя́*. В древности это была флексия именительного падежа утраченного двойственного числа у слов мужского рода. В результате переразложения типов склонения из шести в три некоторые высвободившиеся падежные флексии стали употребляться по-новому. Так, у имен мужского рода появились варианты падежных окончаний – в родительном и предложном падежах в единственном

числе: ср. *тарелка супа* – *поел супу*, *о доме* – *на дому*. Сегодня эти вариантные формы содержат в себе семантические и стилистические различия: так, в предложении ‘*Мы долго вспоминали об этом лесе*’ посредством формы предложного падежа *о лесе* выражается значение речи и мысли. А в предложении ‘*В лесу было темно и сыро*’ посредством формы предложного падежа *в лесу* выражено собственно местное значение. Падежные варианты используются и в форме родительного падежа множественного числа у слов мужского рода в виде флексии **-ов** (*пара учеников*), а также формы с нулевой флексией, совпадающей с формой именительного падежа единственного числа (*один сапог* – *пара сапог*). Фактически окончание **-ов** у слов 2 склонения является более поздним: оно принадлежало 3 склонению с древней основой на ***й**, в которое входило небольшое количество слов только мужского рода. А форма с нулевым окончанием в родительном падеже множественного числа у слов мужского рода, омонимичная форме именительного падежа единственного числа, была исконной и она сохранилась у некоторых имен в качестве исключения: ср. *К нам подошел старый цыган* (ед. число, именительный падеж) – *Толпа цыган покинула город* (мн. число, родительный падеж) и под.

Имя существительное в украинском языке

Своими морфологическими особенностями украинский язык очень близок к русскому языку. В украинском языке для имени существительного характерны те же категории рода, падежа, числа, одушевленности.

Категория рода в украинском языке в целом совпадает с категорией рода в русском языке. Однако у некоторых старых славянских слов может не совпадать родовая принадлежность. Так, если существительное *степь* в русском языке принадлежит к женскому роду, то в украинском языке оно мужского рода: ср.

...*посреди степу широкого...* (из стихотворения Т. Шевченко «Завещание»).

Имя существительное в украинском языке имеет категорию падежа, в основе которой лежит шестичленная оппозиция, ее образуют следующие падежи: *називний* (именительный) – *родовий* (родительный) – *давальний* (дательный) – *знахідний* (винительный) – *орудний* (творительный) – *місцевий* (местный).

Падежная система украинского языка в определенной степени сохранила звательную форму, ее имеет большая часть существительных мужского и женского рода: ср. *батько* – *батьку!* *хлопець* – *хлопче!* *жінка* – *жінко!*. Таким образом, следует отметить, что бóльшая часть существительных имеет специальную падежную форму для выражения обращения, т.н. *кличний* (звательный) падеж. В родительном падеже единственного числа у слов мужского рода в украинском языке чаще всего представлено окончание *-у*, между тем как в русском языке оно употребляется нечасто. В дательном падеже наиболее частотна для слов мужского рода флексия *-ові* (*-єві, -еві*), более редко – флексия *-у* (*-ю*). Окончание дательного падежа *-ові* (*-єві, -еві*) в славянских языках в древности и, в частности, в древнерусском языке также принадлежало непродуктивному, утратившемуся 3 склонению, в которое входила небольшая группа существительных мужского рода с исходом на твердый согласный. В местном падеже также используются окончания *-у* (*-ю*), *-і, -ові*, омонимичные окончания дательного падежа: *о робітнику* – *о робітникові*.

В падежных парадигмах украинского языка сохраняются чередования заднеязычных **h** (**г**) – **к** – **х** со свистящими **з** – **ц** – **с**. Эти рефлексy второй палатализации заднеязычных проявляются в дательном и местном падежах единственного числа: *лавка* – *к лавці, на лавці*; *нога* – *по нозі, на нозі*; *кожух* – *по кожуси, на кожуси* и др. Интересную форму вследствие фонетических изменений получают существительные женского рода третьего склонения, оканчивающиеся на смягченный согласный и шипящий в

творительном падеже единственного числа. В соответствии с окончанием этих существительных в современном русском языке **-ью**, которое имеет древнерусское происхождение, в украинском языке **ј** в окончании утрачивается, а конечный согласный основы становится сдвоенным и более мягким: *тінню* (русск. *тенью*), *ніччю* (русск. *ночью*).

В украинском литературном языке существительные склоняются по четырем типам. К первому склонению относятся существительные женского рода с исходом на **-а (-я)** – *вода, диня* (русск. *дыня*) и др. Ко второму склонению относятся существительные мужского рода на согласный (*дуб, хліб*), имена мужского и среднего рода на **-о** (*батько, вікно* – русск. *отец, окно*), существительные среднего рода на **-е и -я** (*поле, щастя* – русск. *счастье*). По третьему склонению изменяются существительные женского рода с исходом на согласный (*розкіш, ніч* – русск. *роскошь, ночь*). По четвертому склонению изменяются существительные среднего рода с наращением в косвенных падежах: *лоша – лошади* (русск. *жеребенок – жеребенка*), *ім'я – імени*. Как легко можно заметить, имена четвертого склонения современного украинского литературного языка восходят в древнеславянскому пятому склонению, к которому относились имена с наращением в падежных парадигмах и, в том числе, т.н. разносклоняемые существительные на **-мя** современного русского литературного языка.

В сочетаниях с числительными *два, три, чотири* существительные в украинском языке имеют форму именительного падежа множественного числа, т.е. члены словосочетания – числительные и существительные – согласуются в падеже и числе. Это не что иное, как остаточное явление, восходящее к древнерусскому языку: числительное *два* согласовывалось с существительным в двойственном числе. Что касается числительных *три, чотири*, то они составляют словосочетания с существительными по аналогии со словом *два*, т.е. здесь также имеет место связь согласования. В

современном русском языке картина иная: существительные в сочетании с этими числительными принимают форму родительного падежа единственного числа и между членами словосочетания осуществляется связь управления.

Как и в русском языке, в украинском также действует категория одушевленности, и одушевленные существительные выступают в форме винительного падежа единственного числа, омонимичной форме родительного падежа. Но во множественном числе категория одушевленности выражена только у имен, обозначающих людей, т.е. лиц. Если же существительные обозначают животных, то форма винительного падежа множественного числа у них, в отличие от русского языка, совпадает с формой именительного падежа, как и названия неодушевленных предметов: например, *пасти воли* (русск. *пасти волов*). Иными словами, категория одушевленности для слов мужского рода в украинском языке имеет более ограниченное распространение, чем в русском языке.

Имя существительное в белорусском языке

Существительные в белорусском языке имеют те же грамматические категории, что в русском и украинском языках: род, падеж и типы склонения, число, одушевленность.

Отметим, что в целом **категория рода** в белорусском языке максимально идентична категории рода в русском языке. Однако род некоторых существительных не совпадает с родом этих же старых славянских слов в русском языке: *моцны боль* (белор.) мужского рода – *сильная боль* (русск.) женского рода, *шырокі степ* (белор.) мужского рода – *широкая степь* (русск.) женского рода, *горкі палын* (белор.) мужского рода – *горькая полынь* (русск.) женского рода, *маладая таполя* (белор.) женского рода – *молодой тополь* (русск.) мужского рода и др. Это же явление было отмечено выше и в отношении украинского языка.

Система склонения в белорусском языке включает шесть падежей: *назоўны* (именительный) – *родны* (родительный) – *давальны* (дательный) – *вінавальны* (винительный) – *творны* (творительный) – *месны* (предложный). Звательный (*клічны*) падеж практически уже не употребляется и так же, как и в украинском языке, эта форма просто сохраняется у немногих часто употребляемых слов в процессе коммуникации в качестве обращения – *браце* (русск. *брат*), *дзеду* (русск. *дед*), *сынку* (русск. *сын*), *Яне* (мужское имя *Ян*) и др.

В белорусском языке существительные склоняются по трем типам. Первый тип склонения, как в русском и украинском языках, охватывает существительные женского рода с исходом на **-а** (**-я**), а также несколько слов мужского рода с тем же окончанием: *вада*, *мяжа*, *зямя*, *стараста*. Следует отметить, что в белорусском языке частично сохранилась мягкая разновидность древнерусского склонения: слова женского рода с исходом на **-а** (**-я**) в родительном, дательном, местном падежах принимают старое окончание склонения слов женского рода мягкой разновидности **-і**: *ат зямлі* – *по зямлі* – *аб зямлі*. По второму склонению изменяются существительные мужского рода с основой на согласный: *дуб*, *нож*, *конь*, *край*. Во второе склонение входят также имена среднего рода на **-о** (**-ё**), **-а**, **-е** (последнее не под ударением): *акно* (русск. *окно*), *жыццё* (русск. *жизнь*), *поле*. Отметим, что у слов среднего рода во множественном числе в именительном падеже установилась флексия **-ы**, **-і**: *акны*, *азёры*, *палі* (ср. русск. *окна*, *озера*, *поля*). Третье склонение составляют имена существительные женского рода с исходом на мягкий или былой мягкий, но уже отвердевший согласный: *ноч*, *мыш*, *косьць* (русск. *кость*), *печ*, *радасць*, *памяць*.

Категория одушевленности действует, как и в русском языке: у одушевленных существительных мужского рода в единственном числе, а у остальных одушевленных существительных как в единственном, так и во множественном числах форма вини-

тельного падежа омонимична форме родительного падежа. Можно констатировать, что в белорусском имени существительном категория одушевленности представлена в том же объеме, что и в русском языке.

Как и в украинском языке, в белорусском у существительных женского рода проявляются старые рефлексy второй палатализации в падежных парадигмах в дательном и местном падежах в виде чередований **г(ћ) – з, к – ц, х – с**: *рука – руцэ, страха* (русск. *крыша, стреха* в русских диалектах) – *страсе* и др. Реже такое чередование встречается и у имен мужского рода в местном падеже единственного числа: такова архаичная форма предложного падежа *на снезе* (наряду с современной формой *на снегу*). Старые рефлексy второй палатализации у существительных мужского рода во множественном числе утрачены: так, *ваўкі*, а не *ваўці* (русск. *волки*). В первом склонении имен существительных у слов женского рода в родительном падеже множественного числа встречается окончание **-аў (-яў)**: *бязозкаў* (русск. *березок*), *соснаў* (русск. *сосен*), *бураў* (русск. *бурь*). Это окончание имен мужского рода второго склонения **-ов** с отражением аканья в белорусском языке фактически проникло и в формы слов женского рода.

У имен существительных с суффиксом **-к-** в форме родительного падежа множественного числа в окончаниях всегда появляется беглый гласный **а** (в русском языке это беглый **о**, здесь опять же проявление белорусского аканья и на письме): *старонка* (русск. *страница*) – *старонак* (род. множ.), *талерка* (русск. *тарелка*) – *талерак* (род. множ.).

Числительные *два – три – чатыры* согласуются с существительными в белорусском языке так же, как и в украинском языке, при этом существительные сохраняют старую форму именительного падежа: ср. *два сталы, три акны, чатыры кані*. Это, по сути, проявление старого согласования, которое связано с употреблением двойственного числа числительного в словосочета-

нии *два сталы*, при этом числительные *три*, *четыре* принимают эту форму двойственного числа по аналогии с числительным *два*. Такую картину мы наблюдали и в украинском языке. Члены такого сочетания числительного и существительного соединяются связью согласования. Отметим, что сегодня в русском языке слова в этих сочетаниях соединяются связью управления и считается, что существительное имеет форму родительного падежа единственного числа: ср. *два стола*, *три окна*, *четыре коня*.

ГЛАВА 3.3.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Имя существительное в польском языке

В первую очередь, отметим **категорию рода** имени существительного в польском языке. Как и во всех славянских языках, эта категория состоит из форм мужского, женского, среднего рода.

К мужскому роду относятся существительные с нулевой флексией (*ptak* – русск. *птица*), с флексией **-a** (*poeta* – русск. *поэт*), с окончанием **-o** (*dziadzio* – русск. *дедушка*), субстантивированное прилагательное с флексией **-y/-i** (*radny* в значении *депутат совета* от существительного *rada* – *совет, государственный орган*).

Имена женского рода имеют исходное окончание **-a** (*kawiarna* – русск. *кафе*). Это же окончание имеют субстантивированные прилагательные женского рода (*radna* в значении *женщина-депутат совета*, *synowa* – *жена сына, сноха*). Существительные женского рода имеют также флексию **-i** с предшествующим мягким согласным (*pani* – русск. *женщина, пани*). Эта же флексия выступает также в варианте **-yni** в старых славянских

словах (*gospodyni* – русск. *хозяйка*). Существительные женского рода имеют также нулевое окончание – *kość, noc, krew* (соответственно русск. *кость, ночь, кровь*). Таким образом, слова мужского и женского рода с основой на мягкий и бывшей мягкой, но уже отвердевший согласный, также твердый губной согласный с нулевой флексией в форме именительного падежа единственного числа внешне неразличимы: ср. *gość* (русск. *гость*) и *piec* (русск. *печь*), *staw* (русск. *пруд*) и *krew* (русск. *кровь*). Но сходство форм, их совпадение отсутствует в косвенных падежах, так как исторически это были слова мужского и женского рода двух разных типов древнеславянского склонения, и поэтому сегодня эти слова имеют неодинаковую падежную парадигму, например, в творительном падеже выступают формы *gośćem* (русск. *гостем*) и *nocą* (русск. *ночью*). И таким образом, неодинаковость флексий в творительном падеже приведенных слов обусловлена их родовой принадлежностью.

Существительные среднего рода имеют в именительном падеже окончания **-o** (*slowo*-русск. *слово*), **-e** (*morze*-русск. *море*), в форме среднего рода выступают также субстантивированные прилагательные с окончанием **-e** (*Zakopane* – *горнолыжный курорт Закопане* в Польше).

Категория падежа в польском языке представлена следующими падежными формами: *mianownik* (именительный падеж) – *dopełniacz* (родительный падеж) – *celownik* (дательный падеж) – *diernik* (винительный падеж) – *narzędnik* (творительный падеж) – *miejsownik* (местный падеж). К падежной парадигме примыкает также звательная форма (*wołacz*), которая образуется особо и используется только с существительными мужского и женского рода в единственном числе: *synu, matko, Petre*. А во множественном числе в функции обращения используется форма именительного падежа. Звательная форма в польском языке употребительна у личных имен, также уменьшительных имен и названий родства: *Jadwigo! Josiu! Tatusiu!* В современном польском языке затель-

ная форма уже малопродуктивна и вытесняется формой именительного падежа.

Система склонения имен существительных в польском языке включает четыре типа. Отношение к типу склонения определяется: 1) родовой принадлежностью; 2) происхождением слова – заимствованное или свое, также если субстантивированное прилагательное, то соответственно наличием родового окончания. Три типа склонения имен существительных имеют твердую и мягкую разновидности. К твердой разновидности всех типов склонения относятся имена существительные, основы которых оканчиваются на этимологически твердые согласные **p, b, m, w, f, r, l, n, t, d, s, z, k, g, ch, h**. Мягкую разновидность составляют имена существительные, основа которых оканчивается на мягкие согласные – на мягкие губные и **ś, ź, ć, dź, ń, j, ł**, а также на бывшие мягкие, но уже отвердевшие согласные, которые по своему старому, традиционному статусу приравниваются к мягким согласным – это **sz, ź, rz, cz, dź**, а также свистящие **c, dz**.

К первому склонению существительных относятся слова мужского рода с нулевой флексией в форме именительного падежа единственного числа: *chłopiec* (русск. *мальчик*), *język* (русск. *язык*), *most* (русск. *мост*). В это же склонение входят уменьшительные существительные – нарицательные и собственные с флексией **-o**.

Отметим, что в отдельных группах существительных мужского рода в разных падежах встречаются параллельные окончания, которые достаточно специфичны: так, в родительном падеже единственного числа у неодушевленных существительных выступает флексия **-u** (*wtorek – wtorku*, ср. русск. *вторник – вторника*), в некоторых случаях и окончание **-a** (*but – buta*, русск. *ботинок – ботинка*). В дательном падеже наряду с самым употребительным окончанием **-owi** (*pisarzowi – русск. писателю*) реже встречается и окончание **-u**, преимущественно у одушевленных существительных (*brat – bratu*). Присутствие в падежной

системе у слов мужского рода специфичных флексий объясняет их историческое комментирование: они восходят к древнеславянским падежным формам, которые были присущи всем славянским языкам с окончаниями **-owie** у слов в именительном падеже во множественном числе, **-ow** у слов в родительном падеже во множественном числе, флексия **-owi** в дательном падеже единственного числа у слов мужского рода. Старые окончания утратившихся типов склонения при их унификации сохранились и в других славянских языках во многих случаях в качестве падежных вариантов в склонении имен существительных мужского рода.

Ко второму склонению имен существительных в польском языке относятся имена существительные среднего рода с исходом на **-o** (*pióro* – русск. *перо*), **-e** (*morze* – русск. *море*).

К третьему склонению относятся имена существительные женского рода с исходом на **-a** (*ziemia, uwaga* – русск. *земля, внимание*) и некоторые слова мужского рода с тем же исходом (*poeta, radca* – русск. *поэт, советник*).

Четвертое склонение охватывает имена существительные женского рода с исходом на мягкий согласный с нулевым окончанием в именительном падеже (*noc, podróż* – русск. *ночь, путешествие*).

В польском языке в падежных парадигмах склонений сохраняются рефлексы второй палатализации в виде чередований **k – c, g – dz, ch – sz**: *matka – matce, droga – drodze, mucha – musze*. Такая картина была отмечена выше в украинском и белорусском языках, в русском же языке в течение веков это явление в падежных парадигмах полностью устранилось.

Категория одушевленности в польском языке, как и в русском, находит выражение в форме винительного падежа, омонимичной форме родительного падежа у слов мужского рода только в единственном числе. В отличие от русского языка существительные женского и тем более среднего рода в польском

языке не знают таких различий ни в единственном, ни во множественном числах. Во множественном числе категория одушевленности у имен мужского рода выступает в суженном виде – омонимия форм винительного и родительного падежей существует только у слов, обозначающих лиц мужского пола. И она носит название **категория личности**. Эта форма представляет собой выражение т.н. категории мужского лица, которая получает морфологическое выражение только в формах именительного и винительного падежей во множественном числе в виде падежных флексий **-i** или **-owie**, при этом имеет место согласование с этими формами всех изменяющихся частей речи – местоимений, прилагательных, числительных, глаголов. В этих формах существительного мужского рода во множественном числе перед **-i** происходит смягчение согласных в виде переходных чередований **r – rz, t – ć, d – dź, k – c, g – dz, ch – s**: *Szwed – Szwedzi, Czech – Czesi* и др. Окончание **-owie** наблюдается у целого ряда существительных мужского рода, обозначающих лицо в формах именительного падежа множественного числа: они указывают профессию, национальность, степень родства, общественное положение и др., так, *syn – synowie, pan – panowie* и др. Названия животных и неодушевленных предметов в твердой разновидности имеют окончание **-y** (но после **k, g** также **-i**) и **-e** (в мягкой разновидности): *pies – psy, dwor – dwory, wilk – wilki, ptak – ptaki; koń – konie, pokoj – pokoje*. Интересно, что если окончание **-y** прилагается к личным именам, то такие формы выражают пренебрежительно-презрительное отношение к лицу: ср. *chłopi* – нейтральное, обозначает *крестьяне*, а *chłory* – *мужичье*. В ряде случаев старые формы именительного-винительного падежей множественного числа на **-y** служат для выражения архаикоторжественного стиля: ср. *dziad – dziady* в значении *предки* при обычном нейтральном *dziadowie – старуки*. В винительном падеже множественного числа только личные имена получают окончание, омонимичное окончанию родительного падежа (ср.

chłopow, synow). А для остальных имен мужского рода, даже одушевленных, но не обозначающих лицо, форма винительного падежа множественного числа совпадает с формой именительного падежа множественного числа: *widzę ptaki, tam konie* – буквально *вижу птицы, имею кони* [Кондрашов 1986: 110]. Отметим также, что личные и неличные формы различаются также в прилагательных, местоимениях и в некоторых глагольных формах. Категория личности в кругу славянских языков присуща только польскому языку и не имеет аналога в других славянских языках.

Категория числа в польском языке в современном его состоянии представлена оппозицией единственного/множественного чисел, т.е. двухкомпонентна. Слова с собирательным значением, имеющие форму единственного числа, сочетаются в словосочетании и предложении со словами во множественном числе. В таком согласовании отражается древняя особенность главных членов предложения в славянских языках согласовываться по семантическому принципу, а не по формальному, как сегодня. (*Wujostwo przyjechali* – русск. *Дядя и тетя приехали*, от слова *wuj* – *дядя по матери*). В приведенном предложении *Wujostwo* имеет форму единственного числа, но это существительное собирательное, следовательно, в нем заключена семантика множественности: оно обозначает число больше одного, поэтому глагол-сказуемое имеет форму множественного числа. У ряда существительных формы единственного и множественного чисел не соотносятся по значению: так, форма множественного числа *Wojtkowie* может обозначать не только множество Войтков, но и супругов – Войтека и его жену, или Войтека со всем семейством.

В польском языке выделяются существительные вне категории числа: *singularia tantum* (*chleb*) и *pluralia tantum* (*Tatry* – название гор, *Katowice* – топоним *Катовицы*), *imieniny* (*именины*), *pleci* – русск. *спина*. Несколько слов имеют форму исчезнувшего двойственного числа в значении множественного: *uszu* (русск.

уши), *oszu* (русс. *глаза*). Как правило, это парные существительные, имевшие в прошлом форму двойственного числа. И эти формы, восходящие к формам двойственного числа, существуют сегодня и в других славянских языках.

Имя существительное в чешском языке

Имя существительное в чешском языке также характеризуется категориями рода, числа и падежа. В рамках категории рода различаются мужской (*mužský rod*), женский (*ženský rod*), средний род (*střední rod*), все существительные в чешском языке являются именами одного из трех родов.

К мужскому роду относятся имена существительные с твердым или мягким согласным в именительном падеже единственного числа: *bratr* (русс. *брат*), *dům* (русс. *дом*), *pokoj* (русс. *комната*). К мужскому роду относятся также немногие существительные с исходом на **-а**, **-е**, **-í**, которые обозначают лиц мужского пола: *starosta* – русск. *староста*, *soudce* – русск. *судья*, *krejčí* – русск. *портной*.

К женскому роду относятся имена существительные с исходом на **-а** или **-е (-ě)**: *sestra* (русс. *сестра*), *kočka* (русс. *кошка*), *ulice* (русс. *улица*), *země* (русс. *страна, земля*). Именами женского рода являются также существительные с исходом на согласный основы: *tramvaj*, *postel* (русс. *кровать, постель*), *věc* (русс. *вещь*).

К среднему роду относятся имена существительные, которые в именительном падеже единственного числа оканчиваются на **-о**: *město* (русс. *город*), *Česko* (русс. *Чехия*); на **-е** (редко **-ě**): *pole* (русс. *поле*), *slunce* (русс. *солнце*), *dítě* (русс. *ребенок*); на **-í**: *nádraží* (русс. *вокзал*), *umění* (русс. *искусство*) и некоторые другие группы имен существительных.

Категория числа представлена в чешском языке оппозицией единственное/множественное число; как и в рассмотренных выше

славянских языках, двойственное число в ходе исторического развития чешского языка полностью утратилось.

Категория падежа. В чешской грамматической системе функционирует семь падежей, в числе которых употребляется и **звательный падеж**, сохранившийся с прежних эпох и представляющий собой сегодня еще живую падежную форму. Итак, в грамматической системе чешского языка функционируют следующие падежные формы: *nominativ* (именительный) – *genitiv* (родительный) – *dativ* (дательный) – *akuzativ* (винительный) – *vokativ* (звательный) – *lokál* (предложный) – *instrumentál* (творительный). В склонении имен существительных в чешском языке различаются твердая и мягкая разновидности. К твердой разновидности склонения относятся существительные, основа которых оканчивается на твердые согласные **p, b, v, f, m, n, t, d, k, g, ch, h, r, s** и большая часть существительных с исходом на **-l, -z**: *bratr* – брат, *hoch* – ученик, *les* – лес, *kout* – угол, *hotel* – гостиница (мужской род). К твердой разновидности относятся также существительные женского и среднего рода с твердым согласным основы: *řeka* – река, *noha* – нога, *slza* – слеза, *zahrada* – сад, *tara* – карта (женский род); *město* – город, *Česko* – Чехия, *divadlo* – театр, *auto* – автомобиль (средний род). К мягкой разновидности относятся существительные, основа которых оканчивается на мягкие согласные **t', d', ň, j, š, ž, č, ř, c**, и ряд существительных с основой на **-l, -z**: *muž* – мужчина, супруг, *lyžař* – лыжник, *kůň* – конь, *pokoј* (комната), *učitel* (мужской род); *růže* – роза, *neděle* – воскресенье, *nůše* – ноша, *restaurace* – ресторан (женский род); *moře* – море, *slunce* – солнце, *vejce* – яйцо, *pole* – поле (средний род).

В современном чешском языке сохраняется более многотипная система склонения, чем в русском языке, в парадигмах склонения имен существительных сохраняются архаизмы.

Отнесенность существительных к тому или иному типу склонения определяется по следующим параметрам: род, одушевлен-

ность/неодушевленность (у существительных мужского рода), наличие/отсутствие окончаний и их характер, а также твердость/мягкость конечного согласного основы. Таким образом, чешские существительные изменяются по типам склонения следующим образом: склонение существительных женского рода твердой разновидности (*žena, sestra*), склонение имен женского рода мягкой разновидности (*ulice, večere – ужин*); склонение неодушевленных существительных мужского рода твердой разновидности (*byt – квартира, strom – дерево*), склонение одушевленных существительных мужского рода твердой разновидности (*student, hoch – мальчик*), склонение одушевленных имен мужского рода мягкой разновидности (*muž, otec*) и неодушевленных имен мужского рода мягкой разновидности (*pokoj, talíř – тарелка*); склонение имен среднего рода твердой разновидности (*okno, jablko – яблоко*), склонение имен среднего рода мягкой разновидности (*moře – море, slunce – солнце*), склонение существительных среднего рода на **-í** (*zboží – товар, umění – искусство*), склонение существительных женского рода на согласный (*báseň – стихотворение, broskev – персик*), склонение имен мужского рода на **-а** и на **-ce** (*předseda – председатель, soudce – судья*).

Таким образом, очевидно, что в склонении существительных в чешском языке в значительной степени сохраняются архаизмы и не последнюю роль в этом сыграли исторические условия, в которых оказался чешский язык: отметим, что чешскому Возрождению, начавшемуся в конце XVIII в., предшествовал длительный период застоя во всех областях жизни, в том числе и в языке.

Интересное развитие в чешском языке получила **категория одушевленности**: если в русском языке она проявляется только в форме винительного падежа, равного родительному, то в чешском языке она проникла у слов мужского рода в единственном числе и в дательный падеж (ср. форму дательного падежа у слов *studentovi*, но *plodu*), а во множественном числе и в именительный падеж: ср., *studenti* и *plody*. Можно констатировать, что в

падежном склонении чешского языка и его развитии немалую роль сыграло и оформление категории одушевленности: ее развитие носило в целом более широкий характер, чем в русском языке.

Не последнюю роль в истории развития системы склонения в чешском языке, впрочем, как и в русском, сыграли разного рода фонетические процессы – перегласовка, стяжение, изменения гласных в слоге. Если в русском языке в результате фонетических преобразований нивелировались различия, например, в склонении существительных на **-ā* и **jā* (русск. I тип), т.е. твердая разновидность вобрала в себя мягкую разновидность и для слов I склонения установилась всего лишь одна парадигма, то иная картина сформировалась в чешском языке: фонетические процессы привели к центробежным тенденциям, и различия, вызванные ими, углубились. В результате твердая и мягкая разновидности значительно отделились друг от друга и в итоге стали разными типами склонения, правда, с неодинаковой степенью продуктивности. И это всего один из примеров трансформации древнечешских типов склонения в современные. В падежных парадигмах чешского склонения четко сохраняются рефлексy второй палатализации в виде исторических по происхождению чередований твердых согласных с мягкими **k/c**, **h (g)**//**z**, **ch**//**š**, **r**//**ř**: *ptak – ptaci*, *noha – na noze*, *hoch – hoši*, *bratr – bratři* и др.

Итак, многотипность склонения имен существительных в чешском языке сохраняется, но в ином качестве, чем в древности: некоторые из типов и подтипов склонения являются просто малопродуктивными.

Имя существительное в словацком языке

Имя существительное в словацком языке имеет те же грамматические категории, что и в рассмотренных славянских языках – род, число, падеж.

Категория рода охватывает все существительные, т.е. каждое имя существительное относится к одному из трех родов: к мужскому роду (*kováč* – кузнец, *korc* – холм), к женскому роду (*mrkva* – морковь, *manželka* – жена), к среднему роду (*srdce* – сердце, *detstvo* – детство).

В словацком языке, как и во всех славянских языках, есть существительные, имеющие форму только единственного числа, т.н. существительные *singularia tantum*. Это собирательные существительные – *listie* (русск. *листва*), *zverina* (русск. *фауна*), вещественные существительные (*maslo*, *piesok*), отвлеченные существительные (*láska* – любовь, *umenie* – искусство). Наряду с существительными *singularia tantum* в словацком языке функционируют и существительные *pluralia tantum*, употребляющиеся только во множественном числе: это существительные, обозначающие парные предметы, обряды и др. (*nožnice* – ножницы, *narodeniny* – день рождения). Отметим здесь сходство с русским языком, в котором также слова, обозначающие, в частности, обряды, имеют форму только множественного числа: ср. русск. *именины* – чешск. *jmeniny*, словацк. *meniny*, русск. *крестины* – словацк. *krstiny* и др. Такая картина характерна и для других славянских языков.

Категория падежа включает шесть падежных форм: *nominativ* (именительный) – *genitiv* (родительный) – *dativ* (дательный) – *akuzativ* (винительный) – *lokál* (предложный) – *instrumentál* (творительный). Звательный падеж (*vokativ*), по сути, утратился, и существительные в этой форме составляют небольшую группу слов: если в чешском языке, очень близком к словацкому, звательный падеж все же активно употребляется, еще является живой формой, этого нельзя сказать о словацком языке, в котором звательный падеж оказался вытесненным формой именительного падежа.

Категория одушевленности имеет отношение только к словам мужского рода. Категория одушевленности имен существи-

тельных в словацком языке в единственном числе находит морфологическое выражение в четырех падежных формах: родительном, дательном, винительном и местном падежах. Сравним окончания имен существительных мужского рода одушевленных и неодушевленных в падежной парадигме в единственном числе: *pan – pána – pánovi – pána — (o) pánovi* и *dub – duba – dubu – dub – (na) dube*. Во множественном же числе категория одушевленности выступает как категория лица мужского пола в более суженном виде, винительный падеж одушевленных существительных имеет окончание **-ov**, как и родительный падеж: ср. *panov* – по форме это и родительный, и винительный падеж. У неодушевленных же существительных мужского рода во множественном числе форма винительного падежа совпадает по форме с именительным падежом, как и в русском языке (*duby*). Существительные женского рода не имеют отношения к категории одушевленности ни в единственном, ни во множественном числах: ср. *vidím ženu, vidím nory – вижу женщин и вижу норы*. Тем более не выражается одушевленность даже у очень узкого круга одушевленных существительных среднего рода.

Система склонения в словацком языке многотипна и во многом сохранилась с прежних эпох. У слов мужского рода склонение формируется по принципу твердости/мягкости основы, а также одушевленности/неодушевленности существительных, т.е. парадигмы различаются в связи с категорией одушевленности, о чем говорилось выше. У существительных женского и среднего рода склонение существительных дифференцируется по твердой и мягкой разновидности. Таково склонение слова *žena* женского рода твердой разновидности во всей парадигме в единственном и во множественном числах: *žena – ženu – žene – ženu – žene – ženou* (единственное число) и *ženy – žien – ženám – ženy – (o) ženách – ženami* (множественное число).

Деление на твердую и мягкую разновидности внутри типов склонения осуществляется в соответствии с грамматическим ро-

дом и в связи с качеством конечного согласного (твердость/мягкость) основы. Твердая разновидность склонения имен существительных в словацком языке формируется в случаях, когда основа оканчивается на твердые согласные **d, t, n, b, p, v, f, m, s, z, r, h, ch, g, k**. В связи с указанными выше факторами, т.е. в зависимости от грамматического рода, одушевленности или неодушевленности и качества конечного согласного основы, в современном словацком языке выделяются двенадцать типов склонения имен существительных. Это имена мужского рода одушевленные, составляющие два отдельных типа склонения; существительные мужского рода неодушевленные; существительные женского рода, включающие пять типов склонения в зависимости от основы (*žena, ulica, dľaň, kost', gazdiná* в значении *хозяйка*); имена существительные среднего рода, составляющие четыре типа склонения.

Существительные мужского рода изменяются по следующим типам склонения. Одушевленные существительные мужского рода составляют два отдельных типа склонения: 1) с исходом на твердый согласный: *brat* (русск. *брат*), *dedinčan* (русск. *сельский житель*), *ded* (русск. *дед*); 2) одушевленные существительные мужского рода с исходом на гласные **-а** и **-о**: *hrdina* (русск. *герой*), *Vančo* (фамилия). Неодушевленные существительные мужского рода также склоняются по двум типам: 1) твердую разновидность составляют существительные с исходом на твердый согласный: *dub* (русск. *дуб*), *náraz* (русск. *толчок*), *námet* (русск. *сюжет*); 2) по мягкому типу неодушевленных существительных мужского рода склоняются имена с исходом на мягкий согласный: *stroj* (русск. *станок*) и др.

Существительные женского рода изменяются по пяти типам склонения: твердая разновидность типа *žena, jednotka* (русск. *единица*). У слов этого типа склонения перед **-а** конечным выступает твердый согласный: *kapsa* (*сумка*), *ozvena* (*эхо*), *panva* (*сковорода*). Тип склонения существительных женского рода мяг-

кой разновидности составляют слова *ulica, rukavica* (перчатка). Перед конечным **-а** у слов этого типа склонения выступают мягкие согласные или бывшие мягкие, уже отвердевшие согласные: *palica* (палка), *stupnica* (шкала). К склонению слов женского рода типа *dlaň* (ладонь) относится бóльшая часть существительных, оканчивающихся на согласные **-ň, -j, -l', -d', -č, -š, -ž, -dz, -z, -št'**: *pieseň* (песня), *lod'* (корабль), *tlač* (печать), *mládež* (молодежь), а также иностранные слова на **-х**: *prax* (практика) и др. По сути, это мягкая разновидность склонения. Слова женского рода изменяются также по склонению типа *kost'* (кость). Это существительные с исходом на согласные **-с, -s, -p, -v, -st'**: *moc* (власть), *vec* (вещь), *os* (ось), *step* (стень), *krv* (кровь), *cirkev* (церковь), *hrst'* (горсть). Особо склоняются существительные женского рода *pani* и *mat'/mati*. Слово *mat'* фактически употребляется в функции звательной формы, одна из трех форм именительного падежа (*mat'/mati/mater*) *mat'* наиболее употребительна, а форма *mater* является сегодня для словацкого языка инновацией [Лифанов 1999: 56].

Склонение существительных среднего рода в словацком языке является многотипным, выделяется четыре типа склонения: отдельный тип склонения составляют имена существительные с твердой основой и с исходом в именительном падеже в единственном числе на **-о**: *mesto* (город), *pero* (перо, ручка), *mydlo* (мыло), *okno, rameno* (плечо) и др.

По типу *srdce* склоняются существительные среднего рода с мягким согласным в конце основы и оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на **-е**. Это существительные *pole, schodište* (русск. лестница), *vrece* (русск. мешок) и др.

Отдельный тип склонения составляют существительные среднего рода с окончанием **-ie** в именительном падеже единственного числа: *zajatie* (плен), *rokovanie* (переговоры), *očkávanie* (ожидание), *obdobie* (период) и др. Как можно заметить, по этому типу склонения имен среднего рода изменяются

преимущественно девербативы. По типу *dievča* изменяются существительные среднего рода, у которых в именительном падеже единственного числа выступает окончание **-a**, а в парадигме склонения появляется наращение: ср. в единственном числе у этих существительных появляется суффикс **-at-**, а после губных согласных вариант этого суффикса **-ät-**. Эти слова обозначают детенышей и восходят к древнеславянскому пятому склонению с древней основой на ***-t**. К этому типу склонения относятся такие слова, как *žriebä* (русск. *жеребенок*), *kurča* (русск. *цыпленок*), *šťaňa* (русск. *щенок*). Отметим, что по этому типу склоняются также и несколько существительных, хотя и не обозначающие детенышей: *durä* (русск. *нора*), *ripä* (русск. *бутон*) и др. Во множественном числе у этих существительных среднего рода выступают также дублетные окончания с суффиксами **-at-** (**-ät-**) или **-enc-**: отметим, чаще употребляются формы с суффиксом **-at-** (**-ät-**): *hád'a* (русск. *змееныш*) – *hád'atá*, но и реже *hád'ence*.

У существительных, склоняющихся по типу *mesto*, в местном падеже выступают флексии **-e** (*delo* – *dele*, русск. *орудие*) и **-u**. Последняя флексия выступает после основ на заднеязычный согласный и на гласный: *blaho* – *blahu*, *sucho* (русск. *засуха*) – *suchu*, *kakao* – *kakau*. У существительных типа *mesto* в форме родительного падежа множественного числа, как правило, выступает нулевая флексия: *miest*.

Существительные среднего рода с мягкой основой и с исходом на **-e** также имеют свою парадигму склонения, это такие слова, как *srdce* (*сердце*), *more* (*море*) и др. В парадигмах этого типа склонения в родительном падеже множественного числа происходит удлинение корневого гласного или появляются беглые гласные **-o**, **-e**, **-ie** (тип *mesto*), **-e**, **-ie** (тип *more*). У существительных типа *srdce* возможно также удлинение гласного **-i** в окончании в форме родительного падежа множественного числа: *pole* – *polí*, *more* – *morí*. Существительные среднего рода с исходом на

-ie склоняются по типу *vysvedčenie* (*амместам*). И в этом типе склонения в отдельных падежных формах происходит чередование кратких гласных с долгими: так, о *vysvedčeni* (*об амместаме*), это форма предложного падежа (*lokál*) единственного числа, омонимичная форме родительного падежа множественного числа. Существительные среднего рода одушевленные, которых немного, склоняются по особому типу *dievča* (русск. *девочка, девушка*): в косвенных падежах единственного числа в парадигмах основы этих слов на один слог длиннее. Эта группа существительных среднего рода, обозначающая во всех славянских языках детенышей, в косвенных падежах получает т.н. наращение и представляет собой остаточные формы древнеславянского пятого склонения с основой на согласный ***-t**: *dievča – dievčat'a – dievčat'u – dievča – o dievčati – dievčat'om*. Как можно заметить, именно этот согласный древней основы и выступает в приведенном слове в косвенных падежах (за исключением формы винительного падежа, равной форме именительного падежа).

Наблюдается интересная особенность падежного склонения в словацком языке, которую можно назвать уникальной для славянского языкового мира: существительные мужского рода на **-а** (тип *hrdina – герой*) в родительном падеже при отрицании получают форму, омонимичную форме винительного падежа – *niet hrdinu* (*нет героя*). В словацком языке чередования заднеязычных согласных со свистящими как рефлексy второй палатализации сохранились только в именительном падеже множественного числа у слов мужского рода: *robotník – robotníci* (*рабочий – рабочие*), *Čech – Česi* (*чех – чеху*). А в остальных членах падежной парадигмы, т.е. в косвенных падежах, рефлексy палатализации заднеязычных согласных нивелировались (так, *ruka – ruke*).

Имя существительное в серболужицком языке

Как известно, лужичане занимают особое положение среди славянских народов. На сегодняшний день это малочисленный народ, проживающий на территории Германии и имеющий свою только культурную автономию. Практически лужичане живут в германском окружении, соответственно их язык имеет две разновидности – верхнелужицкий и нижнелужицкий. Он в большой степени изолирован от славянского языкового мира, поэтому вследствие объективных причин он не контактирует с другими славянскими языками, и это наложило свой отпечаток на состояние серболужицких языков.

Имя существительное в серболужицких языках (верхнелужицком и нижнелужицком) обладает теми же грамматическими категориями, что и другие, наиболее близкие им западнославянские языки. В лужицких языках присутствуют в целом те же категории имени существительного – род, число, падеж, категория одушевленности и личности (последняя только в верхнелужицком языке у существительных мужского рода в двойственном и множественном числах, это мы ранее отмечали относительно польского языка).

Категория рода такая же, как и во всех славянских языках: имена мужского рода – *dom* (русск. *дом*), женского рода – *chěža* (русск. *дом, хижина*), среднего рода – *drjewko* (русск. *деревце*).

Категория числа состоит из трех компонентов – из единственного, множественного, двойственного чисел. Во всем западнославянском языковом мире двойственное число в силу исторических причин сохранилось только в серболужицком языке. Например, *Tón pilny hólc* (*Этот прилежный мальчик* – ед. число) – *Taj pilnaj hólcaj* (*Эти два прилежных мальчика* – дв. число) – *Ći pilni hólcu* (*Эти прилежные мальчики* – множ. число) [Енч и др. 2005: 16]. Легко можно заметить, что лужицкое существительное *hólc* употреблено выше в формах именительного падежа единст-

венного, множественного и двойственного чисел: *hólč* – *hólcaj* – *hólcy*.

Категория одушевленности проявляется только у слов мужского рода в форме винительного падежа, равной форме родительного, причем в верхнелужицком языке категория одушевленности присутствует только в форме единственного числа.

Категория личности существует только в верхнелужицком языке и выражается в двойственном и множественном числах только у слов мужского рода. При этом форма винительного падежа совпадает с формой родительного падежа: *tat dweju bratrow/ třoch bratrow* (русск. *У меня два брата/три брата* [Енч и др. 2005: 16].

Имена существительные в серболужицких языках в целом склоняются по шести падежам: *именительный* – *родительный* – *дательный* – *винительный* – *творительный* – *местный*. Но в верхнелужицком языке у существительных мужского и женского рода в единственном числе сохранилась звательная форма, которая, как отмечалось выше, была в древности во всех славянских языках и употреблялась в качестве обращения: *Knježe direktoro! Mój holče! Luba maći!* – *Господин директор! Мой мальчик! Дорогая мама!* Особенностью серболужицкого склонения имен существительных является то, что не только местный падеж употребляется всегда с предлогом, как во всех славянских языках, но и творительный падеж употребляется также только с предлогом **z** (**ze**): ср. верхнелуж. *Wón je so stal z bohačom* (русск. *Он стал богачом*). Однако иногда в местном падеже предлог опускается, что создает видимость беспредложной конструкции.

Следует отметить, что в обоих лужицких языках сохранились рефлексy палатализации в падежных формах, это проявляется в непереходных чередованиях твердых согласных с мягкими согласными (так, **l** // **ḷ**), а также в переходных чередованиях **d-dź**, **t-ć**, **h-z**, **g-z**, **ch-š**, **k-c**: *kupi hrochu* (*Он купил немного гороху*) – *da po hrošatku* (*Он дал по горошине*).

Несмотря на тесные сходства верхнелужицкого и нижнелужицкого языков, между ними в сфере имени существительного и его категорий наблюдается и немало различий. Категория личности и звательная форма отсутствуют в нижнелужицком языке. Хотя склонение существительных в обоих лужицких языках очень сходно, падежные окончания одних и тех же слов несколько различаются. Так, существительное *wóz* (русск. *автомашина*) в дательном-творительном-местном падежах в двойственном числе в нижнелужицком языке имеет окончание **-oma** (*wózoma*), а в верхнелужицком **-omaj** (*wózomaj*). Выше отмечалось, что категория одушевленности, выражаемая в формах существительных мужского рода, в верхнелужицком языке проявляется в единственном числе.

ГЛАВА 3.4. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В данной группе славянских языков единства меньше, чем в западнославянских и тем более в восточнославянских языках. Язык болгар и македонцев заметно отличается от языков других южнославянских народов – от языка сербов, хорватов, словенцев.

Болгаро-македонская группа южнославянских языков содержит ряд морфологических и синтаксических балканизмов, т.е. явлений морфологического и синтаксического характера, заимствованных под влиянием контактов с соседними неславянскими балканскими языками – греческим, румынским, албанским. Эти особенности, отличающие болгарский и македонский языки от других южнославянских языков, являются балканизмами, а языки с этими явлениями по своим сходным особенностям рассматриваются как члены Балканского языкового союза.

Балканизмы в сфере имени существительного в болгарском и македонском языках появились сравнительно поздно. А ранее все южнославянские языки имели одинаковые тенденции развития.

Имя существительное в болгарском языке

Как и во всех славянских языках, в болгарском языке существует **категория рода**: все имена существительные относятся к одному из родов – мужскому, женскому, среднему. Распределение по родам примерно такое же, как и в русском языке. Но в ряде случаев одни и те же славянские существительные в обоих языках различаются родовой принадлежностью: ср. *площад* в болгарском языке мужского рода, а существительное *вечер* – женского рода, таких примеров немало.

К мужскому роду в болгарском языке относятся существительные, которые оканчиваются в единственном числе на твердый согласный (*човек, вълк, брат*), на **-и, -й, -а, -я, -о**, а также имена с исходом на **-а (-я)**, обозначающие лиц мужского пола: *Георги, край, войвода, съдия, дядо* и др.

К женскому роду относятся существительные с исходом на **-а (-я)**: *книга, земя* (русск. *земля*), некоторые существительные с исходом на согласный – *реч* (русск. *речь*), *сутрин* (русск. *утро*), *пролет* (русск. *весна*), *есен* (русск. *осень*) и др.

К среднему роду относятся имена существительные с исходом на **-о** (*село, крило*), **-е** (*куче* – русск. *собака, кюфте* – русск. *котлета*).

Своеобразной морфологической особенностью болгарского языка является **отсутствие падежной системы**, что и является как раз проявлением балканизма. Падежная система болгарского языка стала разрушаться еще в староболгарский период, начиная с XIII в. под влиянием соседних балканских (неславянских) языков. В современном болгарском языке сохраняются всего лишь остатки падежных форм в устойчивых сочетаниях типа '*слава богу*'. Единственной сохранившейся в болгарском языке падеж-

ной формой является вокатив, который активно используется в разговорной и письменной речи: ср. *мама – мамо, сестра – сестро* и др. Думается, это вызвано тем, что слово в вокативе стоит в предложении особняком, без синтаксических связей с остальными словами предложения, т.е. вокатив является диалоговой единицей.

В современном болгарском языке падежные отношения выражаются аналитическим способом, как, например, в английском языке: не с помощью падежных флексий, как во всех славянских языках, а с помощью предлогов, при этом форма слова не меняется. Самым частотным является предлог **на**, который участвует в выражении объектных отношений, конкретно, для выражения косвенного и приименного дополнения: так, *Каня Ви на гости – Я приглашаю Вас в гости; Написах писмо с молив – Я написал письмо карандашом*. Предлоги используются и для выражения различных обстоятельственных значений (*Цветана седи на масата*. – русск. *Цветана сидит за столом*.).

Свою роль при выражении падежных отношений играет и порядок слов. Так, прямой объект используется без предлога и в этом случае именно порядок слов дифференцирует имеющие идентичную форму подлежащее и прямое дополнение: *Сервиторката пита Виктор* – русск. *Официантка спросила Виктора*. Порядок слов в болгарском предложении чаще всего таков: подлежащее – сказуемое – дополнение – обстоятельство. Такое расположение вызвано именно отсутствием падежей в морфологической системе болгарского языка. Для сравнения укажем на фиксированный порядок слов, например, в английском предложении, в котором также отсутствует падежное склонение.

Категория числа в болгарском языке, как и во всех (за редким исключением) современных славянских языках, состоит из форм единственного и множественного чисел.

К интересным особенностям болгарского языка относится сложность образования форм множественного числа. И здесь

можно выделить несколько способов их образования в рамках родовой принадлежности:

1. У многосложных существительных мужского рода при образовании форм множественного числа к форме единственного числа добавляется окончание **-и**, при этом в согласном основы существительного отражаются рефлексы древней второй палатализации, при которой согласные **г, к, х** сменяются свистящими согласными **з, ц, с** (*език – езици, подвиг – подвизи*). При образовании формы множественного числа у односложных существительных мужского рода к форме единственного числа добавляется также окончание **-ове (-еве)**: *стол – столове, бряг – брегове*. Отметим, что это окончание восходит к древнеславянскому III склонению с основой на ***ǫ**, куда входило небольшое количество слов только мужского рода с твердой основой. Флексию **-е** получают при образовании множественного числа всего несколько существительных мужского рода: *цар – царе, кон – коне, княз – князе* и др. Как можно заметить, эти существительные входили в древнеславянское II склонение мягкой разновидности с основой на ***jǫ**.

2. Множественное число у существительных женского рода образуется однообразно, с помощью флексии **-и**: *кост – кости, вечер – вечера*.

3. Форма множественного числа у слов среднего рода образуется путем прибавления к основе окончаний **-а** (*лице – лица*), **-я** (*здание – здания*), **-ена** (*име – имена*), **-ета** (*море – морета*), **-и** (*насекомо – насекоми*). При этом следует отметить, что у слов среднего рода в формах множественного числа в целом сохраняется то же ударение, что и в единственном числе, за исключением слов на **-ме** и у большинства имен на **-о**, в этом случае ударение переносится на конечный гласный: *зна́ме – знаменá, тяло – телá*. У существительных среднего рода на **-ие** во множественном числе выступает флексия **-ия**: (*междуметие – междуметия*). Интересно следующее наблюдение: у ряда существите-

льных среднего рода с исходом на **-е**, **-у(-ю)**, **-и** форма множественного числа образуется путем прибавления к основе определенного члена (артикля) **-та**: *такси – таксита*, *куче – кучета*, *поле – полета*. Слова среднего рода с исходом на **-ме**, восходящие к древнему V склонению с основой на согласный (они соотносятся со словами среднего рода на **-мя** в русском языке), во множественном числе получают окончание **-(е)на**, что представляет собой древнюю флексию: *име – имена*, *семе – семена*, *знаме – знамена*. Ряд имен существительных среднего рода с исходом на **-о**, исторически восходящих к субстантивированным прилагательным, во множественном числе получают окончание **-и**: *животно – животни*.

Как можно было заметить из рассмотрения способов образования форм множественного числа имен существительных, наиболее однообразны способы образования форм множественного числа в болгарском языке у существительных женского рода.

Категория определенности. Интересной морфологической особенностью болгарского языка является наличие определенного артикля, из-за чего его называют артиклевым языком. В болгарском языке имена существительные имеют и членную форму. Член (артикль) – это частица, которая стоит после основной формы имени существительного и пишется с ней слитно. Артикль употребляется в случае, если существительное выступает в функции подлежащего или именной части составного сказуемого (*Днес професорът чете лекция*).

Определенный артикль, или иначе определенный член, указывает на вполне определенное лицо или предмет, причем он пишется слитно с именем и занимает постпозитивное местоположение. Определенный член в болгарском языке восходит к указательному местоимению и выражает родовые различия, которые присущи указательным местоимениям: при словах мужского рода определенный член имеет форму **-ът**, **-ят** (*работникът*), при словах женского и мужского рода на **-а** выступает определенный

член **-та** (*жената, бащата* – русск. *отец*), при словах среднего рода **-то** (*кучето* – русск. *собака*). Определенный член в болгарском языке, помимо родового значения, выражает также значение числа – единственного и множественного: ср. *полето* (русск. *это поле*) – единственное число и *полета* – форма множественного числа (русск. *эти поля*). Фактически указательное местоимение, используемое в качестве определенного артикля, согласуется с определяемым именем. Подробнее см. в 4.4. раздела четвертого настоящей книги «Категория определенности и средства ее выражения в славянских языках».

Членных форм в болгарском языке не имеют собственные имена и прозвища, названия месяцев, праздников и даже болезней. Это легко понимаемо, если вдуматься в то, какие понятия они номинируют – единичные значения, присущие только этим словам, поэтому не требующие экспликации дополнительной определенности.

Имя существительное в македонском языке

Македонский язык, как и болгарский, относится к Балканскому языковому союзу, поэтому в отношении грамматического строя в наибольшей степени близок именно к болгарскому языку, тем более что до недавнего времени он был диалектом болгарского языка.

В македонском языке, как и во всех славянских языках, имена существительные характеризуются родовой принадлежностью, т.е. относятся к одному из трех родов – мужскому, женскому, среднему. Общая форма имен мужского рода имеет исход на согласный (*брат, даб* – русск. *дуб*), реже на **-о, -е** (*татко, Блаже* – мужское имя), на **-а** (*војвода* – русск. *воевода*). Слова женского рода оканчиваются на **-а** (*жена, шапка*), реже на согласный (*радост*). Слова среднего рода имеют исход на **-о** (*село*), **-е** (*поле*).

Имя существительное в македонском языке не склоняется, так как его падежная система, как и в болгарском языке, утратилась, а синтаксические отношения между словами в предложении также выражаются посредством предлогов: *на човек* (русск. *человеку*), *со човек* (русск. *с человеком*). Таким образом, для выражения падежных отношений, соответствующих отношениям, выражаемым русскими падежами, употребляется т.н. общая форма существительного в сочетании с различными предлогами. В своей т.н. общей, т.е. исходной форме, имя существительное находится в позиции подлежащего либо прямого дополнения: ср. *човек спие* – русск. *человек спит*. Несмотря на отсутствие падежного склонения в македонском языке, звательная форма, как и в болгарском языке, все же сохраняется. Специальная звательная форма, которая употребляется при обращении, используется в некоторых группах одушевленных существительных мужского и женского рода: *коњ* – *коњу*, *маж* (русск. *муж, мужчина*) – *мажу*, *овчар* (русск. *пастух*) – *овчару* (или *овчаре*), *Иван* – *Иване*, *жена* – *жено*, *невеста* – *невесто*.

Категория числа представлена формами единственного и множественного чисел. Формы множественного числа образуются с помощью окончаний **-и** (*старец* – *старци*, *чорап* – *чорапи*, русск. *чулок* – *чулки*, *жена* – *жени*, *војвода* – *војводи*), **-ови** (*леб* – *лебови*, русск. *хлеб*), **-а** (*село* – *села*). Форма множественного числа с окончанием **-а** чаще употребляется у односложных существительных при числительном *два*, так как исторически это были формы двойственного числа, имевшие у слов мужского рода окончание **-а**.

В македонском языке от существительных мужского и женского рода образуются собирательные существительные с помощью суффикса **-е**, которому предшествует мягкий согласный: *костен* (русск. *каштан*) – *костење*, *рид* (русск. *холм*) – *ридје*, *клас* (русск. *колос*) – *класје*, *трева* (русск. *трав*) – *тревје*. Собирательные существительные в отдельных случаях имеют черты

сходства с соответствующими существительными русского языка: *клас – класје* (русс. *колос – колосья*), но *година – годинје*.

Категория определенности. В македонском языке, как и в болгарском, функционирует грамматическая категория определенности: для указания на определенный, известный предмет и для уточнения расположения предмета в пространстве употребляется т.н. постпозитивный член. Для выражения значения определенности (называемый предмет или лицо известны говорящему, уже упоминались в речи и т.п.) служат членные формы, которые образуются посредством присоединения к общей форме имени существительного постпозитивного определенного артикля. Членные формы имен существительных с исходом на **-от** мужского рода, **-та** женского рода, **-то** для имен среднего рода, **-те** для формы множественного числа имеют много черт сходства с соответствующими формами болгарского языка. Но в отличие от болгарского языка, в македонском языке в вопросе средств выражения определенности своя специфика: здесь круг постпозитивных артиклей шире. Помимо указанного выше постпозитивного члена для слов мужского, женского, среднего рода и форм множественного числа (**-от, -та, -то, -те**), в македонском языке функционирует также постпозитивный артикль **-ов, -ва, -во, -ве**. Он служит для называния лица или предмета, находящегося в непосредственной близости к говорящему, а для называния лица или предмета, отдаленного от говорящего, используются членные формы **-он, -на, -но, -не** [Иллич-Свитыч 1963: 557]. Как известно, по своему происхождению членные формы восходят к указательным местоимениям, которые в древности в славянских языках представляли собой достаточно разветвленную категорию. Как следует из сказанного, в македонском языке в качестве постпозитивного члена задействованы давно утраченные многими славянскими языками некоторые указательные местоимения со всем спектром выражаемого ими значения. И в болгарском, и в македонском языках постпозитивный член пи-

шется со словом слитно. Подробнее см. в 4.4. раздела четвертого «Категория определенности и средства ее выражения в славянских языках».

Имя существительное в сербском / хорватском языках

В сербском/хорватском языках, как и во всех славянских языках, существительные имеют грамматические категории рода, числа, падежа. Все имена существительные относятся к одному из трех родов – мужскому, женскому, среднему.

Род имени существительного определяется по окончанию: существительные мужского рода преимущественно оканчиваются на согласный как твердый, так и мягкий (*брат, конь*), существительные женского рода – с исходом на **-а** и на согласный (*нога, ствар* – русск. *вещь*), среднего рода – на **-о, -е** (*село, поле*).

Категория числа представлена единственным и множественным числами.

Категория падежа в сербском/хорватском языках, в отличие от болгарского и македонского языков, сохранилась полностью и включает семь падежных форм: *номинатив* – ко? шта? (именительный), *генитив* – кога? чега? (родительный), *датов* – коме? чему? (дательный), *акузатив* – кога? шта? (винительный), *инструментал* – ким? чим? (творительный), *локатив* – (о) коме? (о) чему? (местный). Седьмой падежной формой является утраченный многими славянскими языками *звательный* падеж, т.н. *вокатив*. Форму вокатива имеют существительные мужского и женского рода в единственном числе. Существительные мужского рода в звательном падеже в сербском языке приобретают в основном окончание **-е**: *брат* – *brate*, *син* – *сине*, *господин* – *господине*, при этом в звательной падежной форме наблюдается чередование **к, ц // ч** (*войник* – *войниче*, *ловец* – *ловче*), **г, з // ж** (*друг* – *друже*, *кнез* – *кнеже*), **х // ш** (*сиромаш* в значении *бедняк* – *сиромаше*). Это чередование согласных в окончаниях есть не что иное, как сохранение явлений древней палатализации в словоиз-

менительных процессах. В отдельных случаях существительные мужского рода с исходом на мягкие и шипящие согласные, на **р**, мужские фамилии с исходом на **-ић** в звательном падеже получают окончание **-у** (*пријатељ – пријатељу, господар – господару, Ивић – Ивићу*). Отметим, что некоторые имена, в том числе и иностранные, не имеют специальной звательной формы, в этом случае они при обращении выступают в форме номинатива. А имена женского рода на **-ица** в звательном падеже получают окончание **-е** (*другарица – другарице, русск. подруга*).

Существительные изменяются по трем склонениям. К **первому склонению** относится большинство существительных мужского рода и все существительные среднего рода. При этом существительные мужского рода имеют нулевое окончание (*прозор – русск. окно*), а существительные среднего рода – окончания **-о, -е** (*село – срце*). В родительном падеже единственного числа выступает флексия **-а**: *прозор – прозора, село – села, срце – срца*.

Во **второе склонение** входят существительные преимущественно женского рода, оканчивающиеся на **-а** (*крава* в значении *корова, нога* и др.) и немногие существительные мужского рода с тем же исходом (*мушкета*): у этих существительных в родительном падеже единственного числа выступает окончание **-е** (*краве, мушкете*).

К **третьему склонению** относятся имена существительные преимущественно женского рода с нулевым окончанием (*кост*), а также некоторые существительные мужского рода с таким же исходом (*голуб*). Эти существительные в родительном падеже имеют окончание **-и** (*кости, голуби*). У существительных женского рода третьего склонения формы именительного и винительного падежей, как и в русском языке, в единственном числе совпадают, т.е. категория одушевленности не находит в них выражения, а у существительных мужского рода в единственном числе, входящих в этот же тип склонения (их в целом немного), форма винительного падежа имеет исход на **-а**, указывая на оду-

шевленное существительное. Таким образом, категория одушевленности реализуется у существительных только мужского рода в единственном числе (ср. *голуб* – *голуба*) и она близка к соответствующей категории русского языка.

В единственном числе имена мужского и женского рода имеют звательную форму. У существительных мужского рода эта падежная форма имеет флексию *-у* или *-е*, при этом в этих формах имеет место переход конечных задненебных согласных в шипящие **ж**, **ч**, **ш**, т.е. проявляются рефлексии древней первой палатализации (*влах* в значении *румын* – *влаше*).

У существительных второго склонения одушевленность не имеет специального выражения, так как в винительном падеже у существительных женского рода с исходом на **-а**, как и в русском языке, выступает флексия *-у*: ср. *глава* – *главу* (сербск.) – *glavi* (хорватск.). У существительных женского рода второго склонения звательная форма имеет окончание **-о**, например, *жена* – *жено*, (как было также и в старославянских текстах), а имена женского рода третьего склонения в звательной форме имеют окончание **-и** (*ствар* в значении *вещь* – *ствари*).

У подавляющего большинства односложных, а также некоторых многосложных существительных форма именительного падежа множественного числа образуется посредством не только флексии **и**, но также окончаний **-ови**, **-еви**, присоединяемых к основе: *плод* – *плоди*, но и *плодови*, *лабуд* – *лабуди*, но и *лабудови*, *нож* – *ножи*, но и *ножеви*, *кључ* – *кључи*, но и *кључеви* и др. И существует только один вариант формы множественного числа у ряда слов таких, как *град* – *градови*, *син* – *синови* и др.

В парадигме склонения имен существительных в сербском и хорватском языках в дательном, творительном и местном падежах в формах множественного числа выступают старые окончания утратившегося двойственного числа **-има** в I и III склонениях и **-ама** во II склонении: *женама*, *рукама* в сербском языке и *оџита* в хорватском языке. Таким образом, в указанных трех

падежах наблюдается падежная омонимия в виде древней флексии двойственного числа **-ма** с предшествующим гласным основы **и** или **а**.

Рефлексы древней второй палатализации проявляются в словах мужского рода в именительном падеже множественного числа в чередованиях: *друг – друзи, сиромах – сиромаси*. В падежной парадигме сербского/хорватского языков наблюдается также беглость гласных, что фиксируется и в других славянских языках, сохранивших падежное склонение: *tòtak* (парень) – *tòtka* (парня). В ряде случаев в результате проявившейся беглости гласных изменяется звуковая и соответственно графическая форма слова: *оцац – оца* (род. пад.) – *оче* (зват.).

Имя существительное в словенском языке

Словенский язык, наряду с сербским/хорватским языками, является флективным языком, сохранившим падежное склонение. Но в отличие от сербского и хорватского языков, в словенском языке в системе склонения имен существительных утратился звательный падеж, заменившись при обращении формой именительного падежа. Таким образом, падежное склонение в словенском языке осуществляется в рамках шести падежных форм: *imenovalnik* (именительный) – *rodilnik* (родительный) – *dajalnik* (дательный) – *tožilnik* (винительный) – *mestnik* (местный) – *orodnik* (творительный).

Имена существительные склоняются по трем типам на основе родовых различий. В первое склонение входят имена существительные женского рода с исходом на **-а** (*voda, riba, sólza* – русск. *слеза*), а также небольшая группа существительных мужского рода с тем же исходом *vojvoda* (русск. *воевода*). По этому типу склоняются также имена женского рода *mati* (русск. *мать*), *hči* (русск. *дочь*), которые склоняются с наращением **-er** в косвенных падежах [Дуличенко 2005: 220]. К женскому же роду относятся и существительные с нулевой флексией в исходной

форме, также на **-i** в именительном падеже множественного числа, наблюдается и неоднократная омонимия окончаний. Так, флексия **-i** наблюдается в формах родительного, дательного, предложного падежей в единственном числе, в именительном и винительном падежах в двойственном числе, а также в именительном, родительном и винительном падежах во множественном числе.

Имена мужского рода с нулевой флексией и среднего рода с исходом на **-o**, **-e** образуют второй тип склонения с наращением **-en**, **-es**, **-et** в косвенных падежах у слов среднего рода. Это опять же слова из древнеславянского пятого склонения с основой на согласный типа *plete – plemena* (русск. *племя – племени*), *kolo – kolesa* (русск. *колесо – колеса*), *tele – teleta* (русск. *теленок – теленка*). Характерной особенностью этого типа склонения является не только неравносложность основ в падежной парадигме, но и вариантность падежных флексий.

И наконец, третий тип склонения составляют слова среднего рода с исходом на **-o** и **-e**: *léto* (русск. *лето*), *drevó* (русск. *дерево*), *srce* (русск. *сердце*), *imé* (русск. *имя*), *deklè* (русск. *девушка*). Многие из этих существительных также склоняются с наращением в падежной парадигме: ср. *imé – iména*, *drevó – drevésa* и др. Эти типы склонения характеризуются вариантностью флексий в падежных парадигмах.

Категория числа. Как известно, двойственное число в славянском языковом мире сохранилось только в словенском и лужицких языках. В современном словенском языке двойственное число используется в склонении имен существительных. Однако на данном этапе развития словенского языка в склонении имен существительных двойственное число сохранилось не во всех падежных формах. Формы двойственного числа в падежной парадигме имен существительных употребляются только в именительном, винительном, дательном и творительном падежах,

а в формах родительного и местного падежей используется уже форма множественного числа.

В склонении имен существительных мужского рода в формах именительного и винительного падежей выступает в двойственном числе флексия **-а** (*dva stara prijatelja*). Отметим, что эта же флексия двойственного числа была принадлежностью падежной системы и русского языка в древности, но сегодня она функционирует в русском языке в качестве окончания родительного падежа единственного числа в сочетаниях типа *dva druga*. Как отмечалось выше, в словенском языке в падежной парадигме существительного утрачены формы двойственного числа в родительном и местном падежах. Поэтому при наличии двух или парных предметов используются формы множественного числа для слов в родительном и местном падежах: ср., у слов мужского рода формы *mostóv – mostóvih*, женского рода *gorá – goràh*, у слов среднего рода формы *imén* и *iménih*. Частотна флексия **-ov (-ev)** у существительных в форме родительного падежа множественного числа мужского рода: так, *slovanov, konjev* и др. [Кондрашов 1986: 213]. Таким образом, можно заключить, что в именном склонении двойственное число в словенском языке хоть и сохранилось, но не во всей падежной парадигме. Можно предположить, что двойственное число в словенском языке представляет собой отживающее явление.

ВЫВОДЫ

В данном разделе были рассмотрены особенности имени существительного во всех группах славянских языков. Рассмотрение показало, что всем славянским языкам в сфере имени существительного присущи общие морфологические черты, восходящие к праславянскому периоду их существования. Однако после распада праславянского языка и отдельного развития сла-

вянских языков в них развились и индивидуальные особенности, различия в сфере имени существительного.

Категория рода в полном объеме сохранилась у имен существительных во всех славянских языках, и она трехкомпонентна: существительные могут быть мужского, женского, среднего рода. Таким образом, самой устойчивой категорией имени существительного в славянских языках оказалась категория рода. Различия в отношении категории рода касаются только несовпадения рода у одних и тех же существительных в разных славянских языках: так, слово *морковь* в русском языке относится к женскому роду, а в болгарском языке существительное *морков* мужского рода.

Категория числа имен существительных в древности была трехкомпонентной – единственное, множественное, двойственное числа. Двойственное число от имени существительного переходило посредством согласования и к другим изменяемым словам в предложении – к прилагательным, местоимениям и др. Славянская категория числа в течение веков трансформировалась в двухкомпонентную категорию, двойственное число утратилось. Отметим, что двойственное число функционировало и в индоевропейских языках, последние унаследовали его после распада индоевропейского праязыка. Армянский исследователь В.С. Баграмян обнаружил существование и функционирование двойственного числа в современном амшенском диалекте армянского языка [Баграмян 1960: 195]. Эти и многие другие данные указывают на то, что в древности двойственное число было присуще и другим индоевропейским языкам. В славянском ареале оно сохранилось лишь в очень небольшом фрагменте. Двойственное число сохранилось в славянском языковом мире только в обеих разновидностях лужицкого языка, а также в словенском (южнославянском) языке, демонстрируя древнее состояние славянских языков в этом фрагменте грамматической системы. При этом отметим, что в словенском языке двойственное число обна-

руживает тенденцию к утрате: так, сегодня оно функционирует не во всей падежной парадигме, в родительном и местном падежах используются уже формы множественного числа. Что касается лужицких языков, то тут сложилась исторически особая ситуация: они оторваны от других западнославянских языков, так как оказались в силу исторических причин в германском окружении и являются неразвивающимися языками. Количество носителей лужицких языков по этой причине проявляет тенденцию к их сокращению и в этих языках наблюдаются немало сохранившихся на разных уровнях архаизмов.

Категория падежа и соответственно падежное склонение продолжает функционировать почти во всех славянских языках, за исключением болгарского и македонского языков. В последних отношения между словами реализуются посредством предлогов. Причиной разрушения падежной системы в болгарском и македонском языках явились языковые контакты носителей указанных языков с соседствующими неславянскими балканскими языками, в которых нет падежного склонения.

Неодинакова судьба **звательной формы**, которая с древности была компонентом падежной системы всех славянских языков. Звательный падеж сегодня сохранился в отдельных славянских языках, в частности, в польском, достаточно активно в чешском, в сербском и хорватском языках. Отметим, что падежная система в болгарском и македонском языках в целом утратилась, однако и в них наблюдаются отдельные существительные в застывшей звательной форме.

Интересное развитие в имени существительном получила **категория одушевленности**, которая в славянских языках имеет отношение преимущественно к словам мужского рода. В современной чешской морфологии многотипность склонения имен существительных вызвана также воздействием категории одушевленности: так, выделяется 2 типа склонения для существительных мужского рода одушевленных и неодушевленных типа

bratr и *hrad*. Категория одушевленности в чешском языке проникла даже в омонимичные формы дательного и местного падежей, в которых у одушевленных существительных мужского рода выступают омонимичные окончания **-ovi** в дательном и местном падежах утратившегося древнеславянского III склонения со старой основой на ***ŷ**: ср. *bratr-bratrovi*, а у неодушевленных имен фиксируется старая форма, например, *hrad-hradu*. Отметим также развитие **категории личности** в польском языке, т.н. категории мужского лица, которая у личных существительных мужского рода получает морфологическое выражение только в формах именительного и винительного падежей во множественном числе в виде падежных флексий **-i** или **-owie**.

ГЛАВА 3.5. ГЛАГОЛ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Глагол занимает центральное место в грамматической системе славянских языков. Считается, что глагольная система в них является в определенной мере уникальной. В рамках такой важнейшей части речи, как глагол, обнаруживается целый ряд типологических универсалий и индивидуалий. Черты сходства сохранились в разной степени в отдельных славянских языках в праславянских глагольных категориях, имеющих многовековую историю: это хорошо сохранившаяся категория вида, категории времени, лица, наклонения, а также числа и реже рода.

Категория глагольного вида представляет собой яркую особенность глагола в славянских языках, является его специфической чертой и резко противопоставляет славянские языки многим индоевропейским языкам. Категория вида достаточно сложна, так как грамматическое значение вида в глаголах тесно переплетается с их лексическим значением. Кроме того, категория вида формировалась на протяжении длительного исторического

времени и несет на себе наслоения разных исторических эпох. В основе категории вида лежит бинарная оппозиция совершенного/несовершенного видов. Глагольный вид тесно связан также с **категорией времени** славянского глагола: на протяжении веков упрощалось структурное оформление временных значений, и при этом семантическая организация предложения и текста за счет категории вида обогащалась новыми смыслами и соответственно усложнялась. Видовая парность глаголов проявляется во многих славянских языках, но в неодинаковой степени: в современных славянских языках большая часть глаголов группируется в видовые пары, компоненты которых выражают одно и то же лексическое значение, по-разному характеризуя действие с точки зрения его протекания во времени.

Различия отмечаются и в реализации наклонений, в сохранении в них архаичных форм в отдельных славянских языках. Немалый интерес представляют и славянские глагольные формы – **причастие и деепричастие**, широко распространенные в предложении и тексте.

Различия в сфере глагола появились в разных славянских языках в ходе их исторического развития уже после распада праславянского языка.

ГЛАВА 3.6.

ГЛАГОЛ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Рассмотрение особенностей глагола в славянских языках целесообразно проводить по языкам, входящим в определенную группу, так как вследствие компактности распространения в своих географических ареалах они обладают целым рядом как универсалий, так и индивидуалий в этой сфере. Большой интерес представляют и различия, возникшие в ходе их исторического развития.

Глагол в русском (великорусском) языке

Глагол в русском языке характеризуется формами времени, вида, лица, числа, наклонения и частично грамматическим родом.

Инфинитив. Начнем рассмотрение глагола с инфинитива, считающегося исходной формой глагольного слова. В русском языке формы инфинитива содержат суффикс **-ть** (*писать*), под ударением **-ти** (*нести, везти* и под.), а также **-чь**, являющийся вторичным, появившимся в древности в результате процессов палатализации в инфинитиве сочетаний ***kt, *gt** переходом в исконно мягкий согласный **ч** (ср. **pekti > печь, *legti > лечь* и др.). Инфинитив называет действие и выражает лишь значение вида и залога.

Категория вида. В грамматической системе русского глагола важное место занимает глагольный вид. Вся глагольная лексика русского языка охвачена грамматической семантикой вида: нет глагольной лексемы вне вида. Вид глагола выражает то же грамматическое значение, которое в современных неславянских языках индоевропейской семьи выражается с помощью системы форм времени: такую картину видим, например, в английском, армянском и других индоевропейских языках.

Действие, протекающее во времени, выражается глаголами совершенного и несовершенного видов, которые находятся в состоянии эквиополентной оппозиции (термин Н.С. Трубецкого). Глаголы совершенного вида характеризуют действие как целостное, не расчлененное на отрезки. Они указывают на законченность, завершенность действия во времени, а также могут выражать значение однократности или мгновенности. Глаголы несовершенного вида обозначают действие как многократное, повторяющееся, длящееся во времени и расчлененное на отрезки.

Большая часть глаголов с точки зрения вида группируется в видовые пары. Эти пары состоят из двух глаголов, которые имеют одно и то же лексическое значение, но характеризуют действие по-разному с точки зрения его протекания во времени.

По определению аспектолога Н.С. Авиловой, «образование видовой пары происходит разными способами: путем перфективации, имперфективации и супплетивным способом» [Авилова 1976: 150].

Перфективация, т.е. образование формы совершенного вида глагола от соответствующего глагола несовершенного вида, происходит, в первую очередь, с помощью приставок. В русском языке существует определенный круг грамматикализованных приставок, являющихся чистовидовыми: они образуют видовой коррелят, не меняя при этом лексического значения глагола. В русском языке это приставки, наиболее древняя из которых **по-** (*строить – построить*), а также **на-** (*писать – написать*), **с-** (*варить – сварить*). Но эти отношения намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд, так, чистовидовая приставка **на-** может выполнять и словообразовательную функцию: ср. *строить – построить*, это видовая пара, но *строить – настроить*, это разные по значению глаголы, здесь уже у приставочного глагола выявляется новое, помимо значения законченности действия, лексическое значение множества, избыточности. Глаголы совершенного вида в русском языке могут образовываться также посредством суффикса **-ну-** (*кричать – крикнуть*), причем им присуща эмоциональная окрашенность и стилистическая маркированность. Это достаточно активный способ образования форм совершенного вида и круг глаголов совершенного вида, образованных таким способом, постоянно растет, особенно в разговорной речи (ср. *спекульнуть, гульнуть* и др.). Можно отметить при этом то обстоятельство, что в подобных образованиях ударение чаще всего несет на себе суффикс **-ну-**: ср. *тихн^уть, толкн^уть* и др. От них образуются и т.н. усеченные глаголы, достаточно активные в современном разговорном языке. Многие из них не являются новыми: так, они встречаются, например, в баснях И.А. Крылова, выполняя, с одной стороны, яркую эмоциональную функцию, а с другой стороны, создавая ритмический рисунок в поэтической

строке. Вот пример из басни И.А. Крылова: «Мартышка, в зеркале увидя образ свой, Тихохонько Медведя толк ногой...».

Образование глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида, т.е. имперфективация, производится с помощью суффиксов, наиболее частотными из которых в русском языке являются суффиксы **-ыва-** (**-ива-**), **-ва-**, присоединяемые к производным основам приставочных глаголов совершенного вида (ср. *переделать* – *переделывать*). В древности такие глаголы могли образовываться и от бесприставочных глаголов, что подтверждают диалектные данные (ср. *стреливать*, *сиживать*, *гуливать* и др.). Отметим интересную фонетическую особенность этих имперфективных глаголов: при наличии в корне исходного глагола совершенного вида звука **о** происходит его чередование со звуком **а** в формах несовершенного вида (ср. *заработать* – *зарабатывать*). Таким образом, сема долготы, исторически присущая гласному **а**, выступает именно в глаголах несовершенного вида, выражающих значение длительности или повторяемости действия. Отметим также менее продуктивный в русском языке суффикс **-ва-**, участвующий в образовании глаголов несовершенного вида как от приставочных, так и от бесприставочных глаголов совершенного вида (по крайней мере, в современном языке): ср. *успеть* – *успевать*, *встать* – *вставать*. Есть и другие, менее распространенные способы образования глаголов несовершенного вида в русском языке, к которым относится употребляемый более редко суффикс **-ну-**, вносящий в глагол значение постепенного становления признака или состояния субъекта. Данный суффикс образует такие глаголы, как *вянуть*, *сохнуть*, их в современном русском языке немного. Отметим при этом, что в таких образованиях ударение на суффикс не падает, в отличие от глаголов с омонимичным ему суффиксом **-ну-**, образующим формы совершенного вида со значением мгновенного действия (это отмечалось выше).

Формы несовершенного вида русского глагола образуются также посредством суффикса -'а- (графически -я-), коррелирующего с суффиксом -и- в формах совершенного вида: ср. *усмирять* – *усмирить*, *объяснять* – *объяснить* и др.

Наиболее архаичный тип образования вида в русском языке представлен группой глаголов несовершенного вида с суффиксом -ин- (-им-), которым соответствуют глаголы совершенного вида с корневым 'а: ср. *начинать* – *начать*, *снимать* – *снять* и др. Форма несовершенного вида этих глаголов является более древней с сохранившимся древним дифтонгическим сочетанием -ин- (-им-), так как это звуко сочетание не нарушало открытости слога. А в формах совершенного вида этих глаголов, в которых указанное дифтонгическое сочетание оказывалось уже перед согласным, отражен его переход в носовой гласный переднего ряда *е* (обозначался в древних текстах буквой *а*–юс малый). Таким способом открывался закрытый слог, позже в русском языке в процессе утраты носовых гласных (примерно в X в.) носовой *е* переходит в гласный 'а переднего образования.

Соотносительные видовые пары образуются также посредством чередования звуков в основе (*набрать* – *набирать*, *унести* – *уносить*), изменением места ударения (*рассы́пать* – *рассыпа́ть*). К нечастым способам видообразования в русском языке относится и супплетивизм, который в качестве грамматического явления наблюдается во всей языковой системе на уровне разных частей речи. В русском видообразовании члены супплетивной видовой пары представляют собой разные глагольные основы: ср. *взять* – *брать*, *сказать* – *говорить* и др. Супплетивный способ видообразования наблюдается и в других славянских языках, например, в украинском, чешском, и фиксируется в старых славянских глагольных основах. Можно предположить, что какие-то звенья видовых пар в ходе исторического развития языка утратились, а их место в образовавшейся лакуне заняли глаголы с тем же значением, но уже с другой основой.

Говоря о категории вида в русском языке, отметим также одновидовость и двувидовость ряда глаголов. Одновидовые и двувидовые глаголы не имеют видовых коррелятов, по своей сути они являются непарными. Одновидовые глаголы имеют форму только одного вида – совершенного (*perfectiva tantum*) или несовершенного (*imperfectiva tantum*), что связано с лексическим значением глагола. Интересную интерпретацию одновидовости глаголов дает Ю.С. Маслов: он считает невозможным для некоторых глаголов с точки зрения семантики иметь видовой коррелят и по этой причине он их называет дефектными точно так же, как некоторые имена существительные *singularia tantum* и *pluralia tantum* не имеют коррелята в парадигме числа [Маслов 2005: 82].

К одновидовым глаголам совершенного вида относятся глаголы с приставками **воз-/вз-, по-, за-, из-, пере-, о-** и др. Они могут выражать фазисное значение (*засмеяться*), значение завершенности действия (*взмолиться*). Одновидовые глаголы могут выражать самые разнообразные значения: физическое или психическое состояние субъекта, обладание или принадлежность, различные модальные значения и др.

Наряду с одновидовостью глаголов в русском языке существует и ее полная противоположность – двувидовость: в русском языке есть такие глаголы, которые выражают значение и совершенного, и несовершенного видов, что в большой степени зависит от контекста. Это глаголы с суффиксами **-ова-/-ева-, -ирова-, -изирова-**: *воздействовать, исследовать, стабилизироваться* и др. Среди двувидовых глаголов различаются старые славянские глаголы, а также в немалой степени и заимствования. Количество двувидовых глаголов русского языка точно не определено: считается, что их количество колеблется от 27 до 70 [Андросюк 2004: 251]. Как показывает конкретный материал, одновидовых глаголов как совершенного, так и несовершенного видов в русском языке не так уж мало. Следует отметить, что

класс двувидовых глаголов в русском языке все время пополняется новыми глаголами, а это свидетельствует о продуктивности данного способа видообразования в современном русском языке. При этом частотны при них и дополнительные лексические средства, в частности, наречия, помогающие четко отграничить глаголы несовершенного вида (*часто, всегда*) и совершенного вида (*вдруг, сразу*), чтобы избежать нежелательной грамматической омонимии. Категория славянского глагольного вида представляет особую трудность при изучении славянских языков иностранцами, так как глагольный вид является уникальной особенностью славянских языков. Кроме того, значения глагольного вида и глагольного времени в предложении тесно переплетаются.

Категория залога отражает отношения между субъектом и объектом действия. Залог как грамматическая категория охватывает все глаголы [РГ 1980: 613]. Те глагольные образования, которые сочетаются с формой именительного падежа, выражающей значение субъекта действия, являются образованиями действительного залога. В таких предложениях исполнитель действия является в предложении подлежащим: так, *Эти сенсационные материалы опубликовал известный ученый*. Те глагольные образования, которые сочетаются с формой именительного падежа, не выражающего субъекта действия, представляют собой конструкции страдательного залога. В них исполнитель действия в предложении в подлежащем не выражен: так, *Эти сенсационные материалы были опубликованы известным ученым*. В предложениях со страдательным залогом сказуемое выражается либо возвратным глаголом несовершенного вида с постфиксом **-ся** после согласных (**-сь** после гласных), либо страдательным причастием в краткой форме, образованным от глагола совершенного вида. Таким образом, как можно заметить, в категории залога достаточно весомую роль играет и категория глагольного вида.

Категория наклонения. Глагольное действие соотносится с объективной реальностью. Эта соотнесенность глагольного действия с объективной реальностью выражается в глаголе наклонением. Морфологическая категория наклонения глагола – это система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отношение действия к действительности и имеющих значение реальности (изъявительное наклонение), побуждения, приказа, просьбы (повелительное наклонение) предположительности, возможности, желательности (сослагательное наклонение) [РГ 1980: 618]. Таким образом, данная грамматическая категория состоит из трех наклонений – изъявительное, повелительное, сослагательное наклонения. Формы времени укладываются в рамки изъявительного наклонения, которое выражает реальное действие, связанное с моментом речи, и употребляется в формах настоящего, прошедшего и будущего времени. Повелительное и сослагательное наклонения называют ирреальными, так как они не выражают реально совершающегося действия, не имеют отношения к моменту речи и соответственно не имеют форм времени.

Повелительное наклонение в современном русском языке в своей парадигме состоит из двух форм – второе лицо в единственном и во множественном числах (*Говори. Говорите*). Между тем в древности повелительное наклонение имело также формы третьего лица единственного числа и первого лица множественного числа. Таким образом, парадигма императива в праславянском языке состояла из четырех форм. Ту же картину видим и в текстах книжно-письменного старославянского языка. В современном русском языке сохранились только остаточные клишированные формы императива в 3 лице единственного числа, в которых четко выражено побуждение: *'Помоги ему бог'* – в значении *'Пусть ему поможет бог'* и под.

Сослагательное наклонение представляет собой аналитическую форму, состоящую из двух компонентов – знаменательный глагол в прошедшем времени и частица *бы* (*Я пошел бы на*

концерт). Частица *бы* представляет собой окаменелую форму аориста (простого прошедшего времени) от глагола *быти*, застывшего в форме 2-3 лица единственного числа. Отметим, что в некоторых современных славянских языках в соответствии с русской частицей *бы* в этой форме наклонения выступает сохранившаяся личная форма глагола *быть* в аористе. Об этом будет изложено ниже в связи с глаголом и глагольными формами в славянских языках других групп.

Категория лица. Она состоит из форм первого, второго, третьего лица. По различиям в звуковом оформлении личных окончаний бóльшая часть глаголов группируется в два спряжения, т.н. первое и второе спряжения. Первое спряжение характеризуется окончаниями *-у (-ю) – ешь – ет – ем – ете – ут (-ют)*: *несу – несешь – несет – несем – несут*. Второе спряжение имеет следующий набор флексий: *-у (-ю) – ишь – ит – им – ите – ат (-ят)*: *люблю – любишь – любит – любим – любите – любят*. Окончания в первом и втором спряжениях в устной речи различаются только под ударением. И если в древности в живых славянских языках, в том числе и в книжно-письменном старославянском языке, спряжение глаголов в настоящем/будущем простом времени происходило по пяти глагольным классам, то в современном русском языке глаголы изменяются по лицам в двух спряжениях, а различия в личных окончаниях носят скорее орфографический характер.

Категория времени в русском языке. Как известно, в славянских языках в древности существовала целая система форм грамматического времени при слабом развитии категории вида: форма настоящего времени, формы прошедшего времени – аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект, формы будущего времени – будущее простое, будущее сложное I, будущее сложное II. Развитие и становление категории вида привело к преобразованию системы форм глагольного времени. В современном русском языке глагол сегодня функционирует в формах настоя-

шего, будущего простого/будущего сложного, а также прошедшего времени. Фактически налицо упрощение системы форм глагольного времени в связи с развитием категории вида, в то же время обе категории – и вида, и времени – тесно переплетаются друг с другом, почему и дается такое определение, как видо-временная система глагола.

Форма глагольного времени при ее определении ориентируется на момент речи. Действие может совпадать с моментом речи (настоящее время), предшествовать моменту речи (прошедшее время), следовать за моментом речи (будущее время). Именно отнесенность к моменту речи, обязательная и регулярная для личных форм глагола в изъявительном наклонении, и формирует грамматическую категорию времени. «Указанная категория является словоизменительной, поскольку она охватывает формы слов, различающиеся только значением данной категории» [Белашапкина 1981: 328]. Однако все значения глагольного действия, связанные с моментом речи, в парадигме полностью реализуются только у глаголов несовершенного вида: ср. *писал – пишу – буду писать*. У глаголов же совершенного вида парадигма времени неполная в силу выражаемого ими действия, она состоит из форм прошедшего и будущего времени: ср. (я) *написал – напишу*.

По различиям в написании личных окончаний большая часть глаголов относится к одному из двух спряжений. У глаголов обоих спряжений в первом лице единственного числа в настоящем времени флексии одинаковые: *-у (-ю)*. Приведем парадигмы первого и второго спряжений глаголов в настоящем времени: *пишу – пишешь – пишет – пишем – пишете – пишут* (первое спряжение) и *хожу – ходишь – ходит – ходим – ходите – ходят* (второе спряжение). Отметим, что различие между глаголами первого и второго спряжений в устной речи четко проявляется в случае, когда окончание находится под ударением.

Как известно, в древности в русском языке, как и во всех славянских языках, особым спряжением в настоящем времени

характеризовались пять глаголов, называемых в специальной литературе нетематическими: *быти*, *дати*, *ѣсти* (в значении *есть*, *кушать*), *вѣдѣти*, *имѣти*. Со временем спряжение этих глаголов в настоящем времени изменилось: основной вспомогательный глагол *быти* перестал спрягаться и от его парадигмы сохранились лишь две формы – *есть* (3 лицо единственное число) и *суть* (3 лицо множественное число). Но сегодня эти две формы русского глагола не выполняют прежних своих функций и используются крайне редко. Отдельные формы лица других нетематических глаголов все же употребляются: это формы *ем*, *ест* (настоящее время) и *дам*, *даст* (уже не настоящее, как в древности, а простое будущее время). Нетематические глаголы *вѣдѣти*, *имѣти* полностью перешли в тематическое спряжение (*ведать* – *ведаю*, *иметь* – *имею*) и спрягаются сегодня по первому спряжению, причем сегодня глагол *ведать* является книжным, редко употребляемым, а глагол *иметь* также нечасто употребляется в предложении, что связано с синтаксическими особенностями русского предложения.

Интересное явление представляет собой форма прошедшего времени в современном русском языке. Из четырех форм прошедшего времени в современном русском языке в качестве единственной формы сохранился лишь перфект без связки, т.е. его знаменательная часть, а именно, исторически действительное несклоняемое причастие прошедшего времени с суффиксом *-л*. Вспомогательный глагол в форме настоящего времени, образуемый от глагола *быти*, указывавшего на лицо, утратился. Вот почему современный русский глагол в прошедшем времени не имеет форм лица, а имеет только формы рода и числа. Родовые различия современного русского глагола в прошедшем времени выступают только в единственном числе (*-л*, *-ла*, *-ло*), а во множественном числе уже утрачены, в то время как в некоторых славянских языках они еще сохраняются.

Будущее время тесно связано с категорией вида, что отражается в его формах. Так, будущее простое, совпадающее личными окончаниями с формой настоящего времени, представляет собой глагол совершенного вида: ср. *пишу* – *напишу*, *любишь* – *полюбишь* и др. А форма будущего сложного времени несовершенного вида состоит из двух форм – вспомогательного глагола *быть* в будущем времени (*буду* и др.) и инфинитива знаменательного глагола несовершенного вида: *буду писать*, *будешь рассказывать* и др.

Причастие и деепричастие в глагольной системе русского языка. Широко употребительны в русском предложении причастия и деепричастия.

Действительные причастия настоящего времени образуются от глагольной основы несовершенного вида с помощью суффиксов **-ющ-** (**-ущ-**), **-ящ-** (**-ащ-**): *читающий*, *несущий*, *висящий*, *молчащий* и др. Эти действительные причастия генетически восходят к церковнославянским причастиям, вошедшим в древнерусский язык через старославянские тексты после принятия христианства, наряду с другими церковнославянизмами на всех уровнях. Будучи книжной категорией, они закрепились в русском языке, вытеснив исконно русские действительные причастия настоящего времени с суффиксами **-юч-**(**-уч-**), **-яч-**(**-ач-**). Однако многие собственно русские причастия, сохранившись, претерпели процесс адъективации, пополнив класс имен прилагательных, отсюда такие сходные параллельные формы отпричастных прилагательных и действительных причастий настоящего времени, как *горячий* – *горящий*, *живучий* – *живущий*, *лежащий* – *лежащий* и др. [Манучарян 2004: 151]. Исконно древнерусские формы действительных причастий настоящего времени трансформировались в прилагательные не сразу и довольно долго функционировали наряду с церковнославянскими причастиями. Что касается причастий, образованных от глаголов *быти*, *идти* – *будучи*, *идучи*, то они наблюдаются в качестве деепричастий еще в XIX в.

в произведениях Л. Толстого, Ф. Достоевского и других русских писателей.

Действительные причастия прошедшего времени в русском языке образуются от глагольной основы как совершенного, так и несовершенного видов с помощью суффиксов **-вш-**, **-ш-**. Таковы причастия *читавший* (от глагола *читать*) и *прочитавший* (от глагола *прочитать*), *несший* (от *нести*) и *унесший* (от *унести*).

Страдательные причастия настоящего времени образуются с помощью суффиксов **-ем-**, **-им-**, **-ом-**: *выпускаемый*, *гонимый*, *ведомый*. Однако надо отметить, что страдательные причастия настоящего времени в современном языке употребляются нечасто, особенно образования с суффиксами **-ом-**, **-им-**, причем многие из них адъективировались: *любимый*, *весомый* и др. Вот пример пушкинских строк, в которых представлено слово *гонимы* еще как страдательное причастие настоящего времени в краткой форме, значение действия четко отмечается в нем: *Гонимы вешними лучами, С окрестных гор уже снега Сбежали мутными ручьями На потопленные луга.*

Наиболее активны в современном русском языке страдательные причастия прошедшего времени, которые образуются посредством суффиксов **-нн-**, **-енн-** и реже **-т-**: *задержанный* – *вывезенный* – *вышитый* и др.

Следует отметить, что из всех причастий только страдательные причастия прошедшего времени сохранили краткие формы, выполняющие сегодня в русском предложении в некоторой степени функцию утраченного перфекта. Эти краткие формы сегодня выступают в предложении в качестве предиката, выражают действие законченное и представленное с результатом в настоящем: *Работы мастера (были) выполнены безупречно.*

Одной из ярких особенностей глагольной системы современного русского языка является такая неизменяемая форма, как **деепричастие**, которое вносит новые смыслы в предложение, расширяя и обогащая его семантико-синтаксическую структуру.

Кроме того, деепричастие способствует во многих случаях экономии длины предложения. Деепричастие не имеет форм словоизменения, как и инфинитив. В соответствии с видовым значением глагола, от которого образовано деепричастие, различаются деепричастия совершенного и несовершенного вида. Деепричастие тем не менее не обладает морфологическими показателями временного значения и представляет собой неизменяемую глагольную форму. Отметим, в древности деепричастие представляло собой краткую форму действительного причастия, склонялось и выполняло в предложении роль второстепенного сказуемого, или аппозитивного причастия по терминологии А.А. Потебни [Потебня 1958: 31]. Именно по этой причине деепричастия в бесподлежащих предложениях не употребляются. Различаются деепричастия несовершенного вида, которые образуются от глаголов несовершенного вида настоящего времени посредством суффикса **-а**, чаще всего реализуемого в виде **-я**. Суффикс **-а** используется при образовании деепричастия довольно редко, в частности, употребляется после шипящих согласных (*слыша, крича* и др.). Второстепенное действие, выражаемое в деепричастии несовершенного вида, совершается одновременно с действием, выраженным глаголом-сказуемым: *Рассматривая проект, Алексей обнаружил в нем некоторые просчеты*. Второстепенное действие, выраженное в деепричастии совершенного вида в предложении, указывает действие, которое предшествует действию, обозначенному глаголом-сказуемым. Оно образуется чаще посредством суффиксов **-в/-вши/-ши**, которые четко указывают на отпричастное происхождение деепричастия. Приведем соответствующий пример: *Услышав звонок, он поспешил в класс*.

Глагол в украинском языке

По своим морфологическим особенностям украинский язык близок русскому языку, что и естественно: как уже было ранее отмечено, древнерусский язык в XIV в. распался на три от-

дельных языка – старорусский, староукраинский, старобелорусский языки. И как следствие, у каждого из них своя, отдельная история, но много сходств на всех уровнях наряду с различиями.

Глагол в украинском языке имеет те же грамматические категории, что и в русском языке – это категории вида, времени, залога, наклонения, лица, в спрягаемых формах – числа, в формах прошедшего времени рода. Однако в глагольных системах обоих языков наблюдаются и различия.

Инфинитив образуется посредством суффиксов **-ти, -ть**. В отличие от русского языка, выбор суффикса в инфинитиве украинского языка не зависит от ударения. В украинском языке шире употребляется суффикс **-ти** (например, *ходить, держати*). У глаголов с основой на **г, к** в инфинитиве также используется суффикс **-ти**, причем перед суффиксом инфинитива в украинском языке (в отличие от русского инфинитива) сохраняются конечные согласные основы – заднеязычные **г, к**: *могти, волокни, пекти*.

Категория вида. В глагольной системе украинского языка действует категория вида, т.е. различаются формы несовершенного и совершенного видов. Эти глаголы объединяются в видовые пары. Традиционно члены видовой пары квалифицируются как формы того же слова, т.е. они не имеют различий в лексическом значении и выражают то же действие, но один из глаголов видовой пары передает его как незавершенное, нерезультативное, многократное, а второй – как завершенное, результативное, однократное. Соотносительные видовые формы в украинском языке образуются с помощью следующих средств: префиксов (*писати – написати, просити – попросити*), суффиксов, а также префиксально-суффиксальным способом (*уникати – уникнути* в значении *избегать – избежать, поєднувати – поєднати* в значении *соединять – соединить, подовжувати – подовжити* в значении *удлинять – удлинить*). Соотносительные видовые пары образуются также посредством чередования звуков в основе (*набрати – набирати, скочити – скакати*), изменением места ударения

(*розсіпати – розсіпати*), посредством супплетивизма, как и в русском языке (*брати – взяти*). В видовой системе украинского глагола, как и русского, наблюдается одновидовость и двувидовость. Одновидовые глаголы имеют форму только одного вида: несовершенного (*поєтизувати – русск. поэтизировать, забалакувати – русск. заговариваться*) или совершенного (*наглядати – русск. заметить, награтися – русск. наиграться, надивлятися – русск. посмотреться*). В украинском языке глаголы так же, как и в русском языке, могут быть двувидовыми: вид глагола определяется контекстом, так как основа двувидового глагола способна выражать значение и несовершенного, и совершенного видов. Двувидовые глаголы представляют собой, главным образом, заимствования и чаще всего содержат суффиксы **-ува-** (*адресувати*), **-ирува-** (*плисирувати*), **-ізува-** (*модернізувати*) и др.

Категория залога. В украинском языке эта категория, как и в русском языке, представлена формами переходных и непереходных глаголов, а также действительными и страдательными причастиями. Отметим, что в глагольной системе украинского языка в залоговые оппозиции вступают только страдательные причастия прошедшего времени, так как отсутствуют страдательные причастия настоящего времени. Поэтому категориальные параллели с русским залогом возникают лишь в рамках страдательных причастий прошедшего времени, а также глаголов с постфиксом **-ся (-сь)**, выражающих страдательное значение.

Категория наклонения. В глагольной системе украинского языка так же, как и русского языка, различаются изъявительное, сослагательное, повелительное наклонения. Ирреальные наклонения, представленные императивом и сослагательным наклонением, в определенной степени отличаются от соответствующих русских наклонений. Парадигма **повелительного наклонения**, в отличие от русского императива, состоит из трех компонентов – 2 лицо единственного числа, 1 и 2 лицо множественного числа. Форма 1 лица множественного числа, сохранившаяся от древней

4-членной славянской парадигмы императива, выражает значение 'призыв говорящего к совместному действию'. Отметим, что в современном русском языке это значение в императиве передается описательно с помощью конструкции 'Давайте + глагол в форме будущего времени обоих видов'. Приведем парадигму украинского императива: *кричи – кричімо – кричіте; заходь – заходьмо – заходьте*. Обратим внимание на то, что в формах повелительного наклонения во 2 лице единственного числа выступает под ударением **-і**, а во множественном числе добавляются флексии **-мо** (для 1 лица множественного числа), **-те** (для формы 2 лица множественного числа). Если же ударение падает на основу, то форма 2 лица единственного числа заканчивается согласной основы в ее мягком выражении (*заходь*) и далее во множественном числе имеем *заходьмо – заходьте*. Формой выражения побуждения для 3 лица единственного и множественного чисел в украинском языке служит и сочетание побудительной частицы *хай, нехай* и формы настоящего времени глагола: *хай знає* в значении 'пусть (он – она) знает'.

Сослагательное наклонение, как и в русском языке, представляет собой сложную форму, состоящую из знаменательного компонента – формы прошедшего или давнопрошедшего времени, к которой присоединяется частица **би** (после согласных) или ее усеченная форма **б** (после гласных). Вот пример предложения с сослагательным наклонением: *Хотіла б я піснею стати* (из стихотворения поэтессы Леси Украинки). Отметим, что знаменательный компонент исторически восходит к действительному причастию прошедшего времени на **-л**. Суффикс **-л** в древности под воздействием закона открытого слога и закона возрастающей звучности в формах данного причастия, основа которых оканчивается на согласный, выпал, как и в русском языке: ср. укр. *ніс, ліг* и русск. *нес, лег*).

Категория времени. В рамках изъявительного наклонения в украинском языке действует целая система форм времени. В

современном украинском языке представлены следующие формы глагольного времени – формы настоящего, будущего простого времени совершенного вида, составная и сложная формы будущего времени от глаголов несовершенного вида, формы простого прошедшего и давнопрошедшего времени.

Формы настоящего времени изменяются по двум спряжениям. К первому спряжению относятся глаголы, у которых во 2-3 лице единственного числа в окончании выступает гласный **-е (-є)**, а в 3 лице множественного числа **-уть (-ють)**: *везеш – везе* (русск. *везет*) – *везуть*; *співаєш – співає – співають* (в значении *поєшь – поєт – поють*). Ко второму спряжению относятся глаголы, которые во 2-3 лице единственного числа и 1-2 лице множественного числа имеют в окончании **-и (-ї)**, а в 3 лице множественного числа **-ать (-ять)**: *летиш – летить – летять, стоїш – стоїть – стоять*. В 1 лице единственного числа глаголы обоих спряжений имеют окончание **-у (-ю)**, а в 1 лице множественного числа выступает окончание **-мо**. Несколько глаголов сохраняют старые формы нетематического спряжения: *дам – даси* (от глагола *дати*), *їм – їси* (от глагола *їсти* в значении *есть, кушать*), *вім – віси* (от др./р. глагола *въдѣти* в значении *ведать, знать*).

Яркой особенностью формы настоящего времени и соответственно будущего простого времени украинского глагола является то, что у глаголов первого спряжения в 3 лице единственного числа отсутствует в личном окончании **-т**: *везе* в значении русск. *везет*. У глаголов же второго спряжения в личном окончании 3 лица единственного числа **-т** присутствует: *летить* в значении *летит*. Будущее простое (совершенного вида) имеет те же личные окончания, что и настоящее время: *читаю – прочитаю, пише – напише* и др. Составная форма будущего времени несовершенного вида образуется с помощью личных форм вспомогательного глагола *бути* и инфинитива знаменательного глагола (*буду співати, будеш бачити*). Сложная форма будущего времени несовершенного вида в единственном числе образуется

посредством присоединения к инфинитиву в единственном числе личных окончаний *-му, -меш, -ме*, а во множественном числе личных окончаний *-мемо, -мете, -муть*: *ходитиму – ходитимеш, ходитимуть* и др. По сути, эти личные окончания восходят к личным формам древнерусского нетематического глагола *имѣти*, который участвовал в древности в качестве вспомогательного глагола в образовании сложной формы будущего времени и в древнерусском языке. Вот его формы настоящего времени: *иму – имеш – име* и др. Звук *м*, оставшийся от этого глагола, перешел в состав суффикса, после которого следует личное окончание, с которым он слился. Форма прошедшего времени в украинском языке образуется от основы глагола с помощью суффикса *-л* (*носил, носила*) в единственном числе, а в форме множественного числа выступает *-ли* (*носили*). Форма прошедшего времени в украинском языке, как и в русском, восходит к древнему перфекту, у которого утратился вспомогательный глагольный компонент. В современном украинском языке форма прошедшего времени в единственном числе у глаголов мужского рода с основой инфинитива на согласный имеет бессуффиксную форму, как и в русском языке: сравним русск. *нес, лег*. А у глаголов с основой инфинитива на гласный суффикс в этой же форме мужского рода единственного числа сохраняется, но в виде *-в*: *носив, ходив* (сравним с русск. *носил, ходил*). Давнопрошедшее время представляет собой сложную форму прошедшего времени, состоящую из простой формы прошедшего времени и вспомогательного глагола *бути* также в форме прошедшего времени: *ходив був, ходила була, біжали були* и др. Таким образом, наличие обоих компонентов в форме прошедшего времени сигнализирует о форме давнопрошедшего времени.

Причастие и деепричастие. Причастие в украинском языке, как и в русском, имеет формы действительного и страдательного залогов. Действительное причастие настоящего времени образуется с помощью суффиксов *-уч-* (*-юч-*), *-ач-* (*-яч-*), которые по

сути представляют собой сохранившиеся собственно древнерусские суффиксы, тогда как в русском языке (об этом говорилось выше) закрепилась церковнославянская форма действительного причастия настоящего времени с суффиксами **-ущ-** (**-ющ-**), **-аш-** (**-ящ-**). Различия в звуковом оформлении суффикса действительного причастия относятся к фонетическим закономерностям, существующим между тремя группами славянских языков: звук **щ** в суффиксе является приметой южнославянских языков, закрепившейся в русском причастии в результате первого южнославянского влияния, следовательно, приметой и старославянского языка, а его соответствие **ч** в суффиксе – приметой восточнославянских языков. Приведем действительное причастие настоящего времени современного украинского языка: *ростучий, голодающий, наступающий* и др. Действительное причастие прошедшего времени в современном украинском языке образуется с помощью суффиксов **-л-** и **-вш-**: *почорніти–почорнілий* (русск. *почерневший*), *здолати – здолавий* в значении *покоривший*. Причастия страдательного залога имеют форму только прошедшего времени, они образуются от основы инфинитива с помощью суффиксов **-н-**, **-т-**: *вироблений, нагрітий*. От этой формы образуется краткая неизменяемая форма с исходом на **-но**, **-то** (*вироблено, нагріто*), эта форма выполняет функцию предиката в безличном предложении и может иметь при себе прямое дополнение в винительном падеже, ср. *Работу закінчено*. Это собственно восточнославянская особенность древнего происхождения. Отметим такую интересную деталь: как известно, в современном русском литературном языке в безличном предложении не может быть прямого дополнения. Однако в некоторых русских говорах, в частности, на северо-западной территории РФ в диалектном языке употребляются и сегодня такого типа безличные предложения с прямым дополнением, что говорит о древности указанной конструкции, сохранившейся в украинском языке.

Деепричастия настоящего времени в украинском языке образуются от формы настоящего времени глагола посредством суффикса **-чи(сь)**: *дивлячись*. Деепричастия же прошедшего времени образуются от формы прошедшего времени глагола посредством суффиксов **-ши, -вши**: *донісши, вивчивши* (в значении *выучив*).

Глагол в белорусском языке

Глагольная система белорусского языка в целом очень близка глагольной системе русского языка. В ней глагол имеет те же грамматические категории: вид, залог, время, лицо, число, наклонение и род (частично, как и в русском языке). Есть спрягаемые и неспрягаемые формы глагола. К **неспрягаемым формам** глагола относятся инфинитив, причастие, деепричастие. **Спрягаемые формы** глагола выражают лицо, время, число. Общими для всех форм глагола являются категории **вида** и **залога**. Функционирует также возвратный постфикс **-ся**. Категория залога (действительный и страдательный залоги) действует, как и в русском языке. В образовании **инфинитива** участвует суффикс **-ць**, если основа глагола оканчивается на гласный: *хадзіць, гаварыць*. Если же основа глагола завершается согласным, то инфинитив в этом случае образуется с помощью суффикса **-ці**: *памерці* в значении *умереть*. В суффиксе инфинитива отражается характерное для фонетической системы белорусского языка цеканье. В более редких случаях в формах инфинитива выступает суффикс **-чы** после старых **г, к, х**, не подвергшихся смягчению, ср. *магчы* (русск. *мочь*), *пякчы* (русский глагол *печь*). **Категория вида** представлена глаголами совершенного и несовершенного видов, они в основном распределяются в два ряда форм, в видовые пары: *купіць – купляць, выкупіць – выкупліваць*.

Категория наклонения в глагольной системе белорусского языка состоит, как и во всех славянских языках, из изъявительного, повелительного, сослагательного наклонений. Как известно,

в **изъявительном наклонении** действие связано с моментом речи: оно реально совершалось-совершилось до момента речи, совершается в момент речи, совершится-будет совершаться после момента речи. **Повелительное наклонение**, являющееся ирреальным наклонением, имеет трехчленную парадигму, как и в украинском языке, состоящую из форм 2 лица единственного числа (*працуй* в значении *работай*), 1 лица множественного числа (*працуйте* в значении 'давайте будем работать') и 2 лица множественного числа (*працуйте* в значении *работайте*). Форма императива в 1 лице множественного числа, выражающая призыв говорящего к совместному действию, сохранилась со старых времен в белорусском языке, как и в украинском. **Сослагательное наклонение**, также ирреальное, образуется, как в русском и украинском языках, и имеет сложную форму: глагол используется в форме прошедшего времени с исходом на конце *ў* в форме мужского рода и частицы **бы** (**б**). Специфика здесь в фонетическом оформлении суффикса знаменательного компонента: в русском языке в форме мужского рода выступает суффикс *-л* (*писал бы*), в украинском языке – *-в* (*писав бы*), а в белорусском языке – *-ў* (*писаў бы*). Обратим внимание на то, что суффикс в знаменательном компоненте в сослагательном наклонении мужского рода в единственном числе и в белорусском, и в украинском языках представлен лабиализованными звуками – гласным *ў* и согласным **в** соответственно, что связано с древними фонетическими законами.

Категория времени в целом состоит из тех же форм времени, что и в русском языке. В настоящем времени глаголы спрягаются по двум типам. Глаголы первого спряжения в 3 лице единственного числа не имеют конечного *-т*, как и в украинском языке, а имеют исход на гласный *-э, -е, -а*: *бярэ, нясе, кажа*. Глаголы второго спряжения в 3 лице единственного числа имеют окончание *-ць*, в котором *т* трансформировалось в *ц* в результате установившегося в белорусском языке цеканья: *вучыць* в зна-

чении (*он – она*) *учит*. Отметим, что и украинские, и белорусские глаголы сохранили в этой форме в личном окончании мягкость согласного, а в русском глаголе в окончании настоящего времени мягкий согласный (**-ть**) наблюдается только в южновеликорусском наречии в качестве его классификационной особенности: *несеть, идуть* и др., в литературном же языке представлено только твердое **-т**. Вот образцы спряжения белорусского глагола в настоящем времени в первом и втором типах спряжения соответственно: *нясу – няеши – нясе – нясем – нясеце – нясуць; вучу – вучыш – вучыць – вучым – вучыце – вучаць*. От нетематического спряжения, как и в других восточнославянских языках, сохранились отдельные остаточные формы: *ем – ясі – есь; дам – дасі – дасць* и др. Форма **будущего времени**, как и в русском языке, имеет простую форму совершенного вида (*напишу*) и сложную форму несовершенного вида, состоящую из инфинитива знаменательного глагола и вспомогательного глагола в будущем времени (*буду писаць*). Форма **прошедшего времени** образуется от основы инфинитива посредством суффикса **-л**, который в формах мужского рода единственного числа после гласного основы или перед согласным переходит в **-ў** (*чытаў, задумаўся*). В позиции после согласных суффикс, как и в русском языке, утрачивается – *нёс, вёз* и др. Однако в формах женского и среднего рода, а также множественного числа перед конечным гласным суффикс **-л** сохраняется (*чытала – читали*).

В белорусском языке также функционируют действительное и страдательное причастия. Действительное **причастие настоящего времени** образуется с помощью суффиксов **-уч-** (**-юч-**), **-ач-** (**-яч-**): *пішучы, гаварачы*. Как можно заметить, в белорусском языке так же, как и в украинском, действительное причастие настоящего времени сохранило собственно древнерусский суффикс, тогда как в современном русском языке действительные причастия настоящего времени используются с церковнославянскими суффиксами **-ущ-** (**-ющ-**), **-ащ-** (**-ящ-**). Действительное при-

частье прошедшего времени образуется с помощью суффикса **-ўш-** (в соответствии с суффиксом **-вш-** русского причастия), если основа глагола оканчивается на гласный (*писаўшы*); если же основа глагола оканчивается на согласный, то выступает суффикс **-ш-** (*несшы*). Страдательное причастие настоящего времени образуется посредством суффикса **-ем-**: *чытаемы*, а также суффикса **-ім-**: *правадзімы*. Страдательное причастие прошедшего времени образуется с помощью суффиксов **-н-**, **-т-**: *выкананы*, *заліты*. Деепричастие в белорусском языке имеет формы несовершенного вида (*чытаючы*, *пішучы*) и совершенного вида (*принесшы*, *сказаўшы*).

ГЛАВА 3.7.

ГЛАГОЛ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Глагол в польском языке

Польский глагол также характеризуется категориями вида, наклонения, времени, лица, числа, залога, частично категориями рода и мужского лица (для причастий). **Категория вида** играет важную роль в глагольной системе и польского языка. Глаголы в польском языке характеризуются видовыми различиями, реализуются в формах совершенного и несовершенного видов. Как и в других славянских языках, в польском языке глаголы несовершенного вида обозначают длящееся действие-процесс: *siedzieć* (в значении *сидеть*), *czytać* (русск. *читать*). Они обозначают также многократно повторяющееся действие, например, *siadywać* (в значении *сиживать*), *czytywać* (в значении *читывать-почитывать*). Отметим, что многократных бесприставочных глаголов с суффиксом **-ywa-/-iwa-** в польском языке значительно больше, чем в русском языке: можно полагать, что данный суффикс в польском языке является достаточно продуктивным. Отметим, что этот суффикс сохраняет продуктивность и в русском диа-

лектном языке, где частотны такие бесприставочные глаголы, как *hаживать*, *рубловать*, *видывать* и др. Польские глаголы совершенного вида указывают на законченность действия (например, *odsiedzieć* в значении *отсидеть*), на достижение результата действия (например, *zrobić* в значении *сделать*), на мгновенность действия (например, *krzyknąć* в значении *крикнуть*), завершение начала длящегося действия (например, *porłynąć* в значении *поплыть*). Формы совершенного вида глаголов в польском языке сходны с русскими, они образуются посредством перфективации, т.е. образованием формы совершенного вида от глаголов несовершенного вида: 1) с помощью целого ряда приставок **z-/ze-**, **za-**, **po-**, **u-**, **wy-**, **o-/ob-/obe-** и др.: *robić*– *zrobić* (русск. *делать* – *сделать*); 2) с помощью суффикса **-ną(ć)**, при этом образуются глаголы со значением мгновенного действия *kiwać* – *kiwnąć* (русск. *кивать* – *кивнуть*). Глаголы несовершенного вида образуются от глаголов совершенного вида посредством: 1) суффиксов **-a(ć)**, **-ja(ć)**, **-wa(ć)**, **-ywa(ć)** (**-iwa-** после заднеязычных **g**, **k**, **ch**): *nauczyć* – *nauczać* (русск. *обучить* – *обучать*), *dać* – *dawać* (русск. *дать* – *давать*); 2) с помощью чередований в корне: *posłać* – *posyłać* (русск. *послать* – *посылать*), *zebrać*– *zbierać* (русск. *собрать* – *собирать*); 3) с помощью и суффиксов, и чередований: *dogonić* – *dogoniać* (русск. *догнать* – *догонять*). Супплетивизм как способ видообразования, который в восточнославянских языках проявляется при образовании видовых пар, действует и в польском видообразовании: *oglądać* – *obejrzeć* (русск. *осматривать* – *осмотреть*), *widzieć* – *zobaczyć* в значении *видеть* – *увидеть*. В видовой системе польского глагола также наблюдается одновидовость и двувидовость. Так, одновидовый глагол *owdowieć* в значении *овдověть* является глаголом только совершенного вида, а двувидовый глагол *ofiarować* в зависимости от контекста может обозначать и *жертвовать*, и *пожертвовать*.

Категория наклонения. Как и во всех славянских языках, эта глагольная категория представлена формами изъявительного, повелительного, сослагательного наклонений. **Изъявительное наклонение**, как известно, действует в рамках форм глагольного действия, ориентирующегося на момент речи. Изъявительному наклонению противопоставляются ирреальные наклонения – повелительное и сослагательное, вообще не связанные с моментом речи. **Повелительное наклонение** (императив) имеет простые и сложные формы. Парадигма форм императива в польском языке состоит из трех форм (как в украинском и белорусском языках): это формы 2 лица единственного числа, 1 и 2 лица множественного числа. Во 2 лице единственного числа наблюдаются простые формы императива (*czytaj*), а во множественном числе в формах 1 и 2 лица к основе настоящего времени прибавляются показатели лица и числа: *czytajmy – czytajcie*. Что касается форм 2 лица единственного и множественного числа, то здесь полная аналогия с соответствующими русскими формами (*читай – читайте*). Форма императива в польском языке, в отличие от русского императива, функционирует и в 1 лице множественного числа в достаточно ограниченном употреблении и выражает пожелание, призыв к совместному действию. Отметим также употребление и сложных форм императива: в 1 лице единственного числа (*niech/niechaj czytam*), в 3 лице в обоих числах (*niech/niechaj czyta – niech/niechaj czytają*). Из сложных форм императива чаще употребляется форма 3 лица единственного числа (*niech/niechaj czyta*). Сложные формы представляют собой вежливое обращение к лицу/лицам, сопровождаемое при этом существительными *pan, pani, państwo* и др. Особые формы императива, не укладывающиеся в общую схему, имеют некоторые глаголы: *wiedz* (от глагола *wiedzieć*, русск. *ведать, знать*), *jedz* (от глагола *jeść*, русск. *есть, кушать*), *chciej* (от глагола *chcieć*, русск. *хотеть*), *weź* (от глагола *wziąć*, русск. *взять*). Эти т.н. нетематические глаголы действовали в глагольных системах всех

славянских языков. **Сослагательное наклонение** представляет собой сложную форму, которая образуется от причастия прошедшего времени на **-I**, имеющего родовые формы, и частицы *by*, к которой присоединяются личные окончания. Приведем парадигму спряжения в сослагательном наклонении, например, глагола *czytać* (русск. *читать*): *czytałbym – czytałbyś – czytałby – czytałibyśmy – czytałibyście – czytałiby*. Сослагательное наклонение в польском языке в целом именно по семантике соотносимо с соответствующими русскими формами [Тихомирова 1978: 99]. Можно заметить по парадигме форм польского сослагательного наклонения, что компонент *by* в сослагательном наклонении изменяется по лицам и числам. Дело в том, что в свое время во всех славянских языках это была личная парадигма вспомогательного глагола *быти* в аористе – простой форме прошедшего времени, которая со временем утратилась. Так, в русском языке сохранилась только форма *бы*, используемая в качестве неизменяемой частицы в составе сослагательного наклонения, которая восходит к форме аориста 3 лица единственного числа. Особенностью частицы *by* в системе наклонений польского языка является ее подвижность: она может присоединяться в качестве энклитики к другим словам в предложении – к местоимению, союзу, наречию и т.п. В польском языке сохраняется также сложная форма сослагательного наклонения, которая обозначает обусловленное и неосуществленное действие, предшествующее другому действию. Эта сложная форма состоит из сослагательного наклонения глагола *być* и причастной формы на **-I** (*byłbym czytał*), т.е. она состоит из трех компонентов. Семантически эта форма близка к простой форме сослагательного наклонения и может заменяться ею. В польской грамматике простые и сложные формы сослагательного наклонения представлены как настоящее и прошедшее время сослагательного наклонения или как формы простые и сложные [Тихомирова 1978: 99].

Категория залога в глагольной системе польского языка представлена действительным и страдательным залогами. Категория залога непосредственно связана с переходностью/непереходностью глаголов. Переходные глаголы имеют формы двух залогов – действительного и страдательного (*Napisał książkę – Książka została napisana*, русск. *Он написал книгу – Книга была написана*). Непереходные глаголы, как и возвратные глаголы с частицей *się*, не имеют форм страдательного залога. И таким образом, противопоставление форм действительного (активного) и страдательного (пассивного) залогов характерно только для переходных глаголов.

Категория времени. В польском языке в изъявительном наклонении действует система временных форм, связанная с моментом речи: это формы настоящего времени, будущее время простое и сложное, прошедшее время, представленное перфектом и давнопрошедшим временем. Личные формы глаголов в **настоящем времени** изменяются по четырем спряжениям. I спряжение характеризуется гласным **-e-** в личных окончаниях глагола. Такова парадигма глагола *pisac* (русск. *писать*) в настоящем времени: *piszę – piszesz – pisze – piszemy – piszecie – piszą*. Личные окончания польских глаголов II спряжения содержат гласный **-i-** (**-y-** после отвердевших согласных). Вот парадигма глагола *widziec* (русск. *видеть*) в настоящем времени: *widzę – widzisz – widzi – widzimy – widzicie – widzą*. У глаголов III спряжения в личном окончании выступает гласный **a**, после которого в первом лице единственного числа выступает согласный **m**, покажем парадигму глагола *czytac* в настоящем времени: *czytam – czytasz – czyta – czytamy – czytacie – czytają*. Отметим, что глаголы *miec* (русск. *иметь*), *dac* (русск. *дать*), входившие в древности в группу нетематических глаголов во всех славянских языках, также в некоторых лицах спрягаются по III типу: ср. *mam* – 1 лицо ед. число (русск. *имею*), *ma* – 3 лицо ед. число (русск. *имеет*), *mają* – 3 лицо мн. число (русск. *имеют*) и под. У

глаголов IV спряжения в окончании 1 лица единственного числа перед конечным согласным **m** выступает в отличие от той же формы III спряжения гласный **-e-**. В качестве образца приведем парадигму спряжения глагола *rozumieć* (русск. *понимать*) в настоящем времени: *rozumiam – rozumiesz – rozumie – rozumiemy – rozumiecie – rozumieją*. Отметим парадигму спряжения глагола *być* в настоящем времени, который, в отличие от соответствующего русского глагола, полностью сохранил ее: *jestem – jesteś – jest – jesteśmy – jesteście – są*. Отметим, что в формах настоящего времени 3 лица множественного числа у польских глаголов выступает носовой гласный **ą**. В этой грамматической форме носовой гласный был во всех славянских языках, и это подтверждают также старославянские тексты, в которых глаголы в форме настоящего времени 3 лица множественного числа в написании имели букву ж: такова старославянская форма *сжтъ* от глагола *быти*.

Форма **будущего времени** в польском языке имеет простую и сложную (аналитическую) формы в зависимости от вида глагола. Форма простого будущего времени образуется в польском языке от глаголов совершенного вида аналогично форме будущего простого времени в русском языке: *przyniosę – принесу* (русск.), *przyniesie – принесет* (русск.) и т.д. Вспомогательный глагол *być* особо образует формы будущего времени: *będzie – będziesz – będzie – będziemy – będziecie – będą*. Простая форма будущего времени, как и в русском языке, имеет те же формы, что и форма настоящего времени. Различие между ними в глагольном виде: если глагол в настоящем времени несовершенного вида, то в будущем простом времени представлен совершенный вид. Сравним глагольные формы *piszę – napiszę* (русск. *пишу – напишу*). Как можно заметить, простая форма будущего времени в польском языке личным окончанием соотносится с соответствующей формой будущего простого времени в русском языке. Глаголы несовершенного вида в польском языке имеют

две сложные формы в будущем времени, которые одинаковы по выражаемому ими грамматическому значению: это сложное будущее I и сложное будущее II. Обе формы равноправны в употреблении и различаются формой своего знаменательного компонента. Вспомогательный компонент в обеих формах одинаков – это глагол *być* в форме будущего времени (парадигма приведена выше). Различие заключается в следующем: знаменательный глагол в форме сложного будущего времени I представлен инфинитивом спрягаемого глагола [Тихомирова 1978: 95]. Приведем парадигму спряжения сложного будущего I: *będę czytać* (буду читать) – *będziesz czytać* (будешь читать) – *będzie czytać* (будет читать) – единственное число; *będziemy czytać* (будем читать) – *będziecie czytać* (будете читать) *będą czytać* (будут читать) – множественное число. Сложное будущее II в польском языке образуется с помощью тех же форм вспомогательного глагола и причастия прошедшего времени на **-I** с его родовыми флексиями в знаменательной части (*będę czytał* и др.). Сложная форма будущего времени II была во всех славянских языках (и в старославянском языке также) и, поскольку выражала действие в будущем, предшествующее другому действию тоже в будущем, в лингвистической литературе она называется также преждебудущим временем. Но сегодня в польском языке эта форма выражает то же значение, что и будущее сложное I, употребляется редко и носит сугубо книжный характер, причем вспомогательный компонент всегда предшествует знаменательной части, т.е. причастию прошедшего времени на **-I**.

Формы **прошедшего времени** польского глагола образуются от основ как несовершенного, так и совершенного видов. В отличие от соответствующих форм в русском языке, они указывают не только род и число, но и лицо. А во множественном числе различаются формы лично-мужские (личное окончание **-i**) и женско-вещные (личное окончание **-y**), т.е. эти формы имеют родовые различия. Различаются простое и сложное прошедшее

время. Форма **простого прошедшего времени** состоит из причастия на **-I** спрягаемого глагола с родовыми флексиями, к которым присоединяются через посредство гласного **е** личные окончания в единственном числе 1 лица (**-m**), 2 лица (**-ś**), при этом показатели 3 лица отсутствуют как в единственном, так и во множественном числе. Отметим, что личные окончания 1 и 2 лица сохраняют былую подвижность (они восходят к форме настоящего времени вспомогательного глагола *być*) и могут присоединяться к другим словам в предложении – к вопросительным словам, союзам, личным местоимениям и др. Если в предложении повторяются несколько глаголов в одной и той же форме, показатель лица употребляется только с одним из них: *Samec nie przyszedł i brata nie przyprowadził* – Ты сам не пришел и брата не привел. Простая форма прошедшего времени представлена перфектом, в котором соединились действительное причастие прошедшего времени с суффиксом **-I-**, имеющее также родовые различия, и показатели лица, восходящие к формам вспомогательного глагола *być* в настоящем времени: **-m** (1 лицо ед. число), **-ś** (2 лицо ед. число), **-śmy** (1 лицо мн. число), **-ście** (2 лицо мн. число): *byłem, byłeś* и др. Отметим, что в 3 лице единственного и множественного чисел показатели лица отсутствуют. Вот как выглядят формы перфекта – простого прошедшего времени – в польском языке: *czytałem* (я читал), *czytałam* (я читала) и др. Сложная форма прошедшего времени в польском языке, представленная **давнопрошедшим временем**, состоит из двух компонентов: из формы прошедшего времени спрягаемого знаменательного глагола и причастной формы на **-I** вспомогательного глагола *być* (*czytałem był* – я прежде читал). Эта форма прошедшего времени сегодня воспринимается как архаизм и выходит из употребления. Отметим, что давнопрошедшее время (плюсквамперфект) было в древности принадлежностью глагольной системы всех живых славянских языков и книжно-письменного старославянского языка.

Причастие и деепричастие в польском языке. В глагольной системе польского языка в зависимости от переходности и вида глагола образуются два типа причастий – действительное и страдательное причастия. **Действительное причастие** настоящего времени образуется только от глаголов несовершенного вида (от основы настоящего времени в 3 лице множ. лица) с помощью суффикса **-ąc-** и родовых окончаний: *pracująca kobieta* – *работающая женщина*. В предложении оно обозначает действие, совпадающее по времени с действием глагола-сказуемого. **Страдательное причастие** образуется от переходных глаголов совершенного/несовершенного видов с помощью суффиксов **-n-**, **-t-** и родовых окончаний: *widzieć* – *widziany*, *być* – *byty*. Если у действительных причастий чередований согласных и гласных в основе не наблюдается, то у страдательных причастий в основе имеет место чередование гласных **o/e** – **o** перед **n** и **e** перед **ń**: ср. *zmartwiony* – *встревоженный* // *zmartwieńi*– *встревоженные*.

В польском языке действует два типа **деепричастий**: 1 тип – деепричастие предшествования, образуемое от глаголов совершенного вида, 2 тип – деепричастие одновременности, образуемое от глаголов несовершенного вида. Деепричастие предшествования образуется от глаголов совершенного вида с помощью суффиксов **-wszy** после основ инфинитива на гласный и **-szy** после основ инфинитива на согласный: *umyc* – *umysz* (русск. *вымыть* – *вымыв*), *zawieść* – *zawiódłszy* (*разочаровать* – *разочаровав*). Заметим, что **-ł** в последнем случае в речи не произносится. Деепричастие одновременности образуется только от глаголов несовершенного вида с помощью суффикса **-ąc**: *czytać* – *czytając* (*читать* – *читая*), *umieć* – *umiejąc* (*уметь* – *умея*).

Глагол в чешском языке

Чешский глагол представлен богатой системой грамматических форм. Наше рассмотрение начнем с исходной формы глагола – с инфинитива. Инфинитив в чешском языке во многом

сходен с русским инфинитивом: глагольный вид отражается в инфинитиве в видовых парах, от которых и образуются формы времени, инфинитиву присуща глагольная переходность/непереходность, также форма залога. Инфинитив имеет исход на **-t**, как и в русском языке, но отличие заключается в его твердости на фоне мягкого **-t'** в русском: ср. *koupit* – *купить*.

Глагольную систему чешского языка пронизывает **категория вида**, которая, как известно, является специфической особенностью славянского глагола. Большая часть глаголов в чешском языке группируется в видовые пары, которые состоят из двух глаголов, имеющих одно и то же лексическое значение, но по-разному характеризующих действие с точки зрения его протекания во времени. Образование формы глагольного вида в чешском языке происходит в целом теми же способами, что и в других славянских языках, в частности, в русском языке это перфективация, имперфективация, а также супплетивизм. Перфективация в целом осуществляется посредством целого набора десемантизированных, чистовидовых приставок, такой же процесс видим и в русском видообразовании: например, *chvalit* – *pochvalit* (русс. *хвалить* – *похвалить*). Таким образом, процесс перфективации протекает достаточно однотипно, но набор грамматикализованных приставок в обоих языках не совпадает полностью. Так, в чешском видообразовании частотен префикс **u-** (*stlát* – *ustlát* в значении *стелить* – *постелить*). Соответствующая русская приставка **у-** в современном языке уже не является видообразующей. Хотя в русском языке и сохранились глаголы совершенного вида с приставкой **у-** (*уготовить*, *упразднить*, *утешить*), однако образование форм совершенного вида с этим префиксом не является в языке живым процессом, а имеющиеся глаголы совершенного вида с приставкой **у-** являются старыми образованиями и в ряде случаев устаревшими глаголами. Имперфективация как процесс образования форм несовершенного вида широко употребительна в чешском языке, при этом активно используется суф-

фикс **-va-** и его фонетические варианты **-áva-**, **-íva-**: например, *usekat – usekávát* в значении *отсечь – отсека́ть*. И здесь отметим такую интересную и яркую особенность имперфективации в чешском языке, как существование и функционирование категории многократности: многократные глаголы несовершенного вида образуются от глаголов несовершенного же вида посредством суффикса **-va-**. Он представляет собой морфологическое средство выражения категории многократности, которая чаще проявляется в рамках прошедшего времени. Интересно, что суффикс **-va-** может удваиваться и таким образом приобретает форму **-váva-**: *chodit – chodívát – chodívávát*. Отметим и следующее обстоятельство: в глаголах, образованных с помощью имперфективации, первый гласный суффикса (**-váva-**) удлиняется, а долгий гласный, как уже ранее неоднократно отмечалось, содержит в себе значение многократности, длительности. В ряде случаев видовые пары глаголов могут образовываться и от супплетивных глагольных основ. Это нечастый способ видообразования в любом из славянских языков. Надо отметить, что это типологическое сходство имеет древние истоки: супплетивизм в видообразовании наблюдается, как правило, в старых славянских глагольных основах. Вот пример супплетивных видовых пар в чешском языке: *brát – vzít* (русск. *брать – взять*), *klást – položit* (русск. *класть – положить*). Как можно заметить по приведенным глаголам, так же образуются соответствующие видовые пары и в русском языке. Отметим, что для глагольного видообразования в чешском языке характерны такие явления, как одновидовость и двувидовость. При этом одновидовых глаголов несовершенного вида в чешском языке больше, чем одновидовых глаголов совершенного вида. К одновидовым глаголам несовершенного вида относятся модальные глаголы *musit, chtít, smět* и др., ряд знаменательных глаголов типа *bydlet, znamenat* и др.; приведем и одновидовые глаголы совершенного вида, например, *uhodit* (русск. *наступит, настать*). В глагольной системе чешского языка вид конкретно-

го двувидового глагола, как и в русском языке, определяется по контексту. Отметим также, что в число двувидовых глаголов входят старые славянские глаголы (*obětovat* – русск. *жертвовать* – *пожертвовать*, *darovat* – русск. *дарить* – *подарить*) и заимствованные глаголы типа *informovat* (*информировать*). Последний и в русском языке также является двувидовым глаголом, хотя сегодня данный глагол имеет и префиксальный вариант в видовой паре: ср. *информировать* и *проинформировать*.

Отметим еще одну грамматическую особенность чешского языка в отличие от русского языка: глаголы совершенного вида употребляются намного шире, чем глаголы несовершенного вида. Так, наблюдается частое употребление формы будущего простого времени совершенного вида с конкретизаторами типа *часто*, *всегда* и под., что совсем невозможно в русском предложении: ср. *Často přijde* (сов. вид) *k nám na návštěvu* – букв. русск. *Он часто придет к нам в гости*. Отметим также, что более частотное употребление глагола совершенного вида наблюдается не только в простых чешских предложениях, но и в сложных. В сложных предложениях с союзами *когда*, *как только* и др. в русском синтаксисе в придаточных предложениях, выражающих продолжительное или регулярно происходящее действие, используется форма именно несовершенного вида глагола: ср., *Как только она приходила на концерт, она забывала обо всем на свете*. В соответствующих чешских предложениях в придаточной части используется глагол совершенного вида: ср., *Obyčejně, jakmile přišla* (соверш. вид) *na koncert, zapoměla všechno*. Буквальный перевод приведенного чешского предложения на русский язык выглядит следующим образом: *Обычно, когда она пришла на концерт, она забыла обо всем*.

Категория наклонения состоит из изъявительного, повелительного, сослагательного наклонений. **Изъявительное наклонение** связано с моментом речи и потому называется также реальным. Оно проявляется в формах времени – прошедшего, на-

стоящего, будущего. К ирреальным наклонениям, не связанным с моментом речи, как известно, относятся повелительное и сослагательное наклонения. Парадигма **повелительного наклонения** (императива) в чешском языке состоит из трех форм: 2 лицо в единственном числе, 1 лицо и 2 лицо во множественном числе. Вот парадигма чешского императива: *přines* (2 лицо ед. число, русск. *принеси*) – *přinesme* (1 лицо множ. число, русск. *давайте принесем*) – *přineste* (2 лицо множ. число, русск. *принесите*). Форма 1 лица множественного числа в чешском императиве, как ранее неоднократно отмечалось, обозначает призыв к совместному действию, включая говорящего, она отмечается во всех рассмотренных выше славянских языках, кроме русского. В чешском языке различаются формы **сослагательного наклонения** настоящего и прошедшего времени. Сослагательное наклонение настоящего времени, представляющее собой двучленную конструкцию, обозначает предполагаемое или желаемое действие, относящееся к настоящему или будущему времени (*přišel bych*). Сослагательное наклонение настоящего времени представлено сложной формой, состоящей из двух глагольных компонентов – причастия прошедшего времени на **-l** знаменательного глагола и особой, спрягаемой формой вспомогательного глагола *být* – русск. *быть* (*bych, bys, by, bychom, byste, by*), в которой содержится указание на лицо. Отметим, что грамматическая форма вспомогательного компонента, как было уже отмечено выше, генетически восходит к простой форме прошедшего времени – аористу. Парадигма настоящего времени сослагательного наклонения в чешском языке выглядит следующим образом: *pracoval(-a) bych – pracoval(-a) bys – pracoval(-a) by – pracovali(-y) bychom – pracovali(-y) byste, pracovali(-y) by* [Васильева 2014: 313]. Сослагательное наклонение прошедшего времени представляет собой трехчленную конструкцию и выражает предполагаемое и неосуществленное на момент высказывания действие, относящееся к прошедшему времени. Приведем соответствующий

пример: *byl bych přišel*. В современном чешском языке формы сослагательного наклонения прошедшего времени употребляются редко, заменяясь формами сослагательного наклонения настоящего времени. Как можно заметить по парадигме, знаменательный компонент в сослагательном наклонении сохраняет родовые различия и во множественном числе. Отметим, что из всей парадигмы вспомогательного глагола в сослагательном наклонении, которая существовала в древности во всех славянских языках, в русском языке сохранилась только форма 2-3 лица единственного числа *бы*. Эта форма в силу своей неизменяемости уже является частицей.

Категория залога. В глагольной системе чешского языка в рамках категории залога различаются действительный (активный) и страдательный (пассивный) залого. В действительных конструкциях семантический субъект выполняет функцию грамматического подлежащего: *Profesor chválí studenta*. – Профессор хвалит студента. В страдательных конструкциях семантический субъект не находится в позиции грамматического подлежащего и часто вообще не эксплицируется в предложении: *Student je chválen (profesorem)*.

Категория времени. Языковая категория времени служит цели выражения в языке объективно существующих в реальном мире временных параметров. Точкой отсчета времени в чешском, и не только в чешском языке, служит момент речи, по отношению к которому развиваются события [Васильева 2014: 281]. Чешский глагол **в настоящем времени** имеет простую форму, выраженную глаголом несовершенного вида: *Čtu knihu*. Глаголы в чешском языке в настоящем времени спрягаются по пяти основным классам: **1 класс** – тип *nést* (*nesu – neseš – nese – neseme – nesete – nesou*); **2 класс** – тип *minout* (*minu – mineš – mine – mineme – minete – minou*); **3 класс** – тип *kupovat* (*kupuji – kupuješ – kupuje – kupujete – kupují*); **4 класс** – тип *prosit* (*prosím – prosíš – prosí – prosíme – prosíte – prosí*); **5 класс** – тип *dělat*

(*dělám – děláš – dělá – děláme – děláte – dělají*). Сохранилось старое спряжение у т.н. неправильных глаголов, т.е. бывших не-тематических глаголов – это глаголы *být* (русск. *быть*), *vědět* (русск. *ведать, знать*), *jíst* (русск. *есть, кушать*). Приведем спряжение только связочного глагола *být*, полностью сохранившего, в отличие от русского глагола *быть*, парадигму спряжения в настоящем времени и сегодня активно употребляющегося в функции предиката или в его составе: *jsem – jsi – je – jsme – jste – jsou*. **Прошедшее время** в чешском языке представляет собой преимущественно сложную форму: оно состоит из личных форм настоящего времени вспомогательного глагола *být* и причастия прошедшего времени на **-l**. В 3 лице единственного и множественного чисел форма прошедшего времени представлена только причастием прошедшего времени на **-l** без вспомогательного глагола: ср. – *koupil (-a, -o) jsem – koupil (-a, -o) jsi – koupil (-a, -o) – koupili (-y, -a,) jsme – koupili (-y, -a) jste – koupili (-y, -a)*.

Как можно заметить по приведенным формам, причастие прошедшего времени на **-l** сохранило родовые формы и во множественном числе. Отметим также, что форма прошедшего времени чешского глагола установилась на основе древнеславянского перфекта, утратившего связочный глагол только в форме 3 лица в единственном и множественном числах. Отметим, что и в русском языке форма прошедшего времени также восходит к древнему перфекту, однако полностью утратившему связочный компонент и поэтому не указывающему лицу.

Будущее время в чешском языке, как и в русском языке, имеет простую и сложную формы. Простое будущее время образуется, как и в русском языке, от основ глаголов совершенного вида и совпадает с настоящим временем личными окончаниями, фактически различаясь только видом: *napišu* (будущее простое время) – *píšu* (настоящее время). Сложное будущее время состоит из инфинитива смыслового глагола несовершенного вида и форм

вспомогательного глагола *být* в будущем времени: *budu pracovat* – *budeš pracovat* и др.

Причастие в чешской глагольной системе представлено действительными и страдательными причастиями. Действительные причастия имеют формы настоящего времени (*nesoucí – dělající*, русск. *несущий – делающий*) и прошедшего времени (*přinesší – udělavší*, русск. *принесший – сделавший*). Действительные причастия изменяются по родам, числам и склоняются так же, как и прилагательные мягкой разновидности. Страдательные причастия настоящего времени утратились в ходе исторического развития чешского языка (заметим, что и в русском языке они не отличаются особой употребительностью). Страдательные причастия прошедшего времени в чешском языке, входящие в состав форм страдательного залога, хорошо сохранились, отличаются продуктивностью и образуются от основы прошедшего времени объектных глаголов преимущественно совершенного вида с помощью суффиксов **-n-** (*zavolat – zavolán*), **-en-** (*nést – nesen*), реже **-t-** (*umytý, vypitý* – русск. *умытый, выпитый*; *nabídnout – nabídnut* – русск. *предложить – предложенный*). Страдательные причастия в чешском языке, как и в русском, изменяются по родам и числам, могут выражать одушевленность и неодушевленность. В пассивных конструкциях производитель действия, субъект, выражается реже, чем в русском языке, очевидно, в связи с тем, что вспомогательный компонент в чешской конструкции уже указывает на лицо: так, чешскому предложению *Je milována* соответствует в русском языке выражение 'Она любима'. В этом случае присутствие личного местоимения в русской конструкции обязательно ввиду отсутствия связочного компонента, указывающего на лицо. Отметим также, что в чешском языке страдательные причастия прошедшего времени во множественном числе имеют и родовые различия: *Studenti byli pozváni – Studentky byly pozvány* [Васильева 2014: 330].

В чешском языке также функционируют **деепричастия** настоящего и прошедшего времени, обозначающие действие, которое относится к подлежащему. Деепричастие так или иначе конкретизирует ситуацию, которую в предложении выражает личная форма глагола. Деепричастие настоящего времени обозначает дополнительное действие, которое протекает одновременно с действием, выраженным глаголом-сказуемым: *Vraceje z univerzity, videl jsem Martu.* – *Возвращаясь из университета, я увидел Марту.* Деепричастие прошедшего времени обозначает действие, которое предшествует действию, выраженному глаголом-сказуемым: *Odepnul kabát, Milan sedl.* – *Рассмегнув пальто, Милан сел.* Отметим, что в чешском языке деепричастия являются книжной категорией и в живой разговорной речи не употребляются. И в этом проявляется определенное сходство с русским деепричастием. В то же время отметим различия в этом фрагменте глагольных систем русского и чешского языков: деепричастие в чешском языке указывает род (мужской, женский, средний), а также число (единственное и множественное): *napsav* – мужской род, *napsavši* – женский и средний род, *napsavše* – множ. число для всех родовых форм [Васильева 2014: 339]. Существуют различия с русским деепричастием и в пунктуации: в чешском языке запятыми выделяются только деепричастные обороты, а одиночные деепричастия запятыми не отделяются.

Глагол в словацком языке

В глагольной системе словацкого языка функционирует **инфинитив** в качестве именной формы глагола, именно инфинитив представляет словарную статью в словарях, как и во всех рассмотренных выше славянских языках. Инфинитив обладает показателями глагольного вида, образуя видовую пару, а также обладает категорией залога и переходностью/непереходностью. Инфинитив в словацком языке имеет единый морфемный показатель – формант **-t'** (*rást'*, *viezt'* – русск. *расти*, *везти*), поэтому отли-

чается от чешского инфинитива мягкостью в исходе. У большей части глаголов, основа которых оканчивается на согласный, перед суффиксом инфинитива **-t'** появляется гласный: *hád-a-t'* (русск. *отгадывать*), *trýzn-i-t'* (русск. *мучить*), *červen-ie-t'* (русск. *краснеть*). **Категория вида** в словацком языке содержит бинарную оппозицию совершенного и несовершенного видов. Глаголы совершенного вида обозначают действие законченное, ограниченное во времени, предельное действие, а глаголы несовершенного вида – незаконченное, не ограниченное во времени действие. Считается, что категориальным признаком вида является целостность действия. Согласно этому подходу видовая оппозиция предстает как привативная, маркированный член которой – совершенный вид – эксплицитно выражает признак целостности. Несовершенный вид представляет собой немаркированный член видовой оппозиции, так как в его семантике отсутствует постоянное отношение к указанному признаку, зато может подчеркиваться выражаемое им значение процессуальности, отрицающее значение целостности [Лифанов 1999: 112]. Видообразование в словацком языке производится как с помощью префиксов, так и суффиксов. Основным средством перфективации (об этом говорилось выше) являются префиксы, а имперфективации – суффиксы. Однако следует отметить, что результатом имперфективации является, как правило, образование чистовидовых глагольных пар, а при перфективации большей частью образуются глаголы, обозначающие различные способы глагольного действия [Лифанов 1999: 114]. Таковы глаголы *zavúť* – русск. *взвять* (начинательный способ), *zamávat'* – русск. *помахать* (ограничительный способ) и др. Набор префиксов и суффиксов при этом разнообразен. Среди глагольных префиксов отметим приставку **s-** (*chudnúť* – *schudnúť*, русск. *худеть* – *похудеть*), **u-** (*robiť* – *urobiť*, русск. *делать* – *сделать*), **na-** (*rodit'sa* – *narodit'sa*, русск. *родиться* – *рождаться*), а также префиксы **o-** (*solit'* – *osolit'*, *солить* – *посоливать*), **po-** (*d'akovat'* – *pod'akovat'*,

русск. *благодарить* – *поблагодарить*). Следует отметить также, что префиксы, образующие чистовидовые пары, ведут себя по-разному: в одних случаях образуют видовые пары, а в других случаях выражают значения различных способов действия. Имперфективация производится посредством суффиксов **-a-**, **-ova-**, **-ava-/iava-**, **-ieva-**, **-úva-**: *zatvorit'* – *zatvárat'* (русск. *закрывать* – *закрывать*), *priblížit'* – *približovat'* (русск. *приблизить* – *приближать*), *strhnút'* – *strhávat'* (русск. *срывать* – *срывать*) и др. При этом в определенных случаях в форме образованного глагола несовершенного вида гласный и даже слоговые плавные **r** и **l** становятся долгими: *naplnit'* – *naplňat'* (русск. *наполнить*–*наполнять*).

В словацкой глагольной системе существует и супплетивный способ образования видовых коррелятов: *brat'* – *vziat'* (также и *zobrat'*, русск. *брать* – *взять*), *klást'* – *položit'* (русск. *класть* – *положить*), *bát'sa* – *zlaknúť'sa* (русск. *бояться* – *испугаться*). Как можно заметить по приведенным супплетивным парам, это старые образования, чаще одни и те же пары глаголов, существующие и в других славянских языках.

Категория времени. В основе категории времени в словацком языке выделяется оппозиция прошедшего – настоящего – будущего времени. Все формы времени связаны с моментом речи. Кроме того, в категории времени выделяется и давнопрошедшее время, однако сегодня оно употребляется крайне редко.

Как и в русском языке, который в нашем рассмотрении является точкой отсчета, категория времени в словацком языке тесно связана с категорией вида: так, если несовершенный вид присущ для прошедшего – настоящего – будущего времени, то совершенный вид имеет всего двучленную парадигму – прошедшее и будущее время.

Набор глагольных флексий **настоящего времени** в словацком языке таков: в единственном числе **-m** (1 лицо), **-š** (2 лицо),

нулевая флексия (3 лицо); во множественном числе **-me** (1 лицо), **-te** (2 лицо), а в 3 лице **-ú (-u)**, **-ia (-a)**.

Применительно к словацкому глаголу выделяется 14 типов спряжения в настоящем времени. Вот парадигма спряжения глагола *čakat'* в значении *ждать* в настоящем времени: *čakám – čakáš – čaká* (ед. число) – *čakáme – čakáte – čakajú* (множ. число). В формах настоящего времени словацкого глагола в 3 лице как единственного, так и множественного чисел отсутствует в личном окончании **-t**: *berie – berú* (*берет – берут*, русск.). Такая особенность отмечалась при рассмотрении глагола в настоящем времени и в других славянских языках.

При образовании форм настоящего времени у многих глаголов в парадигмах происходит чередование согласных. Так, чередуются **s/š** (*písat' – píšem*), **z/ž** (*víazat' – víažem*), **kl/č** (*plakat' – plačem*), **h/ž** (*luhat' в знач. лгать – lužem*) и др. Как легко можно заметить, эти чередования соотносятся с соответствующими чередованиями в русском языке.

Под воздействием ритмического закона долгий гласный в личном окончании (как правило, в 3 лице множ. числа) сокращается: ср. *píšem – píšu*. Здесь **ú** конечное теряет долготу под воздействием ритмического закона, так как в основе выступает долгий гласный, а в словоформе *berú* долгота гласного флексии сохраняется, так как в основе глагола нет долгого гласного.

Прошедшее время в словацком языке имеет сложную форму: оно состоит из знаменательной части – причастия прошедшего времени на **-l** – и личных форм вспомогательного глагола *byť* в форме настоящего времени. Отметим, что вспомогательный глагол не употребляется только в 3 лице единственного и множественного чисел: например, в парадигме глагола *robiť* в значении *работать* открывается такая картина: *robil, -a (-o) som – robil, -a (-o) si – robil, -a (-o) – robili sme – robili ste – robili*. Такая особенность характерна и для спряжения чешских глаголов в прошедшем времени. Исторический комментарий позволяет

определить, что форма прошедшего времени в словацком языке восходит к древнеславянскому перфекту, как и почти во всех славянских языках, в том числе и в русском. Но в отличие от русского перфекта, утратившего вспомогательный компонент во всех лицах и числах, вспомогательный компонент сохранился в западнославянских языках, в том числе и в словацком языке, за исключением форм 3 лица в единственном и во множественном числах.

В словацком языке сохранилось давнопрошедшее время (плюсквамперфект). Эта относительная форма прошедшего времени обозначает действие, которое совершилось до другого действия, тоже в прошлом. Отметим, что давнопрошедшее время существовало во всех славянских языках в древности, однако сохранилось только в отдельных славянских языках и употребляется редко: так, оно присутствует в польском, в болгарском, сербском/хорватском языках. Его формы употребляются преимущественно в разговорном языке, а также в художественной литературе, но не обязательны [Лифанов 1999: 130]. Формы плюсквамперфекта состоят из трех компонентов: они образуются при помощи действительного причастия прошедшего времени на -I вспомогательного глагола *byť*, личных форм в настоящем времени того же вспомогательного глагола и причастия на -I знаменательного глагола. В целом, это форма древнеславянского плюсквамперфекта. В формах 3 лица в единственном и во множественном числах личные формы вспомогательного глагола отсутствуют. Приведем парадигму глагола *robit'* (русск. *работать*) в плюсквамперфекте: *bol som robil – bol si robil – **bol robil*** (единств. число); *boli sme robili – boli ste robili – **boli robili*** (множ. число).

В глагольной системе словацкого языка ирреальные наклонения представлены повелительным наклонением (*rozkazovací spôsob*) и сослагательным наклонением (*kondicionál*).

Повелительное наклонение (императив), выражающее побуждение, а также приказ, просьбу, запрет, представлено простыми формами 2 лица единственного числа: *Rob (Работай)*, а также 1 и 2 лица множественного числа: *Robme – Robte (Давайте будем работать – Работайте)*. Формы императива в словацком языке образуются от основы настоящего времени в форме 3 лица множественного числа, при этом форма 1 лица множественного числа образуется с помощью форманта **-me** – *Robme – Давайте будем работать*, а форма 2 лица множественного числа образуется с помощью форманта **-te** (*Robte – Работайте*).

Сослагательное наклонение выражает действие потенциально возможное, предположительное, нереализованное. Как и в других западнославянских языках, в словацком языке сослагательное наклонение имеет форму как настоящего, так и прошедшего времени. Сослагательное наклонение настоящего времени обозначает действие, которое при определенных условиях может осуществиться, т.е. оно выражает значение потенциальной и гипотетической модальности. Оно образуется при помощи действительного причастия прошедшего времени на **-I** знаменательного глагола, частицы *by* и личной формы вспомогательного глагола *byt'*, причем вспомогательный глагол не употребляется в формах 3 лица. Приведем его парадигму: *prosil by som – prosil by si – prosil by* (единственное число); *prosili by sme – prosili by ste – prosili by* (множественное число). Сослагательное наклонение прошедшего времени обозначает действие, которое могло осуществиться в прошлом, но не осуществилось, т.е. выражает значение полностью ирреальной модальности. Эта форма образуется при помощи причастия на **-I**, образуемого от вспомогательного глагола *byt'*, частицы *by*, личной формы настоящего времени вспомогательного глагола *byt'* и причастия на **-I** знаменательного глагола. Таким образом, форма сослагательного наклонения прошедшего времени состоит из 4 форм, однако в 3 лице в обоих числах вспомогательный глагол может отсутствовать и это

отсутствие значимо. Отметим также, что форма сослагательного наклонения прошедшего времени может быть использована в сложноподчиненном предложении только в одной его части, но при этом все предложение выражает значение ирреальности действия. Следует отметить, что достаточно часто сослагательное наклонение прошедшего времени заменяется формой сослагательного наклонения настоящего времени: очевидно, этому способствует громоздкость формы сослагательного наклонения прошедшего времени.

Причастие в словацком языке. В словацкой грамматической системе присутствуют три причастия: действительное причастие настоящего времени (*spadnut'-spodnutý, upadnut'-upadnutý*), действительное причастие прошедшего времени, а также страдательное причастие **только прошедшего** времени, образуемое посредством суффиксов **-n** и **-t**. В словацком языке функционирует и причастие прошедшего времени на **-l**, которое очень отличается от остальных причастий: оно не склоняется, не употребляется самостоятельно, а только в составе сложных глагольных форм, как отмечалось выше. Это т.н. действительное причастие прошедшего времени на **-l**, которое является знаменательным компонентом сложных форм глагольного времени (перфекта и плюсквамперфекта), а также участвует в формировании сослагательного наклонения настоящего и прошедшего времени.

В словацком языке представлено и **деепричастие** (*prechodník*). Из грамматических свойств глагола в словацком деепричастии сохраняются лишь вид и возвратность. Деепричастие в словацком языке образуется от глагола несовершенного вида и соответствует русскому деепричастию настоящего времени. Словацкое деепричастие, образованное от глагола совершенного вида, соответствует русскому деепричастию прошедшего времени: ср. *robíac* – русск. *делая*, *urobíac* – русск. *сделав*. Деепричастие в словацком языке образуется от основы глагола в

настоящем времени в форме 3 лица множественного числа посредством суффиксов **-úс (-uc)**, а также **-iac (-ac)**: так, *kupovat'* (покупать) – *kupij-úс*, *držat'* (держатъ) – *drž-iac*. Следует особо подчеркнуть, что деепричастие в словацком языке используется очень редко. Отметим также, что существует проблема репрезентации деепричастий в переводах русских текстов на словацкий язык: как известно, деепричастия представляют собой частотную категорию в русском языке. Русские деепричастные обороты могут переводиться на словацкий язык посредством девербативов, в которых сохраняется важнейший глагольный признак – вид глагола.

Глагол в серболужицких языках

Как известно, в области грамматических форм лужицких глагол сохраняет ряд явлений, утраченных другими славянскими языками. В лужицких языках сохранился такой грамматический архаизм, как двойственное число. Оно функционирует во всех изменяющихся частях речи и, в частности, в глаголе. Так, в предложении *Dwaj bratraj staj mi zemrjeloj* (Два брата у меня умерли, русск.) можно заметить, что в этом предложении во всех словах, кроме местоимения *mi*, употреблены уместно, в полном соответствии с содержанием, формы двойственного числа [Кондрашов 1986: 180]. Другим архаичным явлением в сфере глагола, причем сохранившимся только в нижнелужицком языке, является супин. Отметим, что супин (лат. *supinum*) представляет собой отглагольное образование, имеющее признаки глагола и имени, близкое по функции к инфинитиву. Супин функционировал в греческом, латинском, старославянском языках. Как известно, супин существовал во всех живых славянских языках. Отметим, что в некоторых северновеликорусских говорах и сегодня употребляется форма т.н. «твердого» инфинитива, которая, как предполагается, является реликтовой формой супина: *иду спат*. Он представлял собой неизменяемую именную форму, которая упот-

реблялась после личных форм глаголов движения и обозначала цель этого движения. Супин был вытеснен инфинитивом и утратился в славянском языковом мире за небольшим, как уже было отмечено, исключением. Таким образом, перестав употребляться в верхнелужицком языке, он сохранился только в нижнелужицком [Кондрашов 1986: 181]. Вот пример супина, употребляемого в нижнелужицком предложении со своим характерным для супина суффиксом **-t** твердым: *Ži wjaceŕat* – *Иди ужинать* (русск.). Супин существовал также в древнерусском языке и утратился рано, заменившись инфинитивом, что отражается и в переводе приведенного выше нижнелужицкого предложения, в котором глагол *wjaceŕat* (*ужинать*) восходит к супину.

Глагол в лужицких языках обладает следующими классификационными категориями: время, вид, переходность/непереходность, лицо.

Инфинитив в верхнелужицком языке имеет суффикс **-ć**, а в нижнелужицком языке образуется с помощью суффикса **š**.

В лужицких языках **категория времени** в рамках изъявительного наклонения включает формы всех трех временных планов – настоящего, прошедшего и будущего времени. Характерной особенностью спряжения глаголов в настоящем времени является отсутствие конечного **-t** в форме 3 лица единственного и множественного чисел: *njese* (*он несет*, ед. число), *njesetaj* (*двое несут*, дв. число), *njesu/njeseja* (*они несут*, множ. число). Эта особенность, т.е. отсутствие **-t** конечного в личном окончании в формах настоящего или будущего времени, как можно заметить из рассмотрения, характерна для западнославянских языков.

Отметим также сохранение парадигмы спряжения в настоящем времени у одного из нетематических, т.н. неправильных глаголов, *buć*, который выполнял с древности во всех славянских языках роль вспомогательного глагола. Вот из каких форм состоит его парадигма в настоящем времени: (*ja*) *sym* – (*ty*) *sy* – (*won*,

wone, wona) *je* и др. Обратим внимание на то, что парадигма этого нетематического глагола также сохраняется в западнославянских языках, тогда как в русском языке она полностью утратилась и связочный глагол в форме настоящего времени в русском предложении отсутствует.

Будущее время имеет две формы – простую и сложную. Простая образуется от глаголов совершенного вида (*kupi* – русск. *купит*). Сложная форма состоит из знаменательного глагола несовершенного вида в инфинитиве и вспомогательного глагола *buć* в будущем времени: *budu pic* – *budzeš pic* – *budze pic* – *budzemoj pic* и др.

В лужицких языках выделяются т.н. посессивные результативные конструкции, которые состоят из личной формы глагола *тёс'* в значении *иметь* в форме всех времен и наклонений и страдательного причастия, образованного от знаменательного глагола. Страдательное причастие при этом согласуется с прямым объектом в роде, числе, падеже: *Mam suknju zešitu*, буквальный перевод этой конструкции таков: *Я имею юбку сшитую*. Подобные конструкции в лужицких языках малоупотребительны и используются, причем нечасто, в разговорном и диалектном языке.

Категория вида представлена глаголами совершенного/несовершенного видов, из которых чистовидовые пары составляют глаголы совершенного и несовершенного вида с идентичным значением: таковы бесприставочные глаголы *wrócić* – *wróceć* в значении *вернуть* – *возвращать*. Сюда же входит ряд приставочных и бесприставочных глаголов: так, глагольная пара *zic* – *ziwać* (*разуть* – *разувать*).

Категория времени в лужицких языках включает такую характерную для славянских языков аналитическую форму прошедшего времени, как перфект, который состоит из вспомогательного глагола *buć* в личных формах настоящего времени и знаменательной части в форме действительного причастия про-

шедшего времени на **-I**: *je nest* (3 лицо ед. число) – *su njesli* (3 лицо множ. число) – *smój njesloj* (2-3 лицо двойств. число).

В лужицких языках, в отличие от остальных языков западнославянского ареала, сохранились такие архаичные формы простого прошедшего времени, как сигматический аорист и имперфект. Но в формах множественного числа окончания указанных форм слились, смешались. Обобщение окончаний аориста с окончаниями имперфекта говорит о тенденции к утрате этих форм: так, ср. аорист в форме 1 лица единственного числа (*dońesech*) и имперфект в той же грамматической форме (*ńesech*). В приведенных примерах только префикс **do-** указывает на аорист и выражает значение завершенности действия.

В верхнелужицком языке представлена также система причастий, которые ведут себя как прилагательные, сохраняя при этом глагольные категории вида и залога.

В разговорном верхнелужицком и нижнелужицком языках деепричастия практически отсутствуют.

В силу исторических причин лужичане оказались в германском окружении в отрыве от остального славянского мира. Поэтому и наблюдается в лужицких языках целый ряд грамматических архаизмов. В частности, в лужицких языках императив сохраняется в более расширенной парадигме в формах единственного и множественного числа (*kiruj* – *kirujtu* – *kirujće*), а также в формах двойственного числа: 1 лицо *kirujtoj* – 2 лицо *kirujtaj*.

ГЛАВА 3.8.

ГЛАГОЛ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Глагольная система южнославянских языков вследствие исторических экстралингвистических факторов заметно отличается от глагольных систем восточнославянских и западнославянских

языков. Многочисленные нашествия турок-османов на Балканский полуостров в течение длительного времени способствовали изоляции южных славян от остального славянского мира. Этот фактор привел к появлению особенностей на всех уровнях в языках южных славян, т.н. балканизмов, отличающих их как от восточнославянских, так и от западнославянских языков. Однако в целом южнославянские языки в подавляющем большинстве случаев сохранили древнюю славянскую грамматическую основу, которая роднит их с остальными языками восточнославянской и западнославянской групп.

Глагол в болгарском языке

Категория залога в болгарском языке, как и в других славянских языках, в частности, в русском языке, представлена действительным залогом (т.н. активом), являющимся исходным, и страдательным залогом (т.н. пассивом). Формами выражения пассивного залога являются: 1) страдательное причастие – *даден* в значении *данный*, *даван* в значении *дававшийся* кем-то; 2) аналитические формы глагола, образованные сочетанием страдательного причастия со вспомогательным глаголом *съм*, указывающим на лицо (*даден е* – 3 лицо), в значении *дан*, *даван е* (*дается кем-то*); 3) формами глагола с возвратной частицей *се* – *дава се* (в значении *дается кем-то*), *даде се* (*был дан*), *даваше се* (*давался кем-то*).

Отметим наличие у болгарского глагола личных и неличных форм. **Личные формы** характеризуются наличием форм лица, числа, частично формами грамматического рода, что отмечалось относительно других славянских языков. Личные формы глагола в болгарском языке характеризуются также формами склонения и времени. К **неличным формам** в болгарском языке относятся причастия и деепричастия, имеющие формы вида и залога, а также времени.

Одним из важных отличий болгарского глагола от глаголов подавляющего большинства славянских языков является отсутствие в нем инфинитива. Как известно, инфинитив, если он существует в языке, считается исходной формой глагола. В болгарском же языке ввиду отсутствия в глагольной системе инфинитива словарной формой глагола является форма 1 лица единственного числа настоящего времени. Интересна в болгарском языке *да*-конструкция в единственном числе, которая стала употребляться в связи с вышедшей из употребления формой инфинитива и в какой-то мере является его заменой: например, *можеш да дойдеш* в значении *можешь прийти*.

Категория вида. Глагольный вид в болгарском языке представляет собой систему форм совершенного и несовершенного видов и имеет много сходств с категорией вида в русском языке в этом фрагменте грамматической системы, в частности, в способах видообразования. Бесприставочные глаголы большей частью являются глаголами несовершенного вида (*говоря, живеея, храня* и др.). Однако есть бесприставочные глаголы и совершенного вида (*дам, купя, реша* и др.). В болгарской глагольной системе от глаголов совершенного вида активно образуются глаголы несовершенного вида при помощи суффиксов **-ам-**, **-ям-**, **-вам-**, **-явам-** и др: *помогна – помáгам, отговоря – отговáрам, кажа – кáзвам* и др. Интересно отметить, что и в болгарском языке в видовых парах приведенных глаголов наблюдается чередование **о/а**, что характерно и для русского видообразования, об этом говорилось в предыдущем материале.

Следует отметить также аспектуальные различия, которые проявляются наиболее ярко в противопоставлении перфективности/имперфективности в системе глагольных форм времени между такими древними, но сохранившимися в болгарском языке простыми формами прошедшего времени, как аорист и имперфект.

Категория наклонения. В болгарском языке в глагольной системе действуют четыре наклонения. Если в других славянских языках действуют в глагольной системе, как правило, три наклонения – изъявительное, повелительное, сослагательное, то в болгарском языке их четыре: кроме указанных выше трех наклонений, функционирующих во всех славянских языках и сходных с болгарскими наклонениями, функционирует и четвертое, т.н. **пересказывательное наклонение**, которое называют также заглазным наклонением, или комментативом. Изъявительное, повелительное, сослагательное наклонения болгарского языка имеют сходства с соответствующими наклонениями других славянских языков. Однако фиксируются и различия, в частности, в повелительном наклонении существуют не только простые, но и составные формы, выражающие запретительное значение, т.н. прохибитив: *неде́й пи́са* в значении *не пиши*, а также *сти́га пи́са*, *сти́га си пи́сал* в значении *хватит писать*. В сослагательном наклонении употребляются преимущественно аналитические формы типа *бих писал* (русск. *я писал бы*). Интересно, что присутствуют одновременно и синтетические формы сослагательного наклонения, образованные с помощью суффиксов: например, *седя́вам* в значении *я сидел бы*, *ядвах* в значении *я ел бы* [Маслов 2005: 82]. **Пересказывательное наклонение** используется в случае, когда необходимо передать чье-то утверждение для сообщения о чем-то, не известном говорящему, с которым говорящий лично не сталкивался: так, *Той получил писмо* в значении *Он, мол, получил письмо*. *Той пишел нов роман* в значении *Он, дескать, пишет (писал тогда) новый роман*. Пересказывательное наклонение выражает также «удивление лично наблюдавшимся фактом» (функция адмиратива) [Маслов 2005: 83]. Пересказывательное наклонение генетически и по форме связано с перфектом, но употребляется без связи.

Категория времени. В болгарском языке функционирует развитая система форм глагольного времени. Категория времени в болгарском языке состоит из следующих форм: форма настоящего времени, несколько простых и сложных форм прошедшего и будущего времени. Отметим, что в системе глагольных форм времени выделяются формы абсолютного времени, связанные с моментом речи (настоящее время, будущее время, аорист, имперфект и в некоторой степени перфект). Отметим и формы относительного времени, не связанные с моментом речи: плюсквамперфект, будущее предварительное, будущее в прошедшем, будущее предварительное в прошедшем, в ряде случаев имперфект (т.н. «настоящее в прошедшем») и перфект как прошедшее время, релевантное по своим последствиям для настоящего.

Простой является **форма настоящего времени**, которая обозначает действие, имеющее отношение к моменту речи. Болгарские глаголы настоящего времени изменяются по лицам, и они характеризуются тремя типами спряжения. У глаголов первого спряжения выступает тематический гласный **-е-**: так, *четеш*, *пишеш*; глаголы второго спряжения характеризуются темой **-и-**: *работиш*, *държиш*; у глаголов третьего спряжения в личной парадигме выступает тема **-а- (-я-)**: *пиша*, *работя*, причем третье спряжение является наиболее продуктивным. Оно отличается от первого и второго спряжений не только своей продуктивностью, но и тем, что в первом лице единственного числа в отличие от них имеет личное окончание **-м** (*искам* – русск. *хочу*). В славянском языковом мире это древнее окончание **-м** наблюдается также, например, в чешском и словацком языках, в которых оно выступает в определенной разновидности спряжения глагола в настоящем времени: так, глагол *делая* в чешском языке имеет форму *dělám* с личным окончанием **-m**, то же видим и в спряжении словацкого глагола, например, *volám* (русск. *зову*) в форме настоящего времени.

Интересны болгарские простые формы прошедшего времени – **аорист и имперфект**, которые были в древности принадлежностью глагольных систем всех славянских языков. Глаголы в аористе и имперфекте соотносятся так же, как в современном русском языке соотносятся глаголы прошедшего времени совершенного и несовершенного видов. В современном болгарском языке **аорист** считается основной формой прошедшего времени и обозначает единичное действие, которое завершилось в прошлом и не связано с настоящим: *Вчера написах писмо на сестра. – Вчера я написал письмо сестре* (русск.). Парадигма спряжения глагола в аористе имеет следующий вид: *плетох – плете – плете; плетохме – плетохте – плетоха*. В целом, при некоторых различиях эта парадигма совпадает с парадигмой старославянского глагола в аористе. **Имперфект** – простая форма прошедшего времени, которая образуется от глаголов несовершенного вида. Приведем парадигму болгарского имперфекта: *исках – искаше – искаше; искахме – искахте – искаха*. Имперфект обозначает действие, представленное в прошедшем: 1) в развитии: *Като излязохме навън, видяхме че валеше*. – *Когда мы вышли на улицу, увидели, что шел дождь*; 2) регулярно повторявшееся в прошлом: *Цялата есен всеки ден валеше*. – *Всю осень каждый день шел дождь*. В некоторых случаях имперфект образуется от глаголов совершенного вида и употребляется практически только в придаточных предложениях для описания целого ряда многократных, повторяющихся действий, завершённых в прошлом: *Како **подадяха** книги на библиотекарката, тя **записваше** информацията от картичките в големия журнал. – Когда они передавали книги библиотекарше, она записывала информацию с карточек в большой журнал*.

В болгарской грамматической системе сохранились и сложные формы прошедшего времени, к этим сложным формам относятся **перфект** и **плюсквамперфект** (или давнопрошедшее время, называемое также ‘предварительное время’).

Перфект в болгарском языке обозначает действие, которое можно назвать также в какой-то мере относительным, так как он выражает действие, ориентированное на промежуточную точку отсчета, и только через нее на момент речи. Перфект в глагольной системе болгарского языка является частотной формой прошедшего времени. Он состоит из двух компонентов – действительного причастия прошедшего времени на -л и вспомогательного компонента **съм**. Отметим, что перфект оказался самой жизнеспособной глагольной формой не только в болгарском языке, но практически во всех современных славянских языках форма прошедшего времени базируется на древнем перфекте без вспомогательного глагола (например, в русском языке) или со вспомогательным глаголом (например, в чешском языке и др.) [Манучарян 2019: 174]. Как известно, перфект обозначал действие, выполненное в прошлом с результатом в настоящем. Парадигма перфекта в болгарском языке такова: *аз съм купил(-а) – ти си купил(-а) – той е купил(-а)* (единственное число); *ние сме купили – вие сте купили – те са купили* (множественное число). Как можно заметить по парадигме, родовые различия во множественном числе в перфекте утратились.

Другая сложная форма времени в болгарском языке – **плюсквамперфект**, который является относительной формой прошедшего времени ввиду выражаемого им значения: он не имеет прямого отношения к моменту речи и обозначает действие в прошлом, выполненное до другого действия тоже в прошлом. Парадигма плюсквамперфекта состоит из двух форм прошедшего времени – действительного причастия прошедшего времени на -л, как и в перфекте, и того же вспомогательного глагола, но не в настоящем, а в прошедшем времени. Парадигма плюсквамперфекта выглядит следующим образом: (аз) *бях читал(-а) – (ти) беше читал(-а) – (той) беше читал(-а)* (единственное число); (ние) *бяхме читали – (вие) бяхте читали – (те) бяха читали* (множественное число). Исторически вспомогательный глагол имеет

форму древнеславянского простого прошедшего времени – имперфекта, который четко отражается в старославянских текстах и сохранился в болгарском языке. И таким образом, форма плюсквамперфекта формируется посредством двух глагольных форм в прошедшем времени, что в полной мере выражает значение отнесенности к давнему прошлому безотносительно к моменту речи.

Будущее время в болгарском языке образуется одинаково как от глаголов совершенного, так и несовершенного видов. Эта форма состоит из знаменательного глагола в настоящем времени и вспомогательного компонента **ще**, который восходит к форме 3 лица единственного числа настоящего времени модального глагола **ща** – русск. *хотеть*. Отметим, что в древности во всех славянских языках и, в частности, в старославянском языке, имеющем древнеболгарское происхождение, в образовании формы будущего времени участвовал и глагол *хотеть* в качестве вспомогательного компонента: звук **щ** выступает на месте древнего ***tj** как проявление одной из фонетических закономерностей в кругу южнославянских языков: ср. *хочу* (русск.) и *хощу* (церковнослав.). Последняя форма неоднократно встречается и в памятниках периода первого и второго южнославянских влияний, созданных в Киевской и Московской Руси.

Будущее время болгарского глагола имеет и другую особенность в сравнении с будущим временем русского глагола: оно характеризуется многоформенностью, которая является наследием прошлых эпох. В определенном смысле многоформенность характерна и для системы форм прошедшего времени, также сохранившей древние формы в глагольной системе болгарского языка. Итак, парадигма будущего времени в болгарском языке включает следующие формы: 1) **будущее время**: (*аз*) *ще читам*, (*ти*) *ще читаш*, (*той*) *ще чита* и др.; 2) **будущее в прошлом**: *щях да чита*, *щеше да читаш* и др.; 3) **будущее предварительное**: *ще съм читал(-а)*, *ще си читал(-а)*, *ще е читал(а)* и др.;

4) **будущее предварительное в прошлом**: *цях да съм читал (-а), щеше да си читал (-а), щеше да е читал (-а)* и др. Обратим внимание на то, что в две последние формы будущего времени входит действительное причастие прошедшего времени на **-л**, связывающее значение будущего времени с прошедшим. Как можно заметить, вспомогательный компонент **ще** является обязательным компонентом всех четырех форм будущего времени.

Как и во всех славянских языках, в грамматической системе болгарского языка функционируют также именные формы глагола – **причастие и деепричастие**. С точки зрения залога различаются причастия действительного залога и причастия страдательного залога.

Причастия действительного залога представлены следующими формами: 1) причастие настоящего времени, которое образуется с помощью суффиксов **-ящ, -ещ, -щ** (*пишещ* – русск. *пишущий*); 2) причастие аориста (*писал*); 3) причастие имперфекта (*пишел*).

Можно заметить, что с русским действительным причастием соотносится только одна причастная форма, а именно – причастие настоящего времени, а во второй и третьей формах – в причастии аориста и причастии имперфекта – отражено краткое действительное причастие прошедшего времени на **-л**, которое в русском языке еще в старорусский период трансформировалось в глагол прошедшего времени. Это причастие существовало во всех славянских языках в предикате, поэтому А. Мейе называет причастие на **-л** предикативным причастием [цит. по Ремнева 2004: 282].

Причастие страдательного залога в современном болгарском языке функционирует только в форме прошедшего времени и образуется от переходных глаголов посредством суффиксов **-н** и **-т-**: например, *донéсен* и др. Страдательное причастие настоящего времени в современном болгарском языке утратилось и сохранились лишь отдельные реликтовые формы, которые

сегодня имеют статус прилагательного: так, *уважем* в значении *уважаемый*. Отметим, что и в современном русском языке страдательные причастия настоящего времени употребляются редко, отличаясь особой книжностью. И они так же, как и в болгарском языке, в ряде случаев адъективировались (так, *любимый город* и др.).

Деепричастие в болгарском языке образуется от глагольной основы настоящего времени несовершенного вида посредством суффиксов **-ейки** от глаголов первого и второго спряжений, **-айки (-яйки)** от глаголов третьего спряжения: *четейки, хóдейки, глédайки*. Деепричастие в болгарском языке является неизменяемой формой, носит скорее книжный характер, наблюдается в разговорном стиле литературного языка и в поэзии [см. Маслов 2005: 97].

Глагол в македонском языке

Грамматический строй македонского языка во многом совпадает с болгарским. Отметим, в первую очередь, отсутствие формы инфинитива в качестве исходного глагольного слова в македонском языке, как и в болгарском языке. Но если исходной, а следовательно, словарной единицей в болгарском языке считается форма глагола 1 лица единственного числа настоящего времени, то в очень близком ему македонском языке исходной формой глагола считается форма 3 лица единственного числа настоящего времени, совпадающая с глагольной основой настоящего времени. Эта форма и является в словарях македонского языка заглавной.

Категория вида. В рамках этой сугубо славянской грамматической категории все глаголы составляют две группы – глаголы совершенного вида и глаголы несовершенного вида. Ядром категории вида являются видовые пары типа префиксальный глагол совершенного вида – суффиксальный глагол несовершенного вида. Настоящее время образуется обычно от глаголов несовер-

шенного вида: таков глагол *кине* (в значении *рвать*, несов. в.), а прошедшее время этого глагола образуется от формы *скине* совершенного вида. Имперфективация возможна от любого глагола совершенного вида, если он не содержит суффикса имперфективации: так, *купи* (*купить*) – *купува* (*покупать*), *напише* (*написать*) – *напишува* (букв. *написывать*) [Усикова 2005: 117]. Возвратную морфему *се* можно встретить только у непереходных глаголов: так, *се бори* – русск. *бороться*, а у переходных глаголов морфологическим показателем выступает личное местоимение ‘*Toj се смее*’ (русск. *Он смеется*), также ‘*Toj ме смее*’ (Он меня смешит). Видовое противопоставление базируется на признаках целостность/нецелостность, а также предельность/непредельность.

Категория наклонения состоит из формы изъявительного (т.н. реального), а также из повелительного и сослагательного наклонений (т.н. ирреальных). **Изъявительное наклонение**, как следует из его специфики, функционирует в рамках временных форм. Парадигма **повелительного наклонения** состоит, как и в русском языке, из двух форм – 2 лицо в единственном и во множественном числах: так, от глагола *пише* (*писать*) образуются формы *пиши* – *пишите*, а от глагола *вика* (*кричать*) образуются формы *викај* – *викајте*. Императив образуется также описательным способом: сочетанием частицы *да* с личной формой глагола в настоящем времени – *да дојде*, *да дојдеме*. Своеобразна форма императива в отрицательных предложениях, в этом случае императив выражается сочетанием частиц *немој(те) да* с формой 2 лица единственного и множественного чисел глагола: *немојте да одете* в значении *не идите* [Иллич-Свитыч 1963: 566]. **Сослагательное наклонение** выражает значение возможности, также желательности действия и является сложной формой. Оно образуется посредством сочетания частицы **би** с формой причастия на **-л**. Причастная форма на **-л** согласуется с подлежащим в роде и числе (*Јас би носел(а)* – русск. *Я бы носил(а)* и др.).

Категория залога представлена действительным и страдательным залогами. Формы страдательного залога образуются сочетанием временных форм вспомогательного глагола **е** с формами причастия, они согласуются с подлежащим в роде и числе: *јас сум носен(а), тој е носен(а)* и др. [Иллич-Свитиџ 1963: 566]. Отметим, что страдательные причастия образуются посредством суффиксов **-н-** или **-т-**, согласующихся в роде и числе с подлежащим. Обратим внимание на то, что суффиксы страдательных причастий в македонском языке полностью совпадают с суффиксами страдательных причастий других славянских языков, в частности, русского языка.

Формы страдательного залога образуются также посредством глагола в соответствующем времени в сочетании с частицей **се**, восходящей к возвратному местоимению в энклитической форме: *писмо се пише*. При этом форма страдательного залога обычно используется в форме 3 лица единственного или множественного числа.

Категория времени. Македонский язык, как и болгарский язык, отличается богатой системой форм глагольного времени. В основе системы форм времени лежит противопоставление по признакам предшествование-одновременность-следование относительно момента речи [Усикова 2005: 118]. С древних времен сохранились две простые формы прошедшего времени – **аорист** и **имперфект**, в которых выражен модальный признак наблюдаемости действия говорящим. В македонском языке существуют также сложные формы прошедшего времени, т.н. прошедшее неопределенное время, соответствующее славянскому **перфекту** (в нем присутствует модальный признак сомнения, предположения), и предпрошедшее время, соответствующее по форме и по выражаемому значению славянскому **плюсквамперфекту**.

Глагол в настоящем времени спрягается по трем типам в зависимости от типа основы (**-а**, **-и**, **-е**). Вот примеры парадигм глаголов в настоящем времени в трех спряжениях на примере

глаголов *викам* (*кричу*, основа на **-а**), *носам* (*носи*, основа на **-и**), *идам* (*иде*, основа на **-е**). Первое спряжение: *викам* – *викаш* – *вика* (ед. число), *викаме* – *викате* – *викаат* (множ. число); второе спряжение: *носам* – *носиш* – *носи* (ед. число), *носиме* – *носите* – *носят* (множ. число); третье спряжение: *идам* – *идеш* – *иде* (ед. число), *идеме* – *идете* – *идат* (множ. число). Как можно заметить по приведенным парадигмам, личные окончания глаголов в 3 лице имеют конечное **-т** только в формах множественного числа.

Глагол в прошедшем времени. В македонском языке, как и в болгарском, сохранился **аорист**, простая форма прошедшего времени совершенного вида, характеризующая завершившееся действие как целостный процесс. Приведем формы аориста в македонском языке, образованные от глаголов трех типов спряжений: *завика* – *дојноси* – *умре*.

В глагольной системе македонского языка действует также **имперфект**, простая форма прошедшего времени несовершенного вида, обозначающая действие в его развитии полностью в прошлом. Вот отдельные формы македонского имперфекта: *викав* – *викаше* и др.

Македонский глагол выступает также в сложных формах прошедшего времени – это прошедшее неопределенное и предпрошедшее время. **Прошедшее неопределенное** время обозначает действие, происшедшее в прошлом без указания на конкретное время, а также действие, не наблюдавшееся говорящим лично. Оно состоит из личных форм настоящего времени вспомогательного глагола **е** и причастных форм прошедшего времени на **-л**. По своим формам оно соответствует славянскому перфекту, вот некоторые из его форм: *сум скинал* (в значении *я порвал*) – *си скинал* (*ты порвал*) – *скинал* (он порвал) и др. Отметим, что в формах 3 лица как в единственном, так и во множественном числах данная форма употребляется без вспомогательного глагола. **Предпрошедшее** время (плюсквамперфект) обозначает действие, которое произошло в прошлом перед другим действием тоже в

прошлом, а также действие, не наблюдавшееся говорящим лично, приведем его формы: *бев извикал(а)* – *беше извикал(а)* и др. Эта форма времени состоит из личных форм вспомогательного глагола *е* в форме имперфекта и причастных форм прошедшего времени на *-л*.

Следует отметить **несколько сложных форм будущего времени**, в частности, форму, образуемую посредством сочетания частицы *ке* с личными формами настоящего времени глагола. Таков глагол *извика* в значении *крикнуть*: *ке извикам* – *ке извикаш* – *ке извика* – *ке извикаме* – *ке извикате* – *ке извикаат*. Из других форм будущего времени отметим также **будущее время в прошедшем**, которое обозначает действие, происшедшее в прошлом после какого-либо другого действия. Оно служит также для выражения значения, близкого к значению сослагательного наклонения, состоит из частицы *ке* и личных форм прошедшего несовершенного времени: *ке носев*, *ке носеше* и др. Употребляется также и **форма будущего времени пересказанного**. Она обозначает действие в будущем, о котором говорящий узнал с чужих слов, также действие в прошлом, которое произошло после какого-либо другого действия и не наблюдалось говорящим лично. Оно образуется с помощью той же частицы *ке* и форм прошедшего неопределенного времени: *ке сум извикал(а)*, *ке си извикал(а)*, *ке извикал(а)* и др. [Иллич-Свитыч 1963: 563]. Отметим, что и в этой форме времени 'будущее пересказанное' вспомогательный глагол отсутствует в формах 3 лица как единственного, так и множественного чисел.

Причастие в македонском языке. В глагольной системе македонского языка функционируют и причастные формы. Отметим причастие прошедшего времени с суффиксом *-л*, которое не употребляется самостоятельно, а входит в состав сложных форм глагольного времени, рассмотренных выше: это формы прошедшего неопределенного времени, предпрошедшего времени, будущего пересказанного. Причастные формы на *-л* составляют зна-

менательную часть этих форм, которые имеют в этом случае исход на **-л** (мужского рода), **-ла** (женского рода), **-ло** (среднего рода), **-ле** (множ. число для всех случаев без родовых различий). Кроме того, причастие на **-л** представляет знаменательную часть сослагательного наклонения. Также функционируют причастия с суффиксами **-н-**, **-ен-**, **-т-**, **-ет-** с флексиями рода и числа. Они употребляются в предложении в функции определения, сочетаясь с именами и согласуясь с ними. Вот несколько таких причастий: *бран, умрен, доверен* и др.

Деепричастие в македонском языке. Эта неличная форма глагола образуется от формы 3 лица настоящего времени глагола несовершенного вида и обозначает действие, выполняемое одновременно с глаголом, выражающим главное действие. Деепричастия образуются с помощью суффикса **-ајќи** (*викајќи* в значении *крича*) и **-ејќи** (*седејќи* в значении *сидя*).

Отметим и такую неличную форму глагола в македонском языке, как глагольное существительное с процессуальным значением, образуемое от глаголов несовершенного вида в форме среднего рода и имеющее форму только единственного числа: *седење* – русск. *сидение*, *викање* – русск. *кричание* [Усикова 2005: 123]. Интересно отметить, что такие девербативы широко отмечаются также в старорусских памятниках: в частности, в «Повестях о Смутном времени» (XVII в.) встречаем девербатив *кричание*.

Глагол в сербском и хорватском языках

Глагольная система сербского/хорватского языков также во многом сохранила старые формы, утраченные восточнославянскими и западнославянскими языками, но в определенной степени сохранившиеся в отдельных южнославянских языках.

Инфинитив в современной глагольной системе сербского и хорватского языков, в отличие от глагольной системы болгарского и македонского языков, сохранился и функционирует. Эта

глагольная форма имеет исход на **-ти** и реже на **-ћи**: ср. *тонути*, *моћи*: здесь проступает элемент сходства с русским инфинитивом с учетом фонетических закономерностей, характерных для каждой группы славянских языков.

Отметим, что **категория вида** в определенной степени однотипна во всех славянских языках, поскольку это сугубо славянская глагольная категория. Важно отметить, что бинарная категория совершенного/несовершенного видов вбирает в себя большую часть глаголов сербского/хорватского языков, она в значительной степени грамматикализована и имеет в основном морфологическое выражение. Основным средством видообразования в сербском/хорватском языках является аффиксация. С помощью суффиксов образуются глаголы обоих видов: *испитати* – *испитивати*, *гурати* – *гурнути* (*толкать* – *толкнуть*, русск.). Посредством префиксов от глаголов как совершенного, так и несовершенного видов образуются глаголы именно совершенного вида: *ћитати* – *проћитати*, *женити се* – *оженити се*. Интересно заметить, что глагол *женить* в современном русском литературном языке является двувидовым, а в русском диалектном языке составляет видовую пару с глаголом совершенного вида с тем же префиксом **о**, как и было отмечено выше в сербском/хорватском языках (*женить* – *оженить*, *жениться* – *ожениться*). В ряде случаев в зависимости от префикса появляется новое значение у глагола: ср., *raditi* (русск. *работать*) – *preraditi* (русск. *переработать*). И здесь четко можно отметить определенную близость к видовой системе русского языка: иными словами, при префиксации глаголов несовершенного вида в сербском/хорватском языках возникают новые способы глагольного действия. В глагольной системе сербского/хорватского языков бросается в глаза большая группа двувидовых глаголов: *imenovati* (*называть* – *назвать*), *jesti* (*кушать* – *покушать*), *večerati* (*ужинать* – *поужинать*) и др. Немалая часть двувидовых глаголов представлена заимствованными глаголами: *finansirati* (русск. *финансировать* –

профинансировать), *diplomirati* (русск. *получать* – *получить диплом*) и др. На отношения законченности/ незаконченности действия наслаиваются древние видовые значения длительности/недлительности, однократности/многократности, которые отражаются в формах аориста и имперфекта. В сербском/ хорватском языках встречаются и супплетивные глагольные видовые пары: *otici* (уйти) – *odlaziti* (уходить).

Категория залога представлена действительными и страдательными конструкциями. Страдательные конструкции встречаются редко, особенно в разговорной речи, и во многих случаях стилистически маркированы, в большой степени они являются книжными формами. Наблюдается определенная взаимозависимость между переходностью и залоговым значением, большинство непереходных глаголов не способно выражать пассивное значение: *ležati* (срб.), *putovati* (хрв.) – *путешествовать* (русск.). В сербском/хорватском языках широко представлена категория переходности: переходные глаголы имеют при себе управляемую форму объекта. При перфективации непроизводные глаголы несовершенного вида в зависимости от значения префикса становятся переходными: ср. *letjeti* ‘лететь’ – *preletjeti* ‘перелететь’, *trčati* ‘бежать’ – *pretrčati* ‘перебежать’ [Кречмер, Невекловский 2005: 159].

Категория времени в сербском/хорватском языках. Глаголы в **настоящем времени** спрягаются по трем типам **-е-, -и-, -а-** в зависимости от тематических гласных. В настоящем времени в форме 1 лица единственного числа выступает окончание **-м** (*гинем* – *видим* – *гледам*), а в форме 1 лица множественного числа представлено личное окончание **-мо**: *гинемо* – *видимо* – *гледамо*. Это же окончание характерно и для некоторых славянских языков: так, в чешском, болгарском языках также это окончание **-м** наблюдается в соответствующих формах настоящего времени глагола.

Значение **будущего времени** имеют глаголы настоящего времени, образованные от глаголов совершенного вида. Эта форма эквивалентна форме простого будущего времени русского глагола. Наряду с простой формой будущего времени сербских/хорватских глаголов функционирует и сложная форма будущего времени, которая образуется с помощью формы инфинитива (знаменательная часть) и форм настоящего времени модального глагола *хоћу*, которые могут быть представлены и энклитической формой *ћу*. Как было отмечено ранее, этот модальный глагол и в древности в славянских языках участвовал в образовании сложных форм будущего времени. Суффикс инфинитива **-ти**, как правило, отбрасывается, и обе формы предстают как одна форма: ср., *ћитаћу* – форма первого лица единственного числа будущего времени, образованная от глагола *ћитати*.

В сербском/хорватском языках еще функционируют старые формы простого прошедшего времени – **аорист** и **имперфект**, утраченные почти всеми славянскими языками. Вот какой вид имеет **аорист**, который образуется от глаголов совершенного вида: *несох* – *несе* – *несе* (ед. число), *несосмо* – *несосте* – *несоше* (множ. число). **Имперфект** образуется только от глаголов несовершенного вида и употребляется очень редко. Приведем парадигму имперфекта: *несијах* – *несијаше* – *несијаше* (ед. число), *несијасмо* – *несијасте* – *несијаху* (множ. число). Отметим также, что в настоящее время эти формы простого прошедшего времени утрачиваются [Кондрашов 1986: 199]. Кроме того, в сербском/хорватском языках функционируют и сложные формы прошедшего времени – **перфект** и **плюсквамперфект**.

Плюсквамперфект, который называют согласно выражаемому им значению также давнопрошедшим временем, состоит из двух глагольных форм: знаменательная часть представляет собой действительное причастие прошедшего времени с исходом на **-л/-о**, а вспомогательная часть представлена имперфектом от глагола *бити* (*бејах метнуо* – русск. *я бросил*). Вот парадигма

форм вспомогательного глагола в настоящем времени *jesam*, который чаще употребляется в сокращенных формах *сам – си – је – смо – сте – су*. В отдельных случаях вместо имперфекта вспомогательного глагола употребляется перфект от того же глагола *бити* и плюсквамперфект в этом случае приобретает трехчленную форму: *био сам метнуо*. Такая трехчленная форма плюсквамперфекта была характерна и для древнерусского языка, тогда как в старославянском языке в основном функционировала двучленная форма давнопрошедшего времени, состоявшая из причастия на *-л* и вспомогательного глагола в форме имперфекта.

По последним наблюдениям Е.Н. Чесноковой, в системе форм прошедшего времени в сербском/хорватском языках формы аориста, имперфекта, плюсквамперфекта хоть и существуют, но употребляются только в литературной речи с целью стилизации. Таким образом, основным средством выражения прошедшего времени в современных сербском/хорватском языках является перфект, только эта форма прошедшего времени используется и в разговорном языке [Чеснокова 2016: 152].

Перфект состоит из двух компонентов – действительного причастия прошедшего времени на *-л* (с вариантом исхода *-о*) и вспомогательного глагола *бити* в личных формах в настоящем времени в полной парадигме – *сам, си, је, смо, сте, су*. Вот некоторые формы сербского перфекта: *сам ћитао – сте ћитали* (я прочитал – вы прочитали).

Таким образом, как можно убедиться, довольно разветвленная система временных форм глагола в сербском/ хорватском языках в определенной степени сохранилась с прошлых эпох, при этом степень употребительности отдельных форм неодинакова.

Категория наклонения. Глагольная система в сербском/ хорватском языках характеризуется изъявительным, сослагательным, повелительным наклонениями, имеющими морфологическое выражение. Временные формы, которые рассматривались

выше, функционируют в рамках изъявительного наклонения. Теперь рассмотрим ирреальные наклонения.

Сослагательное наклонение является сложной формой, которая состоит из двух глагольных форм – действительного причастия прошедшего времени на **-л/-о** и аориста от вспомогательного глагола *бити*: *чувао бих, чувао би* и т.д. Сослагательное наклонение выражает целый ряд значений: возможность, желание, условие, намерение, предположение [Кречмер, Невекловский 2005: 163]. Сослагательное наклонение имеет две формы, выше приведена форма сослагательного наклонения I, она двухкомпонентна. Сослагательное наклонение II состоит из трех компонентов: оно дополнено действительным причастием, образованным от вспомогательного глагола *бити*. Соответственно в нем усиливается момент невозможности совершения действия, выраженного основным глаголом. Сослагательное наклонение II употребляется редко, можно предположить, что это отживающая форма. Эта форма сослагательного наклонения еще употребляется достаточно ограниченно также в западнославянских языках.

Повелительное наклонение в сербском/хорватском языках состоит из форм 2 лица единственного числа, 1 и 2 лица множественного числа, т.е. от древнеславянской четырехчленной парадигмы императива и здесь сохранилась трехчленная парадигма, фактически утратилась форма только 3 лица единственного числа. Эти синтетические формы императива дифференцируются в зависимости от исхода глагольной основы: 1 тип (исход на согласный) и 2 тип (исход на гласный). Так, глаголы 1 типа в императиве имеют следующий набор флексий: **-и** (2 л. ед. число), **-мо** (1 л. мн. число), **-ите** (2 л. мн. число): *дођи – дођимо – дођите*. А глаголы 2 типа в императиве получают флексии **-ј** (2 л. ед. число), **-јмо** (1 л. мн. число), **-јте** (2 л. мн. число): *гледај – гледајмо – гледајте*. Отметим также, что в случае необходимости выразить форму императива для отсутствующих морфологических форм 3 лица единственного и множественного чисел ис-

пользуется описательная форма – частица *neka* + 3 лицо ед./мн. числа глагола в настоящем времени. В ряде случаев в такой форме фиксируется и частица *hajde* (заимствование из турецкого языка) в значении *давай* (2 лицо ед. число *hajde* – 1 л. множ. число *hajdemo*, 2 л. множ. число *hajdete*) в соединении с личной формой глагола в настоящем времени. При образовании форм повелительного наклонения, если основа глагола оканчивается на **к** или **г**, перед окончанием императива сохраняется древняя славянская палатализация заднеязычных согласных **к > ц**, **г > з**: *пеку* – *пеци*, *помогну* – *помози*.

В сербском/хорватском языках **причастие** представлено слабо. Действительное причастие прошедшего времени на **-л/-о**, которое служит для образования ряда форм, таких, как перфект, плюсквамперфект, кондиционал, будущее II, в атрибутивной функции выступает довольно редко. Страдательное причастие образуется, главным образом, от переходных глаголов и употребляется для образования пассивных конструкций, а также в атрибутивной функции. При склонении страдательных причастий сохраняются категории рода и числа.

Из употребляющихся неспрягаемых глагольных форм отметим, что, помимо действительного и страдательного причастий, функционирует также деепричастие настоящего времени с исходом на **-ући**, **-ућ**: *тонући*, а также деепричастие прошедшего времени на **-в** или **-вши**: *тонув*, *тонувши*.

Глагол в словенском языке

В словенском языке сохраняется и активно функционирует исходная форма глагола – инфинитив, заканчивающийся суффиксом **-ti** (чаще всего), реже **-či**: *gledati* (смотреть) и *peči* (печь). Инфинитив в предложении употребляется в сложных глагольных конструкциях с двумя глаголами в соответствующих глагольных формах, в которых первый глагол употребляется в личной форме, а второй – в форме инфинитива: так, *Želim iti v kino* – *Я хочу*

пойти в кино. В такой конструкции оба глагола (один из которых в инфинитиве) относятся к одному и тому же лицу. Если же они относятся к разным лицам, то каждый из глаголов употребляется в личной форме: так, *Dovolte da se predstavim* – *Позвольте представиться* (букв. *Позвольте, чтобы я представился*). Интересно отметить, что такая же конструкция с двумя личными глагольными формами используется и в соответствующей этикетной формуле чешского языка.

Категория вида. Ядром морфологической категории вида являются видовые пары, образуемые посредством перфективации и имперфективации, т.е. посредством префиксов и суффиксов. Видовая корреляция, по определению А.Д. Дуличенко, осуществляется преимущественно на базе имперфективации посредством суффиксов **-a-**, **-ja-**, **-va-**, **-ová-/evá-**, **-áva-**: *odobríti* – *odobrávati* (*одобрить* – *одобрять* русск.), *izčístiti* – *izčiščaváti* (*вычистить* – *вычищать* русск.) [Дуличенко 2005: 213]. Наиболее частотным способом видообразования в словенском языке является имперфективация. Вот один из примеров имперфективации: *vzgojiti* (русск. *воспитать*) – *vzgjajati* (русск. *воспитывать*) [Плотникова 1990, 72]. В этом случае опять видим чередование **o/a**, причем **a** как исторически долгий звук выступает в формах несовершенного вида, в которых отражается длительность протекания действия или его многократность.

Средством перфективации являются префиксы **s-**, **z-**, **iz-**, **o-**, **na-**: *kuhati* – *skuhati* (русск. *варить-сварить*). Однако в словенском языке префиксация как способ видообразования развита достаточно слабо. В целом, в словенском языке она не является частотной, к тому же при этом часто глагол выражает не чистовидовое значение, а скорее, иной способ глагольного действия.

Группа двувидовых глаголов достаточно велика и во многих случаях словенские двувидовые глаголы соотносятся с видовыми парами русских глаголов: так, словенскому двувидовому глаголу *videti* в русском языке соответствует видовая пара *видеть* – *уви-*

detj, также *darovati* соответствует в русском языке видовой паре *дарить/подарить* и др. [Дуличенко 2005: 214]. В словенском языке в большей степени, чем в других славянских языках, проявляется интересная особенность в употреблении глагольного вида: для выражения повторяющегося в прошлом действия широко используется форма совершенного вида.

Категория залога. В глагольной системе словенского языка противопоставляются формы действительного и страдательного залогов. Форма действительного залога бывает у всех переходных глаголов, а форма страдательного залога наблюдается преимущественно у переходных глаголов несовершенного вида с возвратной частицей *se*: *Dopis se piše* – *Письмо пишется (кем-то)*. Кроме того, страдательные конструкции формируются посредством страдательных причастий с суффиксами **n** и **t**, образованных от глаголов совершенного вида, и спрягаемых форм вспомогательного глагола *biti* (русск. *быть*): *Streha je krita s slamo*. – *Крыша покрыта соломой*.

В связи с категорией залога отметим, что словенскому глаголу присуща и переходность/непереходность. Как известно, переходные глаголы обозначают действие, распространяющееся на прямой объект, который, как правило, выражается винительным беспредложным, реже родительным беспредложным падежами: *Otec pisal knihu*. – русск. *Отец писал книгу*; *Ucitelj pohvalil Petra*. – русск. *Учитель похвалил Петра*. В случае отрицания прямой объект, как и в русском языке, выражается формой беспредложного родительного падежа. Приведем соответствующий пример: *Pisal je pismo*. (русск. *Он писал письмо*.) – *Ne pisal je pisma*. (русск. *Он не писал письма*).

Не требуют прямого объекта непереходные глаголы: так, *Prijatelj živi v Moskve*. – русск. *Друг живет в Москве*. Отметим также, что возвратные глаголы, как и в русском языке, являются непереходными. Возвратная частица *se* пишется отдельно от

глагола и располагается в предложении на втором месте: *Jaz se pogovarivam.* – русск. *Я разговорился.*

Категория времени. В сравнении с другими южнославянскими языками система форм глагольного времени в словенском языке является в некоторой степени более простой. Она состоит из форм настоящего и будущего времени, а также аналитических глагольных форм прошедшего времени – перфекта и плюсквам-перфекта.

Настоящее время. В настоящем времени функционируют два типа спряжения – тематическое и нетематическое спряжения. К нетематическому спряжению относится небольшая группа глаголов: *biti* – русск. *быть*, *dati* – русск. *дать*, *vedeti* – русск. *ведать*, *znati*, *jesti* – русск. *есть*, *кушать* и др. Отметим, что те же нетематические глаголы функционировали и особо спрягались в старославянском языке, древнерусском и фактически во всех славянских языках в древности, а в настоящее время сохранились, в ряде случаев неполностью, также в некоторых славянских языках. Приведем парадигмы спряжения в словенском языке в настоящем времени нетематических глаголов *biti* (русск. *быть*) и *jesti* (русск. *есть*, *кушать*): (*biti*) *sèm – si – jè* (ед. число), *svà – stà – stà* (дв. число), *smò – stè – sò* (мн. число); (*jesti*) *jém – jés – jé* (ед. число), *jéva – jésta – jésta* (дв. число), *jémo – jéste – jedó* (мн. число). Остальные глаголы изменяются по лицам по тематическому спряжению. Вот пример спряжения тематического глагола *delati* в настоящем времени (русск. *делать*): *délam – délaš – déla* (ед. число), *délava – délata – délata* (дв. число), *délamo – déláte – délajo* (множественное число). Отметим, что парадигма спряжения данного глагола в настоящем времени почти полностью соотносится (конечно, за исключением форм двойственного числа) с его спряжением в западной группе, в частности, в чешском языке.

Будущее время в словенском языке образуется с помощью сочетания причастия на **-l** знаменательного глагола с его ро-

довыми окончаниями и вспомогательного глагола *biti* в личных формах настоящего времени. Вот какова его парадигма: *bom delal*– *boš delal* – *bo delal* (ед. число), *bova delala* – *bosta delala* – *bosta delala* (дв. число) – *bomo delali* – *boste delali* – *bodo delali* (мн. число). Как уже отмечалось ранее, и в словенском языке в форме будущего времени в качестве связочного глагола используется реже и глагол *xoteti*, который в древности широко использовался в качестве связки в формах будущего времени и в других славянских языках.

Прошедшее время реализуется посредством сложных форм – перфекта и плюсквамперфекта. Что касается простых форм прошедшего времени, таких как аорист и имперфект, то они словенским языком полностью утрачены. И это отличает словенский язык от других южнославянских языков.

Перфект – аналитическая форма прошедшего времени, знаменательный компонент которой состоит из действительного причастия прошедшего времени на **-l** и вспомогательного компонента в форме настоящего времени глагола *biti* (русск. *быть*). Вот его парадигма в единственном числе: *sem delal* – *si delal* – *je delal* /я делал – ты делал – он делал.

Плюсквамперфект – другая сложная форма прошедшего времени, которая образуется с помощью перфекта вспомогательного глагола *biti*, состоящего из двух компонентов, и причастия прошедшего времени на **-l**. Таким образом, плюсквамперфект и в словенском языке имеет трехкомпонентную форму: *Sem bil zagledal*. – русск. *Я увидел (когда-то)* [Дуличенко 2005: 214].

В словенском языке функционируют **действительные причастия**, имеющие формы настоящего и прошедшего времени. Действительное причастие настоящего времени образуется с помощью суффикса **-č** (*gledajo* – 3 лицо множ. число > *gledajoč*), а действительное причастие прошедшего времени – посредством суффиксов **-ši** и **-vši** (*gledavši*). Особняком стоит несклоняемое действительное причастие прошедшего времени на **-l**, которое

участвует в образовании аналитических форм прошедшего времени – перфекта и плюсквамперфекта, а также аналитической формы словенского будущего времени.

В словенском языке функционирует **страдательное причастие** только прошедшего времени, страдательное причастие настоящего времени уже утрачено. Страдательное причастие прошедшего времени склоняемое образуется от основы инфинитива чаще всего совершенного вида посредством суффиксов **-n**, реже **-t** и окончаний, указывающих род и число: *delati – delan (-a, -o)*, *kriti – krit (-a, -o)*. Отметим, что причастия в словенском языке (за исключением причастия прошедшего времени на **-l**) в предложении изменяются как прилагательные, а также способны адъективироваться.

В словенском языке выделяются также **деепричастия** настоящего и прошедшего времени. Деепричастие настоящего времени образуется от основы настоящего времени глагола несовершенного вида с помощью суффикса **-č**, реже **-e**: *gledajoč, stoje* (русск. *смотря* и *стоя* соответственно). Деепричастие прошедшего времени образуется с помощью суффиксов **-ši, -vši**, присоединяемых к основе инфинитива совершенного вида: *pozabiti – pozabivši* (русск. *позабыть – позабыв* соответственно). Формы деепричастия в словенском языке четко указывают на его отпричастное происхождение.

Категория наклонения включает в себя изъявительное, повелительное, сослагательное наклонения.

Изъявительное наклонение фактически рассматривалось в рамках категории времени, так как оно выражает действие, реальное по отношению к моменту речи. **Повелительное наклонение** словенского глагола употребляется в прямой речи или в диалоге, когда необходимо что-либо приказать, попросить, запретить и т.д. Парадигма повелительного наклонения включает в себя три простые морфологические формы – 2 лицо единственного числа, 1 лицо множественного числа, 2 лицо множествен-

ного числа: *hōdi – hodimo – hodite* (*пойди – давайте пойдём – пойдите*); также формы двойственного числа – *hodiva – hodita*. Типологической особенностью словенского повелительного наклонения является наличие также аналитических или сложных форм императива, и они не отмечаются в других славянских языках. Эти аналитические формы повелительного наклонения имеют следующий вид: *naj gledaš – naj gleda* в значении *посмотри – пусть (он – она) посмотрит* соответственно. Формы повелительного наклонения возможны для всех трех лиц в единственном, двойственном, множественном числах.

Сослагательное наклонение выражает действие предполагаемое или желаемое. Оно имеет двухкомпонентные формы настоящего времени (*bi delal, -a, -o*) и трехкомпонентные формы прошедшего времени: *bi bil delal* [Дуличенко 2005: 226]. Отметим, что такая же, более широкая трехкомпонентная парадигма сослагательного наклонения прошедшего времени наблюдается и в ряде других славянских языков.

В глагольной системе словенского языка сохранился такой архаизм, как **достигательное наклонение**, т.н. **супин**. Супин употребляется при глаголах движения и обозначает цель этого движения: *pojdi spat* (русск. *иди спать*). Как известно, в древности супин функционировал во всех славянских языках, сегодня он сохранился только в словенском (южнославянском) языке, а также в нижнелужицком западнославянском языке, в котором, как уже отмечалось ранее, число говорящих слишком малó. Интересно отметить, что следы супина проявляются и в русском языке в таких синтаксических построениях с глаголом движения, как *Пойду купить книгу* и *Пойду, чтобы купить книгу*, в которых четко отмечается значение цели. Отметим, что подобные трансформации приведенных предложений возможны только при глаголах движения, что было характерно именно для супина.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ глагола и глагольных категорий в разных славянских языках показал особенности, которые представляют собой в большей степени сходства между ними, но и немалые расхождения.

Исходной глагольной формой во всех славянских языках является инфинитив, за исключением южнославянских болгарского и македонского языков, в которых отсутствие инфинитива представляет собой балканизм, возникший вследствие влияния соседствующих балканских языков.

Отметим, что во всех славянских языках действует категория глагольного вида. Сохраняются старые способы образования видовых форм в разных славянских языках – перфективация, имперфективация, супплевитизм. Особенности образования видовых форм и их функционирование сохранились в целом во всех славянских языках при определенных расхождениях между ними.

Отметим также одновидовость и двувидовость глаголов в рамках категории вида в славянских языках.

Система форм глагольного времени функционирует в неодинаковой степени в разных славянских языках. Так, простые формы прошедшего времени – аорист и имперфект – сохранились в западнославянском ареале только в лужицких языках, но с некоторыми изменениями в парадигмах. Аорист и имперфект отмечаются также в южнославянских болгарском, македонском, в сербском/хорватском языках. Плюсquamперфект сохраняется в украинском языке в восточнославянской группе, в западнославянской группе используется в польском и словацком языках, в последнем встречается редко. Эта сложная форма прошедшего времени употребляется и в южнославянском ареале – в сербском/хорватском, а также в болгарском, македонском и словенском языках. Самой жизнеспособной формой прошедшего времени в славянских языках оказался перфект, который сохранился

во всех славянских языках со связкой или без нее. Многообразна система форм будущего времени в славянских языках, при этом отметим его простые и сложные формы, что связано с категорией вида. Отметим спряжение глаголов в настоящем времени, в которых в ряде западно- и южнославянских языков сохранилось, но неполностью, нетематическое спряжение: это явление наблюдается в чешском (западнославянском) и словенском (южнославянском) языках. И если в восточнославянских языках спряжение глаголов в настоящем времени проводится по двум типам, имеющим скорее орфографические различия, то в болгарском и македонском языках выделяются 3 типа спряжения, в польском языке – 4 типа, в чешском языке – 5 типов спряжения, в словацком языке глаголы в настоящем времени спрягаются по 14 типам. При этом отметим, что в словенском языке (южнославянском) функционируют два типа спряжения – тематическое и нетематическое (в последнем всего несколько глаголов).

Категория времени в разных славянских языках содержит в себе также различия. Если в русском и белорусском языках выступают три формы времени – прошедшее, настоящее, будущее (простое и сложное), то в украинском языке функционируют простое прошедшее время – давнопрошедшее – настоящее – будущее простое и сложное – будущее составное время. В чешском языке выступают лишь настоящее – прошедшее – будущее (простое и сложное) время, а в очень близком ему словацком языке действует, кроме этих форм времени, также давнопрошедшее время. Иная картина представлена в южнославянских языках, в которых в силу исторических причин в большей степени сохраняются архаические формы глагольного времени – аорист, имперфект, также давнопрошедшее время. Надо отметить, что во всех славянских языках сохранилась форма прошедшего времени – перфект со связкой или без нее. Перфект оказался самой жизнеспособной формой прошедшего времени в славянских языках.

Различия в глагольных системах славянских языков отражаются также в ирреальных наклонениях. В императиве на совре-

менном этапе древнеславянская четырехчленная парадигма не сохранилась ни в одном из славянских языков. Двухчленная парадигма императива – 2 лицо единственного и 2 лицо множественного числа – функционирует только в русском, болгарском и македонском языках. В последнем действует также составная форма императива с запретительным значением, т.н. прохибитив. В остальных славянских языках функционирует 3-членная парадигма императива – 2 лицо единственного числа, 1 и 2 лицо множественного числа. Отметим, что 1 лицо множественного числа императива представляет собой призыв говорящего к совместному действию.

Отметим также сохранившиеся с древних времен две формы сослагательного наклонения (кондиционала) настоящего и прошедшего времени. Сослагательное наклонение настоящего времени I обозначает действие, которое при определенных условиях может осуществиться. Сослагательное наклонение прошедшего времени II обозначает действие, которое могло осуществиться в прошлом, но так и не осуществилось. Иными словами, оно выражает значение абсолютно ирреальной модальности и состоит из трех компонентов. Трехкомпонентная форма сослагательного наклонения - в чешском, словацком, в сербском/хорватском, а также словенском языках - в настоящее время обнаруживает тенденцию к утрате, заменяясь в ряде случаев сослагательным наклонением настоящего времени I.

Отметим, что только в двух языках славянского мира, в западнославянском нижнелужицком и южнославянском словенском языках, сохранился такой архаизм, как супин, называемый также достигательным наклонением. Супин рано стал вытесняться инфинитивом, и это мы видим в разных славянских языках. Так, взаимная, достаточно своеобразная трансформация простого и сложного предложений в современном русском языке с глаголом движения в роли сказуемого типа *Мальчик побежал домой сообщить об этом родителям* // *Мальчик побежал домой, чтобы*

сообщить об этом родителям – особенность их структуры – яркое тому подтверждение.

В грамматических системах словенского и лужицких языков сохранилось двойственное число, поэтому парадигмы числа в них имеют более расширенную форму.

В глагольных системах славянских языков присутствуют действительные и страдательные причастия настоящего и прошедшего времени с определенными различиями. Так, в русском языке утвердились церковнославянские действительные причастия настоящего времени с суффиксами **-ущ-**, **-ющ-**, **-ащ-**, **-ящ-**, а исконно древнерусские действительные причастия настоящего времени с суффиксами **-уч-**, **-юч-**, **-ач-**, **-яч-** адъективировались, пополнив собой класс прилагательных. При этом они сохранились в глагольных системах украинского и белорусского языков. В ряде славянских языков употребляются в действительных причастиях прошедшего времени суффиксы **-вш-**, **-ш-** (в русском, украинском, белорусском), также в польском **-wszy-**, **-szy-**, чешском, словенском **-vši-**, **-ši-**. Страдательные причастия прошедшего времени в целом образуются посредством суффиксов **-н-** (**-п-**), **-т-** (**-т-**) в русском, украинском, белорусском, польском, чешском, болгарском, македонском, словенском языках. В некоторых славянских языках утратилось страдательное причастие настоящего времени – в украинском, чешском, словацком, болгарском, словенском языках. В сербском/хорватском (южнославянских) языках причастие представлено слабо.

Употребительны в славянских языках и деепричастия, которые вносят новые смыслы в семантико-синтаксическую структуру предложения, способствуют также экономии длины предложения. Деепричастия в целом представляют собой книжную форму.

Таким образом, для глаголов современных славянских языков характерны категории вида, наклонения, времени, залога, лица, числа.

ГЛАВА 3.9.

ТИПОЛОГИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

С глубокой древности местоимение было достаточно разветвленной частью речи во всех славянских языках. Являясь важным структурным элементом предложения и текста, местоимение во всех своих разновидностях было и остается очень употребительным.

Местоимение как часть речи включает в себя разнородные с точки зрения грамматики лексемы, объединенные общностью дейктической функции. В местоимении как части речи отсутствуют общие грамматические свойства, отсутствует единый семантический критерий при их определении, оно занимает особое место в системе частей речи. Отметим, что местоимения являются самыми общими абстрактными наименованиями, которые не называют предмет, лицо и т.д., а лишь указывают на него. Традиционная классификация славянских местоимений базируется на разнотипных семантических и структурных признаках и поэтому является достаточно разнородной.

Местоимения в разных славянских языках делятся на одни и те же разряды, расхождений в принципе немного. Во всех славянских языках различаются следующие разряды местоимений: личные и возвратное, указательные, притяжательные и др., но также отмечаются и некоторые расхождения в их классификации. Так, в русской грамматической традиции различаются возвратное местоимение *себя* и притяжательное местоимение *свой*, тогда как в грамматике словацкого языка они выделяются в один разряд – возвратные местоимения *seba/sa* и *svoj* [Лифанов 1999: 86]. В целом, грамматические категории славянских местоимений дублируют соответствующие категории других частей речи, указывая лицо, падеж, род, число, реже одушевленность/неодушевлен-

ность. Отметим, что по своим грамматическим свойствам местоимения в славянских языках делятся на две неравные в количественном и функциональном отношении группы: 1) личные и возвратное местоимения, 2) неличные местоимения.

Личные и возвратное местоимения в славянских языках

Эти местоимения составляют небольшую группу, однако они отличаются ярко выраженными специфическими чертами. Личные местоимения в современных славянских языках указывают лицо – первое и второе (т.е. собеседников), а также третье лицо, не являющееся участником диалога. Кроме того, они указывают также число (единственное/множественное), а у личных местоимений 3 лица также род.

В истории живых славянских языков, как и в старославянском языке, личные местоимения выступали только в первом и втором лицах, указывали на собеседников, т.е. они были диалоговой единицей. А местоимения третьего лица, не участвующего в диалоге, в славянских языках в древности не было. Востребованность местоимения 3 лица была удачно решена за счет указательного местоимения *он, она, оно*. Во всех славянских языках данное указательное местоимение полностью перешло в разряд личного местоимения 3 лица. И в чешском языке функционирует личное местоимение 3 лица того же происхождения, но в то же время оно еще сохраняется в чешском языке и в качестве указательного местоимения: ср. личное местоимение *он, она, оно* и указательное местоимение *опа, она, оно* в значении *тот, та, то*, указывающее на отдаленный предмет [Широкова 1976: 805]. Во всех славянских языках со временем появилась необходимость в указании на лицо, не участвующее в диалоге, и указательное местоимение *онъ – она – оно*, выражающее самую бóльшую удаленность от говорящего, стало выполнять функцию местоимения третьего лица. Вот почему, сохранив изменения по родам, оно так отличается от личных местоимений первого и второго лица. Став

личным местоимением третьего лица, местоимение *он – она – оно* изменило не только свое значение переходом в разряд личных местоимений, но и склонение. Покажем это на материале русского местоимения *он*. Вот формы древнерусского и современного склонения местоимения *онъ*: Им. *онъ* – Род. *оного* – Дат. *оному* (др./русс.); Им. *он* – Род. *его* – Дат. *ему* (соврем. русск.). В косвенных падежах у местоимения *он – она – оно* появились новые формы, принадлежавшие ранее древнему указательному местоимению *и* (мужск. рода), *я* (женск. рода), *е* (средн. рода) и, как можно заметить, достаточно невыразительному в формах именительного падежа ввиду его односложности. Та же картина наблюдается в чешских и словацких местоимениях. Так, в словацком личном местоимении отметим падежные формы местоимения третьего лица в форме именительного падежа *он – она – оно* и соответственно формы родительного падежа мужского, женского, среднего рода *jeho – jej – jeho*. Отсюда и супплетивизм в парадигме склонения местоимения *он* (соответственно *она, оно*), вызванное соединением двух парадигм, и этот супплетивизм возможно объяснить лишь с помощью его исторического комментирования [Кретьова, Собинникова 1987: 67].

К личным местоимениям примыкает по своим грамматическим характеристикам русское возвратное местоимение *себя*. Оно указывает лицо/не-лицо, которое является объектом своего собственного действия, т.е. «...в предложении реальное значение местоимения *себя* обычно совпадает с реальным значением подлежащего (*Я купил себе книгу*)» [РГ 1980: 536]. Примерно такое же определение дается возвратному местоимению, например, и в польском языке: «...возвратное местоимение употребляется для обозначения грамматического объекта, идентичного с подлежащим – субъектом действия» [Тихомирова 1978: 68].

Местоимение *себя* достаточно своеобразно и от личных местоимений, к которым оно примыкает, отличается тем, что не имеет морфологической категории числа, не имеет формы име-

нительного падежа единственного числа и падежных форм множественного числа: своеобразие его падежной парадигмы обусловлено его семантикой.

Отметим некоторые специфические особенности славянских личных и возвратного местоимений. К числу таких особенностей относится сохранение в некоторых современных славянских языках двух рядов форм (полных/кратких) в дательном и винительном падежах личных местоимений первого и второго лица, а также возвратного местоимения. Эти краткие, т.н. энклитические, формы в древности были характерной чертой личных и возвратного местоимений во всех живых славянских языках, а также в старославянском языке. Они были очень употребительны в текстах. Краткие формы личных местоимений употребляются без предлога и не несут на себе логического ударения. Энклитические формы личных местоимений в восточнославянских языках не сохранились, за исключением отдельных случаев их употребления в диалектной речи. Особо надо отметить краткую форму **-ся** возвратного местоимения в русском языке, восходящую к форме винительного падежа: она не употребляется самостоятельно и является залоговым постфиксом в глагольном слове: ср. *одел – оделся, причесал – причесался*.

В западнославянских языках энклитики сохраняются в польском, чешском и словацком языках: ср. *mi, ci, się* (польск.), *mi, ti, se* (чешск., словацк.). Краткая форма возвратного местоимения *se* функционирует и в неразвивающемся лужицком языке, что лишний раз подчеркивает древние истоки этой формы местоимения. Со временем круг энклитических форм расширился, указательное местоимение *он – она – оно* перешло в разряд личных местоимений и у него также развились энклитики: так, ср. в чешском языке Им. пад. *он – оно*, Род. пад. *ho*, Дат. пад. *mu*, Вин. пад. *ho*. Энклитические формы личных местоимений употребляются и в словацком языке в случае отсутствия логического ударения и предлога при местоимении: *mu* (форма дат. падежа), *ho* (форма

род. и вин. падежей) и др. Энклитики в западнославянских языках, которые изначально действовали в формах дательного и винительного падежей, проникли также в сферу действия и родительного падежа, очевидно, под воздействием энклитического местоимения в форме винительного падежа: как известно, между винительным и родительным падежами существуют внутренние семантико-синтаксические связи.

Сохранение и употребление энклитических форм личных и возвратного местоимений характерно также для южной группы славянских языков: ср. *ми, ти, се* (болг., сербск.) – *ми, му, го* (макед.) – *ти, се, га* (хорватск.) – *те, те, га* (словенск.).

Энклитические формы местоимений являются удобным средством оформления структуры предложения: они служат средством выражения объектных отношений в нем, не несут на себе логического ударения, помогают избегать повторов в связанном тексте и др. Энклитики были частотны и в старославянских текстах, а также в древнерусских и старорусских текстах разных жанров. Их утрата в древнерусском языке относится к XV в., но они употреблялись в старорусских текстах вплоть до XVII в.

Особой в славянских языках оказалась судьба энклитической формы возвратного местоимения, ставшей морфологическим средством выражения залоговых отношений. В русском литературном языке форма винительного падежа возвратного местоимения стала одним из аффиксов в глагольном слове – залоговым постфиксом *-ся (-сь)*, использующимся для передачи возвратного или страдательного значений. Отметим, что в других славянских языках наблюдается несколько иная картина. В них функционируют местоимения *se* (форма винительного падежа) и *si* (форма дательного падежа). Эти возвратные компоненты, эксплицирующие залоговые отношения, грамматикализованы в разной степени: *se* вводит в предложение сугубо залоговое значение, обозначая собственно-возвратное, а также взаимно-возвратное значения. Чешский возвратный компонент, энклитическое местоимение *si*,

помимо грамматического значения, обладает и некоторым лексическим значением, равным по значению *себе, для себя*, которое в предложении четко ощущается: *Koupil si novou učebnice. – Он купил (себе, для себя) новый учебник.*

В инославянских языках энклитики возвратного местоимения в своем употреблении отличаются от соответствующих русских форм: они пишутся отдельно от глагола, хотя интонационно примыкают к нему, и могут находиться в препозиции, постпозиции и дистантно по отношению к нему. Это энклитические местоимения *se, si* (болг.), *se* (сербск.), *čé* (словенск.), *się* (польск.), *si, se* (чешск.), *si, sa* (словацк.) и др. В русском же языке налицо завершенность процесса трансформации энклитической формы возвратного местоимения в один из аффиксов в структуре глагольного слова, в залоговый постфикс (*ся-сь*): ср. *оделся – оделась*.

Неличные местоимения в славянских языках

Эта группа местоимений довольно обширна, в нее входят следующие лексико-семантические разряды местоимений: притяжательные, указательные, вопросительные, относительные, неопределенные, отрицательные местоимения. Их употребление вводит в текст целую гамму значений и синтаксических построений.

Характерной особенностью неличных местоимений является наличие родовых различий во многих из них и этим они кардинально отличаются от личных местоимений 1 и 2 лица. Однако отметим при этом, что родовые различия в личных местоимениях также частично присутствуют в местоимении третьего лица (*он – она – оно*), поскольку оно восходит к указательному местоимению (история этого местоимения была прокомментирована выше).

В кругу неличных местоимений интересное развитие пережили указательные местоимения, которыми были богаты славян-

ские языки еще с праславянского периода. Об одном из них говорилось выше. Это *он – она – оно*. Но были также и другие указательные местоимения *тъ – та – то, овъ – ова – ово*, а также *и – я – е*, которые участвовали в организации цепных связей между предложениями в тексте. Указательное местоимение *и – я – е* сигнализировало о предупомянутости имени, т.е. создавало значение четко выраженной определенности. В таком употреблении формы этого местоимения по своей функции приближались к определенному артиклю [Касаткина 2008: 87].

В древности во всех славянских языках указательные местоимения выражали три степени удаленности: 1) близость к говорящему, 2) близость к собеседнику (т.е. небольшая степень удаленности), 3) наибольшая удаленность. В славянских языках первая степень удаленности выражалась указательным местоимением *сь – ся – се*, вторая степень вербализовывалась посредством указательного местоимения *тъ – та – то*, а третья степень выражалась с помощью указательного местоимения *онъ – она – оно*. Все эти древние формы четко отмечаются в старославянских текстах, самых древних текстах на славянском языке. Приведем выражение, частотное в старославянских текстах, '*въ врѣмѣ оно*' (*во время оно*) в значении '*в стародавнее время, очень давно*', оно четко указывает наибольшую удаленность предмета, лица от говорящего.

В славянских языках были и другие указательные местоимения, рано утратившиеся. Это такие местоимения, как *и, я, е*, оставившие свой след в полных формах прилагательных и склоняемых причастий, а также в косвенных падежах в парадигме склонения местоимения *он – она – оно*: ср. *он (она) – его (ее) – ему (ей)* и др. В болгарском языке и, в частности, в македонском языке отмечаются указательные местоимения *овој, го* (русск. *этот*), *оној, го* (русск. *тот*). В этих южнославянских языках функционируют энклитические формы местоимений, например, *-ѣт, -та, -то; -он, -на, -но*. В целом, достаточно хорошо

сохранились энклитические формы местоимений именно в македонском языке. В чешском языке местоимение *sen* для указания на ближайший предмет утратилось рано (в XV в. его уже не было), но на его бывшее присутствие указывают такие формы с сохранившимся компонентом *s*, как *dnes* в значении *сегодня*, *letos* – *в этом году* и др.

Указательное местоимение *-тъ, -та, -то* не только в древнерусский, но и в старорусский период выполняло функцию, как было отмечено выше, близкую к артиклевой. Это подтверждают многочисленные примеры из памятников даже позднейшего старорусского периода XVII в. Показательны в этом отношении сочинения протопопа Аввакума, в которых фиксируется частое употребление постпозитивного *-тъ* в значении определенного артикля (*Она рожу-ту закрыла рукавом*). Употребление указательных местоимений в артиклевой функции в разных падежных формах показывает этапы их трансформации в неизменяемую постпозитивную частицу *-то*, употребляемую сегодня, в основном, в разговорном и диалектном русском языке.

Интересные данные предоставляет русский диалектный материал, в котором указательное местоимение *-т, -та, -то* имеет, с одной стороны, артиклевую функцию, а с другой стороны – не утратило окончательно связи с местоимением и употребляется в разных падежных формах, согласуясь с именем и сохраняя остатки бывшего согласования с ним (*отец-от, изба-та, воду-ту*). По сути, в этих формах отражаются незавершенные этапы перехода указательного местоимения в постпозитивную артиклевую частицу. Указательное местоимение *-ът, -та, -то* в качестве артикля в постпозитивном употреблении функционирует, причем очень активно, в болгарском языке (ср. *прозорецьт – это окно, масата – этот стол*).

В русском литературном языке развития артикля из указательного местоимения не произошло, но в разговорной и диалектной речи функционирует частица *-то*, вносящая значение

определенности при указании предмета (лица): *Книгу-то я вчера купила* в значении *эту, вполне определенную книгу*.

Таким образом, рассмотрение некоторых видов местоимений в разных славянских языках позволяет проследить динамику их развития, увидеть разные этапы и логику этого развития в соответствии с востребованностью тех или иных форм местоимений в отдельных славянских языках. Бросаются в глаза типологические сходства и различия, появившиеся в результате развития форм славянского местоимения в отдельных славянских языках.

ВЫВОДЫ

В процессе исторического развития славянских языков произошли определенные изменения и в сфере местоимения: исчезло из употребления указательное местоимение *сь – ся – се*, которое использовалось для ближайшего указания.

В современном русском языке указательные местоимения способны выражать лишь две степени удаленности по отношению к субъекту речи – близость к нему (*этот – эта – это – эти*) и удаленность от него (*тот – та – то – те*).

Проведенный анализ показал, что в современных славянских языках местоимение *он – она – оно* перешло из разряда указательных местоимений в личное, и круг личных местоимений расширился. В то же время в ряде славянских языков оно употребляется и как указательное местоимение для самого отдаленного указания. При этом в парадигме склонения местоимения *он – она – оно* в ряде славянских языков появился и супплетивизм, стали употребляться формы косвенных падежей другого указательного местоимения *-и, -я, -е*: ср. вместо *он – одного – оному* и др. стали употребляться формы *он – его – ему* и др. Такую картину видим в русском, польском, чешском, словацком и некоторых других славянских языках. Энклитические формы развились уже и у

личного местоимения 3 лица *он – она – оно: ho – ti* (чешск. *ego, ему*), *go* (макед. *ego*), *ga* (хорв., словенск. *ego*) и др.

Энклитические формы личных местоимений утратились в восточнославянском ареале, но сохранились и функционируют в западнославянских и южнославянских языках.

Энклитическая форма возвратного местоимения в русском языке стала залоговым постфиксом в глагольном слове. И в других славянских языках энклитическая форма возвратного местоимения стала залоговой формой, однако в них она пишется отдельно и существует в качестве отдельного самостоятельного слова. В чешском языке выступают две формы энклитического возвратного местоимения: *si* и *se*, восходящие к формам дательного и винительного падежей соответственно. При этом менее грамматикализовано возвратное энклитическое местоимение *si*, сохраняющее в некоторой степени и свое лексическое значение *себе (для себя)*.

В славянских языках существует развитая система указательных местоимений. Так, одним из важных дейктических средств, в частности, в сербском/хорватском языках является система указательных местоимений с трехступенчатой шкалой удаленности относительно говорящего [Кречмер, Невекловский 2005: 167].

Указательные местоимения *от (ът) – та – то* в славянских языках со временем развили артиклевую функцию, которую еще А.И. Соболевский в свое время назвал «скудным остатком определенного артикля, свойственного некогда системе древнерусского языка» [цит. по Касаткина 2008: 102].

ГЛАВА 3.10. ТИПОЛОГИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Одной из знаменательных частей речи в славянских языках является имя прилагательное, которое определяет существительное, употребляется при нем, прилагается к нему, чем и объясняется его русское наименование. Оно обозначает признак, качество, отношение, принадлежность и, в зависимости от выражаемого им значения, подразделяется на разряды – качественные, относительные, притяжательные прилагательные. Эти разряды имен прилагательных существуют во всех славянских языках. Однако удельный вес в использовании указанных разрядов прилагательных в разных славянских языках на современном этапе неодинаков. Так, в древнерусском языке активно использовались притяжательные прилагательные, однако в современном русском литературном языке они уже не столь употребительны, так как функция выражения принадлежности в русском языке перешла в большей части случаев к форме беспредложного родительного падежа, синтаксические возможности которого широки и многообразны. Сегодня притяжательные прилагательные в русском языке используются, образуясь от существительных посредством суффиксов **-ов**, **-ин**: прилагательные с этими суффиксами указывают индивидуальную принадлежность – *отцов*, *дедушкин*, *мамин* и др. Прилагательные с суффиксом **-ј**, издавна выражавшие принадлежность, сегодня большей частью выражают относительное значение: так, *волчья пасть*. В других языках восточной группы, в частности, в украинском языке, притяжательные прилагательные достаточно широко употребляются, образуясь от названий лиц с помощью суффиксов **-ов**, **-ев**, **-ин**: так, *Петров дом*. А притяжательные прилагательные, образованные от названий животных, в украинском языке формируются с помощью суффиксов

-ач-, -яч-: *собачий, кошачий, щенячий, тюленячий* и др. В западнославянском ареале притяжательные прилагательные употребительны в разной степени в польском, чешском и словацком языках: так, польск. *Zosina książka, ojcow koń* – русск. *Зосина книга, конь отца*, чешск. *Šarkovo dílo* – русск. *произведение К. Чапека*, словацк. *Smetanova opera, chlapcova hra* – русск. *опера Сметаны, игра мальчика*. Посессивные конструкции с притяжательными прилагательными сохранились до настоящего времени и в лужицких языках: *nanowu kłobuk* (русск. *шляпа отца*).

Отметим также частотность выражения посессивности с помощью конструкций с притяжательными прилагательными и в южнославянском ареале: срб/хрв. *братова кућа* (русск. *дом брата*), болг. *дядова ръка* (русск. *рука деда*) и др. Отметим, что в сербском/хорватском языках притяжательные прилагательные служат основным средством выражения принадлежности. И в болгарском языке посессивные конструкции с притяжательными прилагательными очень употребительны. Таким образом, частота употребления притяжательных прилагательных в разных славянских языках неодинакова. Этот факт отражен в исследовании Т.А. Ивановой, в котором показана частотность употребления притяжательных прилагательных в посессивных конструкциях в разных славянских языках. Вот каковы результаты ее исследования (в процентах): в словенском языке – 0,66, в сербском/хорватском – 0,52, в чешском языке – 0,51, в словацком – 0,42. Полученные данные убедительно говорят о частотности употребления притяжательных прилагательных в названных славянских языках. Полностью противоположна картина в русском языке (0,1) и в польском языке (0,03), в которых притяжательные прилагательные в ходе исторического развития этих языков оказались вытесненными формами родительного падежа [Иванова 1976: 3]. Как можно было заметить по наблюдениям Т.А. Ивановой, самая высокая частотность употребления притяжательных прилагательных фиксируется в южнославянских языках (словенском,

сербском/хорватском) и в западнославянских языках (в чешском и словацком): в этих языках принадлежность и сегодня активно выражается с помощью притяжательных прилагательных.

Качественные прилагательные в русском языке в целом имеют два ряда форм – краткие и полные формы. Они различаются по употреблению: полные формы, в основном, выполняют атрибутивную функцию, а краткие формы в современном языке – предикативную функцию, выступая в функции именного сказуемого или его знаменательной части. В украинском языке качественные имена прилагательные имеют, как правило, полную форму, но лишь немногие из них сохранили и краткую форму. Отметим, что краткие прилагательные в украинском языке имеют формы только именительного и винительного падежей единственного числа мужского рода: так, *славен народ*, *зелен сад* и под. Полная форма прилагательного в украинском языке имеет две формы – стяженную (*зелена – зелені*) и нестяженную (*зеленая – зеленіі*). Отметим, что наибольшей употребительностью отличаются стяженные формы полных прилагательных. Краткие формы украинских прилагательных употребляются ограниченно, имеют форму только именительного и винительного падежей в единственном числе мужского рода и употребляются нечасто: они встречаются в фольклоре и в устойчивых выражениях. В белорусском языке родовые формы прилагательных в единственном числе имеют вид *добры – добрая – доброе*, а во множественном числе родовых различий нет и у них выступает общая форма: *добрыя сталы, сцены, вазёра* [Кондрашов 1986: 100].

Прилагательные в славянских языках согласуются с существительными и имеют родовые различия в единственном числе: ср. русск. *красив – красива – красиво*, чешск. *dobrý – dobrá – dobré*, болг. *чист – чиста – чисто* и др. В древности родовые различия во всех славянских языках были у имен прилагательных также во множественном числе, однако в ходе исторического развития грамматических систем славянских языков у многих из

них во множественном числе закрепились единая флексия для прилагательных мужского, женского, среднего рода. Такая картина установилась в целом в славянских языках, но не во всех из них. Отметим, в первую очередь, русский, белорусский языки, в которых прилагательные во множественном числе сегодня не имеют родовых различий. В чешском же языке прилагательные только твердой разновидности во множественном числе сохраняют родовые флексии частично, в форме именительного и винительного падежей мужского рода: ср. *noví* (муж. р. одуш.) – *nová* (муж. р. неодуш.).

Отметим также еще одну особенность имен прилагательных в славянских языках: наличие у прилагательных двух рядов форм – кратких (именных) и полных (местоименных). Первичными в славянских языках являются краткие формы прилагательных, от которых образовывались полные прилагательные путем присоединения к кратким формам указательных местоимений **-и**, **-я**, **-е** мужского, женского, среднего рода соответственно. Полные формы, естественно, вносили элемент нового значения, а именно, значения определенности, что и естественно, так как в образовании полных форм прилагательных участвовали именно указательные местоимения. В древнерусском языке не имели полных форм только притяжательные прилагательные, так как указываемая этими прилагательными принадлежность уже вносила определенность в их семантику, и полная форма была избыточна. Так, в древнерусских памятниках всех лет фиксируется всего лишь один случай употребления полной формы притяжательного прилагательного в памятнике XIV в. в словосочетании *всеволожа жена* в значении *жена Всеволода*.

Указательные местоимения в окончаниях прилагательных полных форм склонялись и их былую склоняемость можно предположить на примере русских прилагательных: им. пад. *красив город* – **род. пад. красива** + *его города* и т.д. В окончании полной формы прилагательного в родительном падеже **а+е** на стыке

сливались в один гласный **o**, отсюда и появилась форма *красиво*. В тех славянских языках, в которых гласные обладают долготой/краткостью, стяжение двух гласных в окончаниях полных прилагательных привело к появлению долгого гласного. Ярким примером могут послужить имена прилагательные в чешском языке, в котором исход у прилагательных всегда представлен долгим гласным как твердого, так и мягкого различий: *dobrý – moderní*. В тех славянских языках, в которых краткие (именные) формы сохранились, их употребление, естественно, пережило немало изменений. Так, в современном русском языке краткие формы достаточно широко употребляются, сохранившись только у качественных прилагательных, и выступают только в позиции именного сказуемого: например, '*Костюм был красив*'. В украинском языке краткую форму имеют лишь некоторые прилагательные. В польском языке, как отмечает Т.С. Тихомирова, лишь несколько прилагательных сохранили способность выступать в составе именного сказуемого, т.е. в предикативной функции, не только в полной форме, но и в особой несклоняемой краткой форме, причем только в форме мужского рода единственного числа – *gotów (готов), zdrów (русск. здоров), pełen (русск. полон)* и др. Прилагательные женского и среднего рода в кратких формах в современном польском языке не употребляются [Тихомирова 1973: 58]. В чешском прилагательном краткие формы сохранились, как и в польском языке, только у узкого круга качественных прилагательных твердой разновидности (*nemocen – nemocná* – русск. *нездоров – нездоровая*) и они имеют очень ограниченное употребление. При этом некоторые прилагательные встречаются только в форме мужского рода, например, *mlád, stár*. Тем не менее исследователи насчитывают в чешском языке немногим более 60 кратких прилагательных, соотносительных с их полными формами, вот некоторые из этих пар кратких/полных прилагательных: *spokojen – spokojený (доволен – довольный), věren – věrný, znát – znátý (известен – известный), bohat – bohatý* и др.

Краткие прилагательные способствуют выражению законченной мысли, иными словами, участвуют в формировании предложения, всегда выполняя в нем одну из главных синтаксических функций – функцию сказуемого [Васильева 2014: 170]. Почти нет кратких форм прилагательных сегодня в словацком языке, в котором существуют практически лишь полные их формы. А единичные краткие формы сохранились также лишь у немногих слов (*dlžný* – *должен*, *vinný* – *виновен*, *hodný* – *достойн* и др.). Фактически они также могут употребляться только в функции именной части составного сказуемого и являются принадлежностью сугубо книжного языка [Лифанов 1999: 67]. Как можно заметить, употребление кратких форм прилагательных в целом совпадает в восточнославянских и западнославянских языках. Можно отметить и то, что круг кратких прилагательных представлен в них в определенной степени одними и теми же лексемами.

В языках южнославянской группы, в частности, в болгарском языке имя прилагательное имеет категории рода и числа, степени сравнения и формы выражения определенности. Таким образом, в болгарском языке отсутствует противопоставление полных и кратких форм прилагательного, но функционируют общая и определенная формы, причем общая форма в единственном числе мужского рода имеет нулевое окончание и соотносится с краткой формой имени прилагательного в рассмотренных выше славянских языках. Примерно такое же определение прилагательному можно дать и в отношении сербского/хорватского языков: различаются в этом смысле полные (определенные) и краткие (неопределенные) формы, причем в именном сказуемом выступают неопределенные формы. В македонском языке имя прилагательное, как и в болгарском языке, характеризуется определенными и неопределенными формами, но с бóльшим диапазоном употребляющихся членных форм: наряду с членными формами на **-от**, **-та**, **-то** (в болгарском языке соответственно **-ѣт**, **-та**, **-то**)

употребляются формы на **-ов, -ва, -во** (для близко находящихся предметов) и на **-он, -на, -но** (для далеких предметов) [Кондрашов 1986: 236].

Имя прилагательное в болгарском языке согласуется с существительным в роде в единственном числе: *голям площад* (русск. *большая площадь*) – *голяма стая* (русск. *большая комната*) – *голямо огледало* (русск. *большое зеркало*). В болгарских прилагательных наблюдается появление беглого **е** в формах мужского рода: *просторна, но просторен*.

Притяжательные прилагательные в сербском/хорватском языках являются средством выражения посессивности и в сравнении с русским прилагательным они достаточно распространены: *majćin* – принадлежащий матери, *bratov* – принадлежащий брату [Кречмер, Невекловский 2005: 159]. Прилагательные в сербском/хорватском языках также характеризуются именными и местоименными формами, причем в местоименных формах выражается и значение определенности: местоименные формы в сербском/хорватском языках употребляются при определении уже известного или упомянутого предмета. Большая часть имен прилагательных в сербском/хорватском языках изменяется в рамках двух типов склонения – именного и местоименного. Однако можно отметить, что в целом превалируют полные (местоименные) формы. Так, группа относительных прилагательных, обозначающих временные и пространственные признаки, употребляется в сербском/хорватском языках только в местоименной, т.е. полной, форме: ср., *садашњи, предњи* – русск. *сегодняшний, передний* [Кондрашов 1986: 196]. Отметим также, что именные формы прилагательных употребляются в предикативной функции, а местоименные формы чаще выступают в атрибутивной роли. И здесь видим определенное сходство с русским прилагательным и его употреблением.

Прилагательные в словенском языке характеризуются категориями одушевленности/неодушевленности, рода, числа, паде-

жа, степеней сравнения. Отметим также утрату в словенском языке кратких форм имен прилагательных. Род, число, падеж – изменяемые категории и зависят от соответствующих категорий существительного. У прилагательных женского рода отмечается сильная омонимия падежных флексий: четыре флексии на шесть падежных форм [Дуличенко 2005: 216]. Степени сравнения в словенском языке синтетические и аналитические. Синтетическая форма сравнения образуется с помощью суффиксов **š(i)**, **j(i)**, **ejš(i)**. При этом имеет место палатализация конечных согласных **k – g – h**: *strog* > *strožji* и др. Аналитические формы образуются с помощью сочетания слов *bolj* (более) и *manj* (менее) с прилагательными. Превосходная степень образуется от сравнительной формы (синтетической) и префикса **naj**: ср. *svetejši* > *najsvetejši*.

Другая особенность характеризует имя прилагательное в болгарском и македонском языках (южнославянских), в которых оно имеет особые, т.н. членные формы, вносящие в семантическую структуру прилагательного значение определенности. Постпозитивный член в составе полной формы прилагательного является аналогом определенного артикля: так, в болгарском языке функционируют прилагательные с постпозитивным членом *големият* (муж. род) – в значении *большой* – *голямата* (женск. род) – *голямото* (средн. род) и *големите* (множ. число). В болгарском и македонском языках постпозитивный член находится всегда в конце слова, являясь своего рода артиклем. Более детально артикли в указанных южнославянских языках будут рассматриваться в главе 4.4. «Категория определенности в славянских языках» (см. «Раздел четвертый»).

Особенностью славянских прилагательных в древности было наличие родовых различий при согласовании с определяемым существительным не только в форме единственного, но и множественного чисел. Эта грамматическая особенность присутствовала в древности во всех славянских языках и соответственно она

была также и в старославянском языке. Однако в процессе развития грамматического строя славянских языков имела место унификация окончаний имен прилагательных во множественном числе. Отметим, например, болгарские прилагательные, которые имеют родовые различия только в форме единственного числа (*голям – голяма – голямо* в значении *большой – большая – большое*, русск.), но во множественном числе у них выступает единая флексия **-и** без родовых различий (*големи*). И как было отмечено выше, в западнославянском чешском языке имена прилагательные сохраняют родовые различия и во множественном числе, но в настоящее время они сохранились в формах только именительного и винительного падежей: ср. *mladí (muži) – mladé (ženy)*.

Имена прилагательные согласуются с существительными, которые они определяют, в роде, числе, падеже и они также склоняются, за исключением имен прилагательных в болгарском и македонском языках, утративших падежное склонение. Так, словацкие прилагательные изменяются по трем типам склонения: два первых склонения характерны для качественных и относительных прилагательных твердой и мягкой разновидности *‘rekny’* – русск. *красивый* и *‘sudzi* – русск. *чужой*’, а по третьему типу склоняются притяжательные прилагательные: *‘otcov* – русск. *отцовский*’ [Смирнов 2005: 295].

В македонском языке у прилагательных выделяются две формы – общая и определительная:

- 1) для прилагательных мужского рода общая с формантом **-и** и определенная с формантом **-иот**;
- 2) для прилагательных среднего рода общая форма с формантом **-о** и определенная форма с формантом **-ото**;
- 3) для прилагательных женского рода общая форма с формантом **-а** и определенная с формантом **-ата** [Усикова 2005: 126].

Особенностью славянского имени прилагательного является также наличие степеней сравнения у качественных прилагатель-

ных, которые способны выражать признак/качество в большей или меньшей степени. Эта типологическая особенность характерна для всех славянских языков. Можно отметить, что в целом в языках восточной и западной групп образование степеней сравнения происходит суффиксальным способом. Так, сравнительная степень в них, показывающая степень проявления признака, качества прилагательного, образуется посредством суффиксов (русск. *красивый* – *красивее*, *мягкий* – *мягче*; чешск. *krásný* – *krásnější*, *bohatý* – *bohatější*). В сербском/хорватском языках (южнославянских) именно качественные прилагательные обладают системой градации, т.е. степенями сравнения, которые могут выражаться как морфологически с помощью суффиксов сравнительной степени, так и описательно с помощью лексических маркеров *više* (*более*) – *manje* (*менее*) и др. [Кречмер, Невекловский 2005: 168]. Но и в этом фрагменте у имени прилагательного в славянских языках отмечаются не только универсальные черты, но и различия. Так, только в болгарском и македонском языках сравнительная степень прилагательного формируется с помощью не суффикса, а префикса **по-** (болгарск. *висок* – *повисок* в значении *высокий* – *выше*; македонск. *голем* – *поголем*, *большой* – *больше*), а превосходная степень прилагательного в македонском языке образуется с помощью префикса **нај-**: *голем* – *поголем* – *најголем* [Верижникова 1999: 96-97]. Можно особо отметить, что формы сравнительной и превосходной степеней прилагательных в болгарском и македонском языках, образуемые посредством именно препозитивного аффикса, представляют собой индивидуалию, что вполне объяснимо: в постпозиции в этих языках «размещаются» формы определенного артикля. Несколько иная картина в образовании степеней сравнения наблюдается в словенском языке, в котором сравнительная степень качественного прилагательного образуется с помощью суффиксов – **ј(i)**, **š(i)**, **ejš(i)**: *tih* (*тихий*) – *tišji* (*более тихий*), *tosen* (*сильный*) – *tošnejši* – (*более сильный*). Превосходная степень в сло-

венском языке образуется на базе сравнительной степени с помощью добавления префикса **naj-**: *svetejší – najsvetejší*. В языках западнославянского ареала превосходная степень образуется однотипно, с помощью префиксов **naj-** в польском и словацком языках, **nej-** в чешском языке, причем префикс, как и в словенском языке, присоединяется к форме сравнительной степени. Приведем соответствующие примеры: *ładny – ładniejszy – najładniejszy* в значении *красивый – красивее – красивейший* (польск.); *rychlý – rychlejší – nejrychlejší* в значении *быстрый – быстрее – быстрейший* (чешск.).

Превосходная степень имен прилагательных в восточнославянских языках образуется от положительной степени с помощью вышеуказанных суффиксов **-ейш-**, **-айш-** (русск. *сильный – сильнейший, крепкий – крепчайший*), а также описательным способом (*самый сильный – наиболее сильный – сильнее всех*). В достаточно редких случаях в русском языке употребляется книжная форма с префиксом **най-** и с суффиксами **-ейш-**, **-айш-**, **-ш-** (*наиважнейший – наивысший*), которая исторически является церковнославянизмом. Как уже отмечалось ранее, в истории русского литературного языка были периоды первого и второго южнославянских влияний, в результате чего в ряде случаев церковнославянские формы вытесняли близкие им по звучанию и по форме соответствующие древнерусские грамматические формы.

В более редких случаях степени сравнения прилагательных в отдельных славянских языках образуются супплетивным способом, т.е. от разных корней старых прилагательных. Очевидно, эта особенность имеет индоевропейский характер: она наблюдается и в современных европейских языках, в частности, в английском языке: *good – better – (the)best* в значении *хороший – лучший – наилучший*. Таковы супплетивные формы сравнительной степени прилагательных и в отдельных славянских языках: ср. польские формы *zły – gorszy*, русск. *плохой – худший* и др.

ВЫВОДЫ

Анализ имен прилагательных в славянских языках показал, что по выражаемому значению прилагательные относятся к одному из разрядов: к качественным, относительным, притяжательным. Отметим, что краткие формы качественных имен прилагательных сохранились в разных славянских языках неодинаково, с разной степенью активности вплоть до их утраты, в частности, в словацком языке. Можно говорить о разных синтаксических функциях полных/кратких форм имен прилагательных: за полными формами в целом закрепилась атрибутивная функция, а за краткими формами имен прилагательных – предикативная функция. У всех славянских имен прилагательных сохранились родовые различия в единственном числе, но во множественном числе повсеместно утратились, сохранившись в западнославянском ареале ограниченно в формах именительного и винительного падежей только в чешском языке.

Интересное явление фиксируется в болгарском и македонском языках: только в этих южнославянских языках формы сравнительной степени образуются не суффиксальным способом, а посредством префикса **по-**, тогда как в остальных славянских языках сравнительная степень у имен прилагательных образуется только посредством суффиксов. Можно предположить, что префиксальный способ образования форм сравнительной степени в болгарском и македонском языках, в отличие от всех остальных славянских языков, вызван тем, что только они являются в славянском мире артиклевыми языками и в постпозиции в именах прилагательных «размещаются» именно артикли. И это типологическая особенность указанных южнославянских языков.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТИПОЛОГИЯ НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ И СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В плане сопоставительно-типологического рассмотрения оказывается очень интересной и синтаксическая система славянских языков. Особенно это касается простого предложения, в котором важную роль играет его предикативная основа.

Рассмотрим некоторые аспекты простого предложения в славянских языках.

ГЛАВА 4.1.

ДВУСОСТАВНЫЕ СТРУКТУРЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Универсалии в современных славянских языках и в области синтаксиса наблюдаются достаточно четко. В синтаксисе языков славянского мира функционируют как простые, так и сложные предложения. В простом предложении разных славянских языков, естественно, много типологических сходств, что обусловлено их общим происхождением из праславянского языка. В нашем исследовании именно простые предложения в славянских языках и являются предметом рассмотрения. Сопоставительно-типологическое рассмотрение простого предложения в славянских языках интересно с точки зрения его структуры, предикативной основы, т.е. его главных членов. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «... языки различаются между собой прежде всего тем, как в них оформлены эти фундаментальные синтаксические структуры» [Арутюнова 1991: 122].

Простое предложение в славянских языках характеризуется номинативным строем, многочисленны универсалии в его структуре, однотипны в основной способы выражения главных и второстепенных членов предложения. Естественно, что в близкородственных славянских языках отмечаются большие сходства в синтаксических построениях, вызванные их тесным генетическим родством. В русской грамматической традиции четко разграничиваются по форме и по семантике два структурных типа простого предложения – двусоставные и односоставные предложения.

В двусоставных предложениях славянских языков подлежащее и сказуемое – главные члены предложения – координируются друг с другом по определенным грамматическим параметрам, а именно, в лице и числе (если сказуемое в настоящем/будущем времени), в роде и числе (если сказуемое в форме прошедшего времени и связка отсутствует), также в лице, числе и роде в прошедшем времени при наличии связочного глагола (не во всех славянских языках).

Двусоставные предложения, в которых эксплицируются оба главных члена, однотипны во всех славянских языках: *Před očima ti plynul cely život.* (чешск.) – *Пред очима му je proleteo ceo život.* (сербск.) – *Пред очите му премина целият му живот.* (болг.). Приведенные предложения переведены с соответствующего же двусоставного русского предложения из книги Н. Островского «Как закалялась сталь»: «*Перед его глазами пробежала вся его жизнь*». Как можно заметить по приведенным предложениям в переводах на разные славянские языки, в целом у них однотипная двусоставная предикативная основа с некоторыми различиями, например, наличие/отсутствие вспомогательного глагола в форме прошедшего времени (перфекта) в русском, чешском и сербском предложениях, употребление аориста в болгарском предложении.

Подлежащее в простом предложении в славянских языках выражается преимущественно именами существительными, а

также другими частями речи – местоимениями, прилагательными и др. Сказуемое, в первую очередь, эксплицируется глаголами в личной форме и эти глагольные сказуемые находятся в отношениях координации с подлежащими, которая осуществляется в формах лица, числа, реже рода. Такое положение четко указывает на типологические сходства в синтаксическом строе славянских языков. В приведенных выше предложениях отражается именно такая картина. В целом, универсальным является деление сказуемого славянского двусоставного предложения на глагольное (простое и составное) и неглагольное [Кабанова 2011: 48]. Простое глагольное сказуемое выражается спрягаемой глагольной формой, устойчивыми сочетаниями, инфинитивом: *Великие во все времена оставляют нам блестящие плоды своих трудов* (русск.) – *Můj bratr žije v Praze* (чешск. *Мой брат живет в Праге*) – *Чакам с нетърпение отговор* (болг. *Жду с нетерпением ответа*) – *Садок садзіць – жыццё харашыць* (белор. *Посадить садик – украсить жизнь*). В редких случаях в роли предиката выступает также междометная глагольная форма или междометие: *Той е рекл нещо в пиянството си и хоп – в зандана* (болг. *Он сказал что-то в своем пьяном состоянии и гоп – в тюрьму*).

Характерной особенностью синтаксиса простого предложения инославянских языков в отличие от русского синтаксиса является употребление глагола *иметь* в качестве простого сказуемого: *Dnes mám mnoho lekce* (чешск. букв. *Сегодня я имею много лекций*) – *Имам два куфара и една чанта* (болг. букв. *Я имею два чемодана и одну сумку* – из диалога в аэропорту). Употребительны в славянских языках также составные глагольные сказуемые, которые представляют собой конструкцию «глагол в личной форме+инфинитив». Однако в простых славянских предложениях, наряду со сходствами, фиксируются и немалые расхождения: так, различия существуют в сфере выражения односоставности, посессивности, в построении отрицательных синтаксических конструкций и др. Таким образом, в синтаксисе языков славян-

ского мира зримо выделяются и индивидуалии, отличительные синтаксические особенности в построении простого предложения.

ГЛАВА 4.2. ОДНОСОСТАВНОСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СИНТАКСИСЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Примечательной особенностью синтаксиса славянских языков на фоне других индоевропейских языков являются односоставные предикативные структуры. Отметим, в первую очередь, односоставные предложения, называемые определенно-личными. В этих предложениях субъект не вербализован, но он понятим по личной форме глагола-сказуемого: русск. *Завтра пойду на встречу с друзьями*. Такого типа односоставные предложения частотны в восточнославянском языковом ареале. Отметим, что такого типа предложения наблюдаются и в инославянских языках: ср. чешск. *Učím se rusky* – русск. *Изучаю русский язык*; болг. *Учих се да плувам*. – русск. *Я научился плавать*. Подобные бесподлежащие предложения очень распространены в славянских языках, очевидно, по той причине, что в исторический период экспликация субъекта в некоторых двусоставных предложениях оказалась избыточной: ср. *Напишу письмо родителям домой*. Как можно заметить, такая ситуация имеет место в предложениях и текстах, в разговорной ситуации в случае экспликации сказуемого в форме настоящего/будущего времени, указывающей на лицо: ср., *Koupím si novou učebnice* (чешск. *Куплю себе новый учебник*). – *Често го среќам на улицата* (болг. *Часто встречаю его на этой улице*).

В славянских языках очень употребительны бесподлежащие предложения и других типов: они многообразны с точки

зрения как семантической, так и синтаксической структур. Эти предложения интересны не только при сопоставлении с соответствующими структурами дальнеродственных индоевропейских языков (английского, армянского и др.), но и в рамках самих славянских языков. Дело в том, что многовековое раздельное существование и развитие славянских языков после распада славянского праязыка привело к возникновению в них формальных несоответствий, которые и являются следствием типологических различий [Градинарова 2017: 555]. Представляется, что эти различия проявляются на всех уровнях, в том числе и на уровне синтаксиса простого предложения.

Из всего многообразия бесподлежащих односоставных предложений в славянских языках нами рассматриваются две наиболее интересные их разновидности: 1. безличные предложения, выражающие состояние природы; 2. бесподлежащие предложения с семантическим субъектом, вербализованным в форме не именительного, а одного из косвенных падежей.

1. Во всех славянских языках существуют односоставные безличные предложения, семантическая структура которых выражает состояние природы, окружающего мира. Эти бесподлежащие построения во всех славянских языках идентичны, хотя наблюдаются и специфические особенности их конструирования в каждой группе славянских языков. Главный член в безличных предложениях, выраженный глаголом, эксплицируется в одной и той же форме 3 лица единственного числа в настоящем/будущем времени или в форме среднего рода в прошедшем времени, т.е. эти формы являются специализированной формой выражения безличности.

Следует отметить, что безличные конструкции, семантическая структура которых выражает, главным образом, состояние природы, ведут свое начало с древнейших времен и, как отмечает А.М. Пешковский, «...были, несомненно, уже в индоевропейском праязыке» [Пешковский 1956: 344]. И даже в английском языке, в

котором, как известно, синтаксическая структура предложения всегда конструируется по двусоставной формальной схеме, предложения, выражающие состояние природы, не по форме, а по сути являются односоставными: *It is cold* – *Холодно*. В.Г. Гак аргументированно называет *it* в таких предложениях «пустым» подлежащим [Гак 1980: 62]. Отметим, что местоимение *it* в приведенном английском предложении, по сути, ничего не выражает, просто замещает незанятую позицию подлежащего. Эквивалентом приведенного выше английского формально двусоставного предложения выступает в русском языке безличное предложение. Такие же безличные предложения, как в русском языке, указывающие на состояние природы, наблюдаются и в армянском языке: *Յնչրի է* [Curt э]. Они подробно описываются Гр. Ачаряном [Ачарян 1976: 41].

Безличные предложения, выражающие состояние природы, фиксируются и в самых старших памятниках славянской письменности – старославянских текстах, что говорит об их древних истоках. В собственно безличных славянских предложениях, обозначающих состояние природы, нет и не может быть субъекта. К.В. Ходова объясняет наличие таких синтаксических построений следующим образом: древний человек не понимал и боялся страшных для него сил природы, вот почему их название в предложении было табуировано [Ходова 1980: 193]. Заметим, что некоторые из собственно безличных предложений могут, но не всегда, трансформироваться в двусоставные построения: *Гремит – Гром гремит*. Возможно, что подобные двусоставные предложения в ряде случаев и были первичны, лишь впоследствии с пропуском подлежащего-субъекта действия они могли перейти в разряд безличных предложений.

Безличные предложения, выражающие состояние природы, в славянских языках в целом эквивалентны. Различия касаются лишь присутствия/отсутствия в плане настоящего времени грамматической связки – вспомогательного глагола. В случае выра-

жения главного члена в бессубъектном предложении глагольной формой русское предложение и инославянские предложения максимально идентичны: ср. русск. *Гремит.* – *Grmi.* – (хорватск.) – *Hřmí* (чешск.) – *Grzmi* (польск.) и др. Если в восточнославянском ареале в безличном предложении в предикате выражен не глагол, а существительное, прилагательное и др., то в предикате выступает нулевая связка, тогда как в других группах славянских языков глагольная связка сохраняется, присутствует. Так, в русском предложении '*Уже темно*' связка нулевая, в то время как в западнославянских и южнославянских языках в форме настоящего времени в подобных предложениях чаще всего присутствует связочный глагол, эквивалентный русскому глаголу *быть* и сохранивший личную парадигму в настоящем времени: ср. *Již je temno* (чешск.); *Vече тъмно е* (болг.).

Отметим еще одну разновидность безличных предложений, характерных именно для русского синтаксиса, в которых исполнитель действия выражается формой беспредложного творительного падежа. Это такие предложения, как '*Ветром унесло лодку*' и под. Такого типа безличные предложения заметно отличаются от описанных выше, так как они легко трансформируются в двусоставные предложения: деятель, выраженный неодушевленным именем в форме творительного падежа, может с периферийной позиции перейти в центральную позицию подлежащего в предложении, ср. *Молнией сожгло старый дуб* и *Молния сожгла старый дуб*. Различие в семантике приведенных предложений лежит на поверхности: исполнитель действия в русском безличном предложении устранен с позиции подлежащего и действие происходит как бы само собой. В типологическом плане подобным русским предложениям в инославянских языках соответствуют двусоставные построения: так, в чешском синтаксисе русскому предложению '*Ветром сорвало крышу*' эквивалентна двусоставная конструкция '*Vitr strhl střechu*' (=Ветер сорвал крышу). Такие синтаксические различия, как отмечает С.А. Рылов,

обусловлены типологическими особенностями синтаксиса чешского и русского языков и связаны с особенностями выражения национальной ментальности [Рылов 2017: 30]. Отметим, что предложения в чешском языке, в которых подлежащее не эксплицировано, считаются двучленными, а не одночленными, т.к. связка при сказуемом указывает на лицо, деятеля [Navránek, Edlička 1960: 345]. Безличные предложения рассмотренного типа в инославянских языках в целом идентичны, хотя наблюдаются и специфические особенности их конструирования в каждой группе славянских языков. В подобных предложениях нет и не может быть подлежащего-субъекта: ср. *Гремим* (русс.) – *Гърми* (болг.) – *Zagrmelo je* (словенск.) – *Blýska sa* (словацк.). В указанных языках главный член в приведенных безличных предложениях, выраженный глаголом, эксплицируется в форме 3 лица единственного числа в настоящем (будущем) времени или в форме единственного числа прошедшего времени в специализированной форме выражения безличности – форме глагола в прошедшем времени среднего рода. Главный член в таких предложениях может выражаться также посредством предикативных наречий: так, *Dnes je oblačno* – *Сегодня облачно* (чешск.). Иногда в редких случаях, например, в болгарском языке употребляется и формальное подлежащее, не обозначающее деятеля: *То е мрънвало вече.* – *Уже стемнело.* Безличные предложения рассматриваемого типа очень распространены также в сербском/хорватском языках: *Тамо је лепо.* – Там красиво; *Лети се рано разданује.* – Летом рано светает.

2. В случае выражения главного члена безличного предложения не глагольным словом, а именем, называющим не действие, а состояние, в разных славянских языках и появляются расхождения в синтаксисе простого предложения. Итак, вторую разновидность бесподлежащих предложений, входящих в наше рассмотрение, представляют односоставные построения, в которых семантический субъект устранен с позиции подлежащего и

эксплицируется в форме одного из косвенных падежей. Это т.н. двухкомпонентные предложения, в которых на уровне предикативной связи сопрягаются два компонента: первый из них (условно – первый) является обозначением субъекта-деятеля в форме одного из косвенных падежей, а второй компонент представляет собой по сути его предикативный признак: ср. *Мне досадно* (русск.). Приведем его эквиваленты в чешском (*Je mi mrzuté*) и в болгарском (*Яд ме е*) языках. Семантический субъект в построениях такого типа сопрягается предикативной связью со словом, характеризующим его. В отличие от I разновидности бесподлежащих предложений, выражающих состояние природы, эта разновидность, в которой выражается физическое или психическое состояние человека, наблюдается далеко не во всех славянских языках. Бесподлежащие предложения рассматриваемого типа распространены, например, в польском языке: *Zebralo jej się na placz.* – *Ей захотелось плакать.* С такими предложениями сталкиваемся и в чешском языке: *Je bylo mi smutno.* – *Мне было грустно; Je bude mi veselo* – *Мне будет весело.* В приведенных предложениях семантический субъект выражен в форме датива. Подобные бесподлежащие предложения характерны также для южнославянских сербского/хорватского языков, в которых, в свою очередь, наблюдаются синтаксические построения с формой дательного падежа, обозначающей субъект, и с предикатом, выраженным глаголом чувства: *Žao je meni* – *Мне жалко* (хорв.). Соответствующие предложения в словенском языке (южнославянском) строятся примерно так же: *Tako je njima lero.* – *Им так хорошо.*

Бесподлежащие предложения с безличными глаголами, чаще с безлично-предикативными словами в качестве предиката, наблюдаются и в болгарском языке, при этом субъект, не являющийся подлежащим, выражен чаще всего личным местоимением, выражающим его душевное или физическое состояние: *страх ме е – срам ме е – весело ми е – приятно ми е – съвестно ми е.*

Достаточно часто в роли семантического субъекта выступают личные местоимения в энклитической форме. Во многих случаях в роли предиката выступают и возвратные глаголы, вот соответствующие примеры: *Спи ми се* (*Мне хочется спать*, букв. *Мне спится*) – *Яде ми се* (*Мне хочется кушать*, букв. *Мне кушается*) и др.

Двухкомпонентные предложения особенно распространены в русском синтаксисе, являются его яркой чертой и отличаются многообразием выражаемых ими значений. Можно согласиться с мнением известного лингвиста XIX в. М.В. Классовского, который считал, что в подобных предложениях формы косвенных падежей в русском языке, обозначающие субъекта-деятеля, представляют собой, по сути, подлежащее, но в форме не именительного падежа [Классовский 1870: 28]. Примерно такую же мысль высказала и М. Гиро-Вебер: «...имя в косвенном падеже может иметь синтаксический ранг главного члена предложения, мы не видим причины не считать его подлежащим. Назовем его синтаксическим подлежащим предложения» [Гиро-Вебер 1978: 132].

Рассматриваемые бесподлежащие предложения в русском языке способны выражать на уровне семантической структуры целый спектр значений – долженствования и необходимости (*Мне нужно быть в 5 часов дома*), возможности (*Можно вас побеспокоить?*), психического и физического состояния субъекта (*Мне весело. Меня тошнит*) и др.

Формы выражения субъекта также многообразны: так, частотны в функции семантического субъекта формы существительного в дательном, винительном и творительном падежах, а также энклитические формы личных местоимений. Бесподлежащие предложения с субъектом в формах косвенных падежей или без него являются принадлежностью и других славянских языков, что и подтверждают приведенные выше примеры.

Рассматриваемые бесподлежащие предложения двух типов являются собой яркий пример типологически сопоставимых (I разновидность) и не сопоставимых частично или полностью (II разновидность) односоставных предложений в кругу близкородственных славянских языков.

ГЛАВА 4.3. ПОСЕССИВНОСТЬ И ЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Посессивность как семантическая категория существует во всех языках: с тех пор, как человек стал осознавать себя, мир для него разделился на «мое» и «не мое». В орбите человека и всего, связанного с ним, физическое, духовное и функциональное единство в совокупности создают модель посессивности, которая понимается как отношения между объектами внешнего мира, из которых одни – это субъект обладания, посессор, а другие – объект этого обладания. Отметим, что посессивность получает в разных языках неоднородное вербальное воплощение.

Категория посессивности считается одной из важнейших в грамматическом строе языка: ее исследование позволяет вплотную подойти к характеристике языкового сознания общества. Языковая характеристика отношений обладателя (посессора) к предметам окружающего мира, составляющим его собственность, помогает понять и описать языковую ментальность социума. Понятие «собственность» воспринимается как органическая (соматическая, неотчуждаемая) и неорганическая (юридическая, отчуждаемая) принадлежность. Так, встречаем в чешском языке: *Ukradli mi kufr* (русск. букв. *Украли ему чемодан*), в этом предложении посессор выражен посредством энклитической формы личного местоимения *mi* в форме дательного падежа. В специа-

льной литературе различаются понятия внешнего и внутреннего посессора: так, в конструкциях типа *слуга царю, отец солдатам* (из стихотворения «Бородино») форма дательного падежа считается «внешним посессором» (примеры А.А. Кибрика). Вот что он пишет: «...русский язык типологически замечателен тем, что конструкции с дательным присубстантивным, т.н. внешним посессором, в русском языке встречаются в разных контекстных условиях» [Кибрик 2005: 186]. А конструкции типа *рука бойца*, по мнению А.А. Кибрика, являются немаркированными, они существуют во всех естественных языках и их можно назвать конструкциями «с внутренним посессором» (там же).

Как известно, в современной лингвистике по синтаксическому способу выражения посессивности на уровне предложения различают языки *esse* (быть) и *habere* (иметь). При этом отметим, что не во всех случаях это деление связано с ареалом распространения, т.е. с географической близостью или удаленностью друг от друга этих языков. Так, если русский язык относится к *быть*-языкам, то украинский и белорусский языки, распространенные на сопредельных территориях, относятся преимущественно к *иметь*-языкам. Иными словами, в них используются оба типа посессивных конструкций.

Посессивность играет важную роль в мировосприятии как отдельного человека, так и любого социума. Предложения, семантическая структура которых выражает посессивность, представляют в славянских языках интересную картину, максимальные расхождения обнаруживаются именно в этом фрагменте структур славянских языков. Выражение принадлежности в указанных языках посредством семантической структуры предложения, его типового значения представляет собой яркий пример индивидуализации, несмотря на близкородственные грамматические системы. Это подтверждают результаты исследования, проведенного Т.А. Ивановой, об этом говорилось выше (см. 3.7. Имя прилагательное в славянских языках).

В древнеславянских текстах в функции средства выражения принадлежности участвовала и присубстантивная форма беспредложного дательного падежа. Это дало основание А. Мейе прийти к выводу о том, что «...дательный падеж в общеславянском языке был пригоден для обозначения свойства и, следовательно, принадлежности» [Мейе 1951: 193]. Интересно, что и в древнеармянском языке – грабаре – форма дательного падежа также могла выражать принадлежность [Маркарян 2000: 208]. Дательный падеж со значением принадлежности был частотен в старославянских памятниках в параллельных текстах: наряду с родительным падежом, он встречается и в древнерусских, и старорусских текстах вплоть до XVII в. Дательный падеж и сегодня, хоть и нечасто, употребляется в чешском и других славянских языках, но эти конструкции в целом в определенной степени являются пережиточными, по крайней мере, в русском языке.

В большинстве славянских языков основной конструкцией, причем предикативной, выражающей посессивность, являются двусоставные предложения с глаголом *иметь*. В этих предложениях посессор выступает в именительном падеже и является подлежащим, а объект обладания выступает в предложении в форме винительного падежа (или в форме родительного падежа при отрицании) в роли прямого объекта. Значение посессивности передается предикатом, представленным глаголом *иметь*. Это собственно посессивная конструкция, которая выражает значение обладания, владения. В этом отношении русский язык очень своеобразен: он располагает интересной синтаксической особенностью в выражении значения принадлежности всей синтаксической структурой предложения. Дело в том, что на данном этапе развития русского языка *иметь*-конструкции в нем не используются, хотя в древности они и употреблялись, вот одно такое предложение из древнерусской летописи: «...мертвые сраму не имуть» – букв. *Мертвые позора не имеют*.

В современном русском языке значение принадлежности, обладания выражается посредством бесподлежащей конструкции, в которой сопрягаются предикативной связью обозначение одушевленного посессора в форме *y+род. пад.* и объекта обладания, который эксплицируется в форме номинатива: *У Александра новая квартира. У него один ребенок.* Эти конструкции достаточно сложны по своей семантической структуре: значение посессивности в них связано со значением экзистенциальности и локативности [Категория посессивности 1989: 164]. Такое построение хорошо объясняет русскую ментальность – тенденцию отодвинуть субъект с центральной позиции подлежащего, устранить его [Пешковский 1956: 350]. Во многих же индоевропейских неславянских языках и сегодня значение посессивности в простом предложении выражается с помощью двусоставных *иметь*-конструкций. Это видим, например, в английском, немецком, французском языках, такая же предикативная конструкция используется и в армянском языке. В ряде славянских языков – чешском, словацком (западнославянских), словенском, сербском/хорватском, болгарском (южнославянских) – соответствующие структуры строятся таким же образом: *субъект обладания в позиции подлежащего + глагол иметь в качестве предиката + объект обладания, владения в форме аккумулятива.* Приведем соответствующие примеры: *Berta má velkou dceru.* (чешск.) – *Берта имеет взрослую дочь* (букв.); *Има едно дете* (болг.) – *Он (она) имеет одного ребенка* (букв.) [Манучарян 2005: 235]. Картина неоднородна в других славянских языках. Так, украинский, белорусский языки и в определенной степени польский язык занимают промежуточное положение между русским и чешским языками, в них используются обе конструкции: и двусоставные с глаголом *иметь*, и бесподлежащие конструкции с глаголом *быть* в функции предиката.

Рассматриваемые посессивные конструкции, например, в чешском и болгарском языках, и соответствующие синтаксичес-

кие построения в английском и армянском языках полностью идентичны и универсальны: ср. *Peter má velkou knihovnu* (чешск.). – *Петр ма голяма библиотека* (болг.). – *Peter has the rich library* (англ.). – *Պետրոսը հարուստ գրադարան ունի* [*Petrose harust gradaran uni*] (арм.). Буквальный перевод приведенных чешского, болгарского, английского, армянского предложений подтверждает идентичность их семантико-синтаксической структуры: *Петр имеет большую библиотеку*. Выявляется интересная картина: значение посессивности вербализуется всей предикативной структурой предложения, которая абсолютно идентична в чешском, болгарском, английском и армянском языках (индоевропейских), тогда как соответствующее предложение в русском языке (также индоевропейском) кардинально отличается от них своей синтаксической структурой: *У Петра большая библиотека*. Сопоставление инославянских предложений с русскими предложениями, семантическая структура которых выражает значение посессивности по-другому, посредством двухкомпонентных построений, демонстрирует большие структурные различия между ними в данном фрагменте синтаксиса простого предложения. Отметим также, что и в старославянских текстах функционировали посессивные двусоставные предложения с предикатом, выраженным глаголом *имѣти*. Вот соответствующее старославянское предложение из Остромирова евангелия: *чловѣкъ нѣкъи имѣ дѣва сына»* – букв. русск. *Некий человек имел два сына*.

Бесподлежащая конструкция с *у+род.над.* прошла длительный путь развития, в результате она утвердилась именно в русском языке и представляет собой яркую индивидуалию, уникальную типологическую особенность русского синтаксиса на фоне синтаксиса близкородственных славянских языков.

Отметим, что сопоставительно-типологический анализ предложений, выражающих значение посессивности посредством бесподлежащих структур в русском языке, с одной стороны, а в

инославянских языках посредством двусоставных конструкций, с другой стороны, наглядно показывает различия в статусе субъекта. В русском предложении он не активен, не занимает позиции подлежащего, устранен с этой позиции. Именно в такой конструкции с *y+род. пад.* в русском высказывании накладываются друг на друга в рамках семантики предложения два очень важных значения – бытийность и посессивность, и в этом также заключается уникальность этой конструкции.

Типология вербальных средств выражения посессивности в трех группах славянских языков показывает достаточно существенные расхождения в исследованном фрагменте грамматических систем близкородственных славянских языков именно на уровне семантической структуры предложения и выявляет интересную картину, обусловленную ментальностью народов, носителей этих славянских языков.

Отметим, что сопоставительно-типологический анализ предложений, выражающих по-разному значение посессивности в славянских языках, наглядно показывает различия в статусе субъекта. Как отмечает А.М. Пешковский, здесь можно заметить «...определенный философский подход в мышлении русского человека: от Бога и от Судьбы зависит то, что происходит с самим субъектом и не зависит от него. Это владение, о котором идет речь, не является чем-то неподвижным, неизменным, и ситуация может полностью измениться» [Пешковский 1956: 342].

Выражение принадлежности в указанных языках посредством семантической структуры предложения, его типового значения представляет собой яркий пример индивидуализации, несмотря на близкородственность их грамматических систем. В этом отношении русский язык очень своеобразен: он располагает интересной синтаксической особенностью в выражении значения принадлежности всей синтаксической структурой предложения. Такие построения, которые Г.А. Золотова определяет как двухкомпонентные предложения, составляют характерную, яркую

особенность русского синтаксиса [Золотова 1973: 53]. Отметим также, что произносятся эти предложения с особой интонацией, подчеркивающей их двухкомпонентность и указание на посесора, которому что-либо принадлежит.

В чешском языке, представляющем западнославянскую группу, соответствующие структуры строятся следующим образом: *субъект обладания в позиции подлежащего – глагол mít (=иметь) в качестве предиката – объект обладания, владения в форме аккузатива*. Приведем соответствующий пример: *Marta má ovocný sad. – Марта имеет фруктовый сад* (букв.).

В болгарском языке, южнославянском, для выражения значения посессивности используется такая же двусоставная конструкция, как и в чешском языке: *Има едно дете. – Он (она) имеет одного ребенка*.

Таким образом, сопоставление близкородственных инославянских предложений с русскими предложениями, семантическая структура которых выражает посессивность, показывает глубокие структурные типологические различия между ними в этом фрагменте синтаксиса простого предложения. Отметим при этом, что сходства в построении двусоставных предложений с *иметь*-конструкциями, выражающими посессивность, обнаруживаются в инославянских языках в сопоставлении с соответствующими предложениями в неславянских индоевропейских языках. Можно предположить, что в этих инославянских языках сохраняется, в отличие от русского языка, индоевропейская особенность построения посессивных конструкций.

ГЛАВА 4.4.

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Категория определенности в славянских языках, способы ее выражения всегда находились в поле зрения многих исследователей. С развитием современной грамматической теории и разработкой новых материалов по истории славянских языков и их диалектных особенностей, по типологии языковых картин славянского мира проблема категории определенности получила новый импульс в своем развитии.

Данная категория зиждется на указательных местоимениях, которые и призваны вносить значение определенности в предложение и текст.

В грамматиках ряда языков существует специальный показатель определенности/неопределенности – артикль. Вот какое определение дается артиклю в Словаре русского языка: «Артикль – частица (родовой член), прилагаемая в некоторых языках к существительному для различения его рода, числа, определенности и неопределенности» [Словарь русского языка, I том: 46]. В литературе артикли метко называют также показателями детерминации [Плунгян 2011: 284].

Во многих индоевропейских языках в синтаксической структуре предложения активную роль играет артикль, эксплицирующий указанное выше значение. Так, в английском языке, как всем хорошо известно, функционируют два артикля – **a** (неопределенный) и **the** (определенный), которые занимают препозитивное местоположение перед определяемым именем и графически самостоятельны. Отметим, что в английском языке определенный артикль **the** восходит именно к указательному местоимению, что лишний раз подчеркивает логику оформления категории определенности в языках посредством указательных местоимений. В

армянском языке существует только определенный артикль **-ը** (в некоторых случаях по чисто фонетическим причинам может выступать в виде **-ի**), причем артикль располагается в конце слова, графически являясь его морфемой, а неопределенность выражается самим отсутствием артикля.

В синтаксических структурах славянских языков по-разному выражается такая категория, как определенность, морфологическим средством которой, как отмечено, являются указательные местоимения, а также артикль. В славянских языках исторически артикля не было, однако существовала развитая система указательных местоимений. В ходе раздельного существования славянских языков после распада праславянского языка в отдельных славянских языках южнославянского ареала на основе энклитических форм указательных местоимений развился постпозитивный артиклевый член, который графически сливается с определяемым словом.

В русском языке подобного появления артикля не произошло. Однако даже в старорусских текстах указательное местоимение **тъ – та – то** употребляется в постпозиции к определяемому слову, выполняя функцию определенного артикля. В текстах старорусских памятников указательное местоимение в таком употреблении согласуется с определяемым именем в роде, числе, падеже и это сигнализирует о том, что указательное местоимение **тъ – та – то** не перешло полностью в артиклевую частицу. Это местоимение не только в древнерусский, но и в старорусский период выполняло функцию, как было отмечено выше, близкую к артиклевой. Это подтверждают многочисленные примеры из памятников даже позднейшего старорусского периода XVII в. Показательны в этом отношении сочинения протопопа Аввакума, в которых фиксируется частое употребление постпозитивного **-т** в разных падежных формах именно в функции определенного артикля (*Она рожу-ту закрыла рукавом. Бес-от ведь не мужик...*). Как отмечает С.П. Иорданиди, «в языке

сочинений протопопа Аввакума функционирует артикль, который для северных русских говоров XVII в. был реальным артиклем...» [Иорданиди 2001: 183]. Обратим внимание на происхождение протопопа Аввакума, человека из народа, владеющего народным языком, в котором были частотны указательные местоимения в артиклевой функции, с чем и связано их частое употребление в его сочинениях. Такое употребление указательных местоимений в старорусских текстах показывает этапы их трансформации в неизменяемую постпозитивную частицу **-то**, употребляемую сегодня, в основном, в русском разговорном и диалектном языке.

Интересные данные предоставляет русский диалектный материал, в котором указательное местоимение **-т, -та, -то** имеет, с одной стороны, артиклевую функцию, а с другой стороны – не утратило окончательно связи с местоимением и употребляется в разных падежных формах, согласуясь с именем и сохраняя остатки былого согласования с ним (*отец-от, горе-то, воду-ту*). По сути, в этих формах отражаются незавершенные этапы перехода указательного местоимения в постпозитивную артиклевую частицу. В таком употреблении указательное местоимение по своей функции приближается к определенному артиклю, или предартиклю [Касаткина 2008: 108].

В современном русском языке в артиклевой функции выступает только застывшая в форме среднего рода постпозитивная, графически несамостоятельная частица **-то** для выражения определенности, для выделения в речи отдельных слов и выражений. В большинстве случаев русская постпозитивная частица **-то** используется в разговорном и диалектном языке и характеризуется особой распространенностью: *Книга-то лежит на столе. Он-то так и не приехал*. Ясно, что речь идет о вполне определенной книге и о вполне определенном лице, известном говорящему.

В истории славянских языков первый этап в оформлении значения определенности связан с указательным местоимением

-и, -я, -е (соответственно мужского, женского, среднего рода), родовые формы которого, присоединяясь к прилагательным и склоняемым причастиям, приносили в них и значение определенности: можно полагать, что они выполняли функцию определенного артикля. Указательное местоимение **-и, -я, -е** с родовыми различиями, присоединяемое к именным (кратким) формам прилагательных и склоняемых причастий, в результате образовывало их т.н. местоименные (полные) формы, соотносительные с именными (краткими) формами, но выражающими также значение определенности: *велика страна – великая страна* (т.е. *эта, вполне определенная страна*). Со временем соотносительность именных и местоименных атрибутивных форм по признаку неопределенность/определенность утрачивалась, видоизменялась или упразднялась. Как отмечается в литературе, «...в русском языке с утверждением атрибутивной и предикативной функций прилагательных закончился артиклевый цикл, связанный с указательным местоимением **-и, -я, -е**. Использование в «почти» артиклевом качестве постпозитивного **-т** является фактом развития нового артиклевого цикла [Иорданиди 2001: 47]. Эта мысль Иорданиди находит подтверждение в соответствующих явлениях болгарского, македонского языков, а также в «...родопских, сербских и словенских говорах (все – южнославянские диалекты – И.М.), в которых **-т** выполняет функцию артикля» [Иорданиди 1978: 168].

Проследим, как выражается определенность в других славянских языках. Славянские языки с глубокой древности отличались широким набором указательных местоимений: **тъ – та – то, и – я – е, овъ – ова – ово, онъ – она – оно**. Во всех славянских языках указательные местоимения выражали три степени удаленности: 1) близость к говорящему, 2) близость к собеседнику (т.е. небольшая степень удаленности), 3) наибольшая удаленность. В славянских языках первая степень удаленности выражалась указательным местоимением **сь – ся – се**, вторая степень вербализо-

вывалась посредством указательных местоимений **тъ – та – то, овь – ова – ово**, а третья степень выражалась с помощью указательного местоимения **онь – она – оно**. Все эти древние формы четко отмечаются в старославянских текстах (ср. *въ врѣмѣ оно – в то, стародавнее время*). Эти местоимения, как можно заметить, выражают значение близости к предмету, лицу в разной степени. Кроме того, им присущи также родовые различия. Указательные местоимения сигнализировали и о предупомянутасти имени, т.е. создавали значение четко выраженной определенности.

В ходе исторического развития славянских языков сохранились не все из указательных местоимений. Отметим их наличие и широкое употребление большей частью в южнославянском ареале. В частности, в болгарском языке в артиклевой постпозитивной функции широко употребляется определительный полный член **-ът, -ят** (*шофьорът – шофер, известный говорящему, лекарят – врач, известный говорящему*) и определительный краткий член с исходом на **-а, -я** мужского рода (*урока, лекаря*), определительный член **-та** женского рода (*книгата*), определительный член **-то** среднего рода (*упражнението*). Эти частицы стоят после основной формы имени и пишутся с ней слитно. Употребляясь в членной форме, имя существительное обозначает в целом определенный, знакомый предмет: *Музиката е забавна* (болг.). – *Эта музыка приятна*. Членная форма переходит к прилагательному, если оно находится перед существительным, обозначающим определенный предмет, ср. два болгарских предложения: *Стаята е светла. – Детската стая е светла* (русс. *Эта комната светлая. – Эта детская комната светлая*). В первом предложении подчеркивается признак определенной, известной говорящему комнаты и определительный полный член относится просто к данной комнате; а во втором предложении акцент делается именно на детской комнате. При этом прилагательное принимает полный определительный член, если оно относится к подлежащему: ср. *Новият апартамент е добре обзаведен. –*

Новая квартира хорошо обставлена. А в случае, если прилагательное определяет не подлежащее, а другой член предложения, т.е. определяемое слово занимает не главное, а периферийное место в семантико-синтаксической структуре предложения, то в этом случае прилагательное принимает краткий определительный член: *Те са доволни от новия апартамент.* – *Они довольны новой квартирой.* Таким образом, членные формы указывают на определенный, известный предмет для уточнения расположения предмета в пространстве. Они присоединяются к общей форме существительного при отсутствии у него определения; если же при существительном есть определяющее его слово, например, прилагательное, то членная форма (артиклъ) ставится при этом определяющем слове.

В македонском языке присутствуют следующие членные формы: **-от** (*двор – дворот*), **-иот** (*голем двор – големиот двор*), **-то** (*поле – полето*), **-та** (*жена – жената*), **-те** (*големи дворови – големите дворови, десет села – десетте села*). При назывании лица (предмета), находящегося в непосредственной близости к говорящему, а также при обозначении событий, наиболее близких по времени, в македонском языке используются такие артиклевые единицы, как **-ов**, **-иов**, **-ва**, **-во**, **-ве**. При назывании же лица (предмета), отдаленного от говорящего в пространстве и во времени, используются членные формы **он**, **-ион**, **-на**, **-но**, **-не** (так, *дворон* в значении *тот двор* и др.) [Иллич-Свитыч 1963: 557]. Различия артиклевых единиц в выражаемом ими значении обусловлено соответствующими значениями указательных местоимений, к которым они восходят. Бросается в глаза происхождение этих артиклевых форм именно из указательных местоимений, которыми были богаты славянские языки с древности.

Отметим, что образования артиклей или артиклевых слов в западнославянских языках не произошло, в отличие от южнославянских болгарского и македонского языков. Думается, что у последних это было связано с утратой именного склонения: ведь

во всем славянском языковом мире только болгарский и македонский языки утратили падежную систему под влиянием соседствующих неславянских балканских языков, а артикли вносят, в свою очередь, дополнительное значение в приводимые словоформы.

В западнославянских языках, в частности, в чешском языке определенность выражается посредством указательного местоимения *ten – ta – to* (русск. *тот – та – то*), которое располагается перед именем и выполняет функцию, близкую к артиклевой.

В чешском языке для указания на ближайший предмет использовалось ранее и местоимение *sen*, которое позднее утратилось (в XV в. его уже не было), но на его былое присутствие указывают такие слова, как *dnes* в значении *сегодня*, *letos – в этом году* и др., в которых можно обнаружить в постпозиции элемент *s* утраченного указательного местоимения, употреблявшегося для ближайшего указания.

В процессе исторического развития славянских языков исчезло из употребления указательное местоимение **сь – ся – се**. В современном русском языке указательные местоимения способны выражать лишь две степени удаленности по отношению к субъекту речи – близость к нему (*этот – эта – это – эти*) и удаленность от него (*тот – та – то – те*).

В южнославянских языках сохраняется также древнее указательное местоимение **овъ – ова – ово**, которое в македонском языке перешло в постпозитивную артиклевую частицу (**-ов, -ва, -во**), наряду с другими артиклевыми частицами, происшедшими из указательных местоимений (**-от, -та, -то** и **-он, -на, -но**). Указательное местоимение **ѣт – та – то** в качестве артикля функционирует, причем очень активно, в болгарском языке (*прозорецьт – это окно, масата – этот стол*).

Употребление указательных местоимений в старорусских текстах в артиклевой функции показывает этапы их трансформации в неизменяемую постпозитивную частицу **-то**. Интересные

данные предоставляет русский диалектный материал, в котором указательное местоимение **-т, -та, -то** употребляется, с одной стороны, в артиклевой функции, а с другой стороны, не утратило окончательно связи с местоимением и выступает в разных падежных формах, согласуясь с именем и сохраняя остатки былого согласования с ним (*отец-от, изба-та, воду-ту*). По сути, в этих формах отражаются незавершенные этапы перехода указательного местоимения в постпозитивную артиклевую частицу.

В русском литературном языке артиклизации указательного местоимения не произошло, но в разговорной и диалектной речи функционирует в постпозиции частица **-то**, вносящая значение определенности при указании лица (предмета).

Отметим также роль указательных местоимений в образовании и функционировании специфических морфологических форм – полных форм прилагательных и склоняемых причастий. Благодаря указательным местоимениям в ряде славянских языков возникали и возникли полные (членные, местоименные) формы прилагательных и склоняемых причастий, которые вносили в именные формы дополнительное значение определенности, что вытекало из семантики указательных местоимений.

Полные формы прилагательных появились в древности и в западнославянских языках, в частности, в чешском языке от того же указательного местоимения, что и в русском языке, но в нем результат этого процесса не выступает так же явно, как в русском языке, так как выпадение интервокального **j** в окончании прилагательного привело к ассимиляции одного из двух гласных в нем и соответственно к удлинению этого гласного, ставшего долгим: *krásnaja > krásnaa > krásná*. Вот почему в чешских прилагательных конечный гласный всегда является долгим. В польском языке, как и в современном чешском языке, в настоящее время «обычной» является исторически полная форма, не выражающая значения определенности, и сохранились отдельные краткие при-

лагательные только в предикативной функции – *rad* (русск. *рад*), *kontent* (русск. *рад, удовлетворен*) и др. [Тихомирова 1978: 58].

Таким образом, указательное местоимение **и – я – е**, которое служило в древности средством выражения определенности, оставило свой след в полных формах прилагательных и склоняемых причастий. И если в прошлом полные формы прилагательных в славянских языках сигнализировали о выраженной в них определенности, то со временем это значение утратилось, а у этих слов оформилась иная роль в предложении: краткие формы прилагательных, например, в русском языке, служат предикатом или основным компонентом предиката, а полные формы выполняют, в первую очередь, атрибутивную роль.

Итак, рассмотрение интересной и богатой истории средств выражения определенности в славянских языках показывает этапы и логику этого развития в соответствии с востребованностью тех или иных форм указательного местоимения в отдельных славянских языках. Бросаются в глаза не только типологические сходства, являющиеся результатом их генетического родства, но и различия, возникшие в результате неодинакового развития форм определенности в разных славянских языках, которые помогают понять их историческое комментирование. Таким образом, категория определенности получила неоднородное выражение в разных славянских языках.

ГЛАВА 4.5. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

О роли отрицания и отрицательных предложений в специальной литературе писалось много. вот что пишет современный исследователь Е.В. Падучева: «Отрицание – незаменимая

составляющая человеческой коммуникации» [Падучева 2013: 3]. Отрицательные конструкции чрезвычайно распространены в славянских языках: в них существует целая система средств выражения отрицания. Это, в первую очередь, отрицательные частицы и отрицательные местоимения, отрицательные наречия, а также слово *нет*, являющееся очень кратким эквивалентом отрицательного безличного предложения, употребляющегося чаще всего в диалогической речи. Слово *нет* звучит во всех славянских языках достаточно одинаково: *нет* (русск., болг., сербск.), *net* (словацк.), *niet* (польск.), *ne* (чешск.) и др.

С точки зрения сопоставительно-типологического анализа отрицательных предложений в славянских языках наиболее интересны те из них, в которых отрицается предикативный признак, т.е. общеотрицательные предложения. Наблюдения над ними в славянских языках показывают как сходства, универсальные признаки, так и особенности, которыми они отличаются друг от друга.

Известно, что именно русский язык характеризуется структурным разнообразием типов простого предложения, в том числе и отрицательных. В русском языке отрицательные предложения составляют уникальную разновидность односоставных предикативных структур, в которых типовое значение – отсутствие названного лица или предмета – реализуется посредством бесподлежащих построений, содержащих в своей структуре беспредложную форму генитива. Отрицание в них эксплицируется в предикатных формах *нет*, *не было*, *не будет*, а формой беспредложного генитива выражается отсутствующее лицо или отсутствующий предмет: ср. *Студентов в аудитории не было. Во всем здании нет ни души.* Во всех славянских языках «...в случае отрицательной формы глагола ‘иметь’ прямой объект эксплицируется в форме родительного падежа. Исключение составляет чешский язык, в котором винительный падеж сохраняется и при отрицании» [Категория посессивности 1989: 171].

Синтаксическая структура отрицательных предложений в инославянских языках представлена преимущественно посредством двусоставных построений, в которых субъект обладания (владения) в предложении эксплицируется в форме именительного падежа, выполняя роль грамматического подлежащего, предикатом же выступает глагол *иметь* в отрицательной форме, а отсутствующий объект обладания выступает в форме генитива или аккузатива. Приведем соответствующие примеры: *Nie tam czasu* (польск.) – *У меня нет времени* (русск.); *Milan nemá dnes volný čas* (чешск.). – *У Милана сегодня нет свободного времени* (русск.); *Он нема ни оца, ни мајке* (срб/хрв.). – *У него нет ни отца, ни матери* (русск.); *Няма работа* (болг.) – *У него нет работы* (русск.). Как можно заметить по приведенным отрицательным предложениям из разных славянских языков, они имеют однотипную двусоставную структуру, в которых субъект эксплицируется в форме номинатива, а предикатом в них является глагол *иметь* в отрицательной форме. Отметим, что такого типа двусоставные отрицательные предложения, с выраженным или невыраженным субъектом, характерны для современных индоевропейских языков, в частности, для английского языка (*I have no appetite today.*), а также для армянского языка (*Մյուր չխորժուկ չունիմ*). Им соответствует по значению русское бесподлежащее предложение ‘*У меня сегодня нет аппетита*’. Фактически в русском языке отрицательные двусоставные предложения с предикатом ‘*иметь*’, выражающие значение «необладания», не употребляются. В соответствующих русских бесподлежащих отрицательных предложениях первый компонент представлен формой *у+род. пад.*, указывающей на лицо (предмет), у которого отсутствует что-либо, а отсутствующее лицо или отсутствующий предмет выражается формой беспредложного родительного падежа с отрицанием: ср. *У Сергея нет свободного времени*. Как можно заметить, форма генитива в таких построениях вербали-

зуется дважды, что лишний раз подчеркивает особую роль родительного падежа в синтаксисе русского предложения. В подобных предложениях нет и не может быть подлежащего, и фактически в них эксплицируется посессивность со знаком минус, или отрицательная принадлежность [Категория посессивности 1989: 41].

В русском синтаксисе представлена также достаточно интересная разновидность отрицательных предложений: в случае общего отрицания при предикате присутствуют и периферийные средства выражения отрицания, а именно, отрицательные местоимения и отрицательные наречия. Такое усиленное отрицание является характерной чертой славянских языков, и оно наблюдается уже в самых древних старославянских текстах. Так, читаем в Мариинском евангелии: *Не можааше никто же миншти пжтемъ темъ.* – *Никто же не мог проходить по этому пути.* В подобном случае наблюдается неоднократная экспликация отрицания в синтаксической структуре предложения не только в сказуемом и подлежащем, но и в других распространителях предложения. Отрицание и в современном русском предложении может эксплицироваться даже более двух раз, создавая значение ярко выраженного, усиленного отрицания: *Никто никому не сообщил ни слова* [Манучарян 2006: 135].

В современном английском языке, как известно, отрицание в предложении вербализуется однократно. К интересным выводам в своих наблюдениях пришел английский исследователь М. Свэн, который на основе изучения синтаксиса среднеанглийских диалектов фиксирует наличие в них и сегодня предложений с двойным отрицанием, сохранившихся с древности: ср. *I don't want nothing.* – букв. *Я не хочу ничего* (диалектное). и *I want nothing* – букв. *Я хочу ничего* (литературное). [Swan 1990: 182]. По данным историков английского языка (Г. Расторгуева, Б. Ильиш и др.), одной из характерных черт древнеанглийского языка было использование нескольких отрицаний в предложении, что усили-

вало и делало более выразительным значение отрицания, причем число отрицаний ограничено не было. Усиленное отрицание используется и в современном армянском языке. В свете вышесказанного можно предположить, что в индоевропейских языках отрицательные конструкции использовались и с двойным, и с непарным (одинарным) отрицанием. Одновременно отметим, что, в отличие от синтаксических построений с двойным отрицанием в современном русском литературном языке, в синтаксисе ряда северновеликорусских диалектов употребляются и предложения с непарным отрицанием не при предикате: *Дома-то никто есть. Нигде возьмешь. В войну никакие письма были.* Как отмечают диалектологи, предложения с подобным отрицанием в диалектном языке представляют собой самостоятельное явление, аналогичное тому, что можно отметить в современных европейских языках [Русская диалектология 1973: 253]. Отрицательные предложения с непарным отрицанием в русском диалектном языке, судя по всему, представляют собой реликт древних синтаксических построений в славянских языках. Материалы древнерусских и старорусских памятников, в которых отсутствует церковнославянское влияние, а также данные русских говоров привели В.И. Борковского к выводу, что предложения с одним отрицанием, хотя и не были широко распространены, тем не менее не были заимствованы из других, неславянских языков и являются исконно славянскими по происхождению. Это утверждение подкрепляется тем, что такого типа отрицательные предложения встречаются чаще в северновеликорусских говорах. Отметим, что в силу своего географического положения северновеликорусские говоры были изолированы в своем ареале и не были подвержены влиянию других языков, поэтому в них в большей степени наблюдаются собственно русские, а точнее, славянские архаизмы.

Для современного русского синтаксиса характерны структуры с неоднократным отрицанием, которое может эксплициро-

ваться не только в сказуемом, но и в подлежащем, а также и в других членах предложения посредством отрицательных местоимений и отрицательных наречий: *Никто ничего не слышал*. Интересно, что в этом случае наблюдается полное соответствие русских отрицательных предложений с армянским предложением (*Ոչ որ ոչինչ չէ [իւել]*). А в чешском предложении отрицание выступает преимущественно в предикате: отметим, что частное отрицание в чешском языке используется редко. Предложения с непарным отрицанием существовали в древности и в русском языке, об этом свидетельствуют факты древнерусских памятников. Так, в «Молении Даниила Заточника» (древнерусский памятник XIII в.) читаем: *Никто же может соли зобати – Никто не может есть соль* (совр. русск.). Кроме того, свидетельством в пользу приведенной выше гипотезы В.И. Борковского о том, что предложения с одним отрицанием являются исконно славянскими по своему происхождению, служат также данные разных славянских языков – болгарского, сербского и др. [Борковский 1978: 320]. Думается, что это древняя индоевропейская особенность, которая была характерна и для славянских языков. Соответствующие предложения в других славянских языках по сути своей являются двусоставными, хотя подлежащее может присутствовать в синтаксической структуре такого предложения лишь имплицитно при наличии в них связочного глагола, указывающего на лицо. Расхождения отрицательных двухкомпонентных предложений русского языка с соответствующими предложениями, употребляющимися в других славянских языках с двусоставным построением, здесь очевидны и лежат на поверхности. Отметим также, что в русском двусоставном предложении, организованном по модели *Им. пад.+переходный глагол+Вин. пад.*, при введении отрицания в структуру предложения форма аккузатива часто заменяется формой генитива, что являлось «...яркой синтаксической особенностью славянских языков еще в общеславянский период»

[Мейе 1951: 382]. Таким образом, генитивная конструкция отрицания есть во всех славянских языках, но везде со своими особенностями [Падучева 2013: 256]. При этом выбор падежа прямого объекта, винительного или родительного, часто зависит от ряда факторов грамматического, семантического или стилистического характера [РГ 1980: 416].

Несмотря на системные сходства отрицательных предложений в разных славянских языках, можно отметить в них и определенные расхождения. Так, в болгарском языке отрицательные местоимения используются не только при глаголах с общим отрицанием: *Водата няма никакъв вкус – Вода не имеет никакого вкуса* (русск.). Иными словами, в болгарском предложении отрицание может вербализовываться неоднократно, т.е. кроме общего отрицания может выступать и частное отрицание, этой особенностью болгарский язык в определенной мере соотносится с русским языком. В чешском же языке в случае общего отрицания при сказуемом частное отрицание употребляется редко, т.е. чешскому языку не свойственно подобное употребление двойного отрицания.

Интересной особенностью отрицательных предложений в славянских языках является также видовая форма глагола-сказуемого. В русском отрицательном предложении наблюдается преимущественное употребление в сказуемом формы несовершенного вида, благодаря чему усиливается эмоционально-экспрессивное значение незаконченности или многократности действия, выражаемое в конструкциях с отрицанием. Так, ср. предложения: *Почему вы сообщили об этом друзьям? – Я никому об этом не сообщал.*

Отрицательные предложения показывают достаточно ощутимые синтаксические расхождения между славянскими языками, несмотря на их близкородственность. Эти расхождения, как нам представляется, во многом связаны с категорией посессивности и ее реализацией в каждом из рассматриваемых языков.

Инославянские предложения с общим отрицанием, вербализуемые посредством двусоставных построений с отрицательной формой глагола 'иметь', позволяют констатировать, что они в этом аспекте ближе к дальнеродственным европейским языкам, чем к близкородственному русскому языку.

ВЫВОДЫ

Рассмотрение некоторых синтаксических особенностей предложения и текста в славянских языках показало, что и на этом участке их грамматических систем бросаются в глаза достаточно осязаемые не только типологические сходства, но и расхождения, вызванные различными судьбами и путями их исторического развития.

Типологических сходств, естественно, немало, что вызвано их общим происхождением из праславянского языка-основы. К типологическим универсалиям относится наличие простых и сложных синтаксических построений, универсальные способы построения двусоставных простых предложений и выражения их главных членов. К сходствам относятся и их координация в рамках функционирования грамматических категорий, типы синтаксической связи и др. Однако велико и число индивидуалий в сфере синтаксических особенностей славянских языков, так, русский синтаксис отличается многообразием простых бесподлежащих предложений.

В разных славянских языках наблюдается неодинаковое оформление посессивности в предложении. В этом фрагменте построения предложения русский язык достаточно резко отличается от остальных славянских языков. Последние в этом отношении находятся ближе к европейским языкам. Особо отметим конструкции с глаголом *иметь* со значением принадлежности, представляющие собой двусоставные построения в инославян-

ских языках и их соответствия в виде бесподлежащих предложений в восточнославянском ареале, преимущественно в русском языке. Отметим, в украинском и белорусском языках употребляются и бесподлежащие построения, выражающие посессивность, как и в русском языке, и двусоставные предложения с глаголом *иметь* со значением принадлежности, как и в других славянских языках.

Славянские языки разных групп различаются также способами выражения определенности. Бросается в глаза наличие артиклей и их употребление только в южнославянских болгарском и македонском языках. И это типологическая особенность последних на фоне других славянских языков. Функцию средства выражения определенности при отсутствии артиклей в остальных славянских языках выполняют указательные местоимения. При этом можно констатировать, что корни выражения определенности, в частности, артикли, в разных славянских и не только славянских языках восходят во всех случаях к указательным местоимениям.

К числу четко выраженных индивидуалий относятся и способы выражения в предложении отрицания. Отрицание в языках восточнославянского ареала играет в предложении конструктивную роль в отличие от языков западнославянской и южнославянской групп, в которых наблюдается сходство с европейскими языками: введение отрицания в предложение не приводит к перестройке синтаксической конструкции и предикативной основы, как, например, в русском языке. Стоит отметить также функционирование неоднократного отрицания в предложении и его семантико-стилистическую роль, что является характерной особенностью русского синтаксиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании были рассмотрены языки славянского мира в трихотомическом аспекте, что позволяет увидеть сходства и различия в их лексике, фонетике и грамматическом строе.

История славянских языков охватывает многовековой путь развития, в процессе которого одни языковые особенности сохранялись и оттачивались, другие утрачивались, приводя к различиям. Динамика развития славянских языков связана с культурологическим фактором: жизнь и культура славянских народов во всех аспектах связаны с языком неразрывно. И таким образом, типологическое рассмотрение славянских языков прочными нитями связано с их историей, географией, культурой и другими факторами.

Распад праславянского языка на отдельные славянские языки примерно в середине первого тысячелетия привел к образованию трех групп близкородственных славянских языков, в рамках которых существует много черт сходства, универсалий. Генетическое родство славянских языков, восходящих к общему праславянскому языку-основе, как известно, обнаруживается на всех языковых уровнях – лексическом, фонетическом, грамматическом. Универсальные признаки, являющиеся результатом генетического родства славянских языков, проявляются на всех уровнях так же, как и индивидуальные особенности, появившиеся в результате их многовекового раздельного существования и развития.

I. Лексика является наиболее подвижным уровнем языка и наиболее полно отражает состояние и характер исторического развития народов и их культур. Лексика в отличие от других уровней языка живо реагирует на все изменения окружающей жизни. Разные исторические эпохи оставили свой след в лексических системах языков славянского мира. Однако близость

славянских языков на лексическом уровне все еще сохраняется. Современные славянские языки достаточно близки по своему словарному составу, так как их древнейший словарный фонд в значительном объеме сохранился, несмотря на большой промежуток времени, прожитый этими языками раздельно. Во многом совпадают также фразеологические единицы, пословицы и поговорки, возникшие еще в древнюю эпоху и сохранившиеся в славянских языках.

Однако появилось и немало различий в лексических системах современных славянских языков в результате их раздельного существования и развития. Причиной появления различий в лексических системах славянских языков являются во многом культурологические факторы, приводящие к появлению новых лексических единиц, к переосмыслению или к утрате старых слов.

Отметим развитие в старых славянских словах новых смыслов, приводящих к появлению семантических оппозиций. Это явление ярко отражается в близкородственных славянских языках: так, в чешском и русском языках функционируют такие пары слов, как *čerstvý* (чешск. в значении *свежий*) и *черствый* (русск. в значении *несвежий, высохший*) в полностью противоположных значениях.

Сегодня, в век бурного развития науки и новых технологий, во многих славянских языках появились сходные заимствования, новые лексические единицы. Особенно отметим слова из области компьютерной и в целом технической терминологии.

II. Закономерности, существующие в фонетических системах славянских языков, сохраняются и сегодня. Эти фонетические закономерности, сохранившиеся во всех трех группах славянских языков и характеризующие эти славянские языки, свидетельствуют об их тесном генетическом родстве. Отметим некоторые из этих фонетических закономерностей:

1) полногласные сочетания в восточнославянских языках и неполногласные сочетания в тех же словах в языках западнославянской и южнославянской групп;

2) начальное **po-**, **lo-** в восточнославянской и **ro-**, **lo-** в западнославянской группах в соответствии с начальным **pa-**, **la-** (**ra-**, **la-**) в южнославянской группе в одних и тех же славянских словах, а также другие закономерности.

Славянские языки в неодинаковой степени сохранили с праславянского периода присущие им акцентологические особенности. Так, ударение в разных славянских языках неоднородно: в восточнославянской группе, в частности, в русском языке ударение экспираторное (выдыхательное), разноместное с редукцией безударных гласных. В украинском и белорусском языках также разноместное ударение – в белорусском с редукцией безударных гласных, в украинском – без их редукции. Редукция безударных гласных привела к установлению аканья в русском и белорусском языках, а отсутствие редукции – к сохранению древнего оканья в украинском языке.

В южнославянской группе также доминирует разноместное ударение, но со своими особенностями: так, в сербском/хорватском языках оно тоническое – восходящее и нисходящее, в целом присутствует целая система ударений – музыкальное, силовое, длительное, краткое. Разноместное ударение характерно и для словенского языка, в котором оно также тоническое, т.е. может быть восходящим и нисходящим.

В южнославянских сербском/хорватском и словенском языках ударение влияет на длительность гласных звуков и их произношение, т.е. на количественное противопоставление гласных. Но если в сербском/хорватском языках долгота/краткость гласных не зависит от ударения, то в словенском языке долгими могут быть только ударенные гласные. В болгарском и македонском языках, также южнославянских, ударение экспираторное, но и здесь есть различия при всей их близости. Если в болгарском

языке ударение разноместное, то в македонском языке, который был до недавнего времени диалектом болгарского языка, оно фиксированное: в многосложных словах оно падает на третий от конца слог, а в двусложных словах – на первый слог.

От восточнославянских и южнославянских языков западнославянские языки отличаются в целом фиксированным, постоянным ударением на первом слоге (чешский, словацкий, серболужицкий языки), в отличие от польского языка, в котором оно также фиксировано, но на предпоследнем слоге.

На фонетическом уровне отметим в целом набор одних и тех же славянских фонем – гласных и согласных, однако и здесь наблюдаются определенные различия. Носовые гласные, которые существовали во всех славянских языках, сохранились и сегодня функционируют только в польском языке. Отметим также наличие напряженных гласных фонем верхне-среднего подъема **ǎ** и **ǫ**, сохранившихся только в словацком языке и в некоторых северно-великорусских диалектах, рефлекс наличия в прошлом гласной фонемы **ě**, в частности, в чешском языке. Из редуцированных гласных только в болгарском языке сохранилась фонема **ъ**. Среди индивидуалий в консонантизме славянских языков отметим трансформацию **г'** (русс. **р'**) в специфическую фонему **ř**, существующую только в чешском языке. В отдельных славянских языках западной и южной групп сохранились слоговые плавные согласные **р** и **л**. Следует отметить также переход в позиции оглушения согласного **в** не в **ф**, как ожидалось бы и как происходит в современном русском языке, а в **ѣ**-неслоговое в украинском и белорусском языках, в звук **и** в словацком языке. Как можно заметить, переход губного согласного **в** при оглушении происходит опять же в губной звук. Отметим, что согласного **ф** в славянских языках изначально не было.

Укажем также различия в артикуляции согласного **г** (**g**), которые наблюдаются даже в пределах одной группы славянских языков. Так, в восточнославянском ареале русскому взрывному **г**

соответствует в украинском языке **г(h)** придыхательное, однако взрывное **г** встречается в последнем в заимствованных словах. В западнославянских языках также отмечаются различия: так, в польском языке нормативным является произношение согласного **г (g)** как взрывного звука, тогда как в чешском и словацком языках нормой является произношение **г (h)** придыхательного. В последних **g**-взрывной произносится в заимствованных словах. Интересно, что различна артикуляция **g** даже в двух разновидностях серболужицкого языка: в верхнелужицком языке произносят придыхательный **г (h)**, а в нижнелужицком языке взрывной **г (g)**. Во всех южнославянских языках произносится **г**-взрывной. Отметим, что с прежних эпох **г (γ)**-фрикативный как промежуточный этап между взрывной и придыхательной артикуляцией этого согласного сохранился только в литературном белорусском языке, а также в южновеликорусском наречии.

В некоторых славянских языках, в частности, западнославянских чешском и словацком, и сегодня сохраняется долготы/краткость гласных. При этом в словацком языке, который наиболее близок чешскому языку, в отличие от чешского языка, долготы/краткость гласных распространяется даже на слогаобразующие плавные согласные **р** и **л**, выступающие в функции гласных.

Только в литературном русском и белорусском языках установилось аканье как тип предударного вокализма, причем в русском языке аканье выступает только в качестве орфоэпической нормы, тогда как в белорусском языке действует не только аканье, но и яканье в качестве как орфоэпической, так и орфографической норм. Отметим, что с древности в восточнославянском ареале оканье сохранилось только в украинском языке и в северновеликорусском наречии в качестве классификационной особенности последнего.

В ряде славянских языков сохранились результаты палатализации заднеязычных **г**, **к**, **х** в словоизменительных и словооб-

разовательных процессах. Отметим, что это явление наблюдается широко или частично во всех группах славянских языков. В русском же языке это явление полностью утратилось в словоизменении и произошло выравнивание форм в грамматических парадигмах. Однако чередования **г – к – х** с шипящими **ж – ч – ш** в русском языке сохранились в словообразовательных процессах (*круг – кружочек*).

III. В морфологических системах славянских языков сохранились наиболее универсальные категории, характерные для всех славянских языков. Самые фундаментальные категории славянского имени существительного остались неизменными, такова категория рода имен, состоящая из трех компонентов – мужского, женского, среднего рода.

В процессе многовековой эволюции славянских языков появились многочисленные инновации и в морфологических системах имен существительных.

Категория падежа, эта яркая особенность славянских языков, в целом сохранилась в славянском языковом мире, за исключением болгарского и македонского языков: в них она утратилась под влиянием соседствующих балканских (неславянских) языков, в которых категория падежа отсутствует и отношения между именами выражаются посредством предлогов. Отметим, что эта особенность болгарского и македонского языков считается балканизмом.

Деление имен существительных на типы склонения в современных славянских языках происходит на основе грамматического рода, тогда как еще с праславянского периода оно формировалось по древнейшим основам. С усилением роли грамматического рода происходила унификация типов склонения, в результате чего многотипная система склонения в славянских языках со временем перестроилась, например, в русском языке в три склонения, но со многими исключениями, объяснение которым во многих случаях может дать только их историческое коммен-

тирование (например, особое склонение слова *путь*, слов на *-мя* и др.). В других славянских языках в определенной степени сохраняется сложная система типов и подтипов склонения имен существительных, основанных на твердости/мягкости основы, одушевленности/неодушевленности и др. (в польском, чешском, словацком языках). Изменения в системе склонения в славянских языках привели в южнославянских болгарском и македонском языках к утрате падежного склонения, при этом отношения между словами в них осуществляются посредством предлогов.

В сохранившейся падежной системе многих славянских языков утратилась такая падежная форма, как **звательный падеж** (иначе – звательная форма), употреблявшийся при обращении в словах мужского и женского рода только в единственном числе. Звательный падеж изначально представлял собой во всех смыслах особую форму, можно сказать, что это было слабое звено в славянской падежной системе. Со временем звательная форма была вытеснена формой именительного падежа. Однако в некоторых славянских языках и сегодня функционирует звательный падеж: в восточной группе – в украинском языке у большей части существительных, а в белорусском языке только в единичных словах; в западной группе – в чешском, польском, а также в серболужицких языках функционирует как живая форма. Звательный падеж сохранился также в южной группе – в сербском/хорватском языках. Употребляются отдельные, наиболее частотные обращения в застывшей форме звательного падежа даже в болгарском и македонском языках, утративших падежное склонение имен существительных. Звательный падеж полностью утратился в словенском (южнославянском) языке, падежная система которого сегодня является шестичленной.

Категория одушевленности представлена в языках восточнославянской группы – в русском, украинском, белорусском языках. В западнославянском ареале в чешском языке категория одушевленности представлена в единственном числе шире –

также в дательном и местном падежах посредством флексии **-ovi-** в словах мужского рода. В словацком языке в единственном числе категория одушевленности распространена шире: она выражается в родительном, дательном, винительном и местном падежах у имен существительных, а также прилагательных и местоимений. В южнославянской группе категория одушевленности представлена в сербском/хорватском и словенском языках в словах мужского рода в именительном и винительном падежах множественного числа.

В польском языке выступает и **категория личности** для имен, обозначающих лиц мужского пола, она накладывается на категорию одушевленности. Категория личности проявляется и в словацком языке у имен мужского рода во множественном числе, а также в прилагательных и местоимениях.

IV. В подавляющем числе славянских языков в категории числа, включавшей в древности в свои парадигмы единственное, двойственное и множественное числа, утратилось двойственное число, которое в древности было присуще всем изменяющимся частям речи. В данном случае утратился самый слабый член категории числа, характеризовавшийся бедностью системы флексий (всего 3 флексии для всех падежей). Двойственное число сохранилось только в серболужицком языке (западнославянском) и в словенском языке (южнославянском), но уже с некоторыми утратами в парадигме.

V. В сфере глагола отметим наличие и функционирование инфинитива как исходной формы глагола. Инфинитив присутствует в глагольной системе почти всех славянских языков, исключая болгарский и македонский языки, в которых отсутствие инфинитива и является проявлением балканизма, влиянием соседствующих балканских (неславянских) языков, в которых инфинитив отсутствует. В болгарском и македонском языках роль исходного глагольного слова в словарях, т.н. заглавного слова, выполняет форма глагола в первом лице единственного числа

настоящего времени в болгарском языке и форма третьего лица единственного числа также настоящего времени в македонском языке.

VI. Всеобъемлющий характер в славянском глаголе имеет категория вида, охватывающая всю систему глагольных форм славянских языков. Во всех славянских языках способы видообразования в целом совпадают: это перфективация, имперфективация, супплетивизм. Индивидуалии касаются, в основном, конкретной реализации способов видообразования. Так, если в чешском языке при образовании видовых форм частотны префикс **u-**, суффикс **-va-**, то в русском языке, в частности, префикс **y-** в настоящее время не является видообразующим, а глаголы с этим префиксом являются в большинстве своем устаревшими образованиями. Видообразующий суффикс **-va-** не является в той же мере значимым для видообразования в сфере русского глагола, как, например, в чешском языке. В видообразовании интересна категория многократности в чешском языке, которая находит морфологическое выражение в глагольном слове именно благодаря удвоению суффикса **-va-**, отсюда суффикс приобретает вид **-váva-** с долгим гласным в его составе, который также способствует реализации в глаголе значения многократности или долготы. Интересное явление представляет собой супплетивный способ видообразования, который является во всех славянских языках самым слабым, нечастым звеном: он наименее продуктивен и охватывает, в основном, одни и те же старые глаголы в разных славянских языках.

VII. В процессе многовекового раздельного развития славянских языков сложная система форм глагольного времени в целом упрощалась за счет усиления роли глагольного вида. В некоторых южнославянских языках как реликт древнеславянской глагольной системы еще функционируют старые простые формы прошедшего времени – аорист и имперфект, конкретно, в болгарском, македонском, сербском и хорватском языках. В последних

уже употребляются нечасто, полностью утратились в словенском языке. В западнославянском ареале только в лужицких языках (неразвивающихся) сохраняются формы сигматического аориста и имперфекта с некоторыми изменениями в парадигме имперфекта.

Показательно, что почти повсеместно в славянском языковом мире основной глагольной формой прошедшего времени оказался перфект в различных его вариациях. Перфект со связкой или без нее сохранился во всех славянских языках, став в них в одних случаях единственной формой прошедшего времени (без связки – во всех восточнославянских языках), в других случаях – с сохранением связочного глагола полностью или частично, не во всей парадигме (в западнославянских языках), в третьих случаях – с сохранением, помимо полного/неполного перфекта, и других старых форм простого и сложного времени (в некоторых южнославянских языках). Одной из основных причин сохранения в славянских языках в целом в качестве единственной формы прошедшего времени именно перфекта является не только простота образования его форм, но и способность связывать прошедшее с настоящим, т.е. устанавливать связь времен, что вытекало из значения перфекта: он, как известно, обозначал действие, выполненное в прошлом, с результатом в настоящем.

Из старых сложных форм прошедшего времени плюсквамперфект (давнопрошедшее время) еще функционирует в украинском языке. В западнославянском ареале также плюсквамперфект наблюдается в польском и в словацком языках, в последнем он состоит из трех форм, однако употребляется крайне редко. Плюсквамперфект отмечается и в лужицких языках. Эта сложная форма глагольного времени используется также в ряде южнославянских языков: так, плюсквамперфект сохранился в качестве сложной формы прошедшего времени в сербском и хорватском, в болгарском и македонском языках.

Типология ирреальных наклонений также отражает как сходства, так и различия. Четырехкомпонентная парадигма древнеславянского императива (2-3 лицо единственного числа и 1-2 лицо множественного числа) не сохранилась ни в одном из славянских языков. В основном, в славянском языковом мире действует двухкомпонентная парадигма повелительного наклонения – форма 2 лица единственного и множественного чисел, как и в русском языке. Однако в ряде славянских языков еще сохраняется трехкомпонентная система форм императива. Так, в украинском, белорусском, польском, словацком, чешском, словенском языках, помимо форм 2 лица единственного и множественного чисел, функционирует также морфологическая форма 1 лица множественного числа в императиве, т.н. призыв говорящего к совместному действию.

Формы сослагательного наклонения также неодинаковы и демонстрируют этапы эволюции этой сложной глагольной формы в разных славянских языках. Так, в восточнославянском ареале форма сослагательного наклонения представляет собой в современной терминологии глагол в прошедшем времени и уже частицу (не глагол!) *бы*. Та же картина и в южнославянском словенском языке. В то же время в ряде современных славянских языков вспомогательный компонент в кондиционале сохранил свою глагольную парадигму: в одних случаях полностью (в словацком, сербском и хорватском, болгарском языках), в других случаях – неполную парадигму (в чешском языке), а в польском языке это уже частица при причастии на **-1**, осложненная личными окончаниями 1-2 лица в единственном и множественном числах.

Интересную особенность славянского кондиционала можно увидеть в западнославянских языках, в которых он имеет две формы – форму настоящего времени (двухкомпонентную) и форму прошедшего времени (трехкомпонентную). Форма сослагательного наклонения прошедшего времени в этих языках выражает значение абсолютно ирреальной модальности: она обозна-

чает действие, которое могло осуществиться в прошлом при определенных условиях, но так и не осуществилось. Эта форма кондиционала прошедшего времени часто заменяется формой кондиционала настоящего времени, т.е. она является отживающей формой.

VIII. Причастие как глагольная категория присутствует во всех славянских языках. Достаточно активную роль оно играет в восточнославянских языках: в частности, в русском языке активно функционируют действительные и страдательные причастия настоящего и прошедшего времени. Действительные причастия настоящего времени представлены в русском языке исторически церковнославянскими формами с суффиксами **-ущ-** (**-ющ-**), **-ащ-** (**-ящ-**), тогда как в восточнославянских украинском и белорусском языках еще сохраняются древнерусские действительные причастия настоящего времени с суффиксами **-уч-** (**-юч-**), **-ач-** (**-яч-**), это также одна из фонетических закономерностей. В русском же языке собственно древнерусские формы действительного причастия настоящего времени пережили процесс адъективации и соответственно обогатили класс прилагательных. Действительные и страдательные причастия настоящего и прошедшего времени функционируют и в остальных славянских языках. Страдательные причастия настоящего времени сохранились не во всех славянских языках: утратились в чешском, болгарском, словенском языках, но и в русском языке не отличаются употребительностью. В русском языке страдательное причастие прошедшего времени достаточно активно употребляется в полной форме в составе причастного оборота или одиночно. Краткое страдательное причастие широко употребляется в русском предложении в некоторой степени в роли перфекта, выражая результативное значение. Слабо представлены причастия в сербском/хорватском языках, почти не употребляются в лужицких языках.

Деепричастия совершенного/несовершенного видов активно функционируют в восточнославянском и западнославянском

ареалах с неодинаковой степенью употребительности, так, в словацком языке они употребляются очень ограниченно и их нет в лужицких языках. Во многих случаях деепричастия сохраняют древнеславянские суффиксы, кроме болгарских и македонских деепричастий. В целом, деепричастия представляют собой книжную форму.

Во всех славянских языках утратился супин, сохранившись в достаточно нечастых случаях употребления в предложениях только словенского и нижнелужицкого языков.

IX. Во всех славянских языках местоимение является важным элементом предложения и текста. Оно делится в целом на два неравных в количественном отношении разряда: 1. личные и возвратные местоимения, 2. неличные местоимения. Во всех славянских языках со временем указательное местоимение *он – она – оно* заняло позицию личного местоимения 3 лица и поэтому так отличается от личных местоимений 1 и 2 лица, в частности, имеет родовые формы. В кругу личных и возвратных местоимений следует отметить их энклитические формы, которые выполняют функцию текстового элемента. Энклитики в славянских языках на современном этапе употребительны в западнославянских и южнославянских языках. В восточнославянских языках, в частности, в русском языке, энклитические формы личных местоимений встречаются только в диалектном языке. Особая судьба у энклитической формы возвратного местоимения, участвующей в выражении залоговых отношений во всех славянских языках. В русском языке она стала возвратным постфиксом **-ся (-сь)** в глагольном слове. В инославянских языках она функционирует самостоятельно, выражая те же значения и располагаясь в препозиции, постпозиции и дистантно по отношению к глаголу.

X. Имя прилагательное в славянских языках по выражаемому им значению делится на 3 разряда – качественные, относительные, притяжательные, которые характеризуются мужским – женским – средним родом. Качественные прилагательные пред-

ставляют собой достаточно яркую группу, поскольку могут образовывать степени сравнения. В русском языке притяжательные прилагательные на современном этапе употребляются ограниченно: функция выражения принадлежности перешла в целом к форме родительного падежа имени существительного. Притяжательные прилагательные в качестве средства выражения принадлежности сохранились в большей степени в южнославянских языках, активно употребляются в чешском и словацком языках, но малоупотребительны в польском языке. Отметим наличие полных/кратких форм имени прилагательного и различия в их употреблении в целом в восточнославянских и западнославянских языках. Большая часть прилагательных в южнославянских сербском/хорватском языках характеризуется двумя типами склонения – именным и местоименным, причем первые, как и в русском языке, употребляются в предикативной функции, а местоименные прилагательные – в атрибутивной функции.

XI. Эволюция синтаксической системы славянских языков на уровне простого предложения привела в целом к сохранению в наибольшей степени двусоставности, а также к функционированию в неодинаковой степени в разных славянских языках и односоставности. Богатым набором типов односоставных предложений отличается в этом отношении русский язык.

Различны способы выражения посессивности в разных группах славянских языков: русская синтаксическая система в этом отношении во многом отличается от синтаксических систем инославянских языков. В большинстве славянских языков принадлежность на уровне предложения выражается двусоставными конструкциями с глаголом *иметь* в качестве предиката. В русском же языке двусоставные *иметь*-конструкции не являются живой формой, в этом случае им соответствует бесподлежащая, двухкомпонентная конструкция, в которой субъект, которому что-либо принадлежит, выражается формой *y+rod. nad.*

Славянские языки разных групп различаются также способами выражения определенности. Во всем обширном славянском мире только два южнославянских языка являются артикловыми – это болгарский и македонский языки. Функцию выражения определенности при отсутствии артиклей в остальных славянских языках выполняют указательные местоимения. При этом можно констатировать, что корни выражения определенности в разных славянских и не только в славянских языках, а также артикли восходят так или иначе к указательным местоимениям, которые представляют в славянских языках достаточно развитую систему.

В славянских языках широко представлены также отрицательные конструкции. В русском языке функционирует богатая система отрицательных предложений, в частности, интересны предложения с неоднократным отрицанием. Кроме того, в русском синтаксисе широко употребительны бесподлежащие, т.н. двухкомпонентные отрицательные конструкции с формой *y+pod. nad.* В этом фрагменте синтаксиса простого предложения русский язык заметно отличается от других языков славянского мира. Отрицание в языках восточнославянского ареала играет в предложении конструктивную роль, в отличие от отрицательных предложений остальных славянских языков. Эти конструкции в инославянских языках, как правило, двусоставны. В русском же языке отрицательные предложения составляют уникальную разновидность бесподлежащих структур.

В эволюции славянского предложения можно отметить, в целом, поступательное движение, которое привело к изменениям на всех уровнях от сложных форм к простым, что характерно почти для всех славянских языков. Эти изменения, однако, были неодинаковыми для конкретных славянских языков. Фундаментальные языковые категории остались неизменными в славянских языках. Архаичность целого ряда особенностей на всех уровнях в разных славянских языках отражается неодинаково в виде их утраты на отдельных участках славянского языкового мира. Но и в этом

случае сходства между славянскими языками на всех уровнях остаются поразительными, что является ярким доказательством их близкородственности, их появления и развития из одного языка-основы, праславянского языка, наследниками которого они и являются.

Славянские языки в рамках трех групп обладают многими одинаковыми чертами, чему способствовали их происхождение, территориальная компактность проживания народа-носителя языка, идентичность многих языковых черт вследствие однотипных процессов исторического развития. В то же время во всех славянских языках получили развитие индивидуализации, различия, появившиеся в результате их отдельного существования и развития. И это лишний раз доказывает тесную связь между историей народа и историей языка, важную роль в эволюции языка культурологического фактора.

II. Славянские языки восходят к праславянскому языку, выделившемуся из общеиндоевропейского праязыка, поэтому в славянских языках существуют сходства и с другими индоевропейскими неславянскими языками. В этом отношении интересно сопоставление славянских языков с армянским языком, также индоевропейским по своему происхождению. Параллели между славянскими языками и дальнеродственным армянским языком обнаруживаются на разных участках их языковых систем. Приведем некоторые из них. Отметим фонетические особенности, в частности, наличие г-фрикативного в армянском консонантизме, наряду с г-взрывным и г-придыхательным, и сохранение этого согласного звука в славянском языковом мире только в белорусском литературном языке и южновеликорусском наречии восточнославянского ареала.

Немало параллелей наблюдается и в лексике. Таковы некоторые термины родства индоевропейского происхождения: ср. *дочь* (русс.) – *dcera* (чешск.) – *дщеря* (болг.) и *дъщеря* [dustr]

(арм.), также *деверь* (русск.) – *девер* (болг.) – *deveř* (чешск.) и *թայգր* [*tajgr*] (арм.) [Ачарян 1973: 16].

Стоит отметить и такое интересное наблюдение. В чешском и словацком языках употребляются словосочетания *český jazyk*, *slovenský jazyk*, имеющие высокое значение, одновременно можно отметить в обоих западнославянских языках также слова *čeština* и *slovenčina* в более обыденном значении, в частности, в значении «предмет обучения». И в армянском языке также употребительно словосочетание *հայոց լեզու* [*hajoc lezu*], в высоком значении, с одной стороны, и слово *հայերէն* [*hajeren*], с другой стороны, в такой же функции, как и вышеприведенные западнославянские слова *čeština* и *slovenčina*.

Сходные явления обнаруживаются и в морфологии, в частности, в системе падежного склонения имени существительного, в которой отмечаются отдельные сходства: так, некоторые падежные значения в славянских языках и в армянском языке совпадают. Идентичны падеж прямого объекта – винительный падеж, творительный падеж с инструментальным значением, выражение принадлежности формами родительного и дательного падежей в славянских языках и в армянском языке как очень древняя синтаксическая особенность в падежной системе габара – древнеармянского языка.

И в армянском языке в древности категория числа была трехкомпонентна. Некоторые остаточные, сохранившиеся формы двойственного числа, совпадающие с соответствующими славянскими формами, обнаружены и в современном амшенском диалекте армянского языка, что говорит об их древних индоевропейских истоках.

В сфере глагола отметим типологические сходства в сложной системе форм глагольного времени в обоих языках. Со сложными славянскими формами прошедшего времени, которые сохранились в некоторых славянских языках – перфектом и

плюсquamперфектом – полноценно соотносятся формы сложного прошедшего времени перфекта (*վերցրել էմ* [vercrel em]) и давно-прошедшего времени (*վերցրել էի* [vercrel ei]) в современном армянском языке. Сходна роль причастия в образовании сложных глагольных временных форм, в частности, действительного причастия прошедшего времени на -л/-І в славянских языках, с одной стороны, и причастия с тем же исходом -լ/-І в армянском языке: ср. *chodil jsem* (чешск.) и *գնացել էմ* [gnacel em] (арм.). О сходствах сигнализирует и вспомогательный глагол *быть*, сохранивший личную парадигму в формах настоящего времени в ряде славянских языков – чешском, словацком, в определенной степени в польском языке и соотносительный с ним армянский связочный глагол. Сравним парадигму чешского связочного глагола *být*: *jsem – si – je* (ед. число.), *jsme – jste – jsou* (множ. число) и его армянское соответствие в тех же грамматических формах: *էմ* [jem] – *ես* [jes] – *է* [e] (ед. число). Однако заметим, что в этих парадигмах соответствие отражается не во всех звеньях сопоставляемых форм: сопоставимы в достаточной мере лишь отдельные временные формы славянских и армянских связочных глаголов.

Интересные фонетические параллели обнаруживаются в сфере местоимения. Так, в славянских и армянских личных местоимениях бросаются в глаза звуковые соответствия: наличие начального *j* в произношении (русск. *я* [ja] – арм. *ես* [jes]), присутствие носового согласного в личных местоимениях 3 лица (русск. *он* – арм. *նա* [na]), а также в притяжательных местоимениях (русск. *мой* – арм. *մի* [im]) и др.

Просматриваются достаточно убедительные сходства между предложениями с неоднократным отрицанием в ряде славянских языков, в частности, в русском и армянском предложениях соответственно. И в армянском языке употребительны предложения с

иметь-конструкциями, как в большей части инославянских языков.

Соответствия в дальнеродственных славянских языках и в армянском языке рассмотрены достаточно фрагментарно, но и такое рассмотрение красноречиво свидетельствует об их индоевропейских истоках, об их общем «индоевропейском прошлом». И это уже тема отдельного исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Образцы текстов на разных славянских языках⁷

Ниже приводится один и тот же отрывок из книги русского писателя Н. Островского «Как закалялась сталь» почти на всех славянских языках в переводах, написанных, соответственно, как кириллицей, так и латиницей.

Текст на русском языке

Корчагин охватил голову руками и тяжело задумался. Перед его глазами пробежала вся его жизнь, с детства и до последних дней. Хорошо ли, плохо ли он прожил свои двадцать четыре года? Перебирая в памяти год за годом, проверял свою жизнь, как беспристрастный судья, и с глубоким удовлетворением решил, что жизнь прожита не так уж и плохо. Но было и немало ошибок, сделанных по дури, по молодости, а больше по незнанию. Самое же главное – не проспал горячих дней.

Текст на украинском языке

Корчагін охопив голову руками й тяжко замислився. Перед його очима пробігло все його життя, від дитинства й до останніх днів. Чи добре, чи погано прожив він свої двадцять чотири роки? Перебираючи в пам'яті рік за роком, перевіряв своє життя, як безсторонній суддя, і з глибоким задоволенням вирішив, що життя прожито не так уже й погано. Та було чимало й помилок, зроблених здуру, через молодість, а найбільше через необізнаність. Найголовніше ж – не проспав гарячих днів.

Текст на белорусском языке

Карчагін абхапіў галаву рукамі і цяжка задумаўся. Перад яго вачыма прабягала ўсё яго жыццё, з маленства і да апошніх дзён.

---

⁷ Тексты даны по книге Н.А. Кондрашова «Славянские языки». Москва, 1955.

Ці добра, ці дрэнна пражыў ён свае дваццаць чатыры гады? Перабіраючы ў памяці год за годам, правяраў сваё жыццё, як бесстаронні суддзя, і з глыбокім задаваленнем вырашыў, што жыццё пражыта не так ужо дрэнна. Але было нямала і памылак, зробленых па дурасці. Самае-ж галоўнае – не праспаў гарачых дзён.

Текст на болгарском языке

Корчагин хва́на глава́та си с ръце́ и те́жко се заму́сли. Пред о́чите му премина́ целия́т му живо́т, от дете́нство и до послéдни дни. Добре́ ли, зле́ ли преживе́ той два́йсет и че́тири годíни? Катò прехвъря́ше в паметта́ си годíна след годíна, проверява́йки живо́та си катò безпристра́стен съдия́, решú с удовлетворéност, че е приживя́л живо́та си не толкóва ло́шо. Но úмаше и не ма́лко грéшки, вършени от глúпост, поради́ глупостта́ му, а на́й-мно́го по незна́ние. А на́й-гла́вното, не проспá пла́менните дни.

Текст на сербском языке

Корчагин обухватí гла́ву ру́кама и те́шко се за́мисли. Пред о́чима му је пролéтео цеò не́гов жи́вот од дете́нства па до послéдних да́на. Да́ ли је ле́по ùли рђаво прожúвео свòје два́десет че́тири го́дине? Прèтрéсао је, се́ћајући се го́дине́ за го́дином, проверáвао свòј жи́вот као непрúстрасну́ сýдија и са дубокúм је задово́љством ре́шио да ну́је та́ко рђаво прожúвео жи́вот. А́ли је бúло до́ста и грéшакá ко́је је учúнио из глúпости, због мла́дости, а прè свèга из незна́ња. Штò је на́јва́жније, ну́је преспáвао ва́тренè да́не.

Текст на хорватском языке

Korčagin obuhvatí glávu rukama i teško se zamysli. Pred očima mu je polétio cijèlī njegov život od djètnjstva pa do poslèdnjīh dàna. Dà li je lijepo ìli lòšè proživio svòje dvádeset četiri gòdinè? Prètrésaó

je, sjěćajūci se gòdinē za gòdinōm, provjerávo svôj život kào nepristranī súdac i s dúbokīm je zadovóljstvom rijěšio da nīje táko lōšē prožívio život. Āli je bilo dōsta i grěšākā kōjē je učinio iz glúposti, zbōg mládosti, a prije svěga iz neznánja. Štò je nájvažnijē, nīje prespávo vätrenē dānē.

Текст на польском языке

Korczagin objął głowę rękoma i głęboko się zamyślił. Zaczął rozpamiętywać całe swoje życie, począwszy od dzieciństwa aż po ostatnie dni. Jak przeżył te dwadzieścia cztery lata, dobrze czy źle? Przebiegając pamięcią rok po roku, badał swoje życie jak bezstronny sędzia i z głęboką satysfakcją doszedł do wniosku, że nie tak znów źle je przeżył. Lecz znalazł też niemało błędów, popełnionych ze zbytku fantazji, wskutek młodego wieku, a najczęściej z braku wiedzy. Co najważniejsze, nie przespał gorących dni.

Текст на чешском языке

Korčagin složil hlavu do dlaní a hluboce se zamyslil. Před očima mu plynul celý život, od dětství až do posledních dnů. Prožil dobře nebo špatně svých čtyřadvacet let? Probíral v paměti rok za rokem, prověřoval svůj život jako nestranný soudce a s dobrým svědomím si přiznal, že neprožil život tak špatně. Ovšem, bylo v něm i nemálo omylů, učiněných z hlouposti, z nezkušenosti a nejvíce z nevědomosti. Hlavně však, že neprospal dny varu.

Текст на словацком языке

Korčagin si podoprel hlavu rukami a hlboko sa zamyslel. Pred očami mu prebehol celý život, od malička až do posledných dní. Dobré, a či zle prežil svojich dvadsaťštyri rokov? Preberal v pamäti rok za rokom, skúmal svoj život ako nestranný sudca a s hlbokým uspokojením zistil, že život neprežil najhoršie. Ale bolo v ňom aj hodne chýb, ktorých sa dopustil z hlúposti, pre svoju mladosť a najviac z nevedomosti. Ale čo je najhlavnejšie – neprospal búrlivé dni.

Текст на словенском языке

Korčagin sê jê prijél za glávo in sê pogréznil v têžke míslí. Vsê njegôvo življênje ôd otroških lét dô zâdnjih dní mu jê v náglíh slíkâh vstájalo prêd ôčmi. Ali jê bil dôbro prežível svôjih štíri in dvájset lét, áli jih jê bil slábo prežível? Kó jê v míslíh téhtal léto za létom in prevérjal svôje življênje kot nêpristranski sodník, jê z globôkim zadoščênjem spoznál, da práv za práv ni živél kdó vé kakó slabó. Rés jê bílo nemálo túdi napák, storjênih iz nespámeti, iz mladósti, najvêčkrat pa iz nevédnosti. Ali, in tó jê bílo poglavítno – vróčih dní ní bíl prespál.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2
Темы, задания и вопросы
для обсуждения и самоконтроля

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
СЛАВЯНСКИЙ МИР

1. Прочитайте в Интернете материалы о классификации индоевропейских народов, о территориях их расселения. Назовите индоевропейские неславянские языки и группы этих языков.

2. Укажите все славянские государства и их столицы. Отметьте, с какими странами граничат славянские государства. Об одном из них напишите реферат. Пользуйтесь материалами Интернета.

3. Укажите, по какому принципу группируются славянские языки. Чем объясняется близкородственность славянских языков? Составьте схему распространения славянских языков.

4. Дайте определение понятия '*концепт культуры*'. Определите связь между языком и культурой. Укажите место фразеологизмов в культуре народа.

5. Конфессии и их роль в жизни славянских народов. Отметьте конфессиональные различия между славянскими народами. Чем они вызваны? Объясните их воздействие на культуру и язык славянских народов.

6. Подготовьте доклад о роли старославянского языка в истории языков славянского мира.

7. Сопоставьте праславянский и старославянский языки, укажите в них сходства и различия. Дайте объяснение понятию '*церковнославянский язык*'.

8. Чем объясняется наличие двух алфавитов в славянских странах? Найдите отличительные черты в обоих алфавитах у разных славянских народов. Чем объясняются различия в рамках одного алфавита у разных славянских народов?

9. Напишите реферат об одной из славянских стран: о ее территории, городах, культуре, языке.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Какие терминологические группы слов в славянских языках являются наиболее древними? Укажите некоторые из них.

2. Из словарей разных славянских языков выпишите слова одной тематической группы. Найдите сходства и различия.

3. Укажите современные одинаковые заимствования в разных славянских языках. Чем они обусловлены?

4. Выпишите одни и те же термины родства из словарей трех любых славянских языков, найдите сходства и различия.

5. Укажите особенности календарной лексики в разных славянских языках трех групп. Отметьте сходства и различия. Чем они обусловлены?

6. Назовите наиболее отличительные фонетические особенности славянских языков трех групп. Выпишите примеры из соответствующих словарей.

7. Найдите в словарях сходные слова из разных славянских языков, отражающие фонетические закономерности. Укажите различия между ними. Выпишите из словарей 2-3 слова из разных славянских языков с какой-либо одной и той же фонетической закономерностью.

8. Чем объясняется наибольшая близость между восточнославянскими и южнославянскими языками в лексике и фонетических единицах? Как это связано с историей народов-носителей этих языков?

9. Найдите в словарях сходные единицы паремий в разных славянских языках. Проанализируйте их лексический и звуковой состав. Найдите сходства и различия.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ ТИПОЛОГИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Имя существительное в славянских языках

1. Грамматические категории имени существительного в славянских языках. Сходства и различия между ними. Подготовьте сообщение на эту тему.

2. Балканизмы, отраженные в имени существительном некоторых южнославянских языков. На этом материале покажите, как проявляется в языке историческая судьба народа-носителя языка.

3. Сравните имя существительное в славянских языках и в армянском языке. Выделите в них грамматические категории.

4. Определите сходства и различия в имени существительном в славянских языках, в армянском и английском языках. Приведите соответствующие примеры.

5. Падежная система в славянских языках. Звательный падеж в ней и его особенности. В каких славянских языках сохранился звательный падеж?

6. Категория числа в славянских языках. Подготовьте реферат на тему *‘Двойственное число в славянских языках’*.

7. Категория одушевленности в разных славянских языках. Сопоставьте с соответствующей категорией армянского языка.

8. Типы склонения в славянских языках. Сходства и различия между ними.

2. Глагол в славянских языках

1. Характерная особенность славянского глагола в отличие от глагола в индоевропейских неславянских языках.

2. Чем вызвано отсутствие инфинитива в южнославянских болгарском и македонском языках? Какая глагольная форма является исходной в их глагольных системах?

3. С помощью каких средств реализуется категория вида в разных славянских языках?

4. Система глагольных форм времени в разных славянских языках, сходства и различия.

5. Объясните существование в русском языке параллельных форм слов типа *стоячий – стоящий, лежащий – лежащий*. Чем вызвано их функционирование именно в русском языке? Подготовьте сообщение на эту тему.

6. Сравните употребление причастия в трех группах славянских языков. Определите роль краткого страдательного причастия прошедшего времени в современном русском языке.

7. Сопоставьте формы прошедшего времени в современных славянских языках и в армянском языке. Организуйте обсуждение этого вопроса в рамках Круглого стола.

8. Прочитайте в Интернете материалы о супине, существовавшем в древности в индоевропейских языках. В каких языках славянского мира супин сохранился? Укажите следы супина в современном русском языке.

3. Местоимение и прилагательное в славянских языках

1. Совпадают ли разряды местоимений в разных славянских языках?

2. Укажите супплетивизм в падежных парадигмах личных местоимений в современном русском языке. Сравните с падежной парадигмой личных местоимений в армянском языке.

3. Какую роль играют славянские личные местоимения в предложении и тексте?

4. Энклитические формы личных местоимений в современных славянских языках и их роль в предложении и тексте.

5. Возвратное местоимение, его морфологические характеристики, роль энклитических форм возвратного местоимения в предложении и тексте в разных славянских языках.

6. Указательные местоимения и их роль в предложении в разных славянских языках.

7. Выпишите из словарей разных славянских языков указательные местоимения, сопоставьте их. Найдите сходства и различия.

8. Артиклевые языки в славянском мире, их особенности. Какова этимология артиклей в болгарском и македонском языках? Укажите соответствия артиклям болгарского и македонского языков в других славянских языках.

9. Способы образования степеней сравнения в славянских языках. Совпадают ли они во всех славянских языках?

10. Укажите синтаксическую роль прилагательных в тексте в разных славянских языках.

11. Какие сходства и различия в сфере имени прилагательного можно заметить в языках славянского мира и в армянском языке?

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТИПОЛОГИЯ НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ И СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Сравните односоставные синтаксические структуры в русском языке и в инославянских языках. Выделите их характерные особенности. Отметьте сходства и различия.

2. Простое предложение в славянских языках разных групп, предикативная основа и ее особенности. Двусоставные предложения в славянских и армянском языках, сходства и различия между ними.

3. Глагол *иметь* в качестве предиката в предложениях инославянских языков. Сопоставьте с соответствующими конструкциями русского языка. Отметьте сходства и различия славянских предложений с предикатом *иметь* с аналогичными предложениями армянского и английского языков.

4. Особенности выражения посессивности в разных славянских языках. Подготовьте реферат на эту тему.

5. Синтаксические структуры с одинарным и двойным отрицанием в славянском языковом мире, сходства и различия. Сопоставьте их с аналогичными структурами армянского языка.

6. Укажите средства выражения определенности в разных славянских языках.

7. Определенный артикль в болгарском и македонском языках. Сопоставьте с определенным артиклем армянского языка. Подготовьте доклад на тему «Артикли в индоевропейских языках – славянских, армянском, английском».

8. Напишите реферат об одном из славянских языков в сравнительном рассмотрении (выберите какой-либо аспект, касающийся типологии славянских языков).

ЛИТЕРАТУРА

Аверина С.А. и др. Старославянский язык. Учебник для высших учебных заведений РФ / Под ред. У.Г. Макухиной. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.

Аванесов Р.И. Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. V съезд славистов. М., 1963.

Аванесов Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Известия АН СССР, ОЛЯ – Т. VI, вып. III, 1947.

Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. Изд-во «Наука», Москва, 1976.

Андросюк Н.В. О двувидовых глаголах в русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность. Междунар. Конгресс. Труды и материалы. М., 2004.

Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991.

Ачарян Гр. Полная грамматика армянского языка (на арм. языке), Ер., изд-во АН, 1976.

Баграмян В.С. Остатки двойственного числа в армянских диалектах//Историко-культурологический журнал, Ереван, 1, 1960 (на арм. языке).

Басова Г.Д. и др. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков. Киев, Наукова думка, 2003.

Белошапкова В.А. и др. Современный русский язык. Изд-во «Высшая школа», 1981.

Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., Наука, 1974.

Борковский В.И. Отрицательные предложения // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. Изд-во «Наука», Москва, 1978.

Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков. Наука, М., 1984.

Васильева В.Ф. Чешский язык. Изд-во «Дикси Пресс», Москва, 2014.

Верижникова Е.В. Морфема **по-** как носитель значения компаративности в македонском языке // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте. Москва, 1999.

Гак В.Г. Сопоставительная стилистика русского и французского языков. М., 1980.

Гиро-Вебер М. Классификация простого предложения и ее последствия для типологии языков (на рус.яз.) // *Revue des Etudes Slavies*, 1978.

Градинарова А.А. Очерки по сопоставительному синтаксису болгарского и русского языков. «София», Изток – Запад, 2017.

Гудков Д.К. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., Гнозис, 2003.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.

Гумбольдт В. фон. О двойственном числе. 1827.

Дуличенко А.Д. Южнославянские языки. Словенский язык // Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005.

Ермакова М.И., Недолужко А.Ю. Серболужицкий язык//Славянские языки. М.: Academia, 2005.

Енч Г, Недолужко А.Ю, Скорвид С.С. Серболужицкий язык. PDF.

Жовтобрюх М.А., Молдован А.М. Восточнославянские языки. Украинский язык // Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005.

Зализняк А. Синтаксическая деривация в значении русской приставки **у-** // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. Труды и материалы. МГУ, 2001.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. «Наука», М., 1973.

Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983.

Иванова Т.А. К вопросу о соотношении употребительности посессивных конструкций в современных славянских языках // Вопросы филологии. Л. 1976. Вып. 5.

Иллич-Свитыч В.М. Краткий грамматический справочник македонского языка // Македонско-русский речник. Гос.изд-во иностранных и национальных словарей, Москва – 1963.

Иорданиди С.И. К проблеме категории определенности в истории русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный Конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. Изд-во Моск. университета, 2001.

Иорданиди С.И. Из наблюдений над употреблением постпозитивного *-т* в русском языке XVII века // Исследования по исторической морфологии русского языка. М., Наука, 1978.

Кабанова С.А. О типологии сказуемого в славянских языках // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Вып. 1, 2011.

Касаткина Р.Ф. Еще раз о статусе изменяемой частицы *-то* в русских говорах // Исследования по русской диалектологии – М.: РАН, 2008.

Категория посессивности в славянских и балканских языках. Отв. редактор **Вяч.Вс. Иванов.** Наука, М., 1989.

Кибрик А.Е. Иерархии именных групп в свете русских конструкций с внешним посессором // Четвертая типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Москва – 2005.

Классовский М.В. Нерешенные вопросы в грамматике. СПб, 1870.

Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.

Кондрашов Н.А. Славянские языки. Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР. Москва, 1955.

Кондрашов Н.А. Славянские языки. Учебное пособие, 3 издание, переработанное и дополненное. М.: Просвещение, 1986.

Кротова В.Н., Собинникова В.И. Историческое комментирование фонетики и грамматики русского языка. Учебное пособие. Воронеж. Изд-во Воронежского университета, 1987.

Кречмер А.Г., Невекловский Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) // Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005.

Ларин Б.А. Грамматика Генриха Лудольфа. М.-Л., 1937.

Леков Ив. Общность и многообразие в грамматических строях на славянских языках. София, 1958.

Лер-Сплавинский Т. Польский язык. М., Изд-во иностранной литературы, 1954.

Лифанов К.В. Морфология словацкого языка. Филологический факультет МГУ, 1999.

Ломтев Т.П. Сравнительная грамматика восточнославянских языков. М., 1961.

Манучарян И.К. Исторический комментарий к явлениям современного русского языка // Актуальные проблемы русского языкознания. Изд-во Ереванского университета, Ереван – 2004.

Манучарян И.К. О некоторых особенностях межъязыковой типологии (на материале русского, чешского, армянского языков) // Четвертая типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Москва, 2005.

Манучарян И.К. Очерки по типологии русского и чешского языков (синхронное и диахронное описание). Монография. Изд-во Ереванского университета, Ереван, 2006.

Манучарян И.К. Односоставность в синтаксисе старославянских текстов. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию ЕГУ. Ереван – 2009.

Манучарян И.К. Глагольные предикаты в старославянских текстах// Лингвистические исследования. Сборник статей. Выпуск 2, Ереван – 2009.

Манучарян И.К. Типология глагольного вида в славянских языках (на материале русского и чешского языков) // Նշան, հս-մակարգ, հաղորդակցում; Հոդվածների ժողովածու նվիրված Էդվարդ Աթաշյանի հիշատակին: Եր.: ԵՂՀ հրատ., 2011.

Манучарян И.К. Введение в славянскую филологию. Учебное пособие. Ереван, изд-во ЕГУ, 2011.

Манучарян И.К. Славянское местоимение в синхронии и диахронии. Stephanos, <http://www.stephanos.ru/index.php?entry=2>, p.72-78. Электронный журнал, 2014, №5.

Манучарян И.К. Лексическая типология славянских языков// Вестник РУДН, №1, 2015.

Манучарян И.К. Ирреальность в грамматических системах славянских языков в синхронии и диахронии. «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры», XIII Конгресс МАПРЯЛ, Гранада, Испания, 2015.

Манучарян И.К. Супин в древнерусском языке и его историческая судьба // Проблемы современной филологии. Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию Манука Абегамяна. Ереван, 2015.

Манучарян И.К. Сопоставительно-типологический анализ предложений со значением посессивности в русском, чешском и армянском языках // Научно-информационный Центр «Знание», Харьков, 2017.

Манучарян И.К. Типология терминов родства в славянских языках в синхронии и диахронии // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике. Сборник научных статей. Изд-во РАУ, Ереван – 2018.

Манучарян И.К. Категория определенности в славянских языках в синхронии и диахронии // Русистика в XXI веке: тенден-

ции и направления развития. Международная научная конференция. Сборник статей. Изд-во ЕГУ, 2019.

Манучарян И.К. Древнеславянский перфект и его историческая судьба // Славянский сборник: язык, литература, культура. Москва – 2019.

Маркарян А.С. Падежи в армянском языке (на арм. яз.). Ереван, 2000.

Маслов Ю.С. Болгарский язык // Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005.

Маслова В.А. Лингвокультурология – Издательский центр «Академия», 2004.

Мейе А. Общеславянский язык. – М.: 1951.

Меркулова И.А. Проблемы сопоставительного изучения лексики славянских языков // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014, № 1.

Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение // Языки славянской культуры. Москва, 2013.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Плотникова О.С. Словенский язык. М., Изд-во МГУ, 1990.

Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. Москва, 2011.

Плунгян В.А., Урманчиева А.Ю. Перфект в старославянском: был ли он результативным?// Диахронически нестабильные аспектуальные категории. Slověne, 2017.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3, М., 1958.

Рахилина Е.В., Резникова Т.С. О работе Московской лексико-типологической группы // Проблемы лексико-семантической типологии. Вып. 1. ВГУ, 2011.

Ремнева М.Л. История русского литературного языка. Изд-во «Филология», Москва, 1995.

Ремнева М.Л. Старославянский язык. Изд-во МГУ, М., Академический проект, 2004.

РГ – Русская грамматика. Т. I – II, «Наука». Москва, 1980.

Русская диалектология. Под ред. П.С.Кузнецова. Высшая школа, Москва, 1973.

Рылов С.А. Сопоставительная славянская синтактология – научное достижение бременской славистики // Opera Slavica XXVII/2017.

Селищев А.М. Славянское языкознание. Т. 1, М., 1941.

Скорвид С.С. Чешский язык // Языки мира. Славянские языки. М.: Academia.

Смирнов Л.Н. Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.

Собинникова В.И. Введение в славянскую филологию. Воронеж. Изд-во Воронежского университета, 1979.

Стеценко А.И. Исторический синтаксис русского языка. Москва, 1972.

Супрун А.Е. Лексическая типология славянских языков. Минск, 1980.

Супрун А.Е. Праславянский язык // Выбранные працы. Праславянский язык. Церковнославянский язык. Минск: Права і эканоміка, 2013.

Тихомирова Т.С. Польский язык. Изд-во Московского университета, 1978.

Тэйлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989.

Усикова Р.П. Типологические характеристики македонского литературного языка // Язык. Сознание. Коммуникация. Выпуск 30. Макс Пресс, Москва – 2005.

Усикова Р.П. Македонский язык // Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005.

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., Наука, 1962.

Хабургаев Г.А. Старославянский язык. Москва. Просвещение, 1986.

Ходова К.И. Простое предложение в старославянском языке. Наука, М., 1980.

Ходова К.И. Языковое родство славянских народов. Учпедгиз, М., 1960.

Цейглин Р.М. Лексика славянских языков X-XI – XIV-XV вв. (результат сопоставительного исследования) // Славянское языкознание. X. Межд. съезд славистов. М., Наука, 1990.

Чеснокова Е.Н. Значения и формы прошедшего времени в современном сербском языке// Филологические науки, № 7, 2016.

Широкова А.Г. Чешский язык. Изд-во литературы на иностранных языках. М., 1961.

Широкова А.Г. Краткий очерк грамматики чешского языка//Чешско-русский словарь. Москва, издательство «Русский язык», 1976.

Havránek Bohuslav – Jedlicka Alois. Česká mluvnice. Praha, 1981.

Mathesius Problémy české kultury jazykovú. Praha, 1947.

Swan M. Practical English Usage. Oxford University Press, 1990.

СЛОВАРИ

Белорусско-русский словарь. Gufо.me

Болгарско-русский словарь. Составила М.А.Леонидова. Госуд. изд-во иностранных и национальных словарей. Москва – 1962.

Карманный сербско-хорватско-русский словарь. 10000 слов. В.П. Гудков, М., Изд. Русский язык. 1985.

Македонско-русский словарь. Составили Д.Головски и В.М.Иллич-Свитыч. Госуд. изд-во иностранных и национальных словарей. Москва – 1963.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Москва: Русский язык, 1978.

Польско-русский и русско-польский словарь. Г.В. Ковалева, 2010.

Словарь русского языка в 4 томах. Под ред. А.П. Евгеньевой. М. Русский язык, 1981.

Словацко-русский и русско-словацкий словарь. Составили Д.Коллар и др. Изд-во «Советская энциклопедия». Москва – 1971.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Репринтное издание. Москва, 1989.

Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь. Киев – 1971.

Українсько-російський словник. Под ред. В.С.Ильина. Изд-во «Наукова думка», Київ 1971.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах – М.: Прогресс, 1986.

Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И.Молоткова. Изд-во «Советская энциклопедия», Москва – 1967.

Чешско-русский словарь. В двух томах. Под ред. Л.В.Копецкого и Й.Филиппа. Москва – Изд-во «Русский язык», Прага – гос. пед. изд-во – 1976.

Армянско-русский словарь. Под ред. Е.Г.Галстян. Изд-во Академии наук АрмССР, Ереван, 1984.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

англ.	- английский	напр.	- например
арм.	- армянский	нем.	- немецкий
белор.	- белорусский	неслог.	- неслоговой
болг.	- болгарский	польск.	- польский
букв.	- буквально	прасл.	- праславянский
в.в.	- века	редуц.	- редуцированный
в/луж.	- верхнелужицкий	русск.	- русский
вост/сл.	-	сербск.	- сербский
восточнославянский		слав.	- славянский
готск.	- готский	словацк.	- словацкий
диал.	- диалектный	словенск.	- словенский
др/инд.	- древнеиндийский	совр.	- современный
др/р.	- древнерусский	ср.	- сравни
др.-верх.-герм.	- древне- верхне-германский	срб./хрв.	-
зап/сл.	-	сербский/хорватский	
западнославянский		ст./сл.	- старославянский
и др.	- и другие	т.е.	- то есть
инд./евр.	- индоевропейский	т.н.	- так называемый
ирл.	- ирландский	укр.	- украинский
ит.	- итальянский	хорв.	- хорватский
кашубск.	- кашубский	церк/сл.	-
лат.	- латинский	церковнославянский	
лит.	- литовский	цит.	- цитируется
макед.	- македонский	чешск.	- чешский
млн	- миллион	эпент.	- эпентетический, вставочный
н/луж.	- нижнелужицкий	южн/сл.	- южнославянский

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ	
СЛАВЯНСКИЙ МИР	5
ГЛАВА 1.1.	
СОВРЕМЕННЫЕ СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ	5
ГЛАВА 1.2.	
СЛАВЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА.....	9
ГЛАВА 1.3.	
КЛАССИФИКАЦИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ.....	17
ГЛАВА 1.4.	
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ	28
ГЛАВА 1.5.	
ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК.....	35
ГЛАВА 1.6.	
СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК.....	47
ГЛАВА 1.7.	
СИСТЕМЫ ПИСЬМА В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ.	
БУКВЫ И ЗВУКИ	53
ВЫВОДЫ	63
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ	
ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ	
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ	65
ГЛАВА 2.1.	
ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ	65
ГЛАВА 2.2.	
ТИПОЛОГИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ	
ЯЗЫКОВ.....	86
ГЛАВА 2.3.	
ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ХАРАКТЕРНЫЕ ДЛЯ	
РАЗНЫХ ГРУПП СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ.....	88
ГЛАВА 2.4.	
ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ	93

ГЛАВА 2.5.	
ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ.....	107
ГЛАВА 2.6.	
ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ.....	119
ВЫВОДЫ	130
РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ	
ТИПОЛОГИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ	138
ГЛАВА 3.1.	
ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ.....	138
ГЛАВА 3.2.	
ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	145
ГЛАВА 3.3.	
ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	154
ГЛАВА 3.4.	
ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	172
ВЫВОДЫ	185
ГЛАВА 3.5.	
ГЛАГОЛ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ.....	188
ГЛАВА 3.6.	
ГЛАГОЛ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ.....	189
ГЛАВА 3.7.	
ГЛАГОЛ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	212
ГЛАВА 3.8.	
ГЛАГОЛ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	238
ВЫВОДЫ	265
ГЛАВА 3.9.	
ТИПОЛОГИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	269
ВЫВОДЫ	277

ГЛАВА 3.10.	
ТИПОЛОГИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В	
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	279
ВЫВОДЫ	290
РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ	
ТИПОЛОГИЯ НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ И	
СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В	
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	291
ГЛАВА 4.1.	
ДВУСОСТАВНЫЕ СТРУКТУРЫ ПРОСТОГО	
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	291
ГЛАВА 4.2.	
ОДНОСОСТАВНОСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	
В СИНТАКСИСЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ	294
ГЛАВА 4.3.	
ПОСЕССИВНОСТЬ И ЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ В СЛАВЯНСКИХ	
ЯЗЫКАХ	301
ГЛАВА 4.4.	
КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СЛАВЯНСКИХ	
ЯЗЫКАХ	308
ГЛАВА 4.5.	
ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ	
ЯЗЫКАХ	316
ВЫВОДЫ	323
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	325
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1	344
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2	348
ЛИТЕРАТУРА	354

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИВЕТТА КАРАПЕТОВНА МАНУЧАРЯН

**ТИПОЛОГИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

Компьютерная верстка К. Чалабян
Редактор А. Хизанцян
Дизайн обложки А. Патваканяна

Типография ООО «ВАРМ»
Ереван, ул. Тиграна Меца, 48, кв. 43

Подписано к печати 17.05.2021.
Формат 60x84¹/₁₆. Тип. печ 22.875.
Тираж 100.

Издательство ЕГУ
Ереван, 0025, Ал. Манукяна 1
www.publishing.y-su.am

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕРЕВАН 2021
publishing.ysu.am